Министерство культуры РСФСР

Государственная
ордена Трудового Красного Знамени
Публичная библиотека
им. М. Е. Салтыкова-Щедрина

ПОМЕТЫ Г. В. ПЛЕХАНОВА НА КНИГАХ ЕГО БИБЛИОТЕКИ

ВЫП. 2

ПОМЕТЫ НА КНИГАХ ПО ИСТОРИИ ФИЛОСОФИИ
И ОБЩЕСТВЕННОЙ МЫСЛИ РОССИИ

Министерство культуры РСФСР

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ПУБЛИЧНАЯ БИБЛИОТЕКА им. М.Е. САЛТЫКОВА-ЩЕДРИНА

Для служебного пользования
Экз. № 000222

ПОМЕТЫ Г.В.ПЛЕХАНОВА НА КНИГАХ ЕГО БИБЛИОТЕКИ

Вып.II

Замечания и пометки
на изданиях произведений
русских революционных демократов

Ленинград
1964

Для Плеханова
Л53453

Редакционная коллегия: С.С.Волк, И.Н.Курбатова, Е.С.Мелентьев, Л.А.Плотников

Составители: Т.А.Аркушенко, Н.Е.Асеева, О.И.Коутаи, И.Н.Курбатова, А.В.Сиротова

Научный редактор выпуска: Е.С.Мелентьев

Редактор: В.П.Афанасьев

© Государственная Публичная библиотека им. М.Е.Салтыкова-Щедрина, 1984 г.

Подписано к печати 03.12.84 Формат 60x84/16 Бум. множительная
Уч.-изд.л. 20 Печ.л. 28 Тираж 300 экз. Заказ 321
Бесплатно

Государственная Публичная библиотека им.М.Е.Салтыкова-Щедрина
Редакционно-издательский отдел, ОП. 191069, Ленинград, Садовая ул., 18.

ГОС. ПУБЛИЧНАЯ БИБЛИОТЕКА Ленинград ИФ РК 2219/1

ФРАГМЕНТЫ

ПРОИЗВЕДЕНИЙ В.Г.БЕЛИНСКОГО, А.И.ГЕРЦЕНА, Н.А.ДОБРОЛЮБОВА, Д.И.ПИСАРЕВА, Н.Г.ЧЕРНЫШЕВСКОГО И ОТНОСЯЩИЕСЯ К НИМ ПОМЕТЫ Г.В.ПЛЕХАНОВА

ПРЕДИСЛОВИЕ

Настоящий - второй - выпуск публикации "Пометы Г.В.Плеханова на книгах его библиотеки"[1] включает в себя замечания и пометки Плеханова на изданиях произведений русских революционных демократов, а также на изданиях работ ряда авторов конца XIX - начала XX в., специально посвященных анализу их мировоззрения. В библиотеке Плеханова, хранящейся в Доме Плеханова (который является составной частью Отдела рукописей и редких книг ГПБ), эти книги принадлежат к числу наиболее ценных, наиболее спрашиваемых читателями. Научное значение этих изданий в том, что они хранят многочисленные заметки и другие следы чтения своего владельца.

Плеханов был первым ученым, который с марксистских позиций исследовал историю философии и общественной мысли России. Здесь, как и по многих других вопросах, он был пионером, шел по неизведанной дороге, атакуемый со всех сторон идейными противниками. При этом Плеханов, будучи марксистом, должен был не только показать значение наследия русских революционных демократов, но и вскрыть историческую ограниченность их мировоззрения, отличие его от теории научного социализма К.Маркса и Ф.Энгельса. Но даже тогда, когда Плеханов критиковал революционных демократов с позиций марксизма, он оставался их учеником, глубоко уважающим и любящим их за вклад в развитие передовой общественной мысли России и всего мира, за высокий моральный подвиг, который каждый из них совершил.

С первых же шагов деятельности группы "Освобождение труда" Плеханов пытался осмыслить идейное наследие революционных демократов для использования его в целях распространения марксизма в России. Уже в "[illegible] разногласиях", вышедших в начале 1885 г., Плеханов при рассмотрении взглядов идеологов народничества писал о воззрениях А.И.Герце-

---

[1] Первый выпуск вышел в 1963 г. - Пометы Г.В.Плеханова на книгах его библиотеки. Вып. I: Замечания и пометки на изданиях произведений К.Маркса, Ф.Энгельса, В.И.Ленина /ГПБ. - Л.; 1963. - 358 с.

ия к Н.Г.Чернышевского[2]. Но специально этими вопросами он занялся в 1890-1892 гг., когда для первого русского марксистского журнала "Социал-демократ" он написал четыре статьи о Н.Г.Чернышевском, переведенные вскоре на немецкий язык и опубликованные сначала в теоретическом журнале социал-демократической партии Германии "Die Neue Zeit", а в 1894 г. выпущенные отдельной книгой на немецком языке с дополнениями и введением автора. С тех пор Плеханов неоднократно обращался к изучению наследия русских революционных демократов. Его книги, брошюры, статьи на эти темы хронологически группируются таким образом: 1890-1899 гг. - работы о Н.Г.Чернышевском и В.Г.Белинском; 1909-1912 гг - работы о Н.Г.Чернышевском (переработанные и дополненные старые статьи вышли в 1909 г. - на обложке стоит 1910 г. - в Петербурге в виде монографии), а также о Р.Г.Белинском и А.И.Герцене - в связи со столетними юбилеями со дня их рождения. О Н.А.Добролюбове у Плеханова имеется только одна статья - "Добролюбов и Островский". О Д.И.Писареве Плеханов специально не писал, но во многих своих произведениях рассматривал его взгляды[3].

В работах Плеханова о русских революционных демократах не все исследовано одинаково глубоко, не все равноценно, имеются и спорные места, и противоречия, и существенные ошибки, особенно в произведениях, написанных после 1909 г., когда Плеханов стоял на позициях меньшевизма. Наиболее существенные недостатки этих работ Плеханова - преувеличение влияния Л.Фейербаха на русских революционных демократов, непонимание революционного демократизма, который играл главную роль в их мировоззрении, а не утопический социализм, как это постоянно подчеркивал Плеханов. Необходимо, однако, отметить, что произведения 1908-1912 гг. относятся к тому периоду в деятельности Плеханова, когда он вместе с большевиками боролся против меньшевиков-ликвидаторов, против отзовистов и богостроителей за сохранение марксистской партии рабочего класса России, против влияния буржуазных и мелкобуржуазных идей на пролетарскую идеологию.

---

[2] Плеханов Г.В. Избр. филос. произведения, т. I, М., 1956, с. 115, 118, 136, 153, 158, 173-174, 201, 301, 352, 355.

[3] Подробнее об этих произведениях будет сказано в Примечаниях.

О вкладе Плеханова в изучение идейно-теоретического наследия русских революционных демократов существует специальная литература[4].

Материалы архива и библиотеки Плеханова по этим вопросам частично уже опубликованы[5]. Однако публикуемое в настоящем выпуске Полного собрания сочинений Плеханова вводит в научный оборот значительное количество новых данных, позволяющих расширить и углубить представление о взглядах Плеханова на историю философии и общественной мысли России, уточнить его методы работы по изучению произведений революционных демократов и литературы о них, помогает раскрытию темы "Плеханов - читатель общественно-политической литературы".

Пометы Плеханова имеют разный характер: констатирующие тот или иной факт или мысль автора (одним-двумя словами Плеханов выделяет главное на этой странице) либо выражающие отношение Плеханова к той или иной мысли - согласие с автором ("важно", "очень важно", "верно" и т.п.), недоумение, иногда иронию, несогласие (например, пометы на с. 64 т. II Сочинений Герцена - см. наст. изд. с. 107-108). Особо Плеханов выделял те места, где авторы писали о классовых противоречиях, о положении пролетариата, о революционном движении. Например, при чтении сочинений Герцена Плеханов то и дело как бы хочет подсказать ему марксистский вывод, что именно пролетариат освободит человечество от многовековых мучений, от рабства (т.е. капитализма) и т.д., он имеет у Герцена зародыш этой мысли, как бы "подталкивает" его к марксизму - см. пометы к т. X Сочинений Герцена (наст. изд. с. 198-199 и др.)

Для того, чтобы пользоваться настоящей публикацией, необходимо сверяться с текстом того или другого произведения революционных демократов. Поэтому перед каждым фрагментом указывается страница новей-

---

[4] Ивачук М.Т. Г.В.Плеханов и его труды по истории философской мысли в России. - В кн.: Плеханов Г.В. Избр. филос. произведения, т. 4. М., 1958, с. 5-42; его же. Г.В.Плеханов и его труды по истории философии. М., 1960; Чагин Б.А. Г.В.Плеханов и его роль в развитии марксистской философии. М., 1963; Ивачук М.Т., Курбатова И.Н. Г.В.Плеханов и его философские труды в период 1883-1895 гг. - В кн.: Марксистская философия в XIX в., кн. 2. М., 1979, с. 309-338 и др.

[5] Литературное наследие Г.В.Плеханова. Сб. УI: Литература, критика и русская философия. М., 1938; Философско-литературное наследие Г.В.Плеханова. Т.3: Проблемы истории философии, эстетики и общественной мысли. М., 1974.

него, наиболее полного собрания сочинений Белинского, Герцена, Добролюбова, Писарева и Чернышевского[6]. Кроме того, необходимо пользоваться текстами работ Плеханова, опубликованных в "Избранных философских произведениях" или его сочинениях. Примечания дают возможность отыскать нужную работу и фрагмент.

В настоящем (как и в предыдущих) выпуске приводятся только текстовые пометы Плеханова. "Немые" знаки чтения – NB, Sic! , отчеркивания, ср. стр. X – не приводятся, если рядом с ними нет текстовой пометы. Если Плеханов писал "ср. стр. X", а к этой странице имеется текстовая помета и текст, с которым надо сравнить отмеченное "немой" пометой место, вошел в настоящую публикацию, тогда к этому месту примечание не делается. Если же текст, к которому относит Плеханов, не вошел в настоящую публикацию, тогда он приводится в примечаниях.

Плеханов читал произведения революционных демократов не один раз. Поэтому он иногда одну и ту же мысль записывал на титульном листе, а потом на чистых листах в конце книги и, кроме того, еще и на полях. Если помета сделана не на полях, то в настоящем издании она восстанавливается в том виде, как ее записал Плеханов вне текста – на титульном листе или на чистых листах книги (например: 245 – славянофилам). Поэтому иногда одна и та же помета – в одном или разных вариантах – повторяется в настоящей публикации два-три раза.

---

[6] Фрагменты произведений русских революционных демократов, публикуемые в настоящем выпуске, соотнесены со следующими новейшими изданиями:

Белинский В.Г. Полное собрание сочинений в 13 т. /Редкол.: Н.Ф.Бельчиков (гл. ред.) и др. – М.: изд. АН СССР, 1953–1959. – (АН СССР, Ин-т рус. лит.);

Герцен А.И. Собрание сочинений. В 30 т. /Редкол.: В.Д.Волгин (гл. ред.) и др. (АН СССР, Ин-т мировой литературы им. А.М.Горького). М.: изд. АН СССР, 1954–1964;

Добролюбов Н.А. Собрание сочинений в 9 т. /Под общей ред. В.И.Бурсова и др. – М.; Л.: Гослитиздат, 1962–1963;

Писарев Д.И. Сочинения. В 4 т. /Подгот. текста, вступ. ст. и примеч. Б.С.Сорокина. М.: Гослитиздат, 1955–1956;

Чернышевский Н.Г. Полное собрание сочинений в 15 т. /Под общей ред. В.Я.Кирпотина и др. – М.: Худож. лит., 1939–1953.

В настоящее издание вошли фрагменты не всех книг революционных демократов, которые хранятся в библиотеке Плеханова. Часть помет (на книгах Белинского, Герцена, Чернышевского) уже опубликована в сб. 6 "Литературного наследия Г.В.Плеханова" в 1938 г. Если там напечатано большинство помет, сделанных Плехановым на каком-либо томе, тогда соответствующий том в настоящей публикации не представлен вовсе; если же в сб. 6 "Литературного наследия Г.В.Плеханова" опубликована незначительная часть помет, тогда они полностью входят в настоящий выпуск.

Сопоставление публикуемых помет Плеханова и его произведений ставит перед исследователями некоторые вопросы. В качестве примера приведем два факта.

Не вошел в настоящую публикацию т. II Собрания сочинений А.И.Герцена, поскольку на его страницах нет текстовых помет, хотя в этом томе помещены наиболее известные его произведения – "Кто виноват?", "Сорока-воровка", "Доктор Крупов" и др. Плеханов хорошо знал эти произведения, неоднократно цитировал и ссылался на них, особенно в статье "А.И.Герцен и крепостное право". Перечислив эти работы Герцена, Плеханов написал: "Почти все они очень важны для истории развития русской общественной мысли"[7]. Более того, Плеханов цитирует роман Герцена "Кто виноват?" именно по т. II Собрания сочинений, но на страницах самого этого тома его помет нет.

С другой стороны, Плеханов использовал дополнительный том к Полному собранию сочинений Д.И.Писарева (Спб., 1907), содержащий запрещенные ранее статьи публициста. Здесь была напечатана статья "Мыслящий пролетариат", которую Плеханов анализировал в статье "Наши беллетристы-народники. С.Каронин"[8]. Но в библиотеке Плеханова этой книги нет.

Чтение помет Плеханова на изданиях произведений русских революционных демократов дает дополнительные сведения о той огромной работе, которую он провел, чтобы глубоко изучить их взгляды, осмыслить огромное идейное наследие революционных демократов и подготовить работы о них, заложившие фундамент марксистского изучения идейного наследия предшественников пролетарского течения в освободительном движении России.

---

[7] Плеханов Г.В. Избр. филос. произведения, Т.4., с. 621.

[8] Там же, т. 5. М., 1958, с. 119–120.

х х х

В настоящем выпуске применены те же принципы публикации помет Плеханова, что и в предыдущем - первом выпуске.

Фрагменты произведений революционных демократов и относящиеся к этим фрагментам пометы Плеханова расположены в алфавите фамилий революционных демократов, а внутри каждого комплекса фрагментов данного автора - по хронологии изданий его сочинений. Нарушение хронологического принципа допускалось лишь при наличии нескольких томов одного собрания сочинений, вышедших в разные годы.

Литература о революционных демократах расположена в алфавите фамилий тех лиц, о которых написаны соответствующие книги (сначала даются фрагменты из книг о Белинском, из книг о Герцене и Чернышевском).

После библиографического описания каждого тома сочинений революционных демократов, хранящегося в библиотеке Плеханова, приводятся сведения о томе (томах) новейшего издания собрания сочинений Белинского или другого революционного демократа, в который вошли произведения, содержащиеся в только что описанном томе. При этом для большей наглядности номера томов изданий, хранящихся в библиотеке Плеханова, даются римскими цифрами, а номера томов новейших - советских - изданий - арабскими цифрами. Вслед за сведениями о томах дается название того произведения Белинского, Герцена, Добролюбова, Писарева и Чернышевского, фрагменты которого публикуются далее, и здесь же указаны: в прямых скобках - первая и последняя страницы этого произведения по изданию из библиотеки Плеханова и в круглых скобках - соответствующие страницы по советскому изданию. Все названия произведений революционных демократов даны в том виде, как они опубликованы в советских изданиях.

Перед каждым фрагментом указывается /слева, в прямых скобках/ страница того издания, которым пользовался Плеханов, а рядом (в круглых скобках) указывается страница новейшего советского издания.

Пометы Плеханова воспроизводятся против соответствующего фрагмента на правом поле страницы. Пометы, сделанные Плехановым на разных изданиях одного произведения, публикуются раздельно, а на двух экземплярах одного издания - объединяются.

Отчеркиваниями, сделанные Плехановым на полях, подчеркивания им в тексте и в собственных пометах воспроизводятся прямыми линиями, а любые авторские выделения по техническим причинам обозначены в настоящем издании прерывистой линией. Воспроизводятся также круглые скобки, которыми Плеханов отмечал те или иные фразы текста. Слова, вставленные составителями, и отточия, введенные составителями, заключены в прямые скобки.

Некоторые книги были приобретены Плехановым в типографском переплете. Часть книг, которые были переплетены еще при жизни Плеханова или после поступления библиотеки в Дом Плеханова, пострадала: некоторые пометы были, к сожалению, обрезаны. Поэтому недостающие части слов заключены в прямые скобки, так же, как и окончания слов, недописанных Плехановым.

Издание снабжено двумя указателями - имен и указателем произведений революционных демократов, к которым относятся пометы Плеханова. В последний включены в алфавитном порядке авторов, а потом - названия произведений, включенных в настоящую публикацию, в том виде, как они опубликованы в новейших советских изданиях.

Тексты помет Плеханова подготовлены Т.А.Аркушенко, Н.В.Асеевой, О.И.Коутиа, А.В.Сиротовой под редакцией И.Н.Курбатовой. Предисловие написано И.Н.Курбатовой. Примечания составлены И.Н.Курбатовой, Т.А.Аркушенко, Н.В.Асеевой, Указатель имен - В.Л.Афанасьевым, Алфавитный указатель произведений русских революционных демократов, к которым относятся пометы Г.В.Плеханова - Ю.Н.Митрофановым. Научно-вспомогательную работу провала О.И.Коутиа.

Замечания и пожелания просим присылать по адресу: 191069 Ленинград Д-69, Садовая ул., д. 18. Государственная Публичная библиотека им. М.Е.Салтыкова-Щедрина. Заместителю директора по научной работе.

I

Белинский В.Г. Сочинения. Ч.I. - М.: тип. А.И.Мамонтова и К°, 1861, - /8/, 527, IV с.[1]

Д. 6233-1.

Белинский В.Г. Полн. собр. соч., т. I, 2.

Литературные мечтания Элегия в прозе
с. I-125 (т. I, с. 20-104)/

/с. 20(33)/:

(Если Гай Исландец может существовать в природе, то я, право, не понимаю, чем он хуже какого-нибудь Карла Моора, или даже Маркиза Позы[2]? И люблю Карла Моора как человека, обожаю Позу как героя и ненавижу Гая Исландца как чудовище; но как создания фантазии, как частные явления общей жизни, они для меня все равно прекрасны.)

20. - (Шиллер).

/с. 22(35)/:

(Каждый народ, вследствие неразложного закона провидения, должен выражать своею жизнию одну какую-нибудь сторону жизни целого человечества; в противном случае этот народ не живет, а только прозябает, и его существование ни к чему не служит.)

22 - Народ и клад.

/с. 31(40-41)/:

Это обещает много хорошего в будущем, тем бо-
более, что сии сословия ни на волос не утратили
своей народной физиономии. Что касается до нижнего
слоя общества, т.е. среднего состояния, оно разде-
лилось в свою очередь на множество родов и видов,
между коими по своему большинству занимают самое
видное место так называемые разночинцы. Это сосло-
вие наиболее обмануло надежды Петра Великого: гра-
моте оно всегда училось на железные гроши, свою
русскую смышленность и сметливость обратило на пре-
досудительное ремесло толковать указы; выучившись
кланяться и подходить к ручке дам, не разучилось
своими благородными руками исполнять неблагородные
экзекуции.

31 - Разночинцы.

/с. 32 (41-42)/:

Но вдруг, по прекрасному выражению одного на-
шего соотечественника, на берегах Ледовитого моря,
подобно северному сиянию, блеснул Ломоносов. Ослепи-
тельно и прекрасно было это явление! Оно доказало
собой, что человек есть человек во всяком состоянии
и во всяком климате, что гений умеет торжествовать
над всеми препятствиями, какие ни противопоставляет
ему враждебная судьба /.../

32 - Ломоносов.

/с. 91-92 (81-82)/:

Комедия Грибоедова есть истинная divina co-
media ![x] Это совсем не смешной анекдотец, пере-
ложенный на разговоры, не такая комедия, где дей-
ствующие лица нарицаются Добряковыми, Плутовати-
ными, Обираловыми и пр.; ее персонажи давно были
вам известны в натуре, вы видали, знали их еще до
прочтения "Горя от ума" и однако же вы удивляетесь

91 (Грибоедов).

[x] божественная комедия (ит.).

..., как явлениям совершенно новым для вас: вот
высочайшая истина поэтического вымысла! /.../

Конечно, это произведение не без недостат-
ков в отношении к своей целости, но оно было
первым опытом таланта Грибоедова, первою русскою
комедией; да и сверх того, каковы бы ни были
эти недостатки, они не помешают ему быть образцо-
вым, гениальным произведением и не в русской ли-
тературе, которая в Грибоедове лишилась Шекспира
комедии ...

нв.

/с. 107 (92)/:

Как голова есть важнейшая часть человеческо-
го тела, так среднее и высшее сословие составляют
народ по преимуществу.

107 - Чернь и высшие классы.

/с. 116 (98)/:

Итак, я насчитал четыре периода нашей сло-
весности: домоносовский, карамзинский, пушкинский
и прозаическо-народный; остается упомянуть еще о
пятом, который начался с появления на свет первой
части "Новоселья" и который можно и должно назвать
Смирдинским.

- 116 - Периоды нашей словесности.

нв.

Смирдинский период.

О русской повести и повестях г. Гоголя
("Арабески" и "Миргород")

/с. 165-235 (т. I, с. 259-307)/

/с. 170 (262)/:

(Поэзия всякого народа, в начале своем, бы-
вает согласна с жизнью, но в раздоре с действи-
тельностью, ибо у всякого младенчествующего на-
народа, как и у младенствующего человека, жизнь
всегда враждует с действительностью. Истина жиз-
ни недоступна ни для того, ни для другого; ее

нв 170. - Жизнь и действительность. Действительность-истине жизни.

высокая простота и естественность непонятна для его ума, неудовлетворительна для его чувства.)

Действительность-истинная жизнь - I70

/с. I7I (263)/:

Для грека не было законов природы, не было свободной воли человеческой.

нв. Закон природы и свобода человека-I7I.

/с. I75 (265-266)/:

(Мир преобразился крестом, и обновленное в одухотворенное человечество пошло другою дорогою. Родилась идея человека, существа индивидуального, отдельного от народа, любопытного без отношений, в самом себе,.. Умолкла песнь трубадуров, в которой изливалось горе любви, жалоба тосковавшей пленницы или заключенной принцессы, песнь торжества и победы, повесть любви, мщения, подвига чести - всё это возбуждало отзыв...)

А прежде этого не было?

/с. I76 (266)/:

Каждая его драма есть символ, отдельная часть мира, сосредоточенная фокусом фантазии в тесных рамах художественного произведения и представленная как бы в миниатюре.

Шекспир.
I76 - Шекспир.
Символизм - I76.

/с. I78 (267)/:

Мы требуем не идеала жизни, но самой жизни, как она есть. Дурна ли, хороша ли, но мы не хотим ее украсить, ибо думаем, что в поэтическом представлении она равно прекрасна в том и другом случае и потому именно, что истинна, и что где истина, там и поэзия.

нв. I78-Требование Б/елинского/ от поэзии; нв I78 - Действительность.

/с. I8I (270)/:

(Но не обвиняйте его в недостатке гения или в односторонности: есть умы, есть характеры,

Шиллер.

столь оригинальные и чудные, столь не похожие на остальную часть людей, что кажутся чуждыми этому миру, и за то мир кажется им чужд, и, недовольные им, они творят себе свой собственный мир и живут только в нем: Шиллер был из числа таких людей. Покорясь духу времени, он хотел быть реальным в своих созданиях, но идеальность оставалась преобладающим характером его поэзии, вследствие влечения его гения.)

I8I - Шиллер.

/с. I86(273)/:

Между множеством пятнадцатых, в его /А.Марлинского. - Сост./ сочинениях есть красоты истинные, неподдельные; но кому понятно заниматься химическим анализом, вместо того, чтобы наслаждаться поэтическим синтезом, и сверх того, кто может доверчиво любоваться и истинною красотою, если и найдет такую, когда заметит множество поддельных? ...
/...:/ Это не реальная поэзия - ибо в них нет истины жизни, нет действительности, такой, как она есть, ибо в них всё придумано, всё рассчитано по расчетам вероятностей, как это бывает при делании или сочинении машин /.../

I86 - Марлинский.

/с. 2I8 (295)/:

Жизнь всякого народа проявляется в своих, ей одной свойственных, формах, следовательно, если изображение жизни верно, то и народно. Народность, чтобы отразиться в поэтическом произведении, не требует такого глубокого изучения со стороны художника, как обыкновенно думают. Поэту стоит только мимоходом взглянуть на ту или другую жизнь, и она уже усвоена им.

(нв) 2I8. - Народность.

/ с. 222 (298)/:

/.../ это гумор чисто русский, гумор спокойный, простодушный, в котором автор как бы прикидывается простачком. Г-н Гоголь с важностью говорит о бекене Ивана Ивановича, и иной простак не путя подумает, что автор и в самом деле в отчаянии оттого, что у него нет такой прекрасной бекени.

222 - Простаки, Гоголь и бекеня. 222 - Простаки, Гоголь и бекеня.-

/с. 227 (301)/:

/.../ не оставляя своей любимой, своей прекрасной, своей ненаглядной Малороссии, пошел искать поэзии в нравах среднего сословия в России. И, боже мой, какую глубокую и могучую поэзию нашел он тут! Мы, москали, и не подозревали ее! ...

227 - среднее сословие в России и Гоголь: - 227 - Среднее сословие в России и литерат/урная/ деятельность. Гоголя. Ср. 235.

О стихотворениях г. Баратынского

/с. 236-247 (т. 1, с. 320-327)/

/с. 242 (324)/:

Неужели наши мелкие расчеты, наше жалкое самолюбие, наши ничтожные отношения дороже и важнее истины, общественного вкуса, общественной любви к искусству, общественных понятий об изящном? Неужели мы всегда будем ездить верхом на палочках?

242 - Нашим.[3]

Опыт системы нравственной философии, Сочинение магистра Алексея Дроздова (Спб., 1835).

/с. 275-296 (т. 2, с. 238-252)/

/с. 277-278 (239-240)/:

Факты и явления не существуют сами по себе: они все заключаются в нас /.../ Внешние предметы

275 /-296/[4] - Крайний идеа-

тельно дают толчок нашему я и возбуждают в нем понятия, которые оно придает им.

лизм Белинского. - кв. кв?

/с. 278 (240)/:

/.../ Факты должно объяснять мыслию, а не мысли выводить из фактов. Иначе материя будет началом духа, а дух рабом материи. Так и было в осьмнадцатом веке, этом веке опыта и эмпиризма.

кв sic ! ср. 281.

Аббаддонна. Сочинение Николая Полевого. Москва. 1834. 4 части.

Мечты и жизнь. Были и повести, сочиненные Николаем Полевым. Москва. 1834; 4 части.

/с. 331-336 (т. I, с. 154-159)/

/с. 336 (157)/:

/.../ вы не всегда укажете на одно какое-нибудь известное произведение, которое было бы исключительным образцом оного /т.е. произведения классиков. - Сост./: но вы всегда или, по крайней мере, часто откроете в нем следы влияния одного или даже и нескольких гениальных творений. Эта зависимость есть невольная дань таланта гению - дань, которую он часто платит ему бессознательно и без своего ведома.

кв ; - 336 - Подражательность.

2

Белинский В.Г. Сочинения /С портр. авт. и его факс. Ч.П. - М.: тип. А.И.Мамонтова и К°, 1883-2 603, /3/ с.[5]

Д. 6233-2.

Белинский В.Г. Полн. собр. соч., т.2.

Ничто о ничем, или Отчет г. Издателю "Телескопа" за последнее полугодие (1835) русской литературы

/с. 9-71 (т. 2, с. 7-60)/

/с. 18 (13)/:

/.../ я душевно любил православный русский народ и почитал за честь и славу быть ничтожной песчинкой в его массе; но моя любовь сознательная, а не слепая. Может быть, вследствие очень понятного чувства, я не вижу пороков русского народа, но это нисколько не мешает мне видеть его странностей /.../

18 - Любовь к народу.

/с. 20 (14-15)/:

Оратимся к литературе /.../ Как все прочее, она у него /у русского человека. - Сост./ - цветок пересаженный и, мало сказать, как все хорошее, не им самим, а правительством. Литература наша началась при Елисавете, а получила некоторую

20. Почин правительства. 20 - Правительство.

основность при Екатерине II. Нам известно, что в царствование этой великой жены наша литература находилась, подобно почти всем европейским литературам, под влиянием французской. Французская литература была тогда полным выражением XVIII века, а что такое XVIII век, об этом всякий знает. Мы скажем только, что XVIII век был малый веселый и разгульный, любил мягко постлать, сладко поесть, пьяно попить и ни о чем не тужить. Вероятно - была его цель, а все средства почитал он позволенными к достижению этой цели.

/d/em/ 18 век.

18 век.

/с. 33 (23)/:

Я хочу сказать /.../ о народности; этот предмет занимает теперь всех; вы сами пишете об нем, и потому я считаю теперь кстати подать и свой голос. Что такое народность в литературе? Отражение индивидуальности, характерности народа, выражение духа внутренней и внешней его жизни, со всеми ее типическими оттенками, красками и родными пятнами - не так ли?

нв. 33 - Народность в литературе. См. 34.

/с. 33-34 (24)/:

/.../ он /русский поэт. - Сост./ читал историю своей родины, которая не похожа на историю никакой другой страны в мире; он провел лета своей юности среди общества, которое не похоже ни на какое другое общество; он принадлежит к народу, который еще не живет полною жизнью, но у которого настоящее уже интересно как шаг, как переход к прекрасному будущему, у которого это будущее еще в зародыше, еще в зерне, но уже так богато надеждами!...

33 - История России.

/с. 35 (25)/:

Что же касается до народности собственно поэта, то вам стоит только попристальнее вглядеться в "Онегина", чтобы в мыслях и чувствах самого автора увидеть все элементы народности, чтобы признать, что только русский поэт, и притом в известный момент русской жизни, мог так мыслить и чувствовать и так выражать свои мысли и чувства!

35 - "Моменты жизни". НВ.

/с. 41 (29)/:

(Почтеннейшие, за что такая ненависть к философии? Или - хорош виноград, да зелен - набьешь оскомину? - Перестаньте подрывать у дуба корни, поднимите ваши глаза вверх, если только вы можете поднимать их вверх, и узнайте, что на этом-то дубе растут ваши желуди ...)

41 - Философи

/с. 47 (33)/:

Льстить толпе всего выгоднее, это игра наверняка.

47. - Толпа.

О критике и литературных мнениях "Московского Наблюдателя"

/с. 72-149 (т. 2, с. 123-177)/

/с. 149 (177)/:

Разве мысль не есть высокая и прекрасная награда тому, кто служит ей? ... О нет! пусть толкуют ваши действия, кому как угодно; пусть не хотят понять их источника и цели: но если мысль и убеждение доступны вам - идите вперед, и да не совратят вас с пути ни расчеты эгоизма, ни отношения личные и житейские, ни боязнь неприязни людской, ни обольщения их коварной дружбы, стремящейся взамен своих ничтожных даров лишить вас лучшего ваше-

149 - Убеждени
НВ.

го сокровища - независимости мнения и чистой любви к истине! ...

О характере народных песен славян задунайских. Набросано Юрием Венелиным. I. Осмий Песнич. Иждить-ба Павла Плетникова. Москва. 1835.

/с. 169-174 (т. 2, с. 64-68)/

/с. 170 (66)/:

Первобытная поэзия народов заслуживает особенное внимание, потому что она мила и свежа, как жизнь юноши, непритворна и простодушна, как лепет младенца, могущественна и сильна, как первое, девственное сознание жизни, чиста и отрадна, как улыбка красоты. Это творчество истинное, бессознательное, бесцельное, хотя, в то же время, и одностороннее, одноцветное,

170 - Народная поэзия.

Сочинения Николая Греча. Санктпетербург. 1838. Пять частей.

/с. 415-427 (т. 2, с. 530-541)/

/с. 416 (530)/:

Но живет одна истина, и действительна только одна истина; ложь есть призрак - и если бывает действительна, то не иначе, как отрицательная истина, как служительница истине.

416 - Действительность. Ср. 424 о фантастике. НВ

/Греч Н.И./ Литературные положения. Санкт-Петербург. 1833. В типографии Н.Греча. 34 (8).

/с. 427-437 (т. 2, с. 541-543)/

/с. 432 (545)/:

/.../ в нем /в журнале "Библиотека для чтения". - Сост./ есть своя сторона истины, следовательно, своя действительность. Но что составляет его главное достоинство, то самое составляет и его

НВ.
432 - Та[illegible]мость Б/[illegible]/.

главный недостаток: парциальная односторонность доводит его до крайней нетерпимости. Проповедуя уважение к чужому мнению, " Библиотека" не уважает решительно ничьего мнения. Ни всемирная слава, ни европейский авторитет, ни заслуги, ни ученость - ничто не защита от ее ожесточенных нападок. Она не постыдилась унизиться до брани против Велланского, почтенного старца, славного своею глубокою ученостию - плодом деятельной жизни, посвященной служению истине. Шеллинг и Гегель в ее глазах не больше, как шарлатаны или много-много, если сильные умы, помешавшиеся на сумасбродных идеях.

/с. 437 (549)/:

/.../ если бы г. Сенковский имел и оказывал побольше внимания и уважения к чужому мнению и чужой личности, если бы он не вдавался в исключительную односторонность и не делал часто шуму из пустяков, т.е. из каких-нибудь сих или оных, попавшихся ему в плохой книжонке, и не лишал хорошего сочинения заслуженной хвалы только за сии и оные, то его справедливые и дельные мысли о преобразовании русского языка были бы приняты всеми с большим уважением. Фанатизм, в чем бы то ни было, сам себе вредит. Впрочем, истина не замедлит отделиться от лжи, и потому - все хорошо, господа!...

Оптимизм Б/елинского/.

3

Белинский В.Г. Сочинения /С портр. авт. и его факс. Ч.Ш. - М.: Рус. типо-литогр., 1884. - 636 с.[6]

Д. 6233-3.

Белинский В.Г. Полн. собр. соч., т. 3, 4.

Бородинская годовщина В.Жуковского. Москва: 1839.

Письмо из Бородина от безрукого к безногому инвалиду. Москва: 1839.

/с. 254-264 (т. 3, с. 240-250)/.

/с. 260 (246-247)/:

260 - Борьба классов.

(Ход нашей истории обратный в отношении к европейской: в Европе точкою отправления жизни всегда была борьба и победа низших ступеней государственной жизни над высшими: феодализм боролся с королевскою властию и, побежденный ею, ограничил ее, явившись аристократиею; среднее сословие боролось и с феодализмом, и с аристократиею, демократия - с средним сословием; у нас совсем наоборот: у нас правительство всегда шло впереди народа, всегда было звездою путеводною к его высокому назначению; царская власть всегда была живым источником, в котором не иссякали воды обновления, солнцем, лучи которого, исходя от центра, разбегались по суставам исполинской корпорации государственного тела и проникали их жизненною теплотою и светом)[1]

кв

I) Отношение же высших сословий к низшим прежде состояло в патриархальной власти первых и патриархальной подчиненности вторых, а теперь в спокойном пребывании каждого в своих законных пределах и еще в том, что высшие сословия мирно передают образованность низшим, а низшие мирно ее принимают.

Ср. со славянофилами.

Менцель, критик Гете

/с. 277-326 (т. 3, с. 385-419)/

/с. 287 (392)/:

Для этих маленьких великих людей государство не есть живой организм, которого части находятся в зависимом друг от друга взаимнодействии, которого развитие и жизнь условливаются непреложными законами, в его же сущности заключенными; /.../

Действи/тельность/ 287.

/с. 296 (396)/:

В самом деле, что представляет нынешняя французская литература? Отражение мелких сект, ничтожных систем, эфемерных партий, дневных вопросов. Г-жа д'Юдеван, или известный, но отнюдь не славный Жорж Занд, пишет целый ряд романов, один другого нелепее и возмутительнее, чтобы приложить к практике идеи сен-симонизма об обществе. Какие же это идеи? О, бесподобные! - именно: индюстриальное направление должно взять верх над идеальным и духовным; /.../

296 - Ж/орж/ С/анд/.

/с. 302-393 (403)/:

Менцель зол на Гете за то, что тот не хотел быть ни крикуном, ни начальником какой-либо политической партии, что он не требовал невозможного сплочения раздробленной Германии в одно политичес-

302 - Действительность.

NB.

ное тело. У гения всегда есть инстинкт истины и действительности: что есть, то для него разумно, необходимо и действительно, а что разумно, необходимо и действительно, то только и есть. Поэтому Гете не требовал и не желал невозможного, но любил наслаждаться необходимо сущим. Для него необходимость раздробленности Германии была таким же убеждением и такою же верою, как у Пушкина было убеждение и вера, что не русское море иссякнет, а "славянские ручьи сольются в русском море".

/с. 317 (413)/:

Все, что есть, то необходимо, разумно и действительно.

317 - Idem. Ср. IV, 271 7
317- Was wirlich ist, das ist vern /ünftig/

/с. 320 (415)/:

Искусство есть воспроизведение действительности; следовательно, его задача не поправлять и не прекращивать жизнь, а показывать ее так, как она есть в самом деле. Только при этом условии поэзия и нравственность тождественны. Произведение неистовой французской литературы не потому безнравственны, что представляют отвратительные картины прелюбодеяния, кровосмешения, отцеубийства и сыноубийства; но потому, что они с особенною любовию останавливаются на этих картинах и, отвлекая от полноты и целости жизни только эти ее стороны, действительно ей принадлежащие, исключительно выбирают их. Но так как в этом выборе, уже ложном по своей односторонности, литературные санкюлоты руководствуются не требованиями искусства, которое само для себя существует, а для подтверждения своих личных убеждений, то их изображения и не имеют никакого достоинства вероятности и истины, тем более, что они с умыслом клевещут на человеческое сердце. И в Шекспире есть те же стороны жизни, за которые

320 - Действит/ельность/. NB

323

Ср. II т. 241 стр.

* все действительное разумно (нем.).

вместовал литература так исключительно хватается, но в нем она не оскорбляет ни эстетического, ни нравственного чувства, потому что, вместе с ними, у него является и противоположное им, а главное, потому что он не думает ничего развивать и доказывать, а изображает жизнь, как она есть.

Горе от ума. Комедия в четырех действиях в стихах. Соч. А.С.Грибоедова. Второе издание. Спб. 1839.

/с. 327-420 (т. 3, с. 420-486)/

/с. 343 (431)/:

(Поэзия есть истина в форме созерцания; ее создания – воплотившиеся идеи, видимые, созерцаемые идеи. Следовательно, поэзия есть та же философия, то же мышление, потому что имеет то же содержание – абсолютную истину; но только не в форме диалектического развития идеи из самой себя, а в форме непосредственного явления идеи в образе. Поэт мыслит образами; он не доказывает истины, а показывает ее.) Но поэзия не имеет цели вне себя – она сама себе цель; следовательно, поэтический образ не есть что-нибудь внешнее для поэта или второстепенное, не есть средство, но есть цель: в противном случае он не был бы образом, а был бы символом. (Поэту представляются образы, а не идея, которой он из-за образов не видит и которая, когда сочинение готово, доступнее мыслителю, нежели самому творцу.)

Поэзия – 1840 год. Ср. II, 369[8] Idem – 343.

NB

/с. 418 (485)/:

"Горе от ума" не есть комедия, по отсутствию или, лучше сказать, по ложности своей основной идеи; не есть художественное создание, по отсутствию самостоятельности, а следовательно, и объективности, составляющей необходимое условие творчества. "Горе от ума" – сатира, а не комедия: сатира же не может быть художественным произведением.

418 – Сатира:

Герой нашего времени. Соч. М.Лермонтова. Спб. 1840. Две части.

/с. 525-634 (т. 4, с. 145-147, 173-175, 193-270)/.

/с: 628 (267)/:

Но со стороны формы изображение Печорина не совсем художественно. Однако причина этого не в недостатке таланта автора, а в том, что изображаемый им характер, как мы уже сказали и намекнули, так близок к нему, что он не в силах был отделиться от него и объективировать его. Мы убеждены, что никто не может видеть в словах наших желание выставить роман г. Лермонтова автобиографией. Субъективное изображение лица не есть автобиография: Шиллер не был разбойником, хотя в Карле Море и выразил свой идеал человека.

То, чего не было.

4

Белинский В.Г. Сочинения /С портр. авт. и его факс. Ч.IV. - М.: тип. А.И.Мамонтова и К°, 1883. - 488 с.[9]

Л. 6234.

Белинский В.Г. Полн. собр. соч., т. 3, 4, 5.

Очерки русской литературы. Сочинения Николая Полевого. 1839. Санктпетербург.

/с. I-42 (499-520)/:

/с: I7 (503)/:

Он /Н.А.Полевой. - Сост./ говорит, что вся жизнь Державина была - борьба между непонимавшим себя поэтом и мимо-демоном человеком. Прекрасно! но ведь это она только факт: какая же мысль скрывается в этом факте? Если бы эта борьба не отразилась в произведениях Державина, - она была бы явлением эпохи, в которую он жил и в которую не понимали ни поэта, ни человека, а только чиновника /.../

Факт и мысль (оригинальный экземпляр) Ср. 23.

/с: 25 (508-509)/:

Г-н Полевой ставит Жуковскому в вину, что он не понимает "Гамлета", почитая это великое произведение чудовищным и уродливым (слова самого Жуковского в "Телеграфе" за 1827 год, № I, стр. 25). Опять факт, необъяснимый мысли! Жуковский не понимает "Гамлета" и не должен - не то недостатку

Ср. Толстого[10].

чувства изящного, не по недостатку образования, а по особенному свойству и направлению своего духа: любя Шекспира, он отказался бы от средних веков, от романтизма, следовательно, отказался бы от самого себя /.../

что для Германии Шиллер, то для России Жуковский. И как сам Шиллер понимал Шекспира, если решился перевести "Макбета" с некоторыми переменами! Шекспир - поэт нового времени, нового искусства - поэт не идеалов, а действительности, и потому его понимает только дух многосторонний, и не иной, а муж. Есть лица, которые на всю жизнь остаются детьми и есть люди, которые на всю жизнь остаются юношами, не в пошлом, а в высоком значении этих слов: /.../

Ср. Толстого.

Задача истинной критики - отыскать в созданиях поэта общее, а не частное; человеческое, а не людское; вечное, а не временное; необходимое, а не случайное, - и определить, на основании общего, т.е. идеи, цену, достоинство, место и важность поэта.

Зад/ача/ критики.

/с. 28 (5II)/:

Как жаль, что Пушкин /.../ не отрекся /.../ от "Вальсоны" - произведения, в котором такою мощною и широкою кистию, с такою полнотою, глубокостию и верностию изобразил нам поэт характер, дух и поэзию, словом, творчески воспроизвел дядю русского XVII века, полного славы и величия, пиров и роскоши, сомнений ума и жажды наслаждений!...

Пушкин.

/с. 35 (5I5)/:

Потом, скажите, бога ради, каким образом политическая экономия стала об руку с философией - наукою наук, - как равное ей знание? Если политическая экономия есть наука, а не опытное знание, то она должна только основываться на философии, занимая свое место в энциклопедии философии, но отнюдь не

35 - Философия и пол/итическая/ экономия.

тягаться в равенстве с нею. Кто лист противопоставляет дереву, сколько или печную трубу - зданию, особенно, если это дерево - кедр, а это здание - храм? ...

Введение в философию. Сочинение профессора С.-Петербургской Духовной академии Карпова. С.-Петербург. В тип. И. Глазунова и К°. 1840.

/с. 121-126 (т. 4, с. 285-289)/.

/с. 122 (285)/:

Особенно на философию направляют они /так называемые ученые. - Сост./ удары своего полного скептицизма, хотя, как они сами признаются, не только никогда не удостоивали заняться ею, но даже не смыслят самых обыкновенных ее терминов, которых знание в Европе предполагается во всяком образованном и благовоспитанном человеке.

Где же именно?

/ с. 123 (285)/:

Философские системы, увенчавшись в своем развитии системою нашего времени, через то самое так теперь определились и обособились, что опытный взор в одно мгновение отличит, к какой из них принадлежит вновь вышедшее сочинение.

123 - О "номерах".

Стихотворения М.Лермонтова /1840/.

/с. 137-145 (т. 4, с. 371-378)/.

/с. 138 (372)/:

Здесь мы должны сделать оговорку, имея в виду людей, которые пробиваются вам свой чужими недомолвками, как насущным хлебом /.../

138 - Недомолвки и люди, ими питающиеся. ИВ

/с. 142-143 (374-375)/:

/.../ упреки "Отечественным запискам" в пристрастии, за их резкие и - главное - новые и оригинальные суждения, выходят из следующего источника: суждение пишутся для общества, а общество состоит из публики и толпы. Публика есть собрание известного числа (по большей части, очень ограниченного) образованных и самостоятельно мыслящих людей; толпа есть собрание людей, живущих по преданию и рассуждающих по авторитету /.../

Общество и толпа.

/с. 145 (376)/:

"Отечественные записки" всегда будут иметь в виду не толпу, а публику.

197 - Толпа и публика. ИВ

Русская литература в 1840 году

/с. 195-251 (т. 4, с. 408-447)/.

/с. 197 (410)/:

(Всему свое время: мы уже пережили период самообольщения, младенческих и юношеских восторгов; нам уже нужны не мечты, а действительность; для нас уже медный грош дороже миллионов рублей, вычеканенных из воздуха: словом, для нас настало время сознания.)

Действительность.

/с. 198 (410)/:

За всяким очарованием неизбежно следует разочарование - таков закон жизни.

198 - Очарование и разочарование. ИВ

. . 204 (414)/:

В литературе совершается развитие духа народа: литература - важная сторона истории народа. В произведениях словесности мы можем проследить

204 - Литература. ИВ

только развитие языка, а не духа народного, который является в ней в неподвижности своего непосредственного, так сказать, безыскусственного явления. Но в нашей словесности нельзя следить даже и за развитием языка, потому что она выражалась не живым народным словом, а каким-то книжным наречием, неподвижным и мертвым.

NB 210 - Idem.

/с. 206 (415)/:

Ломоносов положил начало второму периоду русской литературы, - и школы утвердили за ним титло ее отца. В самом деле, он для поэзии сделал гораздо больше, чем для прозы собственно.

206 - Ломоносов. NB Ср. 207.

/с. 206 (417)/:

Между тем, независимо от Карамзина, является поэтический гений, дает новый толчок языку и вводит в русскую литературу туманы Альбиона и немецкую мечтательность, а самостоятельная, художническая муза Батюшкова борется с ложным французским направлением - и то побеждает его, то побеждается им. Вот, в кратком очерке, два периода русской литературы - ломоносовский и карамзинский, за которыми последовал пушкинский ...

Жуковский.

NB

/с. 210 (418)/:

Литература есть сознание народа: в ней, как в зеркале, отражается его дух и жизнь; в ней, как в факте, видно назначение народа, место, занимаемое им в родном семействе человеческого рода, момент всемирно-исторического развития человеческого духа, который он выражает своим существованием. Источником литературы народа может быть не какое-нибудь внешнее побуждение или внешний толчок, но только мировоззрение народа. Мировоззрение всякого народа есть зерно, сущность (субстанция) его духа,

NB

210 и след. - Идеализм исторический.

тот инстинктивный внутренний взгляд на мир, с которым он родится, как с непосредственным откровением истины, и который есть его сила, жизнь и значение, - та призма с одним или несколькими первосущными цветами радуги, сквозь которую он созерцает тайну бытия всего сущего. Мировоззрение есть источник и основа литературы.)

NB. Ср. 214. II

/с. 212 (420)/:

Для немца наука и искусство - сами себе цель и высшая жизнь, абсолютное бытие; для француза наука и искусство - средства для общественного развития, для отрешения личности человеческой от тяготящих и унижающих ее оков предания, моментального определения и временных (а не вечных) общественных отношений.

Каких же это?

/с. 213 (420)/:

Теперь настал другой век: Вольтер и Руссо забыты, энциклопедисты уже не почитаются извергами человеческого рода, хотя - надо сказать правду - за покойниками и много водилось грешков.

213 - Энциклопедисты.

/с. 216 (422)/:

/.../ в поэзии Ломоносова нет никакой поэзии, потому что нет никакого общечеловеческого (в народной форме) содержания? Удивительно ли, что народ остался к ней равнодушен и досале не знает о ее существовании? А между тем, в Ломоносове нельзя отрицать ни замечательного поэтического таланта, ни великого ума, ни великой души.

216: Ломоносов.

/с. 217-218 (423-424)/:

Где ж тут литература, как сознание народа, как выражение его мировоззрения? Где ее историческое развитие? Скажите, в каком отношении между со-

218 - Литература и история народа.

бою находятся эти поэты – Ломоносов, Державин, Карамзин, Жуковский, Батюшков? /.../ Каждый из них действовал сам по себе и от себя, независимо от прошедшего, не спрашиваясь у настоящего. Это герои, – великие или замечательные личности; но в их лице не заметно исторических судеб народа: герои сами по себе, народ сам по себе. Только один из них требует исключения: это Крылов, – и он всего лучше доказывает верность нашего взгляда на этот предмет. Его басни вышли из народного русского ума, из русского рассудочного созерцания жизни /.../

Только с Пушкина начинается русская литература, ибо в его поэзии бьется пульс русской жизни.

NB

/с. 219 (424)/:

Поэзия Байрона – это вопль страдания, это жалоба, но жалоба гордая, которая скорее дает, чем просит, скорее снисходит, чем умоляет; это Прометей, прикованный к Кавказу; это личность человеческая, возмутившаяся против общего и, в гордом восстании своем, опершаяся на самое себя. Отсюда эта исполинская сила, эта непреклонная гордыня, этот могучий стоицизм, когда дело касается до общего, – и эта грустная любовь, эта кроткая задушевность, эта нежность и мягкость, при обращении к несправедливо отягощенной страданием личности.

219 – Байрон.

NB

/с. 221 (426)/:

Вот где видно только начало русской литературы, но еще не русская литература. Она только что начинается, но ее еще нет, – и начинается она с Пушкина, а до него решительно не было русской литературы; вместо ее была словесность – ряд отдельных, ничем не связанных между собою явлений, явившихся не из родной почвы русского духа, а из подражания чужим образцам...

221 – Начало литературы.

/с. 224-225 (428)/:

(Новый журнал ["Библиотека для чтения". – Сост.] дебютировал следующими глубоко философскими идеями: "Изящное не существует само по себе, как абсолютная сущность, но есть понятие относительное, которое основывается на личном ощущении всех и каждого и выражается формулою: Это хорошо, потому что мне нравится, и это дурно, потому что мне не нравится".)

Ср. Писарева 224. – Писарев и Брембеус.[12]

/с. 226-227 (429-430)/:

Там, где есть публика, слова "литератор" и "критик" имеют определенное значение; /.../ Там освистали бы за громкое титло "критика", самовольно присвоиваемое человеком, который признается печатно, что не только не понимает, почему Гете называют великим гением, но даже почему почитают его и просто поэтом, а не бесталанным писакою;/.../ – или (который силится уверить весь свет, что вся заслуга Пушкина, как поэта, состоит в усовершенствовании версификации и легкой, игривой форме, способной увлекать только легкомысленных людей; – или который кричит, что Гоголь – забавный писатель, верно списывавший с натуры, что его "Ревизор" ряд смешных карикатур, а не комедия, проникнутая глубоким юмором и ужасающая своею верностию действительности;) – или который объявляет во всеуслышание, что "Горе от ума", это благороднейшее создание гениального человека, ниже "Недовольных", плохой комедии Загоскина /.../

227. – Сенковский и Писарев [13]

Ср. Писарева.

/с. 229 (431)/:

/.../ у нас есть возможность публики, и со времен Пушкина даже заметно начало, зародыш литературной публики; но у нас еще литературной публики в собственном и обширном значении этого слова нет. Перейдите от публики снова к литературе – и увидите то же самое зрелище. Вопрос о публике теряет вопрос о литературе, и наоборот.

229 – Почему нет литературы?

/с. 242 (440)/:

Мы не думаем сказать о себе слишком много, сказав, что история современной журналистики и частию современной литературы русской есть история "Отечественных записок": ведь журнал есть не одно то, что издается по подписке и выходит книжками в определенное время, но и то, в чем, при этих условиях, есть жизнь движение, новость, разнообразие, свежесть, известное направление, известный взгляд на вещи, словом – характер и дух. А где же все эти условия выполнены, если не в "Отечественных Записках"?

242 – Самохвальство Белинского.[14]

/с. 247 (445)/:

Мы слышали даже, что один молодой человек, посвятивший себя изучению Шекспира, и собственно для него изучивший английский язык, перевел стихами – страшно вымолвить! – всего Шекспира. Итак, важность вопроса о Шекспире теперь состоит не в том, как и кому переводить его, а в том – для кого, а следовательно, как и кому печатать его... Воля ваша, а странна наша литература!...

247. Почему нет лит/ературы/? Ср. 229

/с. 250-251 (447)/:

Прошедшее нашей литературы не блестяще, настоящее тускло, но за будущее нам нисколько не должно отчаиваться. У нас нет литературы в точном и определенном значении этого слова, но у нас есть уже начало литературы, и, соображаясь с предметами, особенно же с временем, нельзя не дивиться, как уже много сделано. Каких-нибудь сто лет одна прошло с того времени, как одна время с того времени, как мы не знали еще грамоты, – и вот уже мы по справедливости гордимся мотивостоящими проявлениями необъятной силы народного духа в отдельных лицах, каковы: Ломоносов, Державин, Фонвизин, Карамзин, Крылов, Жуковский, Батюшков, Пушкин, Грибоедов и другие /.../ Если сила и мощь отдельно действующих лиц в нашей литературе поражают вас невольным удивлением, то чем же должна быть наша литература, когда она сделается выражением национального духа и национальной жизни? ... И мы уже видим начало этого славного времени ... Да будет! ...

250. – Бедная литература.

Когда же?

Стихотворения М. Лермонтова. Санкт-Петербург., 1840.

/с. 251-332 (т. 4, с. 479-547)/

/с. 252 (480)/:

(Поэзия и наука тождественны, как постигающие не одно какое-нибудь из способностей нашей души, но всю полноту нашего духовного существа, выражаемую словом "разум".)

ва Ср. Киреевского.[15] Ср. 254. 252 – ср. Бел/инского/ с Киреевским. 252 – Гегелианству и Киреевскому.

/с. 254 (481)/:

Кто по натуре своей есть дух от духа, - тот по праву рождения причастен всех даров духа, недоступных плоти и ее душе - рассудку.

Ср. Киреевского.

/с. 255 (481-482)/:

(Поэзия первоначально воспринимается сердцем и уже им передается голове.) /.../ Людей, чуждых поэзии по натуре своей, несравненно больше, чем людей, одаренных инстинктом изящного. Почему же это? - Потому же, почему число художников относится к толпе, как единица к миллиону. - А почему же существует это отношение? На такой вопрос дает превосходный ответ Моцарт Пушкина, говоря Сальери: Когда бы все так чувствовали силу

Гармонии! Но нет: тогда б не мог
И мир существовать; никто б не стал
Заботиться о нуждах низкой жизни;
Все предались бы вольному искусству.
Нас мало избранных, счастливцев праздных,
Пренебрегающих презренной пользой,
Единого прекрасного жрецов.

Ср. Кир/еевского/.

Ср. Поэт и чернь.[16]

/с. 256 (483)/:

Будем говорить для всех и всем, но будем надеяться только на отзыв немногих ...

256. "Немногие".

/с. 259-260 (485)/:

Для живого человека, природа всюду является одушевленною: он слышит ее голос и в безмолвном образовании металлов, в таинственной лаборатории недр земных, в завывании ветра, - там, у полюсов, в царстве вечной зимы и смерти, на звонких льдах воздымающего пушистые вьюги; в приливе и отливе вод он видит как бы тяжелое, напряженное

259 - Мережковскому.

дыхание исполинской груди седого старца-океана ... Полон таинственной думы для души нашей чернеющийся вдали лес, и когда подходим мы к нему, нами невольно овладевает какая-то детская робость, какой-то мистический, но полный обаяния ужас, - и мы повторяем с поэтом: /.../

Ср. 260.

Ужели в нас дух вечной жизни
Так бессознательно живет,
Что в царстве безотрадной смерти
Свое величье сознает? ...

Нет, не бессознательность, но чувство своего сродства, своей общности, своего тождества со всем великим царством жизни заставляет наш дух видеть свое отражение в таинственных явлениях природы! ... Повидимому, отторгнутый от общего своею индивидуальностию, ставши в человеке личностию, - дух наш тем живее и глубже чувствует свое таинственное единство с бессознательною природою, которая не чувствует своего единства с ним ... В природе нет нашего духа, но в нас есть дух природы, ибо закон бытия таков, что высшее необходимо заключает в себе низшее. Да, у духа нашего есть общее с природою, - и это общее есть жизнь, и потому-то она говорит ему таким понятным и родственным языком, и все в ней влечет его к себе, /.../

Мережковскому.

/с. 265 (489)/:

Гражданин не должен уничтожать человека, ни человек гражданина: в том и другом случае выходит крайность, а великая крайность есть родная сестра ограниченности. Любовь к отечеству должна выходить из любви к человечеству, как частное из общего. Любить свою родину значит - пламенно желать видеть в ней осуществление идеала человечества и по мере сил своих способствовать этому. В противном случае, патриотизм будет китаизмом, который любит

265 - Человек и гражданин.

NB

265. - Патриотизм.

свое только за то, что оно свое, и ненавидит все чужое за то только, что оно чужое, и не нарадуется собственным безобразием и уродством.

/с. 268 (490)/:

(Да, ландшафт, созданный на полотне талантливым живописцем, лучше всяких живописных видов в природе.)

Ср. Чернышевского.

/с. 271 (493)/:

Что действительно, то разумно, и что разумно, то и действительно: это великая истина; но не все то действительно, что есть в действительности, а для художника должна существовать только разумная действительность. Но и в отношении к ней, он не раб ее, а творец, и не она водит его рукою, но он вносит в нее свои идеалы и по ним преображает ее.

1841 год.

Ср. Ш, ст/р/. 317[17]. кв 271 – Разумная действительность. кв 271. Разумная действительность. Бал/инский/ отве-ч/ает/ на Бор/о-динскую/ годовщину[18].

/с. 272 (493)/:

Поэзия – это светлое торжество бытия, это блаженство жизни, нежданно посещающие нас в редкие минуты; это упоение, трепет, мление, нега страсти, волнение и буря чувств, полнота любви, восторг наслаждения, сладость грусти, блаженство страдания, ненасытимая жажда слез /.../

272. – Поэзия.

/с. 278-279 (496)/:

Как красота, так и поэзия – выразительница и хранительница красоты, сама себе цель и вне себя не имеет никакой цели; Если она возвышает душу человека к небесному, настроивает ее к благим действиям и

Искусство для искусства.

чистым помыслам,– это уже не цель ее, а прямое действие, свойство ее сущности; это делается само собою, без всякого предначертания со стороны поэта /.../. Поэзия не терпит отвлеченных идей в их бесплотной наготе, но самые отвлеченные понятия воплощает в живые и прекрасные образы, в которых мысль сквозит, как свет в граненом хрустале. Поэт видит во всем форму, краски и всему дает форму и цвет, овеществляет невещественное, делает земным небесное – да светит земное небесным светом! /.../ Это не значит, чтоб поэт не мог отрываться от созерцания мира, взятого в самом себе, и вносить в него свой идеал, чтоб лиру песнопения, кинжал трагедии и трубу эпопеи не мог он менять на громы благородного негодования и даже на свисток сатиры, молитву оставлять для проповеди и пророчества, мировое и вечное, забывать на минуту для современности и общества; но смешно требовать, чтоб в этом он увидел цель своей жизни и за долг себе поставил подчинить свое свободное вдохновенье разным "текущим потребностям". Свободный, как ветер, он повинуется только внутреннему своему призванию, таинственному голосу движущего им бога./.../

278 – Искусство для искусства.

278 – Поэзия и отв/влеченные/ идеи.

Ср. Пушкина.

/с. 280 (496)/:

(Поэт не подражает природе, но соперничествует с нею, – и его создания исходят из того же источника, и тем же самым процессом, как и все явления природы, с тою только разницею, что на стороне процесса его творчества есть еще и сознание, которого лишена природа и ее деятельность. Вся природа со всеми ее явлениями есть плод вдохновенного порыва духа – из идеальной области возможного перейти в реальную область действительного, стать фактом, чтоб потом, в разумнейшем своем явлении – человеке, взглянуть на себя, как на нечто особое, сознать себя.)

280. – Идеализм.

ГОС. ПУБЛИЧНАЯ БИБЛИОТЕКА Ленинград 196 РК

3453

/с. 285 (503)/:

Да, очевидно, что Лермонтов поэт совсем другой эпохи и что его поэзия – совсем новое звено в цепи исторического развития нашего общества*.

* Заметим для большей ясности и "точности", что говоря об обществе, мы разумеем только чувствующих и мыслящих людей нового поколения.

285 – Что такое "общество"?? 285, 283, примечание NB. 283[x] – интеллигенция после 1825 года.

/с. 287 (505)/:

Может быть, это был /Иван Грозный. – Сост./ своего рода великий человек, но только не вовремя, слишком рано явившийся России, – пришедший в мир с призванием на великое дело и увидевший, что ему нет дела в мире; может быть, в нем бессознательно кипели все силы для изменения гнилой действительности, среди которой он так безвременно явился, которая не победила, но разбила его, и которой он так страшно мстил всю жизнь свою, разрушая и ее и себя самого в болезненной и бессознательной ярости...

287 – Грозный и действительность.

/с. 30I (5I6)/:

Благословим непреложные законы бытия и миродержавных судеб /.../

30I – Действительность.

/с. 303-304 (5I7)/:

Самый выбор этого предмета /темы для поэмы М.Ю.Лермонтова "Песня про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова". – Сост./ свидетельствует о состоянии духа поэта, недовольного современною действительностию и перенесшегося от нее в далекое прошедшее, чтоб там искать жизни, которой он не видит в настоящем.

NB

303 – "Отрицание" Лермонтова.

* Плеханов ошибся, замечание относится к с.385.

/с. 307 (520)/:

В самом Гете не без основания порицают отсутствие исторических и общественных элементов, спокойное довольство действительностию, как она есть. Это и было причиною, почему менее гетевской художественная, но более человечественная, гуманическая поэзия Шиллера нашла себе больше отзыва в человечестве, чем поэзия Гете.

Ср. 308.

307. – Порицание Гете.

/с. 309 (522)/:

/Из стихотворения М.Ю. Лермонтова "Дума". – Сост./:

И ненавидим мы, и любим мы случайно,
Ничем не жертвуя ни злобе, ни любви,
И царствует в душе какой-то холод тайный,
Когда огонь кипит в крови!

309 – Холод.

/с. 3II (523)/:

/ из стихотворения М.Ю. Лермонтова "Поэт". – Сост./

/.../ (Он нужен был толпе, как чаша для пиров,
Как фимиам в часы молитвы!
Твой стих, как божий дух, носился над толпой,
И отзыв мыслей благородных
Звучал, как колокол на башне вечевой
Во дни торжеств и бед народных.)

Декадентам.

/.../ А мысль? ... Мы не должны здесь искать статистической точности фактов; но должны видеть выражение поэта, – и кто не признает, что то, чего он требует от поэта, составляет одну из обязанностей его служения и призвания? Не есть ли это характеристика поэта – характеристика благородного Шиллера? ...

3II – Шиллер.

/с. 318-319 (531)/:

Поэтическая мысль может иногда родиться и вследствие какого-нибудь из тех обстоятельств, из которых слагается наша жизнь; но чаще всего и почти всегда она есть не что иное, как случай действительности в возможности, и потому в поэзии не имеет никакого места вопрос: "Было ли это?"; но она всегда должна положительно отвечать на вопрос: "Возможно ли это, может ли это быть в действительности?". Самое обстоятельство может только, так сказать, натолкнуть поэта на поэтическую идею и, будучи выражено им в стихотворении, является уже совсем другим, новым и небывалым, но могущим быть.

318-19- Поэтическая мысль и действительность.

/с. 331 (546)/:

/.../ мы уже обрекли себя тяжелой роли говорить резко и определенно то, чему сначала никто не верит, но в чем скоро все убеждаются, забывая того, кто первый выговорил сознание общества и на кого оно за это смотрело с насмешкою и неудовольствием ...

331. - Общественная воля Белинского.

Деяния Петра Великого, мудрого преобразователя России, собранные из достоверных источников и расположенные по годам. Сочинение И.И. Голикова. Издание второе. Москва. 1837-1840. Томы I-XII.

История Петра Великого. Сочинение Вениамина Бергмана. Перевел с немецкого Егор Аладьин. Второе, сжатое (компактное) издание, исправленное и умноженное. Санктпетербург. 1840. Три тома.

О России в царствование Алексея Михайловича. Современное сочинение Григорья Котихина. Санкт-Петербург. 1840.

/с. 333-402 (т. 5, с. 91-152)/

/с. 335 (93)/:

Петр Великий есть величайшее явление не нашей только истории, но и истории всего человечества; он божество, воззванное нас к жизни, вдунувшее душу живую в колоссальное, но поверженное в смертную дремоту тело древней России:/.../

335. - О Петре.

/с. 374-375 (118-119)/:

(/.../ мы понимаем, что могут быть и такие отрицатели гения Пушкина, которые в тысячи раз достойнее уважения многих безусловных почитателей славы великого поэта, повторяющих чужие слова. Явление таких отрицателей обнаруживает не холодность общества к истине, но скорее рождающуюся любовь к ней: ибо безусловное признание чего-нибудь без рассуждения, без поверки разумом, скорее, чем сомнение и отрицание, есть признак апатического равнодушия общества к делу истины. Нет: явление таких отрицателей в молодом обществе есть признак рождающейся мыслительной жизни.)

Ср. Писарева.

/с. 390 (137)/:

И потому, господа защитники варварской старины нашей, воля ваша, а Петру Великому мало конной статуи на Исаакиевской площади: алтари должно воздвигнуть ему на всех площадях и улицах великого царства русского! ...)

390.-Алтари Петру Великому.

/с. 392 (140)/:

(Могла ли Россия начинать с начала, когда перед ее глазами был уже конец? Неужели ей нужно было начать, например, военное искусство с той точки, с которой оно началось в Европе во времена феодализма, когда в нее стреляли из пушек и мортир, а нестройные толпы ее могли поражать стройные ряды, вооруженные штыками, повертывавшиеся по

392 - Чер/нышевский/ об общине.

Чер/нышевский/ об общине.

команде одного человека? Смешная мысль! Если же Россия должна была учиться военному искусству, в каком было оно состоянии в Европе XVII века, то должна была учиться и математике, и фортификации, и артиллерийскому и инженерному искусству, и навигации, а если так, - могла ли она приниматься за геометрию не прежде, как арифметика и алгебра уже укоренятся в ней, и их изучение окажет полные и равные успехи во всех сословиях народа.)

/с. 393 (141)/:

Да, у нас все должно было начинать сверху вниз, а не снизу вверх, ибо в то время, как мы почувствовали необходимость сдвинуться с места, на котором дремали столько веков, мы уже увидели себя на высоте, которую другие взяли приступом.

393 - Сверху вниз.

НВ

Римские элегии. Сочинение Гете. Перевод Струговщикова. Санкт-Петербург. 1840.

/с. 444-484 (т. 5, с. 229-263)/

/с. 481 (259)/:

(Художественна только та форма, которая рождается из идеи, есть откровение духа жизни, свежо и здорово веющего.)

481 - Ср. Чернышевского/.

НВ

5

Белинский В.Г. Сочинения. В 4 т. /С портр. и факс. авт., грав. с карт. Наумова и статьей Н.К.Михайловского. - Т. I. 1834-1840. - Спб.: Ф. Павленков, 1896. - 4 с., 980 стб.[19]

Д 6237-I

Белинский В.Г. Полн. собр. соч., т. I,2,3.

Литературные мечтания. (Элегия в прозе)

/стб. I-92 (т. I, с. 20-104)/

/стб. 23 (с. 41)/:

(Это сословие наиболее обмануло надежды Петра Великого: грамоте оно всегда училось на железные гроши, свою русскую смышленность и сметливость обратило на предосудительное ремесло толковать указы; вмучившись кланяться и подходить к ручке дам, не разучилось своими благородными руками исполнять неблагородные экзекуции.

23 - Разночинцы 23.

НВ

/стб. 54-55 (с. 70)/:

Люди, хладнокровные к умственной жизни, могут ли понять, как можно предпочитать истину приличиям и из любви к ней навлекать на себя ненависть и гонение? О! им никогда не постичь, что за блаженство, что за сладострастие души, сказать какому-нибудь гению в отставке без мундира, что он смешон и жалок с своими детскими претензиями на

Полемика.

великость, растолковать ему, что он не себе, а кри-
куну-журналисту обязан своею литературной значи-
тельностью /.../

О стихотворениях г. Баратынского

/стб. 143-152 (т. I, с. 320-327)/

/стб. 147 (с. 323)/:

В деле литературы у всякого народа бывают эпо-
хи очарования и разочарования. Сначала господствует
безотчетное удивление; все кажется прекрасным, ве-
ликим, бессмертным; авторитеты царствуют, как олим-
пийские боги, и едва соблаговолят преклонить свой
слух к гимнам хвалений. И какой многолюдный Олимп!
Если бы он сошел на землю, то недостало бы ни мест,
ни материалов для построения ему приличных храмов.
Это эпоха веселая, как и все эпохи очарования, но
глупая и пошлая, как все эпохи торжества посредст-
венности, самозванства, безвкусия, унижения искусст-
ва, мотивы, здравого смысла.

/7/ нпс - социо-логи.

Полное собрание сочинения Д.И.Фонвизина. Издание
второе. Москва. 1838.

Юрий Милославский, или Русские в 1612 году. Сочи-
нение М.Загоскина. Издание пятое. Три части. Москва.
1838. (Критика. Статья первая).

/стб. 303-322 (т.2, с.550-565)

/стб. 307 (с.553)/:

/.../ Мы /русские. - Сост./ возьмем, как свое,
все, что составляет исключительную сторону жизни
каждого европейского народа, и возьмем ее - не как
исключительную сторону, а как элемент для пополне-
ния нашей жизни, исключительная сторона которой дол-
жна быть - многосторонность, не отвлеченная, а живая,
конкретная, имеющая свою собственную народную физио-
номию и народный характер. Мы возьмем у англичан их
промышленность, их универсальную практическую дея-
тельность, но не сделаемся только промышленниками и

/9/клеткина. 20

деловыми людьми; мы возьмем у немцев науку, но
не сделаемся только учеными; мы уже давно берем
у французов моды, формы светской жизни, помало-
кое /.../

Очерки Бородинского сражения. (Воспоминания
о 1812 годе). Сочинение Ф. Глинки, автора "Писем
русского офицера". Москва. 1839.

/стб. 333-368 (т. 3,с. 325-356)/

/стб. 340 (с. 327)/:

Действительность, как являющийся, отелесненный
ся разум, всегда предшествует сознанию, потому что
прежде нежели сознавать, надо иметь предмет для со-
знания. Вот почему естествознание, или учение о
природе, явилось гораздо после самой природы, гра-
матики после языка, истории после пережитой народа-
ми жизни. Все что ни есть - есть или являющийся ра-
зум (разум в явлении), или сознающий разум (разум в
сознании). Дело сознающего разума - сознавать дейст-
вительность, а не творить ее /.../

Гегель.

/стб. 356 (с. 342-343)/:

Чтобы лучше показать двойственность человека
в субъективном и объективном мире, напомним Петра
в другие две минуты. Вспыхивает стрелецкий бунт,
и душа заговора - родная сестра царя-исполина
/царевна Софья Алексеевна. - Сост./; брат о ней
плачет, а царь ее судит и карает... Надежда ве-
ликого царя, боявшегося и трепетавшего только од-
ной смерти - смерти своей идеи реформы, - тот,
кто мог и продолжить и укрепить или прекратить и
изгнать ее, его родной, его единственный сын /ца-
ревич Алексей Петрович. - Сост./, восстает на от-
ца и царя и восстает именно как на преобразовате-
ля... Весы суда готовы: на одной стороне естествен-

Напомнить это Михайловскому 21

мая любовь родителя, на другой – судьба народа... Народ победил – страшная: величественная и торжественная минута!... Солнце должно было остановиться в своем вечно довременном течении, природа притаить дыхание, пульс мировой жизни прерваться, в ожидании страшного решения, чтобы потом забиться новою, удвоенною жизнию, потечь вновь, ускоренным течением от чувства торжества... Великий подвиг великого человека! – восклицаете вы в гордом сознании торжества достоинства человеческой природы. Мир объективный победил мир субъективный, общее победило частное!

/отб. 367–368 (с. 356)/:

Мнение есть произвольное понятие, основанное на поговорке: "мне так кажется"; какое же дело публике до того, что и как кажется тому или другому господину?... Притом один и тот же предмет одному кажется так, другому иначе, а большей части обыкновенно вверх ногами. Вопрос не в том, как кажется, а в том – как есть в самом деле, и этот вопрос может решаться не мнением, а мыслию /.../ теперь безвозвратно проходит и то блаженное время, когда непризванный критик, как бы издеваясь над публикою, объявлял, что личное ощущение – высокий критерий изящного /.../

Ср. Михайлов/ского/.

Ср. Михайлов/ского/.

Менцель, критик Гете

/отб. 369–406 (т. 3,с. 385–419)/

/отб. 373 (с. 388)/:

/.../ Я прав, и они правы, у всякого-де барона своя фантазия. Такая критика очень легка и нравится толпе, которая вообще любит все, что вровень с нею и не оскорбляет ее маленького самолюбия своей "непонятливостию".

Критика Протопопова[22].

Горе от ума. Комедия в 4-х действиях, в стихах. Сочинение А.С. Грибоедова. Второе издание. Ст-П-бург. 1839.

/отб. 405–478 (т. 3,с. 420–487)/

/отб. 439 (с. 450)/:

(Отчего же так привязывают вас к себе эти люди /герои повести Н.В. Гоголя "Старосветские помещики"; – Сост.), добродушные, но ограниченные, даже и не подозревавшие, что может существовать сфера жизни, высшая той, в которой они живут и которая вся состоит в спанье или в почивание и кушании! Оттого, что это были люди, по своей натуре неспособные ни к какому злу, до того добрые, что всякого готовы были угостить на смерть, люди, которые до того жили один в другом, что смерть одного была смертию для другого, смертию, в тысячу раз ужаснейшей, нежели прекращение бития; следовательно, основою их отношений была любовь, из которой вышла привычка, укрепленная любовь.)

А каковы были их отношения к крестьянам /Т/

/отб. 475 (с. 484)/:

Но если вычеркнуть места из монологов, где действующие лица проговариваются, из угождения автору, против себя, – это будут /.../ лица типические, характеры художественно созданные, хотя и не составляющие комедии сколки взаимных отношений.

Очень хорошо.

6

Белинский В.Г. Сочинения. В 4 т. /С портр. и факс. авт., грав. с карт. Наумова и статьей Н.К.Михайловского. - Т. II. 1840-1842. - Спб.: Ф.Павленков, 1896. - 4 с., 996 стб.

Л. 6237-2.

Белинский В.Г. Полн. собр. соч., т. 4.

Герой нашего времени. Сочинение М. Лермонтова. С.-Петербург. 1840. Две части.

/стб. I-82 (с. 193-270)/

/стб. 75 (с. 263)/:

Душа Печорина не каменистая почва, но засохшая от зноя пламенной жизни земля: пусть взрыхлит ее страдание и оросит благодатный дождь, - и она произрастит из себя пышные, роскошные цветы небесной любви ... Этому человеку стало больно и грустно, что его все не любят, - и кто же эти "все"? - Пустые, ничтожные люди, которые не могут простить ему его превосходства над ними.

Эпиграф к статье о Печорине.

Стихотворения М. Лермонтова. Санкт-Петербург. 1840.

/стб. 81-140 (с. 479-547)/:

/стб. 83 (с. 479)/:

(Если я под словом "идеализирование" разумею

Ср. Майко

предоставление действительности совсем не так, как она есть, - колдуй мелей, дабы чувства, то как уверите вы меня, что "идеализирование" действительности есть только подчинение взятых из нее материалов известной цели, извлечение из нее, так сказать, ее сущности и сочленение в живое и органическое целое разнородных, по видимому, частей?)

/стб. 87 (с. 483)/:

А что ж, разве это не великое счастие - пробудить полет и высокому в иной дремлющей душе? Разве это не великое счастие - родить в себе сочувствие в сердце, которого мы никогда не знали и не узнаем, которое живет, может быть, в далеком от нас уголку этого мира, но которое от наших строк забьется в лад с нашим сердцем и, в общем человеческом интересе, сознает свое родство с нами по духу, в ознаменование торжества духа над условиями пространства и времени! ...)

Ср. Флобера[24].

/стб. 95 (с. 490)/:

(Да, ландшафт, созданный на полотне талантливым живописцем, лучше всяких живописных видов в природе.)

Ср. Чернышевского.

/стб. 102 (с. 498)/:

Поэзия говорит душе образами, - и ее образы суть выражение той вечной красоты, первообраз которой блещет в мироздании и во всех частных явлениях и формах природы. Поэзия не терпит отвлеченных идей в их бестелесной наготе, но самые отвлеченные понятия воплощает в живые и прекрасные образы, в которых мысль сквозит, как свет в граненом хрустале. Поэт видит во всем форму, краски и всему дает форму и цвет, овеществляет невещественное, делает земным небесное - да светит земное небесным

Поэзия и философия.

том! Для поэта все явления в мире существуют сами по себе; он пересаляется в них, живет их жизнью и с любовью лелеет их на своей груди, так, как они есть, не изменяя по своему произволу их сущности.

/стб. 103 (с. 499)/:

(Итак, вдохновение есть источник всякого творчества; но искусство выше природы настолько, насколько всякое сознательное и свободное действие выше бессознательного и невольного;)

Ср. Чернышевского/.

/стб. 107 (с.502-503)/:

В первых своих лирических произведениях Пушкин является провозвестником человечности, пророком высоких идей общественных; но эти лирические стихотворения были столько же полны светлых надежд, предчувствия торжества, сколько силы и энергии. В первых лирических произведениях Лермонтова, разумеется, тех, в которых он особенно является русским и современным поэтом, также виден избыток несокрушимой силы духа и богатырской силы в выражении; но в них уже нет надежды, они поражают душу читателя безотрадностью, безверием в жизнь и чувства человеческие, при жажде жизни и избытке чувства ...

Крайне важно.

/стб. 124 (с. 522)/:

Если под "сатирой" должно разуметь не невинное зубоскальство веселеньких остроумцев, а гром негодования, грозу духа, оскорбленного позором общества, - то "Дума" Лермонтова есть сатира, и сатира есть законный род поэзии.

I23. - О сатире[x]

---

x Плеханов, видимо, ошибочно указал стб. I23, так как в нем нет о сатире ничего, а в стб. I24 отчеркнуто и подчеркнуто это место.

7

Белинский В.Г. Сочинения. В 4 т. /С портр. и факс. авт., грав. с карт. Наумова и статьей Н.К.Михайловского. - Т. 3. 1842-1844. - Спб.: Ф.Павленков, 1896. - 4 с., 694 стб.

Д. 6237-3.

Белинский В.Г: Полн. собр. соч., т. 7.

Сочинения Александра Пушкина. Санктпетербург. Одиннадцать томов. 1838-1841 г.

/стб. 275-704 (с. 97-579)/

/стб. 459 (с.309)/:

(При этом вы строго рискните в обстоятельства, которые, независимо от его воли, не могли не иметь большего или меньшего влияния на его деятельность и больше всего на дух времени, в которое он явился, на нравственное состояние, в котором он застал общество, и покажете, шел ли он наравне с своим временем, был ли его хорегом или только старался подпевать под его песни.)

Признание историч/еской/ критики.

/стб. 495 (с. 345)/:

(Никто, кроме людей ограниченных и духовно-малолетних, не обязывает поэта воспевать непременно гимны добродетели или карать сатирою порок; но каждый умный человек вправе требовать, чтоб поэзия поэта или давала ему ответы на вопросы вре-

Да почем вы знаете, что "черезъ" занята этими вопросами?

меня, или по крайней мере исполнена была скорбью этих тяжелых, неразрешимых вопросов.)

/стб. 535 (с. 389)/:

Прислушивался к нему /к Алеко из "Цыган" А.С. Пушкина. – Сост./, не можешь не верить, чтоб человек, обладающий такою силою мечь огнем уст своих, не был существом высокого разряда, – существом, исполненным светлого разума и пламенной любви к истине, глубокой скорби об унижении человечества ... Вы видите в нем героя убеждения, мученика тесных, недоступных толпе откровений ... Как высоко стоит он над этой превратной толпою, которую так незадолго поражает громом своего благородного негодования! ... Но здесь-то и скрывается великий урок для оценки истинного достоинства; здесь-то и можно видеть, как легко быть героем на счет чужих пороков, заблуждений и слабостей и как мудрено быть героем на свой собственный счет, – как всякого должно судить не по одним словам его, но если по словам, то не иначе как подтвержденным делами.

Это истор/ическая/ критика поучение.

/стб. 536 (с. 390)/:

Кто устоит против разлуки,
Соблазна новой красоты,
Против усталости и скуки
Или своенравия мечты?

Ср. что говорит Б/елинский/ в письме...[X]

/стб. 545 (с. 399)/:

/.../ несмотря на всю возвышенность чувствований старого цыгана, он не высший идеал человека: этот идеал может реализироваться только в

[X] Последнее слово частично срезано при переплете и не поддается расшифровке.

существе сознательно разумном, а не в непосредственно-разумном, не вышедшем из-под опеки у природы и обычая. Иначе, развитие человечества через цивилизацию не имело бы никакого смысла, и люди, чтоб сделаться разумными и справедливыми, должны бы в диком состоянии видеть свое призвание и свою цель. Человечество должно было помириться с природою, но не иначе, как достигши этого примирения свободою, путем духовного, противоположного природе, развития. Для того-то и расталася некогда человек с природой и объявил ей борьбу на смерть, чтоб стать выше ее, и потом, даже примирившись с ней, быть выше ее, как дух выше материи, сознающий разум выше бессознательной действительности.

Идеализм.

/стб. 587 (с. 445)/:

В царствование Александра Благословенного значение этого, во всех отношениях лучшего, сословия все увеличивалось и увеличивалось, потому что образование все более и более проникало во все углы огромной провинции, усвоялось помещичьими влечениями.

Дворянство

/стб. 605 (с. 466)/:

(Мы лучше думаем о достоинстве человеческой натуры и убеждены, что человек родится не для зла, а на добро, не на преступление, а на разумно-законное наслаждение благами бытия, что его стремления справедливы, инстинкты благородны.)

Из этого не следует, что на добро.

/стб. 637-638 (с. 502)/:

(И потому в самой сатире его /А.С. Пушкина.– Сост./ так много любви, самое отрицание его так часто похоже на одобрение и на любование ... Вспомните описание семейства Ларины во второй главе и особенно портрет самого Ларина ... Это

было причиною, что в "Онегине" многое устарело теперь. Но без этого, может быть, и не вышло бы из "Онегина" такой полной и подробной поэмы русской жизни, такого определенного факта для отрицания мысли, в самом же этом обществе так быстро развивающейся ...)

Разгад/ка/ появле/ния/ Писар/ева/ [25], кв

/стб. 638 (с. 503)/:

(Пусть идет время и приводит с собою новые потребности, новые идеи, пусть растет русское общество и обгоняет "Онегина": как бы далеко оно ни ушло, но всегда будет оно любить эту поэму, всегда будет останавливать на ней исполненный любви и благодарности взор ...)

Тут ошибс/я/ просве/ти/тель з/а/бывш/ий/ Гегеля der Widerspruch [x]

/стб. 653 (с. 519)/:

Народ даже старался, силился полюбить Годунова – и никак не мог ... Если у него и была на минуту любовь к Годунову, то в голове только, а не в сердце: ум и воображение народа удивлялись Годунову, а сердце молчало, упрямясь согласиться с умом и воображением ...

Почему же? Ответ см. стр. 655.

/стб. 653 (с. 519)/:

В Москве начались пожары: Борис казнил зажигателей и помог погоревшим; а народ обвинил его самого в зажигательстве и жалел о казненных, как о невинных жертвах ... Годунов стал преследовать распускателей этих слухов и казнить их: ничего худшего не мог он выдумать – это значило согласиться в справедливости слухов ...

Стало быть народ не любил его и ранее.

/стб. 654 (с. 520)/:

/.../ он честно, верно исполняет свою клятву – делить с народом последнюю рубашку свою ... И все

Свою.

[x] противоречие (нем.).

напрасно, все тщетно! ... Проносятся слухи о Самозванце; наконец Самозванец уже поддерживается Польшею, идет в Россию, к нему передаются русские толпами /.../

/стб. 655 (с. 521)/:

Любовь его /Бориса Годунова. – Сост./ к народу была не чувством, а расчетом, и потому в ней есть что-то ласкательное, льстивое, угодническое, и потому народ не обманулся ею и ответил на нее ненавистью.

Удивительное существо – народ! Почти всегда невежественный, грубый, ограниченный, слепой, – он непогрешительно истинен и прав в своих инстинктах; если он иногда обманывается с этой стороны, то на одну минуту – не более, и кто не любит его по внутренней, живой, сердечной потребности любить его, – тот может осыпать его деньгами, умирать за него, – он будет им превозносим и восхвалием, но любим никогда не будет.

Ответ.

/стб. 657 (с. 522)/:

Он /Борис Годунов. – Сост./ был только умнее своего времени, но не выше его. В нем самом жила старая Русь: доказательство – его тираньи и борода Бельского ...

А у Петра?

/стб. 659 (с. 524)/:

(Пушкин был человек предания гораздо больше нежели как об этом еще и теперь думают.)

Это так, оттого-то несимпатичен он Писареву.

/стб. 662 (с. 527-528)/:

/.../ эти прекрасные слова – ложь ... но ложь, которая стоит истины: так исполнена она по-

зяки, так обаятельно действует на ум и чувство! Сколько лиц в этом роде сказали Корнель и Расин, – и однако просвещеннейшая и образованнейшая нация в Европе до сих пор рукоплещет этой поэтической лжи!

Корнель Расин.

8

Белинский В.Г. Сочинения. В 4 т. /С портр. и факс. авт., грав. с карт. Наумова и статьей Н.К. Михайловского. – Т. IV. 1844–1849. – Спб.: т. Павленков, 1896. – 4 с., XLVI, 934 стб.[26]

Д. 6237–4.

Белинский В.Г. Полн. собр. соч. Т. 10.

Взгляд на русскую литературу 1846 года.

/стб. 437–496 (с. 7–51)/

/стб. 449 (с. 17)/:

/.../ рассмотрении его /славянофильство. – Сост./ ближе, нельзя не увидеть, что существование и важность этой литературной котерии чисто отрицательные, что она вызвана и живет не для себя, а для оправдания и утверждения именно той идеи, на борьбу с которою обрекла себя.

Комет.

/стб. 450 (с. 18)/:

Мы как будто испугались за нашу жизнь, за наше значение, за наше прошедшее и будущее и скорее хотим решить великий вопрос: "Быть или не быть?". Тут уже дело идет не о том, откуда пришли варяги – с Запада или с Юга, из-за Балтийского или из-за Черного моря, – а о том, проходит ли через нашу историю какая-нибудь живая органическая мысль, и если проходит, какая именно; какое наш отноше-

Вопрос, инт/е-ресующий/ Бел/инского/.

ким к нашему прошедшему, от которого мы как будто оторваны, и к Западу, с которым мы как будто связаны.

/отс. 462-463 (с. 28-29)/:

Что дикость в отношении к делу человека, то народность в отношении к делу человечества. Другими словами: народности суть личности человечества. Без национальностей человечество было бы мертвым логическим абстрактом, словом без содержания, звуком без значения. В отношении к этому вопросу я скорее готов перейти на сторону славянофилов, нежели оставаться на стороне гуманических космополитов, потому что если первые и ошибаются, то как люди, как живые существа, а вторые и потому-то говорят как такое-то издание такой-то логики ... Но, к счастию, я надеюсь остаться на своем месте, не переходя ни к кому ...

462-463 - Народность.

9

Белинский В.Г. Собрание сочинений: В 3 т. Юбилейн. изд. (1811-1911)/ Под ред. /Р.Э./ Иванова-Разумника, с его вступ. заметками к каждой ст. Белинского, примеч. и лит.-критич. и биогр. очерком; С прил. портр. Белинского и имен. алф. указателя ко всем 3 т. Т. I. - Спб.: тип. М.И. Стасюлевича, 1911. - CXXIV, 1040 стб., I с. - (Б-ка рус. критиков, I)[27]

Д. 6236-I.

Белинский В.Г. Полн. собр. соч., т. I, 3, 4.

Литературные мечтания. (Элегия в прозе)

/отс. 1-102 (с. 20-104)/

/отс. 43-44 (с. 50-51)/:

Фонвизин был человек с необыкновенным умом и дарованием; но был ли он рожден комиком - на это трудно отвечать утвердительно. В самом деле, видите ли вы в его драматических созданиях присутствие идеи, высшей идеи? Ведь смешной анекдот, приложенный на разговоры, где участвует известное число скотов, - еще не комедия /.../ Все умные суть не иное что, как выпускные куклы, говорящие заученные правила благонравия; и всё это потому, что автор хотел учить и исправлять /.../

Насмешка и шутливость составляют их /комедий Фонвизина. - Сост./ отличительный характер. Кроме

43-44. Фон-Визин.

NB

неподдельного дарования, они замечательны еще и по слогу, который очень близко подходит к Карамзинскому; особенно же драгоценны они тем, что заключают в себе многие резкие черты духа того любопытного времени.

Горе от ума. Комедия в 4-х действиях в стихах. Сочинение А.С. Грибоедова. Второе издание. С.-П. бург. 1839.

/отб. 583-663 (т. 3, с. 420-466)/

/отб. 646 (с. 470)/:

Русская комедия начинается задолго еще до Фонвизина, но началась только с Фонвизина.

646 – КВ. Фон-Визин.

Полное собрание сочинений А. Марлинского

/отб. 689-731 (т. 4, с. 21-53)/

/отб. 702-703 (с. 27-28)/:

Но главная и действительная заслуга их /второстепенных русских писателей 2-й половины XVIII в. – Сост./ состоит в том, что они отрицательно доказали положительную истину: через них понят был Державин так же, как потом через Державина были они поняты /.../ Да, люди, подобные Сумарокову, Хераскову, Петрову, Княжнину, Богдановичу, необходимы в историческом развитии литературы, как писатели, отрицательно действующие на сознание общества в сфере положительной истины. Много было в их время поэтов, написавших целые томы, как, например, Станевич, Николев, Сумков и подобные им; но их имена забыты, как случайности, тогда как имена Сумарокова, Хераскова, Петрова, Княжнина, Богдановича навсегда останутся в истории русской литературы /.../

Отрицательное доказательство положит/ельной/ истины.

КВ

IO

Белинский В.Г. Собрание сочинений: В 3 т. Юбилей. изд. (1811-1911)/ Под ред. /Р.В./ Иванова-Разумника, с его вступ. заметками и биогр. очерком; С прил. портр. Белинского и имен. алф. указ. ко всем 3 т. Т. II. – Спб.: тип. М.М. Стасюлевича, 1911. – 1140 стб., 2 с. – (Б-ка рус. критиков, I).[28]

Д. 6236-2.

Белинский В.Г. Полн. собр. соч., т. 5, 6, 8.

Русская литература в 1841 году

/отб. 237-318 (т. 5, с. 521-588)

/отб. 295 (с. 569)/:

Фонвизин, как умный писатель, которого небольшая книга имеет для нас значение "мемуаров", передавших нам дух и характер русского XVIII века /.../

Фон-Визин. 295, '37, 518, 523, 569, 754.

Речь о критике, произнесенная в торжественном собрании императорского Санкт-Петербургского университета марта 25-го дня 1842 года экстраординарным профессором, доктором философии, А. Никитенко. Санкт-Петербург, 1842.

/стб. 453-534 (т. 6, с. 267-334)/

/стб. 498 (с. 302)[x]/:

В Париже, как известно, невежд немало, как и везде; ибо вселенная по большей части ими наполнена. Слово чернь принадлежит низкому народу, а не слово: подлой народ; ибо подлой народ суть каторжники и протчие презренные твари, а не ремесленники и земледельцы. У нас оне имя всем тем дается, которые не дворяне. Дворянин! великая важность! Разумный священник и проповедник величества божьего, или кратко богослов, естествослов, астроном, ритор, живописец, скульптор, архитектор и протч. по сему слепому положению, - члены черни. О несносная дворянская гордость, достойная презрения и поругания! Истинная чернь суть невежды, хотя бы они и великие чины и зли, богатство Крезево, и влекли бы свой род от Зевса и Юноны, которых никогда не бывало; от сына Филиппова победителя или паче разорителя вселенной, от Июлия Цезаря утвердившего славу римскую, или паче разрушившего оную.

Ср. Новикова

498. - Ср. Пушкина. Новикова и Пушкина.

Ср. Пушкина.

Сочинения Державина. Четыре части. Санкт-Петербург. 1843.

/стб. 661-736 (т. 6, с. 582-658)/

/стб. 708 (с. 623)/:

Уже ко старости приходил,
И смерть к нам смотрит чрез забор.

Смерть.

[x] Цитата из рец. А.П. Сумарокова на перевод и постановку драмы П.-О.-К. Бомарше "Евгения".

/стб. 712 (с. 629)/:

О, XVIII век! о, русский XVIII век!..

712 - XVIII в.

/стб. 714 (с. 631)/:

Сей день иль завтра умереть,
Перфильев, должно нам конечно;
Почто ж терзаться и скорбеть,
Что смертный друг твой жил не вечно?
Жизнь есть небес мгновенный дар:
Устрой ее себе к покою
И с чистою твоей душою
Благословляй судеб удар.

714 - Девиз русского/ XVIII в.

NB

/стб. 720 (с. 638)/:

Изволит царствовать правдиво,
Не жжет, не рубит без суда /.../

720, 723. Царствование Екатерины.

/стб. 729 (с. 650)/:

Война, как северно сиянье,
Лишь удивляет чернь одну:
Как светлой радуги блистанье,
Всяк мудрый любит тишину.

729 - Любовь к миру.

Портретная галлерея русских писателей. I. Кантемир

/стб. 1039-1060 (т. 8, с. 613-634)/

/стб. 1042 (с.

/.../ Его /А.П. Сумарокова. - Сост./ нападки на подьячих не были бесполезны: если они не исправляли нравов, зато поддерживали в обществе сознание, что порок есть все-таки порок, хотя бы он был и неизбежным злом.

1042 - Порок есть все-таки порок.

II

Белинский В.Г. Письма: В 3 т. /Ред. и примеч. Е.А. Ляцкого. Т. I. - Спб.: "Огни", 1914. - УШ, 427 с.[29]

Д. 6949-I.

Белинский В.Г. Полн. собр. соч., т. II.

Д.П. Иванову, 7 августа 1837 г.
/с. 83-101 (138-156)/

/с. 91 (148)/:

Для нее /России. - Сост./ назначена совсем другая судьба, нежели для Франции, где политическое направление и наук, и искусства, и характера жителей имеет свой смысл, свою законность и свою хорошую сторону. Франция есть страна опыта, применения идей к жизни. Совсем другое назначение России. Если хочешь понять ее назначение - прочти историю Петра Великого - он объяснит тебе всё. Ни у какого народа не было такого государя. Все великие государи других народов ниже Петра, все они были выражением жизни своих народов и только выполняли волю своих народов, творя великое, словом, все они были вод влиянием своих народов. Петр, наоборот, был выскочкой из своего народа, он не воспитал его, но перевоспитал, не создал, но пересоздал.

Петр.

I2

Белинский В.Г. Письма: В 3 т. /Ред. и примеч. Е.А. Ляцкого. Т. II. - Спб.: тип. М.М. Стасюлевича, 1914. - 439 с.[30]

Д. 6949-2

Белинский В.Г. Полн. собр. соч., т. I2.

Н.В. Гоголю, 20 апреля 1842 г.
/с. 308-310 (107-109)/

/с. 309 (108)/:

/.../ на мутном дне самолюбия бессознательно шевелилось желание блеснуть и беспристрастием. Вообще, мне страх как хочется написать о Ваших сочинениях. Я опрометчив и способен вдаваться в дикие нелепости; но - слава богу - я, вместе с этим, одарен и движимостью вперед и способностию собственные промахи и глупости называть настоящим их именем и с такою же откровенностию, как и чужие грехи.

Ликвидаторам.

Д.П. Иванову, 6 ноября 1842 г.
/с. 312-315 (с. 111-113)/

/с. 313 (112)/:

Это истинный Калибан: ни малейшего понятия о самых простых отношениях эстетических к людям, одичалость, грубость, нелепость. Боже мой, что я вытерпел с ним в это время, сколько крови и желчи пере-

Калибан[31].

портил у себя! /.../ Кто недостоин жизни – тот умирай. На Кавказ, впрочем, он поехал по своему собственному желанию: мне хотелось, чтобы он служил в Москве или около Москвы.

Н.А. Бакунину, 28 ноября 1842 г.
/с.321-324(II8-I2I)/

/с. 322-323 (II9-I20)/:

Есть понятия религиозные, отсутствие которых в человеке может сделать человека и презренным, и ненавистным. Есть понятия, для которых и жизнь и счастие жизни – возможные жертвы! Есть понятия, которые смущают покой вечный, отравляют пищу, которые по воле и вскипятят и прохлаждают кровь. Читали ли Вы когда Ветхий завет, думали ли Вы о значении идолизма? Знаете ли Вы, что такое ревность до гроба, снедающая заповеди? Что человек без бога? – труп холодный. Его жизнь в боге, в нем он и умирает и воскресает, и страдает, и блаженствует. А что такое бог, если не понятие человека о боге? Я понимаю, что для того, чтобы полюбить женщину, не нужно делать экзамена ее понятиям; но я, по моей фанатически-нетерпимой и субъективной натуре, я могу или еще более полюбить пленивший меня женственный образ за его понятия, или совсем разлюбить его за них. Увы! Я некогда сам думал (или, вернее сказать, принуждал себя думать), что любят не за понятия, и поэтому подозревал Мишеля[x] в сухости и мертвенности натуры; но, повторяю, он одержал надо мною победу, которой может и радоваться. Но об этом мы еще потолкуем. Прибавлю только, что я нисколько не раскаиваюсь и не жалею о моих размолвках с Мишелем: всё это было необходимо и быть иначе не могло. Гадки и подлы ссоры личные, но борьба за "понятия" – дело святое, и горе тому, кто не боролся!

Борьба за понятия.

[x] М.А. Бакунина.

I3

Герцен А.И. Сочинения /в I0 т./ /С предисл. /Г.Н. Вырубова/. – Genève etc.: Georg, 1875. T.I. XXII, 383 с. – Загол. паралл. на фр. яз.: Oeuvres d'Alexandre Herzen.[32]

Д. 6240-I.

Герцен А.И. Собр. соч. в 30 т., т. 2,3.

Дневник I842-I845
/с. I-276 (т. 2, с. I99-4I3)/

/с. 9 (207)/:

При всем том эта ступень развития чрезвычайно важна и сделала существенную пользу. Ошибка их /французских просветителей XVIII в. – Сост./ состояла в том, что они, понявши генезис духа во временном, конечном, приняли его за произведение материи, за материю. Генезис отчасти верен у них; даже если бы несколько шагов они пробились бы дальше, то они сами поняли бы, что они со словом материи сопрягают еще что-то облекающее ее, призывающее ее к жизни, что-то вечное, бесконечное, имеющее разные проявления и прочие атрибуты, не идущие страдательной материи.

Материализм.

Sic!

/с. I0 (208)/:

Надобно оставить перебродить эту материю творца и творения вместе, и она должна сама выработаться из лукрецианской тенденции в направление

современной духовной философии. Это движение сильнее разума. Это его феноменология.

25 марта 1842 г.[33]

/с. II (209)/:

(Силы обязательной указ не имеет, это предложение тем, кто хотят. Побудительной причины хотеть не предвидится.) Состояние крестьян немного улучшится.

II – указ об обязан/ных/ крестьянах. нв.

/с. I8/ (2I4)/:

Грустно в мире Чичикова, так, как грустно нам в самом деле; и там и тут одно утешение в Боге и упование на будущее; Но веру эту отрицать нельзя, и она не просто романтическое упование ins Blaue[x], а имеет реалистическую основу, кровь как-то хорошо обращается у русского в груди.

Sic! I8 – реалистич. основа веры Герцена;

/с. I8/ (2I4)/:

(барству, чиновничеству мы не хотим простить вины, да и они на нашего брата смотрят, как на безумного, а православный народ, которому, для которого, за который всякий благородный человек готов бог знает, что сделать, – если не в открытой войне, в которой он нас опутывает сетью мошенничества, то он молчит и недоверяет, насколько не доверяет; я это испытывал очень часто; когда он видит простой расчет, дело другое, но когда не из расчета, а просто из добронелательства что-нибудь сделаешь, он качает головой и боится быть обманутым.)

Барство I8 – Барство.

/с. 27/ (22I)/:

С славянофилами столько же мало можно говорить, и они так же нелепы и вредны, как шпицруты. Решительно нет места речи и слову. Религиозные

[x] ввысь (нем.).

люди, например, часто прибегают к уловке: "да, по разуму-то так, да разум-то спотыкается". Так и славянофилы: "да, все это по-европейски так, а по-нашему нет". Вообще они до чрезвычайности /.../

27. – Славянофилы.

/с. 3I (224)/:

Одна из статей /в "Deutsche Jahrbücher". – Сост./ оканчивается прямо: надобно решиться, и однажды навсегда: "Христианство и Монархия или Философия и Республика!". И вот Германия laissée[xx] в эмансипацию политическую и с своим характером твердой мысли, глубины и притом квиетизма!

3I – политика в Германии.

/с. 52-53 (240-24I)/:

Славянофильство приносит ежедневно пагубные плоды, открытая ненависть к Западу есть открытая ненависть ко всему процессу развития рода человеческого, ибо Запад, как преемник древнего мира, как результат всего движения и всех движений, – все прошлое и настоящее человечество /.../ От done[xx] вместе с покорностью и пренебрежением к Западу – ненависть и пренебрежение к свободе мысли, к праву, ко всем гарантиям, ко всей цивилизации. Таким образом, славянофилы сами собою становятся со стороны правительства, и на этом не останавливаются, идут далее. Правительство тесно бессмысленно, оно имеет шпионов, которые доносят вздор, оно за вздор бьет казнями и сосланными, но нет настолько образованных шпионов, чтоб указывать всякую мысль, сказанную из свободной души, чтоб понимать в ученой статье направление и пр. Славянофилы взялись за это /.../ Слава Петру, отрекшемуся от Москвы! Он видел в ней зимующие корни узкой на-

52 – Г./ерцен/ о славянофилах и Запале.

52-53 – Славянофилы.

[xx] бросившаяся (фр.).

[xx] Итак (фр.).

родность, которая будет противодействовать европеизму и старается снова оторгнуть Русь от человечества.

/с. 55 (242)/:

Письмо от Белинского. Фанатик, человек экстремы, но всегда открытый, сильный, энергичный. Его можно любить или ненавидеть, середины нет. Я истинно его люблю. Тип этой породы людей - Робеспьер. Человек для них ничего, убеждение - все.

№ 55 - Белинский

/с. 57 (244)/:

Иван Киреевский, конечно, замечательный человек; он фанатик своего обеждения так, как Белинский своего. Таких людей нельзя не уважать, хотя бы с ними и был диаметрально противуположен в воззрении /.../

Из /ан/ Киреевский.

/с. 64 (250)/:

Вчера продолжительный спор у меня с Хомяковым о современной философии. Удивительный дар логической фасцинации[x], быстрота соображения, память чрезвычайная, объем пониманья широк, верен себе, не терпит ни на минуту arrière-pensée[xx], к которой идет. Необыкновенная способность.

64 - Хомяков.

/с. 65-66 (251-252)/:

Результат его /Хомякова. - Сост./: Гегель и гегельяне представляют высший момент философии, совершенно последовательный и необходимый из всего предшествовавшего развития, но этот результат доводит до построения идеального, параллельного ре-

[x] от "fascination" (фр.) - околдование.

[xx] задней мысли (фр.).

альному - но не реального, доводит в последнем слове до имманентизма и распадающегося хаотического атомизма. След., до нелепости /.../ Итак, логическим путем одним нельзя знать истину. Она воплощается в самой жизни - отсюда религиозный путь.

66 - Хомяков о религии.

/с. 69 (254)/:

Пора снова приняться за серьезное чтение; 1842 проведен со стороны занятий прекрасно, хоть не бесполезно. Сначала усердное чтение Гегеля, понимание и воспроизведение книг его учеников, тогда же и первая статья о дилетантизме /.../

№ 69. Г./ерцен/ изучает Гегеля в 1842 г. 69 - "Дилетантизм" по Гегелю.

№ 69. Причина утопизма (обманного) Герцена.

/с. 71 (256-257)/:

В одном из последних № /"Deutsche Jahrbücher" - Сост./ была статья француза Jules Elisard о современном духе реакции в Германии. Художественно-превосходная статья. И это чуть ли не первый француз, (которого я знаю), понявший Гегеля и германское мышление /.../

Бакунин/м/

/с. 71-72 (257)/:

Страшное сознание гнусной действительности, борьбы - заставляет искать примирения во что б ни стало, примирения во всякой нелепости, самообольщении[x] - лишь бы была деятельность мысли, лишь бы

71-2. Причина утоп/ия/.

[x] Правка Г.В. Плеханова (в 30-томном Собр. соч. А.И. Герцена это слово оставлено без изменений).

оторваться от действительности и найти причину, почему она так гадка. Вот причина этого изобилия партий, самых непонятных в Москве.

/с. 75 (260)/:

Правительство подыскивается и приготовляет лазейки славянофилам. Оно само поставило знаменем народность, но оно и тут не позволяет идти дальше себя: о чем бы ни думали, как бы ни думали - никогда. Надобно слуг и создает, которых вся жизнь проходит в случайных интересах и которые принимают за патриотизм дисциплину.

ср. И. Ак./сакова/.

/с. 83 (266)/:

(Общественное управление собственностями и капиталами, артельное житье, организации работ и возмездий и право собственности, поставленное на иных началах. Не совершенное уничтожение личной собственности, а такая инвеституры обществом, которая государству дает право общих мер, направлений.)

№ 83 - социалистическая/ программа Гакстена.

/с. 91 (273)/:

Что за прекрасная, сильная личность Ивана Киреевского! Сколько погибло в нем, и притом развитого! Он сломался так, как может сломаться дуб. Жаль его, ужасно жаль. Он чахнет, борьба в нем продолжается глухо и подмывает его. Он один искупает всю партию славянофилов.

91 - Киреевский.

/с. 93 (274)/:

Длинный разговор о философии с Ив. Киреевским. Глубокая, сильная, энергическая до фанатизма личность. Наука, по его мнению, - чистый формализм, самое мышление - способность формальная, отсюда огромная сторона истины, ее субстанциальность,

Киреевский.

является в науке только формально и, след., абстрактно, не истинно или бедно истинно.

/с. 98 (278)/:

(Наше состояние безвыходно, потому что ложно, потому что историческая логика указывает, что мы вне наших потребностей и наше дело - отчаянное отчаяние.) Отчаяние безсимпатичное, не оценяемое и, конечно, полезное для будущего, но нам не дающее никакого личного вознаграждения /.../

№ ср. Бел./инского/[34] 98 - мы вне наших/своих/ потребностей

/с. 102-103 (281)/:

(Я имел случай говорить с Гакстгаузеном; меня удивил ясный взгляд на быт наших мужиков, на помещичью власть, земскую полицию и управление вообще. Он находит важным элементом, сохранившимся из глубокой древности, общинность, его-то надобно развивать, сообразно требованиям времени.) etc .[x] /...

102 - Община. 102-3 первое упоминание об общине[35]. ав

/с. 106 (284)/:

"Histoire de Xans", L.Blanc . Чрезвычайно замечательное явление по взгляду, по изложению и по revelations[xx].

106-7 Луи-Блан.

/с. 110 (287)/:

Отличительная черта французского правления после революции 30 года - ограниченность, коварство и старание мошенническими штуками скрыть свои корыстные и жалкие цели.

110- Потресову.

/с. 111 (287)/:

Одно объяснение - неразвитость демократической партии; политические перевороты без социаль-

---

[x] et caetera - и так далее (лат.).

[xx] разоблачениям, от révélation (фр.).

ного славянофилы невозможны. А царство среднего сословия было все же продолжение феодального сепаратизма, которого высшее развитие в Америке, остановившейся на односторонней тенденции. Северная Америка - nec plus ultra[X] феодального развития, так как оно должно было явиться в мире реформационном.

III - огромная философия истории.

?

/с. II2 (288)/:

(Наши славянофилы толкуют об общинном начале, о том, что у нас нет пролетариев, о разделе полей - все это хорошие зародыши, и долею они основаны на нелепостях. Так, у бедуинов право собственности не имеет эгоистичного характера европейского; но они забывают, с другой стороны, отсутствие всякого уважения к себе, глупую выносливость всяких притеснений, словом, возможность жить при таком порядке дел.) Мудрено ли, что у нашего крестьянина не развилось право собственности в смысле личного владения, когда его полоса не его полоса, когда даже его жена, дочь, сын - не его?)

II2 - Община.

из

II2 - Община, очень важно.

/с. II3 (289)/:

(Изменение права собственности, коммунальная жизнь, организация работ - вопросы, занимающие всех, видящих далее носа,) /.../

программа.

/с. II3 (289)/:

Конечно, при лучшем общественном устройстве многие не будут иметь возможности тратить деньги, как теперь, они стеснятся, но никто не будет мереть с голоду. А разве при развитии идеи права не стесняется самодержавная воля деспота, разве ему не хуже, например, в Англии, нежели в России? Франции принадлежит великая инициатива этого поро-

III3 - о монастыре.

[X] высшая ступень (лат.).

рота /.../ Удивляюсь, как образованные не понимают истории, не понимают европейского развития, - это помешательство.

/с. II5 (291)/:

Белинский не переменился ни на волос, вечно в экстреме; но глубоко вникающий и симпатичный с одной стороны, резкий до цинизма в словах, но верный в смелости и не трус; конечно, в консеквентности. Я люблю его речь и недовольный вид и даже ругательство.

Белинский - II5.

/с. I20 (294)/:

Карель замечает, что республика была невозможна для Англии при ее разделении на классы, - бессмысленно. Оттого-то и во Франции не провозглашается республика. Государство раздаленное должно иметь центр, связующий его, - государя, иначе будет олхократия или régime de terreur [X]. Сама власть Кромвеля опиралась на консервативных интересах одного класса, так, как власть Людвига-Филиппа /.../

Но стремительно развивающийся дух Европы в несколько веков изжил романтико-феодальное содержание, остались формы, да те должны были ждать видоизменений - час христиано-германского мира наступил /.../

из I20 - Классы.

что это значит?

/с. I23-I24 (297)/:

(Иметь свою теорию, свои твердые, однажды окончанные стремления и цели - так же негодно в политической деятельности, как в науке. Кромвель говорил: "в переворота всех дель о уйдет тот, кто не знает, куда идет". Он на себе доказал истину ---- слов. Само собою разумеется, что есть кри-

из

из

[X] режим террора (фр.).

угольные начала, общие тенденции, очень сознательные и очень осознанные, – но лишь бы не было требования осуществить их по субъективному мнению, надобно дать волю обстоятельствам и, вразумев их указание, стать во главе их, покорясь им – покорить их себе) /.../

оч./очь/ важно.

/с. I30-I3I (302)/:

И как подумаешь, что едва 75 лет прошло, как Европа спала в унижении, едва пробуждаемая благовестом водворителей нового мира, и взглянешь на современное ее состояние, далеков от достижения, но тем не менее развитое потребностию, – невольно благоговейный трепет уважения к человечеству обнимает душу. Велика французская революция. Она первая возвестила миру, удивленным народам и царям, что мир новый родился – и старому нет места.

NB
I30 – оптимизм.

NB
I30-I – Развитие Запада.

/с. I36 (306)/:

Семя, брошенное Декартом, возросло в Спинозе? Спиноза - истинный и всесторонний отец новой философии. "Ego – говорит он, – non prasumo, me optimam invenisse Philos/pohiam/, sed veram me intelligere scio."x Это сознание почерпнуто из глубокого созерцания, и оно истинно. Высота Спинозы поразительна. И какое полное жизни мышление! Он дал основу, из которой могла развиться германская философия, одна сторона была им исчерпана (дух как субстанция), и он первый не взял ничего внешнего, не прибегнул к религиозным или традиционным средствам.

Спиноза.

I36 – Спиноза.

?

x Я не утверждаю, что я открыл наилучшую философию, но я знаю, что постиг истинную (лат.).

/с. I38 (307-308)/:

Грустно, тяжело грустно. Страшное время, и ничего впереди. Конечно, пройдут века ... Старая песня,– разумеется, так, но видеть около, возле и всю жизнь быть только страдательным зрителем ... Какую грудь, какие плечи надобно иметь!

NB
I38 – Положение России.

/с. I40 (309)/:

А нам, славянам, предстоит молчание или слово вне отечества, как сказал Мицкевич /.../

I40 – молчание.

/с. I40 (310)/:

/.../ история как движение человечества к освобождению и самопознанию, к сознательному делу для них /славянофилов.— Сост./ не существует, их взгляд на историю приближается к взгляду скептицизма и материализма с противуположной стороны. Вся жизнь человечества- болезненное, абнормальное явление.

!
I40 – Славянофилы философия/ософия/ истории.

ср. "Aphorismata" I40 – ср. "Aphorismata".[36]

/с. I4I-I42 (3I0-3II)/:

А зачем же мы представляли несколько веков стоячее болото? Да в этом-то стоячести вся прелесть созерцательной жизни /.../ Хомяковские послеславянофильствования Аксакова и Самарина: те хотят на основаниях современной науки построить здание славяно-византийское, они по Гегелю доходят до православия и по западной науке до отвержения западной истории; они принимают прогресс, смотрят нашими глазами на будущность человечества, оттого у них потерянна необходимая консеквентность.

I4I-2 стоячее болото; потом думал иначе[37].

/с. I47 (3I4-3I5)/:

Они /славянофилы. - Сост./ говорят, что плод европейской жизни созреет в славянском мире, что

I47 – очень важно.

Европа, достигнув науки, негации существующего, наконец, провидения будущего в вопросах социализма и коммунизма, совершила свое и что славянский мир – почва симпатического, органического развития будущего /.../ У них славянизм неразделен с греческой религией. Церковь одна, это наша церковь; они ждут, что католицизм и протестантизм равно признает истинность ее, и это самая отчаянная гипотеза из всех. Такое созерцание будущего, без сомнения, религия и может дойти до фанатизма.

Не это ли говорил впоследствии Г./ерцен/.
147 – Славянофилы и будущий Герцен. 147. – Первый зародыш Герценовского славянофильства. ср. 148.

/с. 148 (315-316)/:

Католицизм есть само христианство развивающееся; оно есть действительное христианство, а восточная /церковь. – Сост./ eine schlechte Möglichkeit, ein incommensurables Problem*. Восточная церковь, – скажут теперь, когда католицизм изжил свои формы – явится, как высшая религиозная форма, и с ней сочетаются идеи социализма и коммунизма.

148. – Schlechte Möglichkeit

Община. NB

/с. 150 (317)/:

Читая Гегеля и находясь весь еще под его самодержавной властью, я сам в многих случаях разрешал логическими штуками или логической поэзией не так-то легко разрешимое.

NB
150. Г./ерцен/ под властью Гегеля.
150 – о Гегеле – применить к нему самому.

/с. 156 (321)/:

(Вообще историю этого времени /1-я пол. XIX в. – Сост./ читать грустно, все так мелко, пошло ... разумеется, прорываются громадные деяния и громадные характеры, но это исключения.) Таков книгопродавец и типограф Бот /.../, рыцарь-демократ Ар. Карель, итальянец Бонаротти, старец

156 – "Историю этого времени читать грустно.

* плохая возможность, неизмеримая проблема (нем. и фр.).

карбонаризма, великая, святая личность и огненная натура Маццини. И ... вся бесполезность их усилий. Это опять отбрасывает во все ужасы скептицизма. – На днях пробежал я I № "Европейца". Статьи Ив. Киреевского удивительны; они предупредили современное направление в самой Европе, – какая здоровая, сильная голова, какой талант, слог ... и что вышло из него. Деспотизм его жал, жал, и он сломился, наконец. Сломился как благородная натура, – он не изменил своему направлению, а бросился в самый темный лес мистицизма – и там ищет спасенья. Бедные жертвы и великие жертвы, приносимые Молоху.

NB
156. – Первое проявление сомнения Г./ерцена/ в Западе.
Sic!
?!

ср. Писарева.

/с. 157 (322)/:

(Кто-нибудь должен проснуться – или правительство, или народ. О первом так же трудно поверить, как о другом) /.../ Ни веры нет, ни надежды ... я себя что-то ненавижу ... хотелось бы, чтоб тут был Грановский и вино бы хотел пить, – этого не должно бы быть.

1[illegible]. неверие в русский народ.
157. – его настроение.

/с. 158 (323)/:

Утром, когда еще ожидали /рождения сына Герцена – Николая (1843 г.). – Сост./, он /Грановский. – Сост./ молился. Я не могу этого делать.

158 – (Бог.)

/с. 159-160 (324)/:

"Я, – говорил он /С.Г.Строганов. – Сост./, всеми мерами буду противудействовать гегелизму и немецкой философии. Она противуречит нашему богословию; на что нам раздвоенность, два разные догмата – догмат откровения и догмат науки? Я даже не приму того направления, которое афиширует примирение науки с религией: религия в основе".

159-160. – Гегель и Строганов[38].
NB

/с. 164-165 (328-329)/:

Беспрерывные споры и разговоры с славянами много способствовали, с прошлого года, к уяснению вопроса, и добросовестность обеих сторон сделала большие уступки, образовавшие мнение более основательное, нежели чистая мечтательность славян и гордое презрение ультраоксидентных. /.../

164 - Герцен сдается славянофилам. Ср. выше его безнадежность.

(Главная ошибка их, что, веря (и не без основания) в огромное будущее славян как того племени, которое имеет призвание своею непосредственностию соответствовать высшему, логическо-историческому вопросу, выработанному Европой, они хотят и в самом младенчестве его видеть что-то высшее европейского развития, как будто возможность будущего значит превосходство над действительностию развитою и осуществившей свое призвание.) /.../

164. - славянофилы.

ср. 166.

Противники мысли об экспатриации советуют ехать по добру да по здорову. Строганов, испуганный, преследует порядочных профессоров требованием иначе читать, они хотят бежать из Москвы, искать службы в других университетах. Что-то будет? Удар не минует моей головы, меня знают они давно. Впрочем, я на все готов.

165 - Эмиграция.

/с. 169-170 (332)/:

Конечно, по слову Пушкина:

Стократ блажен, кто предан вере,
Кто, хладный ум угомонив,
Покоится в сердечной неге,
Как пьяный путник на ночлеге.

Но истинно благородная душа не может довольствоваться благом, основанным на опьянении, купленном ценою свободы. Для суетной гордости, для поверхностного примирения, разумеется, религия выше науки, разума. Это Форстер прекрасно оценил,- она удовлетворяет страшно самолюбие, сближая чело-

ловека с богом так, что он садится торжественно в центр управления миром и видит все сокровенное в природе и видит все под ногами своими.

169-170 (Бог.)

/с. 171-172 (334)/:

И когда цвело это общинное устройство? В период величайшей неразвитости. Бедуины- демократы, и патриархализм имеет в себе своего рода семейно-общинное начало. /.../

община.
172 - община.

Демократический элемент не мог выработаться, лучшее доказательство - псевдоаристократия, крепостное состояние и странно нелепый факт, что лишение прав большей части населения шло, увеличиваясь от Бориса Годунова до нашего времени.

нв
172 - лишение прав.

/с. 173 (335)/:

Великий смысл былой истории государства - это тихое гиганстское развитие его, несмотря на все препятствия. Еще менее верно воззрение, что Польша представила своим былым самую развитую фазу славянского мира. Конечно, самую развитую, но не славянскую, - это было совершенно ложное направление для славянского народа, и тем хуже, что оно глубоко проникло в высшие классы.

почему?

/с. 173-174 (335)/:

Европа более и более обращает внимание свое на этот немой мир, который называет себя словенами. Много, много удивительного в этом мире, - например, у нас, при самом безжалостном, свирепом деспотизме, при управлении не национальном, бездушном, инквизиционном, с каждым десятилетием виден шаг вперед. Оппозиционность растет, все боятся и все говорят, мы менее всех, потому что мы сознаем себя оппозицией, а другие бессознательно; по счастию, они не умеют следить ни за литературой,

173. - Г./ерцен/ славянофильствует.

ни за чем, - нет умно учрежденного шпионства, оно более подло и оскорбительно устроено, нежели сообразно цели.

/с. 175 (336)/:

Славяне ли, оплодотворясь Европой, одействотворят идеал ее и приобщат к своей жизни дряхлую Европу, или она нас приобщит к пошлейшей жизни своей?

NB 175. - Очень важно.

/с. 176 (337)/:

Эта даль и безучастие народа есть, может, великое пророчество, но его прежде надобно признать как факт, - этого славянофилы не хотят.

/Поч/ему? /мо/жет?

/с. 179 (339)/:

Вера в будущее своего народа есть одно из условий содействотворения будущего.

NB То же.

/с. 179 (339)/:

И от него /от Ивана Грозного. - Сост./ Русь унаследовалась Петру. И с положением первого камня на балтийском берегу началося новый акт трагедии, его характер - открытое расторжение народа на две части: одну немую, другую постороннюю народу /.../

176-9. Петр.

/с. 181 (340-341)/:

Взглядываясь в общий дух воззрения гречеправительственного, хочется произнесть анафему на все эти громкие улучшения, о которых толкуют с Петра Великого и которые вносятся на конце штыка или привязанные к кнуту. Не надобно благодеяний, когда они даются с презрением и с целью задушить ими облагодетельствованных.

NB ср. 182. 181 - славянофильо/кое/ настроение.

/с. 182 (341-342)/:

Время приведет все в порядок, но в петровский период внесена бездна зла: аристократия, инквизиционный процесс, военный деспотизм, разделение сословий, произвольные нововведения, составляющие иллогизмы. Они имели поползновение ввести аристократический элемент в духовенство, они убили остатки славянского судопроизводства и сельское маклерство. Но что было делать для вывода России из косного положения кошихинских времен? Нам хорошо теперь задним умом рассуждать. Удивительная задача в истории - развитие России.

Sic!

182 - Задача истории = развитие России. Sic!

/с. 183 (342)/:

Реформа /Петра I. - Сост./ мало касалась народа, реформированною толпою сделалось дворянство - его обрили, дали право не быть сеченым и пр. Теперь реформа приближается к деревне. Все вместе дало те начатки движения и жизни, которые мы видим своими глазами.

183 - Реформа и деревня. NB

Перелистывал Балланша "Palingénésie Sociale", ум слоя морошкинского, пластический, чувственно логический и не способный к диалектике, но множество предчувствий истинных, симпатий и придыханий к будущему /.../ Но имя его не должно забывать ни в развитии философии истории, ни в истории социализма.

183 - Балланш. Sic!

/с. 185-186 (343)/:

Мелкие чиновники - не худшее сословие России, пора перестать исключительную стрельбу по маленьким взяточникам, довольно ругали титулярных советников и концелярских, пора иронию возвести в чин; правда, разврат их и цинизм глубоки, но сквозь гнусные испарения мне виднеется важный элемент: религиозно-гражданского чувства, консервативного, преданности у них нет.

185. - Ирон/ия/ (к Гоголю).

/с. 186 (344)/:

Поразительное сходство современного состояния человечества с предшествующими Христу годами придает удвоенную важность истории развития церкви и времени, предварившего евангельское учение.

185 - нарожден/ие/* христианства.

/с. 187 (345)/:

Без всякого сомнения, у сен-симонистов и у фурьеристов высказаны величайшие пророчества будущего, оно чего-то недостает. У Фурье убийственная прозаичность, жалкие мелочи и подробности, поставленные на колоссальном основании, - счастье, что ученики его задвинули его сочинения своими. У сен-симонистов ученики погубили учителя. Народы будут холодны, пока проповедь пойдет этим путем; но учения эти велики тем, что они возбудят, наконец, истинное народное слово, как евангелие.

187. - утопич./еский/ социализм.

ср. 188

NB

/с. 188-189 (346)/:

Фурье разрубил вопрос, но не развязал узла кровных сношений. Фурье не понял женщины, не понял любви - ему беспрестанно мерещились развратные браки, негодные женщины, скверные отцы и ложная наружность, которой все это прикрыто лицемерной внешностью, и кто не согласится, что легальное, юридическое определение брака, родства etc**, сходное с католическим и феодальным воззрением, несостоятельно?

Ив./анову-/ Разумнику[39].

/с. 191 (348)/:

Разные анекдоты о Петре I. Странное сочетание гениальности с натурой тигра. Страшен процесс, которым страна могла дойти до необходимости появления такого врача, до возможности его и до того,

191 - Петр.

---

x У Г.В. Плеханова - "нарождено".

xx и т.д.

что она могла вынести такое царствование.

/с. 193-194 (349-350)/:

Читал Гегелеву философию природы (Encyclopédie II.Th) Везде гигант, многое едва набросано, очеркнуто, но ширина и объем колоссален /.../ (Дух вечен, материя - всегдашняя форма его инобытия.) Лишь только форма способна, лишь только она может выразить дух, - она и выражает его. Здесь там, везде, где условия органического возникновения собрались - одействотворились. Как началась индивидуализация земной планеты, солнечной системы, что было прежде etc., etc. - на все это очень трудно отвечать, главное - всякий раз попадаешь в ту ли, в другую ли сторону in die schlechte Unendlichkeit*. (Инобытие, чем полнее одна внешность, чем далее от адекватности с понятием, тем упрямее оно в своей материальности, тем естественнее оно удерживается от разрешения в мысль и, схваченное в односторонности, представляет именно die schlechte Unendlichkeit* вещества. Рассудком не выйдешь из этих логических кругов, так как рассудком никогда не поймешь жизнь органическую, ибо жизнь сама в себе, an sich спекулятивна. Рассудочная истина формально до оконченности ясна, но плоска, и истинного примирения в ней нет. Спекулятивная, повидимому, смутна, но она глубока.

Гегель.

NB

193. - Философия (NB) Тут еще не Фейербах.

194 - 3 - Идеализм Герцена.

NB

Конечно, Гегель в отношении естествоведения дал более огромную раму, нежели выполнил, но coup de grâce** естественным наукам в их настоящем положении окончательно нанесен.

194 - Естествознание.

---

* в дурную бесконечность (нем.).

** смертельный удар (фр.).

/с. 195-196 (351)/:

Литераторы, товарищи, друзья приготовили обед; влияние последних слов /Т.Н. Грановского. - Сост./ было так сильно и так живо, что все противуположные воззрения примирялись в дружеском торжестве и самые противуположные натуры искали друг друга, чтоб заявить свое различие и уважение. Весело, шумно и, наконец, пьяно окончился этот день.

196 - Различие и уважение. нв

/с. 196-197 (352)/:

Так и нами ультраславянофилы: чувствуешь все далекое от них и чувствуешь симпатию, и понимаешь, как они пришли к своему воззрению и как противуположное воззрение при неосторожности переходит в петербургский взгляд, в то время как западно-либеральные головы считают национализм подпорою правительства. Что тут делать? Ждать ли, пока вырастет уже родившийся мессия, о котором проповедует Томашевский и Вронский, или броситься A corps perdu* в односторонность, или широко гуманным взглядом обнять все эти односторонности и понять их приготовленными будями святого глагола, который раздастся? Или сложить руки и лечь спать?

196-7 - Славянофилы. 196 - Гегель и славянофилы.

/с. 199-200 (354)/:

Белинский пишет: "Я жид по натуре и с филистимлянами за одним столом есть не могу"; он страдает и за свои страдания хочет ненавидеть и рутать филистимлян, которые вовсе не виновны в его страданиях. Филистимляне для него славянофилы; я сам не согласен с ними, но Белинский не хочет понять истину в fatras** их нелепостей. Он не понимает славянский мир; он смотрит на него с отчаянием, и неправ, он не умеет читать жизни будущего века.

199. - Бел./инский/ = жид.

* очертя голову (фр.).

** в ворохе (фр.).

А это начало есть начало возникновения будущего.

/с. 200 (354)/:

(Странное положение мое, какое-то невольное juste milieu в славянском вопросе: перед ними /славянофилами. - Сост./ я человек Запада, перед их врагами человек Востока. Из этого следует, что для нашего времени эти односторонние определения не годятся.

Почему же? нв

ср. 197, и 201 и 233.

/с. 202 (356)/:

Вчера Самарин защищал свою диссертацию. Непонятно сочетание высоких диалектических способностей этого человека с жалкими православными теориями и с утрированным славянизмом; в нем противуречие это бросается особенно в глаза потому, что у него решительно логика преобладает надо всем.

202. - нв Самарин.

/с. 205 (358)/:

... (L'organisation de la Commune est la pierre angulaire de l'édifice social, quelque vaste et quelque farfait qu'il soit. - V. Considérant, "Destinée sociale".*

нв Ср. 206 и 208. 205. - Выписка из Консидерана о коммуне. - Очень важно. 205. Община и утопический социализм.

* Организация Коммуны есть краеугольный камень общественного здания, как бы огромно и совершенно оно ни было. В Консидеран. Социальное предназначение. (фр.).

/с. 206 (359)/:

На днях в "Московских Ведомостях" был указ сенатский по делу о засеченном крестьянине, - 42 пучка розог сломали об него, он умер. Курская уголовная палата не признала помещика виновным и, между прочим, заключает, что "люди одних лет с умершим крестьянином выносят несравненно сильнейшие наказания". Каков цинизм!

206 - ср. с И.Аксаковым, прописывающим розги.

/с. 208-209 (361)/:

В Вигандовом журнале статья Иордана об отношении всеобщей науки к философии весьма замечательна. Критика, снявшая религию, стоя на философской почве, должна идти далее и обратиться против самой философии. Философское воззрение есть последнее теологическое воззрение, подчиняющее во всем природу духу, полагающее мышление за prius [x], не уничтожающее в сущности противуположность мышления и бытия своим тождеством. (Дух, мысль - результаты материи и истории.) Полагая началом чистое мышление, философия впадает в абстракции, восполняемые невозможностью держаться в них; конкретное представление беспрерывно присуще; нам мучительно и тоскливо в сфере абстракций, - и срываемся беспрерывно в другую. Философия хочет быть отдельной наукой, наукой мышления und darum Zugleich Wissenschaft der Welt, weil die Gesetze des Denkens dieselben seich mit den Weltgesetzen; dies muss Zunächst umgekehrt werden: das Denken ist nichts anderes als die Welt selbst, wie sie von sich weiss, das Denken ist die Welt, die als Mensch sich selbst klar wird.

208. - Фейербах /Поворот к материализму/ ср. 209 и 210 (о Фейербахе) 213 (Гегель) 222 - Фейербах. NB Фейербах 209. - Фейербах философ/ские/ взгляды Герцена. Основа.

---

[x] первоначальное (лат.).

[xx] и тем самым наукой о мире, ибо законы мышления якобы те же, что и законы мироздания; это надо прежде всего перевернуть: мышление - не что иное, как сам мир, каким он сознает себя, мышление - это мир, познающий себя в человеке (нем.).

А потому нельзя наукою мышления начинать и из нее выводить природу. Философия - не отдельная наука, на место ее должно быть соединение всех ныне разрозненных наук.

ср. 223.

/с. 210 (362)/:

Писал статью для нового журнала /.../ об натурфилософии. По этому поводу прочитал или, лучше, пробежал Шиллера историю натурфилософии от Бэкона до Лейбница; скучная книга, хотя и есть интересные подробности. Какая необъятная разница с Фейербаховой историей!

философии? 40

/с. 211 (363) /:

Я смотрю здесь беспрерывно на низший класс, в всегдашнем соприкосновении с нами, - чего недостает ему, чтоб выйти из жалкой апатии? /.../ А, видно, как Чаадаев говорит в своей статье, чего-то недостает в голове, мы не умеем сделать силлогизм европейский. Эта община, понимающая всю беззаконность нашего требования, не признающая в душе неограниченной власти помещика, трепещет и валяется в ногах его при первом слове!!

211. - NB община.

/с. 219 (369)/:

Кто поручится за то, что какая-нибудь перемена в солнце вызовет катаклизм во всю поверхность земного шара и тогда мы с зверьми и растениями погибнем и на наше место явится новое население, приложенное к новой земле? Страшная вещь, а отвечать нельзя. Одно настоящее наше, а его-то ценить не умеем.

219. - Катаклизм.

/с. 220 (370)/:

(Пора же, наконец, опомниться людям, пора явиться религии, которая на хоругви своей поставит

220. Религия.

уничтожение беззаконных привилегий меньшинства.)

220 – религия для масс.
220. – социальная религия.

/с. 221 (371)/:

На то, чтоб середь беспрерывных ударов случайности иметь всегда твердость и мудрость корабельного капитана в бурю, надобно несравненно более силы характера, нежели на подвиги, которым обыкновенно удивляются, сделанным в минуты увлечения, вдохновения.

Подвиг.

/с. 223 (372)/:

Из картезианского протяжения наука углубляется в субстанцию Спинозы; но эта субстанция определяется силою Лейбница, – силою живой, субстанциальной, но не единой, а душою атома, монады, которых бесчисленное множество. Монада есть идеальный атом предмета, сила материи, ее единство; " истинного единства невозможно найти в материи, как в страдательном ибо все в ней куча частей, идущих в бесконечность, – а так как множество получает реальность только от истинных единств, то я прибег к атомам", понимая под ними силу, etc. Он очень близок к понятию – монада есть уже в некотором смысле понятие.

Гегельянец

Sic!

/с. 224 (372-373)/:

Письмо от Белинского, с желчью и досадой писанное: Странный человек; он ищет любви, он полон нежности и, между тем, так раздражителен, так не веротерпим, что при малейшем разномыслии готов обругать человека /.../ Дружба должна быть снисходительна и пристрастна, она должна любить лицо, а не идею; идея – общий элемент сближения, она может дать товарища, единоверца, но дружба требует признание лица, а не всеобщей мысли его.

ср. его замеч./ание/ о Робеспьере[41].

/с. 224 (373)/:

Деятельность должна иметь ограничение, чтоб не рассеяться, – вот призвание материи у Лейбница; материя ограничивает чистую монаду, она разделяет монады между собой, она страдательный предел деятельности и с тем вместе определенность ее. Монада беспрерывно стремится освободиться от материи, т.е. от частности к всеобщему.

224 – идеализм.

/с. 225 (374)/:

Высшая честность языка не токмо бежит лжи, но тех неопределенных, полузакрытых выражений, которые как будто скрывают вовсе не то, что ими выражается. Напротив, она стремится вперед высказать, как понимает и предупреждает неистинное толкование.

225 честность языка.
Лаврову и Дану.[42]
225 нашим.

/с. 228 (376)/:

Да, недвижимое имущество здесь и награда тем. Это две цепи, на которых и поднесь водят людей. Но теперь работники принялись потряхивать одну из них, а другая давно заржавела от лицемерных слез пастырей о погибших овцах. Наши внуки увидят.

228 – Работники.
228 – Струве.
228 – Философия и социализм.
NB

/с. 228 (376)/:

Систему свою в первый раз Гегель набросал в 1880 году, ему было 30 лет (родился 1770). Прекрасный подарок на зубок XIX веку, тогда уж он с Шеллингом расшался. Главный план и основное тогдашней системы не переменилось, но только развилось.

Гегель.

/с. 229 (376-377)/:

В тогдашнем опыте философии природы находится замечательное место о строении земного шара; расчленение оного (надобно заметить, что Гегель отделил земную планету, как всеобщий индивидуум ее элемен-

тарных процессов и как распадение - auseinanderfallen - внешнего смешения камней и земель, принимал он за результат безусловно прошедшего, которого они немым представителем и остались, - они теперь равнодушно стоят рядом, потерявши отношение свое, пораженные будто параличем. Мысль чрезвычайно важная; отсюда нельзя ли ждать когда-нибудь отгадки, для чего и как как явилось вещество планеты простыми телами, что побудило сочетаться в известные горнокаменные породы, не был ли это опыт ожить всею планетой, так, как растения - опыт ожить всею поверхностью? ... В отделе "Geist"[x] Гегель тогда определил семейство индиферентностью рабства и свободы. "В естественном состоянии человек говорит женщине: ты плоть от плоти моей, в нравственном он говорит ближнему: ты дух от духа моего" - водворил таким образом равенство отношений.

229 - замечательно.

/с. 230 (377-378)/:

В философии религии он /Гегель. - Сост./ ясно высказывает, что протестантизм - временная форма и что возможна новая религия, в которой дух на собственной своей почве, в величии собственного образа явится религией и философией вместе. Впоследствии он этот результат так просто не высказывал /.../ В 1805 году Гегель, читая курс истории философии, определил себя относительно Шеллинга, и Шеллинга относительно науки так, как после они и остались. Замечательно, что вся Германия отстала от Гегеля и уже в наше время смекнула, в чем дело, да и то Шеллинг /.../

ср. Фейербаха.

Гегель.

/с. 231-232 (379)/:

Берлин, сверх того, имел на него /на Гегеля. - Сост./ влияние, в практическом мире Гегель был ме-

Гегель.

x "дух" (нем.).

щании. Он не постыдился просить защиту прусского министерства против злой критики, помещенной в прусском журнале; по поводу неделикатной и почти подлой выходки против Фриза он советовал ограничить свободу печатания журнала. Наконец, его преподавание философии права - сколько принесло важной пользы и рассеяло пустую и всербную теоретическую демагогию, столько же сделала вреда, защищая с энергией существующее зло и ругаясь, как над величайшей пошлостью, над прекрасной душой юношеских порывов.

232 - Философия права Гегеля.

/с. 232-233 (379)/:

Мне даже люди выше обыкновенных в Москве начинают быть противны: этот суетный, 40-летний парень Хомяков, просмеявшийся целую жизнь и ловивший нелепый призрак руссо-византийской церкви, делающейся всемирной, повторяющей одно и то же, погубивший в себе гигантскую способность, и Аксаков, безумный о Москве, ожидающий не нынче-завтра воскресения старинной Руси, перенесение столиц и чорт знает что.

Даже И.В. Киреевский странен при всем благородстве. Белинский прав. Нет мира и света с людьми до того розными.

233 - Опять "славяно". НВ

/с. 234-235 (381)/:

Бедные, жалкие славянофилы! Ну, что же Англия-то не проваливается, или в Европе, в запустевающем Западе остались две, три жилы, полные здоровой кровью? И не эта ли кровь недавно в монархической Пруссии раздалась при закладе Кенигсбергского университета почти над ухом самого короля, клавшего первый камень. Святая почва Европы, благословенье ей, благословенье! /.../

Нет ничего смешнее, что до сих пор немцы, а за ними и всякая всячина, считают Гегеля сухим логиком, костяным диалектиком в роде Вольфа, в то время как каждое из его сочинений проникнуто мощной поэзией,

234 - Запад.

234 - Святая почва Европы. НВ

в то время как он, увлекаемый (часто против воли) своим гением, облекает спекулятивнейшие мысли в образы поразительности, меткости удивительной. И что за сила раскрытия всякой оболочки мысли, что за молниеносный взгляд, который всюду проникает и все видит, куда ни обернул бы взор!)

Гегель.

ср. 236 и 238.

/с. 236 (382)/:

(Я читаю теперь его /Гегеля. - Сост./ историю философии, - что за изложение! Софисты, Сократ, Аристотель, - да это такие, высоко художественные, окончательные восстановления, перед которыми долго останавливаешься, пораженный светом. И все это сухой логик!)

Гегель.

/с. 237-238 (384)/:

Между прочим, мы себя раздражаем беспрерывно мечтами, этим суррогатом действительных страстей. Один никого не любит, а влюблен теоретически, хочет жениться во что бы то ни стало, другой выдумывает другую мнимую муку и носится с ней; все это одинаким образом свидетельствует о совершенном недостатке истинных, всепоглощающих занятий, - деятельность теоретическая недостаточна.

Печорин 237 - Печорин.

/с. 238 (384)/:

Все время штудировал Аристотеля в Гегелевой истории философии. Господи, вот талант-то! Я его считал замыкателем греческой философии. Неоплатонизм не имеет того огромного спиентифического[x] значения, кажется мне, которое ему придает теперь и Гегель.

Гегель.

[x] научного, от scientifique (фр.).

/с. 239 (385)

Постоянно занимаюсь чтением Гегелевой истории философии и статьей. Начал ходить к Глебову на лекции, читает прекрасно сравнительную анатомию и анатомию человеческого тела.

Гегель.

/с. 239-240 (385)/:

Продолжая заниматься и оттого редко добираясь до журнала. Надобно обратить побольше внимания на естественные науки, ими многое уясняется в вечных вопросах. Я отстал, десять лет почти вовсе не занимался ими.

Естествознание ср. жизнь Фейербаха.

/с. 240 (386)/:

Я чрезвычайно рад, что пошел опять на естественные науки; надобно чем-нибудь заглушить все, что остается от энергии, - кругом туман, и конца ему не видать. Итак, кажется, мы начинаем делаться провалами! Вот и упования. Здесь особенно скучны эти славянофилы, опять сделались мне противны, они, сверх тупости, хитры, коварны - исключая, разумеется, двух, трех. Их представитель - "Маяк", напечатавший нагло свое позорное и невежественное profession de foi...[x]

240 - Энергия, славянофилы.

/с. 241 (386-387)/:

Анатомия со всяким днем открывает мне бездну новых фактов, а с ними мыслей, взглядов etc на природу. Много знают натуралисты, а во всем есть некто, чего они не знают, и это нечто важнее всего, что они знают. Об этом именно и много писал в своей статье.

Естествознание. знание.

[x] "символ веры", изложение убеждение (фр.).

/с. 243-244 (388)/:

Жизнь, если не пересечется нелепой случайностью, представляет монотонную и однообразную перемежду негодований на окружающее, повторений; та же невозможность писать то, что хочешь, и неспособность писать то, что можно. "Это наказание людей, выходящих из современности своей страны". Такие сентенции хороши в философии, а на деле скверны – а кто нас вывел из современности, разве можно было найтиться в подобных страшных обстоятельствах, не потеряв человеческого достоинства?

к речи[43]

/с. 247-248 (391)/:

Наконец я достал брошюру Прудона "О собственности". Прекрасное произведение, не только не ниже, но выше того, что говорили и писали о ней. Разумеется, для думающих об этих предметах, для страдающих над подобными социальными вопросами главный тезис его не нов; но развитие превосходно, метко, сильно, остро и проникнуто огнем /.../ Очень кстати к этой брошюре заключение отчета министра Киселева, помещенное в газетах. Это министерство тоже не признает собственности, ни даже владения; в то время как стон со всех сторон России поднимается до Москвы и Петербурга, этот человек имеет мелкий лоб говорить, что ропот крестьян происходит от их непривычки к правильному управлению и порядку, что их благосостояние растет, что учреждения не требуют коренных изменений, что стоит им развиваться в том же духе, и заключает, наконец, тем, что встречаемые им неудовольствия – необходимые следствия переворота, вроде испытания людям, идущим на исполнение святой воли господа. С каким негодованием лет через 50 будут читать такую колоссальную ложь и такое бесстыдство, и никто не смеет уличить, ответить, по крайней мере раскрыть глаза!

/А те/перь ка/род/ники говорят о Кис/елеве/ с любовью[44].

/с. 248-249 (391-392)/:

Славянофильство имеет подобное себе явление в новой истории западной литературы. Появление национально-романтической тенденции в Германии после наполеоновских войн – тенденции, которая находила слишком всеобщее и космополитическое науку и жизнь, шедшие от Лейбница, Лессинга до Гердера, Гете, Шиллера. Как ни естественно было появление неоромантизма, но оно было не более как литературное и книжное явление без симпатии масс, без истинной действительности; не трудно было угадать, что через десять лет об них забудут. Точно такое же положение занимают славянофилы. Они никаких корней не имеют в народе, они западной наукой[x] дошли до своих национальных теорий, это болезнь литературная и больше никакого значения не имеющая. Они вспоминают то, что народ забывает, и даже о настоящем имеют вовсе несходное мнение с народным. Недавно я слышал, как они говорят о нравственной и кротко-семейной жизни нашего сельского духовенства, о влиянии этих добрых отцов семейств на крестьян – от dame [**], кто-когда-нибудь живал в деревнях или говорил с крестьянами хоть на большой дороге, тот знает истину такой идиллии.

248 – славянофилы.

x не только – наукой. 48-9 – Славянофилы

/с. 253 (395)/:

Отчего многие из людей развитых охотно выпьет стакан благородного вина и, может, один из тысячу выпьет мертвую чашу, а в несчастных классах, на которых груди стоит безобразное здание нашей общественности, наоборот?

Отчего во всех слоях общества есть женщины увлекающиеся, падшие, как говорят, а публичные дома снабжаются только низшими классами? Неужели эти бедные жертвы гнусной несправедливости так легко попа-

253 – Классы.

-** Между тем (фр.).

ли бы в свое ремесло, если б они имели воспитание?

/с. 255-256 (397)/:

Мне прежде казался Иван Васильевич несравненно окончennое Петра Васильевича, – это не так. Петр Васильевич головою выше всех славянофилов, он принял один во всю ширину великую мысль, но именно за его консеквентностию кончается великость и остается трагическая грандиозность. Он жертва, на которую пал гром за его народ, за ту национальность, которая сказуется теперь. Но Иван Васильевич хочет как-то и Западом повладеть; вообще он и фанатик и эклектик, – фанатик, чтоб быть полным, именно должен не быть эклектиком, иначе то, что придает ему силу, резкость, как пальная трубка, усиливающая огонь, сгибая его на одну сторону, сглаживается, замусорится, и выходит нечто неопределенное. Бездушному Хомякову все идет: и эта многосторонность публичных женщин, и это лукавство, предательски соглашающееся, и этот смех, которым он встречает негодования. Не Киреевский должен бы был быть окончennое.

255-6 Петр Киреевский.

/с. 256 (397)/:

Наши личные отношения много вредят характерности и прямоте мнений. Мы, уважая прекрасные качества лиц, жертвуем для них резкостью мысли. Много надобно иметь силы, чтоб плакать и все-таки уметь подписать приговор Камилля Демулена!

256 – Приговор Камилла Демулен/а/.

/с. 257 (398)/:

Плетью гонят нас к просвещению, плетью наказывают слишком образованных – вот безобразнейшая сторона демократического уравнения, производимого равным лишением прав.

257 – Плеть и просвещение.

/с. 264-265 (404)/:

Историю химии Дюма – чрезвычайно замечательная книга. Химия – настоящая опора эмпирии, важность ее теперь только начинают чувствовать. Без химии нет физиологии, нет, след., и естественных наук. Естественные науки доселе имели чрезвычайно шаткую основу, потому что они занимались одной морфологией, а не тем, что изменяется в ней. Сам гигантский гений Гете не постигнул этой важности химизма, и его метаморфоза растений – одна морфология. Новая химия идет не далее конца XVII столетия, т.е. не далее Лавуазье.

Естествознание.

/с. 269 (407)/:

На днях получил письмо от Самарина. Удивительный век, в котором человек до того умный, как он, как бы испуганный страшным, непримиримым противуречием, в котором мы живем, закрывает глаза разума и стремится к успокоению в религии, в квиетизму, толкует о связи с преданием. Письмо его подействовало на меня грустно. Сегодня писал ему ответ, в нем я сказал ему: "Encore une etoile qui file et disparaît"* Прощайте. Идите иной дорогой; как попутчики, мы не встретимся, это наверное". Да как это ему не стыдно принадлежать к этим запакощенным славянофилам?

Самарин.

269 – Самарин.

/с. 270 (408)/:

Во всем, что делает Грановский, есть какая-то стройная грация; какое удивительное благородство и умение притом остановиться в необходимых пределах!

Не всегда.

270 – Грановский.

/с. 271 (409)/:

Для него /Прудона. – Сост./ чувственная достоверность сама в себе носит очевидное свидетельство

271 – Чувств./енная/

* "Вот еще одна звезда падает и исчезает" (фр.).

своей истины etc. Выходя везде к конкретным приложениям, он превосходен в иных местах, самая лучшая часть - это его доказательства невозможности религии в грядущем; вывод его смел, энергичен и силен, он заключает словами прекрасно благородными: вспомним, как религия благословением своим встречала нас при рождении и как молитвами провожала тела наши; сделаем для нее то же, - похороним ее с честью, вспоминая ее благодеяния человечеству. Он считает философию также прошедшим моментом. Религия - откровение причины, Философия - наука причины (явным образом несправедливо) /.../

Достоверность.
271 - Прудон о религии.

/с. 275 (412)/:

Вера в способность его /Огарева. - Сост./ ко всему прекрасному и высокому не может потрясена быть во мне, но что же в одной возможности, когда же наступит пора дела, что за противуречие между жизнью rentier[x], бесцельной, без занятий, и этими слезами симпатии всему прекрасному? Я не токмо не против заграничной жизни, но допускаю в известных случаях экспатриацию, но не для того, чтоб жить там праздному и проживать все свое состояние пошло, - такое употребление богатства в наше время преступно.

NB
275 - Жизнь rentier[x].
NB

/с. 276 (413)/:

В то время, как в самой Пруссии движение эмансипационное приобретает более и более характер величественный, у нас издается свод уголовных законов, в котором смерть за слово, за неосторожное выражение, - ждут разменен на плети, у нас заводят майораты, усиливают дворянство, то есть утрачивают те выгоды, которые мы имели перед Европой, те выгоды, о которых Бентам писал к императору Александру, когда

276 - Выгоды перед Европ/ой/.

[x] рантье (фр.).

он воцарился, что ему легче, нежели какому-нибудь монарху, дать дельные законы, потому что предрассудки римско-феодальные не мешают ...

Дилетантизм в науке

/с. 279-383 (т. 3, с. 5-88)/

/с. 290 (15)/:

Природа - царство видимого закона; она не дает себя насиловать; она представляет улики и возражения, которые отрицать невозможно : их глаз видит и ухо слышит /.../ В этом отношении материалисты стоят выше и могут служить примером мечтателям-дилетантам: материалисты поняли дух в природе и только как природу - но перед объективностью ее, несмотря на то, что в ней нет истинного примирения, склонились; оттого между ними являлись такие мощные люди, как Бюффон, Кювье, Лаплас и др.

NB
290 - Материализм.

/с. 292 - 293 (17-18)/:

В абстракции, разумеется, мы можем отделить причину от действия, силу от проявления, субстанцию от наружного. Но им /дилетантам. - Сост./ не того хочется: им хочется освободить сущность, внутреннее, так, чтоб можно было посмотреть на него; они хотят какого-то предметного существования его, забывая, что предметное существование внутреннего есть именно внешнее; внутреннее, не имеющее внешнего, просто - безразличное ничто /.../ Словом, внешнее есть обнаруженное внутреннее, и внутреннее потому внутреннее, что имеет свое внешнее. Внутреннее без внешнего - какая-то дурная возможность, потому что нет ему проявления; внешнее без внутреннего - бессмысленная форма, не имеющая содержания. Таким объяснением дилетанты недовольны: у них кроется мысль, что во внутреннем спрятана тайна, которая разуму не-

NB
292 - Сущность.

Верно.
NB

Гносеология[45].

постижима, а между тем вся сущность его в том только и состоит, чтоб обнаружиться, - и для чего, для кого была бы это тайная тайна? Бесконечное, безначальное отношение двух моментов, друг друга определяющих, друг в друга утягивающих, так сказать, составляют жизнь истины; в этих вечных переливах, в этом вечном движении, в которое увлечено все сущее, живет истина: это ее дыхание и выдыхание, ее систола и диастола.

/с. 349-350 (62)/:

(Гегель, несмотря на всю мощь и величие своего гения, был тоже человек; он испытал панический страх просто выговориться в эпоху, выражавшуюся ломаным языком, так, как боялся идти до последнего следствия своих начал; у него недостало геройства последовательности, самоотвержения в принятии истины во всю ширину ее и чего бы она ни стоила. Величайшие люди останавливались перед очевидным результатом своих начал; иные, испугавшись, шли вспять, и, вместо того, чтоб искать ясности, затемняли себя. Гегель видел, что многим из общепринятого надобно пожертвовать; ему жаль было разить; но, с другой стороны, он не мог не высказать того, что был призван высказать.)

349 - Гегель.

/с. 350-351 (63)/:

Человек настоящего времени стоит на горе и разом обнимает обширный вид; по проложившему дорогу на гору вид этот раскрывался мало по малу.

Когда Гегель взошел первый, ширина вида его подавила; он стал искать своей горы: ее не было видно на вершине; он испугался: она слишком тесно связалась со всеми испытаниями его, со всеми воспоминаниями, со всеми судьбами, которые он пережил; он хотел сохранить ее. Иное поколение, легко взнесшееся на мощных раменах гениального мыслителя, не име-

350 - Левое гегельянство.

ет уже к горе ни той любви, ни того уважения: для него она прошедшее.

/с. 359 (70)/:

/.../ Гегель в "Пропедевтике" (том XVIII, § 63) говорит: "Слово не есть еще деяние, которые выше речи". И германцы, стало, понимали это.

359 - О Гегеле очень важно. (о действит/ельности/. ср. 360, ср. 371.

/с. 360-361 (71)/:

В науке мышление и бытие примирены, но условия мира деланы мыслию - полный мир в деянии. "Деяние есть живое единство теории и практики", - сказал слишком за две тысячи лет величайший мыслитель древнего мира /Аристотель? - Сост./. В деянии разум и сердце поглотились одействотворением, исполнили в мире событий находившееся в возможности. Мироздания, история не вечные ли деяния? Деяние отвлеченного разума - мышление, уничтожающее личность; человек бесконечен в нем, но теряет себя; он вечен в мысли, но он - не он; деяние отвлеченного сердца - частный поступок, не имеющий возможности раскрыться во всеобщее; в сердце человек у себя - но преходящ. В разумном, нравственно-свободном и страстно энергическом деянии человек достигает действительности своей личности и увековечивает себя в мире событий. В таком деянии человек вечен во временности, бесконечен в в конечности, представитель рода и самого себя, живой и сознательный орган своей эпохи.

NB

360-I - Вывод из философии.

/с. 363 (73)/:

(В истории поздно приходящим - не кости, а сочные плоды. В самом деле, в нашем характере есть нечто, соединяющее лучшую сторону французов с лучшей стороной германцев. Мы несравненно способнее к наукообразному мышлению, нежели французы, и нам решительно невозможно мещански-филистерская жизнь

NB

363 - "Русский человек"[46].

немцев; в нас есть что-то gentlemanlike[x], чего именно нет у немцев, и на челе нашем проступает след величавой мысли; как-то не сосредоточивающейся на челе француза).

/с. 364 (74)/:

Мы совсем не в том положении; для нас жизнь в отвлеченно-всеобщих сферах – несвоевременность, личная охота. Всякая восходящая сфера имеет притязание на исключительное господство и безусловное значение; вера в него – главнейшее условие успеха, но дальнейшее развитие во времени необходимо переходит мимо безусловную сферу, и эта необходимость перехода гораздо с большей справедливостью может казаться безусловной. (Гегель чрезвычайно глубокомысленно сказал: "Понять то, что есть – задача философии, ибо то, что есть – разум. Как всякая личность – произведение своего времени, так философия есть в мыслях схваченная эпоха; нелепо предположить, что какая-нибудь философия перескочила свой современный мир".)

364 – Г/ерце/н и Белинский.[47] ср. 369. нв

/с. 365 (74-75)/:

(Во всей германской атмосфере носятся новые вопросы о жизни и науке, это – очевидный факт в журналистике, в изящных произведениях, в книгах. Забытая в науке личность потребовала своих прав, потребовала жизни, трепещущей страстями и удовлетворяющейся одним творческим, свободным делением. После отрицания, совершенного в сфере мышления, она захотела отрицаний в других сферах: необходимость личности обличилась. Человек требует ее, а наука, взявшая все, признает это право; она не удерживает,

Личность[48].

[x] от джентельмена (англ.).

она благословляет в жизнь личную, в жизнь свободного деяния во имя абсолютной безличности.)

/с. 375-376 (82)/:

В философии права Гегель говорит: "Между самопознанием и действительностью всего чаще оказывается отвлеченность, не освободившаяся в понятие". Читая эти и подобные места, с изумлением спрашиваешь, как добрые люди все жизнь читают Гегеля и не понимают. Человек читает книгу, но понимает собственно то, что в его голове /.../ И самом деле так. Читая Гегеля, только то понимают, что он запоминает, то, что неразвито предрасполагало чтение. Дело книги, собственно, акушерское дело – способствовать, облегчить рождение, но что родится, за это акушер не отвечает. Не надобно, впрочем, думать, чтоб Гегель сам не впадал много раз в печальную болезнь, состоящую в привычке жевания последней главы всемирной истории.

375. Отзыв о Гегеле. нв

/с. 378 (84)/:

(Природа и наука – два выпуклые зеркала, вечно отражающие друг друга;) фокус, точку пересечения и сосредоточенности между окончаниями мирами природы и логики, составляет личность человека. Природа, собираясь на каждой точке, углубляясь более и более, означивает человеческим Я; в нем она достигла своей цели. Личность человека, противопоставляя себя природе, борясь с естественною непосредственностью, развертывает в себе родовое, вечное, всеобщее, разум. Совершение этого развития – цель науки.

Где же история?

/с. 380 (86)/:

(Где начинается сознание, там начинается нравственная свобода; каждая личность олицетворяет до-своему признаки, оставляя печать своей индивидуальности на событиях.)

Ст. Аврора[49]

I4

Герцен А.И. Сочинения /в I0 т./ /С предисл. /Т.Н. Вирубова/.–Genève etc.: Georg, I876. Т.П. 339 с. – Загол. парал. на фр.яз.: Oeuvres d'Alexandre Herzen.[50]

Д. 6240-22

Герцен А.И. Собр. соч. в 30 т., т. 3.

Письма об изучении природы

/с. 33-300 (89-3I5)/

/с. 35 (92)/:

Знаю я, что формы исторического мира так же естественны, как формы мира физического! Но знаете ли вы, что в самой природе, в этом вечном настоящем без раскаяния и надежды, живое, развиваясь, беспрестанно отрекается от минувшей формы, обличает неестественным тот организм, который вчера вполне удовлетворял? Вспомните превращение насекомых, вечный пример бабочки и куколки. Когда настоящее опирается только на прошедшее, оно лишено опоры.

35 – Диалектика: же

/с. 40 (96)/:

(Естествоиспытатели никак не хотят разобрать отношение знания к предмету, мышления к бытию, человека к природе; они под мышлением разумеют способность различать данное явление и потом сличать, находить, располагать в порядке найденное и данное для них; критериум истины – всякое их разум, а одна чувственная достоверность, в которую они верят; их мышление представляется действием чего-то другим, совершенно внешним предмету. Они пренебрегают формою, методою, потому что знают их по схоластическим определениям.) /.../ (Метода в науке вовсе не есть дело личного вкуса или какого-нибудь внешнего удобства, что она, сверх своих формальных значений, есть самое развитие содержания, эмбриологическая истины, если хотите.)

же Очень/ верно

40 – Ошибки материалистов; ср. Остальные: он сам забывал это.

/с. 4I (97)/:

Эмпирики поняли, что существование предмета не мнимо; что взаимодействие чувств и предмета не есть обман; что предметы, нас окружающие, не могут не быть истинными, потому уже, что они существуют; они обернулись с доверием к тому, что есть, вместо отыскивания того, что должно быть, но чего, странная вещь, нигде нет! Они приняли мир и чувства с детской простотой и звали людей сойти с туманных облаков, где метафизики возились с схоластическими бреднями; они звали их настоящее и действительное; они вспомнили, что у человека есть пять чувств, на которых основано начальное отношение его к природе, и выразили своим воззрением первые моменты чувственного созерцания – необходимого, единственно истинного предшественника мысли.

4I – Эмпиризм и утоп/ический/ социализм.

/с. 43 (99)/:

Идеализм не что иное, как схоластика протестантского мира.

43 – Сейербах.

/с. 44 (99)/:

И философия и естествоведение выросли из временного антагонизма своего, имеют все средства в руках понять, откуда он вышел и в чем состоял его

44 – Верно.

историческая необходимость, - одно только унаследованное чувство вражды может поддерживать обветшалые и жалкие взаимные обвинения. Им надобно объясниться во что бы то ни стало, понять раз навсегда свое отношение, и освободиться от антогонизма: всякая исключительность тягостна; она не дает места свободному развитию. Но для этого объяснения необходимо, чтоб философия оставила свои грубые притязания на безусловную власть и на всегдашнюю непогрешительность.

/с. 54 (100)/:

Все отрасли ведения имеют самобытность, замкнутость, но в них непременно вошло нечто данное, вперед идущее, не ими узаконенное; они, собственно, органы, принадлежащие одному существу; отделите орган от организма, и он перестанет быть проводником жизни, сделается мертвою вещью, и организм, в свою очередь лишенный органов, сделается искаженным трупом, кучею частиц.

Фейербах.

/с. 46 (101)/:

Философия снимает логикой личность и предмет, но, снимая, она сохраняет их.

Верно.

/с. 48 (102)/:

Им /естествоиспытателям. - Сост./ явным образом не хочется оставаться при одном добросовестном перечне; они чувствуют, что это не наука, стремяться замешать мышление в дело опыта, осветить мыслию то, что в нем темно, и тут обыкновенно они запутываются и теряются в худо понятых категориях, идут зря, не дают отчета в своих действиях, боятся выпустить из рук предмет, данный чувственной достоверностью, не замечая, что он давно уже изменился; боятся довериться мышлению и, невольно увлекаемые в

Верно.

поток диалектического движения, разлагают предмет на его противоположные определения, утрачивая возможность соединить разъединенные начала. Стремление выйдти из эмпирии совершенно естественно, - исключительность противна духу человеческому.

/с. 51/, примеч. (104, примеч.)/:

Отчего звук никто не называет ни жидкостью, ни силой (хотя Гассенди и толковал об атомах звука)?

Будто? 51

/с. 51-52 (105)/:

Во-вторых, желание оставить предмет, как он есть, и понять его, не разрешая в мысль, не только иллогизм, но просто нелепость: частный предмет, явление, остается неприкосновенным, если человек, не думая о нем, смотрит на него, когда он к нему равнодушен; если он его назовет, то уже он не оставил его в сфере частностей, а поднял во всеобщее. Как же понять смысл явления, не вовлекая его в логический процесс (не прибавляя ничего от себя, как обыкновенно выражаются)? Логический процесс есть единственное всеобщее средство человеческого понимания; природа не заключает в себе всего смысла своего - в этом ее отличительный характер; именно мышление и дополняет, развивает его; природа - только существование и отделяется, так сказать, от себя в сознании человеческом для того, чтоб понять свое бытие; мышление делает не чуждую добавку, а продолжает необходимое развитие, без которого вселенная не полна, - то самое развитие, которое начинается со стихийной борьбы, с химического сродства и оканчивается самопознающим мозгом человеческой головы. Хотят ум сделать страдательным преемником, особого рода зеркалом, которое отражало бы данное, не изменяя его, т.е. во всей его случайности, не усвоивая, тупо, бессмысленно; а данное, сущее во времени и пространстве, хотят сделать деятельным началом, - это

52 - Феноменология.

Плохо формулировано.

Мошкам.

прямо противоположно естественному порядку.

/с. 53 (106)/:

В физических науках принято за обыкновение допускать подобного рода гипотезы, т.е. условную ложь для объяснения; но ложь не остается вне объяснения (иначе она была бы вовсе ненужна), а проникает в него, и вместо истины получается странная смесь из эмпирической правды с логической ложью /.../

Очень умное замечание.

/с. 55 (107)/:

Мы будем иметь случай поговорить в следующих письмах о монадологии, об атомах Гассенди, – но вы уж из этого видите, что атомизм для мыслителей не был шуткой, что атомы представляли для них мысль, потому: атомизм составлял убеждение, верование Левкиппа, Демокрита и др. физики же с первого слова согласны, что их теории, может быть, вздор, но вздор облегчительный. А почему же они предают атомы и соглашаются, что может быть вещество не из атомов? На том же прекрасном основании лени и равнодушия, на котором принимают всякого рода предположения! Если откровенно выразится, то кто можно назвать цинизмом в науке.

Верн/о/.
55 – Горькая истина физикам.
нв

/с. 56 (108)/:

Без всякого сомнения, математика ушла несравненно дальше в мышлении против физики; одна теория бесконечно малых доказывает это: она не могла отереть с себя близость с логикой, несмотря на все старания /.../

Гегель
56 – Гегель и Герцен о бесконечно малых.

/с. 57-58 (109)/:

Естествоиспытатели и медики ссылаются всегда на то, что мы еще не до теории, что у них еще не

все факты собраны, не все опыты сделаны и т.д. Может быть собранные материалы в самом деле недостаточны, даже наверное так; но, не говоря о том, что фактов бесконечное множество и что, сколько их ни собирай, до конца все не дойдешь; это не мешает поставить надлежащим образом вопрос, развить действительно требования, истинные понятия об отношении мышления к бытию.

нв
Очень важно.

/с. 59 (110-111)/:

(Странное положение естественных наук относительно мышления долго продолжаться не может: они до того богатеют фактами, что некоторый взгляд их делается ясное и яснее. Они неминуемо должны, наконец, будут откровенно и не шутя решать вопрос об отношении мышления к бытию, естествознания и философии) /...

Ср. Энгельса.

/с. 63 (113)/:

Совершенная отрезанность естествоведения и философии часто заставляет целые годы трудиться для того, чтоб приблизительно открыть закон, давно известный в другой сфере, разрешить сомнение, давно разрешенное: труд и усилие тратятся для того, чтоб во второй раз открыть Америку, для того, чтоб проломить трошинку – там, где есть железная дорога. Вот плод дробления наук, этого феодализма, окапывающего каждую полоску земли валом и чеканящего свою монету за ним.

нв
63 – Разъединение наук – феодализм.

/с. 64 (114)/:

Велик был этот человек /Кант. – Сост./ в своей беспощадной, неподкупной логике; распадение его с догматизмом было глубоко, обдуманно; он искал одной истины и не останавливался ни перед чем; он поставил эти страшные каудинские фуркулы, называемые антиномиями, и хладнокровно прошел под них святей-

Оч/ень/ не-важно.

ние достояния мысли человеческой. Вполне воскресить идеализму после Канта было невозможно, разве в каких-нибудь частных, абнормальных явлениях; все склонилось перед гениальной мощью его. Но воззрение это тяжко; была сильна стоическая грудь Фихте, но и та не могла его вынести; несамомощность безусловного знания клала непереходимую грань между человеком и истиной. От такого воззрения можно сойти с ума, впасть в отчаяние. Гердер, Якоби старались спасти от кантовского кораблекрушения идеи им милые и дорогие, но чувство - дурной опыт в логическом деле /.../

64 - Очень неверно о Канте.

Это плохо формулировано.

/с. 65 (II5)/:

Вслед за ним /за Гете. - Сост./ из среды отвлеченной науки раздался голос /Шеллинг. - Сост./, определявший истину единством бытия и мышления; он обращал философию к природе как к необходимому дополнению, как к своему зеркалу.[x]

x) Да, но как? ср. Фейербах.

/с. 66 (II5-II6)/:

(Шеллинг, напротив, считал себя, по превосходству, философом, спекулятивным натуром и потому живое свое сочувствие и предведение старался заморить схоластическою формою; он победил в себе идеализм не на деле, а только на словах.)

НВ
Да он и не побеждал его. ср. 68.
66 - Ошибка насчет Шеллинга (см. мои заметки)[52].

/с. 68 (II7)/:

Наполеон и Шеллинг явились миру, провозгласив примирение противоположностей и снятие их новым порядком вещей.

Важно.

/с. 68 (II7)/:

Шеллинг в своей области поступал так, как Наполеон: он обещал примирение мышления и бытия, но, провозгласив примирение противоположных направлений в высшем единстве, остался идеалистом в то время, как Океан учреждал шеллинговское управление над всей природой и "Изида" - "Монитер" натурфилософии - громко возвещали свои победы.

68 - ср. Фейербах.

/ с. 70 (II8)/:

(Первый пример научообразного изложения естествоведения представляет Гегелева "Энциклопедия".) Кто строгое, твердо проведенное воззрение почти современно Шеллингу /.../ им замыкается блестящий ряд мыслителей, начавшийся Декартом и Спинозою. Гегель показал предел, далее которого германская наука не пойдет; в его учении ясным образом содержится выход не только из него, но вообще из дуализма и метафизики.

70 - Гегель; ошибочное отзывание о нем[53].

/с. 77-78 (I24-I25)/:

(Понять предмет - значит раскрыть необходимость его содержания, оправдать его бытие, его развитие;) понятое необходимым и разумным не есть чуждое нам: оно сделалось ясною мыслью предмета; мысль сознанная и понятая принадлежит нам и сознается нами, потому что она разумна и человек разумен - а разум один. Неразумное непонятно для нас, но его и понимать не стоит труда: оно необходимо оказывается несущественным, неистинным; оно обнаруживается таким (говоря школьным языком), чего доказать нельзя, ибо доказательство только и состоит в раскрытии необходимости предмета, указывающей на разумность его; что разумно, то признано человеком; другого критерия человек не ищет; оправдание разумом - последняя безапелляционная инстанция. Само собою разумеется, что мысль предмета не есть исключительно личное

77 - что значит понять предмет.
ср. Белинского.
НВ

78 - ср. 76
НВ
78 - Доказательство социализма.
НВ

достояние мыслящего: не он вдумал ее в действительность, она им только сознана; она предсуществовала, как скрытый разум, в непосредственном бытии предмета, как его во времени и пространстве обличенное право существование, как на деле, фактически исполненный закон, свидетельствующий о своем неразрывном единстве с бытием. Мышление освобождает существующую во времени и пространстве мысль в более соответствующую ей среду сознания; оно, так сказать, будит ее от усыпления, в которое она еще погружена, облеченная плотью, существуя одним бытием; мысль предмета освобождается не в нем: она освобождается бестелесною, обобщенною, победившею частность своего явления в сфере сознания, разума, всеобщего.

NB
Ср. 80.

/с. 80 (127)/:

(Человек - не вне природы и только относительно противуположен ей, а не в самом деле; если бы природа действительно противоречила разуму, все материальное было бы нелепо, нецелесообразно.)

/Точ/нее: не /было/ бы су/щест/в, ода/рен/ных раз/ум/ом.

/с. 81 (127-128)/:

(Природа не имеет силы над мыслью, а мысль есть сила человека; природа - как греческая статуя: вся внутренняя мощь ее, вся мысль ее - ее наружность; все, что она могла собою выразить, выразила, представляя человеку обнаружить то, чего не могла;) она относится к нему как необходимое предшествующее, как предположение (Voraussetzung); человек относится к ней как необходимое последующее, как заключение (Schluß). Жизнь природы - беспрерывное развитие, развитие отвлеченного простого, не полного, стихийного в конкретное полное, сложное, развитие зародыша расчленением всего заключающегося в его понятии, и всегдашнее домогательство вести это развитие до возможно полного соответствия формы содержанию - это

Точнее: мысль не имеет /си/лы над /при/родою, ес/ли/ не опирается на /нее/ же.

NB
Ср. т.VI-й, стр. 197, о реализме и социализме; очень важно[54].

диалектика физического мира /.../ Что может быть смелее предположения, что последний вывод, венчающий все развитие природы, - человеческое сознание - в разногласии с нею? Все в мире стройно, согласно, целеобразно - одна мысль наша сама по себе, какая-то блуждающая комета, ни к чему не отнесенная, болезнь мозга!

81— К Титу Левиафанскому.[55] Ср. об Афинах.

/с. 81 (128-129)/:

(История мышления - продолжение истории природы; ни человечества, ни природы нельзя понять мимо исторического развития. Различие этих историй состоит в том, что природа ничего не помнит, что для нее былого нет, а человек носит в себе все былое свое; от того человек представляет не только себя как частного, но и как родового. История связует природу с логикой; без нее они распадаются;) /.../

Герцен не сумел развить идею отрицания.

/с. 83 (129)/:

Из этого вы видите, что в сущности все равно, рассказать ли логический процесс самопознания или исторический.

Не все равно.

/с. 91 (135)/:

(Нет. У кого глаза так слабы, что за наружной формой явления они не могут разглядеть просвечивающее внутреннее содержание, не могут разглядеть за видимым многообразием - невидимое единство, тому, что ни говори, история науки будет казаться сбродом мнений разных мудрецов, рассуждающих каждый на свой салтык о разных поучительных и наставительных предметах и имевших скверную привычку непременно противоречить учителю и браниться с предшественниками: это атомизм, материализм в истории; с этой точки зрения не одно развитие науки, а вся всемирная история кажется делом личных выдумок и странно-

91 - Как понимает Г/ерцен/ истор/ический/ материализм.

Мат/ериализм/ в ист/ории/.

го сплетения случайностей – взгляд антирелигиозный, принадлежавший некоторым из скептиков и недоученной толпе.)

91 – Всемирная история.

/с. 96 (142)/:

(Жизнь восточных народов проходила или в брожении страшных переворотов, или в косном покое однообразного повторения. Восточный человек не понимал своего достоинства; оттого он был или в прахе валявшийся раб, или необузданный деспот;) так и мысль его была или слишком скромна, или слишком высокомерна: она – то перехватывала за пределы себя и природы, то, отрекаясь от человеческого достоинства, погружалась в животность.

Истори/ческий/ идеализм.
NB NB

x) Правда, он м. б., плохо выражается, ср. 92; ср. "Дневник" 120[56].

/с. 97-98 (143)/:

Вступая в мир Греции, мы чувствуем, что на нас веет родным воздухом, – это Запад, это Европа.

Гегель.

/с. 100 (145)/:

Воззрение греков нам кажется материальным в сравнении с схоластическим дуализмом и с трансцендентальным идеализмом немцев; в сущности, его скорее должно назвать реализмом (в широком смысле слова), и этот реализм у них является прежде всех мудрецов и учений. Вера в предопределение, в судьбу есть вера эмпирии, реализм; она основана на безусловном признании действительности мира, природы, жизни: "то, что есть, не случайно; оно предопределено, оно неминуемо, оно должно быть". Такая вера в судьбу есть с тем вместе вера в событие, в разум внешнего.

100 – Реализм, его определение.

/с. 101 (146)/:

Дух не стал еще сам предметом для грека; он еще не довлел себе без природы, и, стало быть, он ее не ставил, а принимал ее как роковое событие;

NB 101 – Замечательное противоречие, вслед-

ключ к истине не лежал внутри человека; этим-то ключом и считал себя алхимик.

ствии произвольности определений. ср. 95

/с. 101-102, примеч. (146-147, примеч.)/:

Излагая главные моменты греческой философии, я следовал лекциям Гегеля об истории древней философии. Все места, цитованные мною из Платона, Аристотеля, взяты оттуда. История древней философии у него отделана до высокого художественного совершенства; кажется, нельзя того же сказать об его истории новой философии: она бедна и местами односторонняя, даже пристрастна (напр., как мало оценен подвиг Канта!). Знакомые с германской философией увидят в самом изложении древней философии некоторые довольно важные отступления от "Лекции об истории философии". Я во многих случаях не хотел повторять чисто абстрактные и пропитанных идеализмом мнений германского философа, тем более что в этих случаях он был неверен себе и платил дань своему веку.

Sic!

102 – Заявление насчет Гегеля.

NB

/с. 103 (148)/:

Мышлением истина развивается из бедного, отвлеченного, одностороннего определения до самого полного, конкретного, многостроннего, достигая этой полноты рядом самоопределений, беспрерывно углубляющих в разум предмета. Первое, начальное определение, самое внешнее, самое неразвитое – зерно, возможность, тесная сосредоточенность, в которой потеряны различия /.../

103 – из Гегеля.

/с. 109-110 (152)/:

Безумнейшие мистики всех веков опирались на Пифагора и создавали свою науку чисел; в математическом воззрении есть что-то сумрачно величавое, аскетическое, плотоумерщвляющее: оно-то вместо реальных страстей и располагает фантазию к астрологии, кабалистике и проч.

Верно.

/с. II0 (I52-I53)/:

Отрешать предмет от односторонности реальных определений значит с тем вместе делать его неопределенным; чем общее сфера, тем она кажется ближе к истине, тем более устранено усложняющих односторонностей; - на самом деле не так: сдирая плеву за плевой, человек думает дойти до зерна, а между тем, снявши последнюю, он видит, что предмет совсем исчез; у него ничего не остается, кроме сознания, что это не ничего, а результат снятия определений.

Обрезно!

/с. II4 (I56)/:

(Бытие живо движением; с одной стороны, жизнь есть не что иное, как движение беспрерывное, не останавливающееся, деятельная борьба и, если хотите, деятельное примирение бытия с небытием, и чем упорнее, злее эта борьба, тем ближе они друг к другу, тем выше жизнь, развиваемая ими; борьба эта вечно у конца и вечно у начала, - беспрерывное взаимодействие, из которого они выйти не могут.)

Диалектика. II4 - Диалектика. (Заметить).

/с. I26 (I64)/:

Оттого смело и открыто высказали они /софисты. - Сост./ то, что греки тайком делали в практической жизни, тайком даже от себя, боясь исследовать, хорошо или нет так поступать, и не имея силы не поступать противно положительному закону. Софистов обвинили в безнравственности, потому что они дали гласность сокрытому во тьме, потому что они высказали семейную тайну греческой жизни.

Как анг/личане/ в отх/ичие/ от нем/ев/.

/с. I33 (I70)/:

Сократ, провозгласивший право самосознательного разума, понимал его сущностию и целию самосознающей воли; Платон с самого начала полагает мысль сущностию вселенной и стремится покорить ей все су-

Платон.

щее, может быть, более, чем нужно ...

/с. I34 (I70)/:

Платон находит временное, телесное бытие прекрасно безусловному знанию; говоря это, он, кажется, забывает, что с тем вместе оно есть и неизбежное условие бытия и знания. Но не подумайте, что этот романтический элемент или, лучше выразиться, элемент, имеющий в себе нечто романтическое, есть исчерпывающее определение Платоновой мысли, - далеко нет! Вспомните лучше, что древние называли его творцом диалектики: вот где его сила и мощь, вот чем дошел он до глубокомысленной спекуляции своей, которая во всем сохранила долю идеализма как печать его личности и личности возникающей эпохи, но не стеснила им мощной, свободной мысли.

Стало, оно все-таки преграда? I34 - Важное недоразумение на счет теории познания.

/с. I37 (I72-I73)/:

Большинство нашего времени (я разумею сознающих себя грамотеями) так отвыкло или так не привыкло к определениям мысли, что оно, только бессознательно употребляя их, не размышляет. Нас не удивляет, например, что человек в физиологическом отношении - неделимое, целость, атом, а в анатомическом - многочисленная куча самых разнообразных частей; что тело наше - вместе и наше "я" и наше другое; ничего не удивляет процесс возникновения, беспрерывно совершающийся около нас, эта глухая борьба бытия с небытием, без которой было бы одно безразличие; никого не удивляет эта вечность мимолетного, которою мы окружены. Назовите то, что добрые люди видят и чувствуют ежедневно, словами, - они не поймут вас и никогда не узнают в ваших словах близких знакомых.)

I47: Диалектика.

Диалектика.

/с. I44 (I77-I78)/:

Аристотель – в высшем смысле слова эмпирик; он все берет из предлежащей, окружающей его среды, берет как частное, берет так, как оно есть; но однажды взятое из опыта не ускользает из мощной десницы его, взятое им не сохранит своей самобытности как противоречие мысли; он не оставляет предмета до тех пор, пока не вынудает все его определения, пока сокровенная сущность его не раскроется светлой, ясной мыслию, а посему эмпирик Аристотель с тем вместе – в высочайшей степени спекулятивный мыслитель.

Аристотель.

/с. I55, примеч. (I86, примеч.)/:

(Знание равно невозможно без опыта и без смысла).x

(x) Да возможен ли вообще ответ без "смысла"?
I55 – Об опыте: важно.

/с. I59 (I89)/:

В наше время подвиг Гегеля состоит именно в том, что он науку так вошотких в методу, что стоит понять его методу, чтоб почти вовсе забыть его личность, которая часто без всякой нужды выказывает свою германскую физиономию и профессорский мундир Берлинского университета /.../ (его же методою был наголову те выводы, в которых он является не органом науки, а человеком, не умевшим освободиться от плутины ничтожных и временных отношений; из его начал смело идут против его непоследовательности – с твердым сознанием, что идут за Него, а не против Него.)

Метод.
I59 – О Гегелевой методе. Важно.
I59 – Тут видно, что Г/ерцен/ = идеалогегельянец, но все-таки гегельянец, т.е. идеалист. НВ.

/с. I6I (I90)/:

(Неоплатонизмом перешла древняя мысль в новый мир, – но это было более переселение душ, нежели развитие) /.../

I6I – Необычайно ярко и хорошо. НВ

/с. I62-I63 (I9I)/:

(Отыскивание критериума, т.е. поверки, с рассудочной точки зрения, – неразрешимая задача: ум, отрешившийся от предмета и определивший себя отрицательно, может понять истину как свой закон, но никогда не поймет этого закона истиною предмета.)

I62 – очень хорошо о критериуме истины.

/с. I63-I64 (I92)/:

Вот в это время, а не во время софистов в самом деле явилось безобразное зрелище риторов-диалектиков, говоривших и проповедовавших без всяких убеждений: это было какое-то холодное адвокатство в науке, двуличное и коварное, мгновенное и пустое; едва изредка появлялись искры, напоминавшие острый, поэтический, легкий и глубокий афинский ум. Явление это более принадлежит общественной жизни, нежели науке, оно было отражением гражданского растления в сфере мышления.

I64 – К Титу Двенадцатому – важно.

НВ

К Титу Двенадцатому. – важно.

/с. I66 (I94)/:

(Человек нравственный должен носить в себе глубокое сознание, как следует поступить во всяком случае, и вовсе не как ряд сентенций, а как всеобщую идею, из которой всегда можно вывести данный случай; он импровизирует свое поведение. Но стоики – формалисты и недоверчивые, – с юридической точки зрения смотрели на нравственный вопрос и составляли моральные сентенции; их учение стремилось явным образом окрепнуть, оценить в окончательной догматике.)

I66 – Характеристика стоиков – блестящая – относится к Толстому.

/с. 171 (197)/:

Это свидетельствовало бы только, что он /Эпикур. - Сост./ чувствовал пределы своего воззрения, он провидел верховное начало, царящее над физическим многоразличием; но, сверх этого, он толкует о каких-то соподчиненных богах - типах, служащих вечными идеалами людям.

171 - Герцен - идеалист.

/с. 172 (198)/:

Философский догматизм, как все косное, твердое, успокоившееся в довольстве собою, противен вечно деятельной, стремящейся натуре человека; (догматизм в науке не прогрессивен; совсем напротив, он заставляет живое мышление осесть каменной корой около своих начал;) /.../

NB

172 - Гениальная яркость выражения.

/с. 180 (204)/:

У неоплатоников - почти как у нынешних мечтателей социалистов - пробиваются великие слова: примирение, обновление /.../, но они остаются отвлеченными, неудобопонятными, так, как их теодицея; неоплатонизм был для ученых, для немногих.

180 - Утоп/ический/ социализм.

NB

/с. 183 (207)/:

Старое страшно защищается, и это понятно: как жизни не держаться ревниво за достигнутые формы? Она новых еще не знает, она сама - эти формы; сознать себя прошедшим - самоотвержение, почти невозможное живому: это - самоубийство Катона. Отходящий порядок вещей обладает полным развитием, всесторонним приложением, прочными корнями в сердце; иное, напротив, только возникает; оно сначала является всеобщим и отвлеченным, оно бедно и наго; а старое богато и сильно.

183 - К вопросу о революции 1848 г.

/с. 186 (209)/:

Страдания эти необходимо сопровождают всякий переворот: последнее время перед вступлением в новую фазу жизни тягостно, невыносимо для всякого мыслящего; все вопросы становятся скорбны; люди готовы принять самые нелепые разрешения, лишь бы успокоиться; фанатические верования идут рядом с холодным неверием, безумные надежды об руку с отчаянием, предчувствие томит, хочется событий, а повидимому, ничего не совершается. Это - глухая, подземная работа, пробивающаяся на свет, мучительная беременность, время тягости и страданий; оно похоже на переход по степи, безотрадный, изнуряющий - ни тени для отдыха, ни источника для оживления; плоды, взятые с собою, гнилы, плоды встречающиеся кислы.

186 - К мещанству Европы.

/с. 188-189 (210-211)/:

Вы можете меня упрекнуть, что, обещая писать об изучении природы, я доселе всего менее говорил о естествоведении, - но упрек ваш вряд ли будет справедлив. Цель моих писем вовсе не та, чтоб знакомить вас с фактическою частью естественных наук; мне хотелось одного: по мере возможности показать, что антогонизм между философией и естествоведением становится со всяким днем нелепее и невозможнее; что держится на взаимном непонимании, что эмпирия так же истинна и действительна, как идеализм, что спекуляция есть их единство, их соединение. Для достижения предположенной цели мне казалось необходимым раскрыть, откуда развился антогонизм естествоведения с философией, а это само собою вело к определению науки вообще и к историческому очерку ее.

188-9 - План "Писем" Г/ерце/на.

/с. 213 (230)/:

Так как жизнь одна, ум один и одно единство их связует, следовательно, заключает Бруно, если мы возьмем ум в целости всех его моментов, мы все сущее подведем под него; не есть ли это прямое предведение логической философии нашего времени? "Природа, - говорит он, - внутри своих пределов может все сделать из всего, а ум может все узнать из всего". Природу и ум он понимает двумя моментами одного развития;

NB

213 - "Логическая" философия нашего времени.

/с. 215 (231)/:

Гегель, мне кажется, не отдал всей справедливости Бруно, не потому ли уже, что Шеллинг поставил его так высоко? Последнее очень понятно. Бруно - живая, прекрасная связь между неоплатонизмом, которого влияние на нем весьма заметно, и натурфилософией Шеллинга, на которую он, в свою очередь, имел большое влияние. Гегель не хотел узнать в Бруно человека нового мира так, как не хотел видеть в Беме человека средневекового. Или, может быть, в груди величайшего германского мыслителя лежала народная связь с theosopho teutonico [x], а романская горячая и реальная кровь итальянца не была ему так родственна;

Ср. Фейербаха.
NB 215 - о Бруно, ср. Фейербаха.
215 - Беме-средневековый человек.

/с. 223-224 (237-238)/;

Я считал необходимым напомнить вам все это, приближаясь к странному лицу Якова Бёма. Его вдохновенное, мистическое созерцание, истекавшее из святого источника, привело его к воззрению такой необъятной ширины, о которой наука его времени не смела мечтать, - к таким истинам, которые человечество узнало вчера, а Бём жил слишком двести лет тому назад. И то же высокое учение Бёма, облекаясь в странные мистические и алхимические одежды, дало основу самым эксцентрическим, самым безум-

223-224 - Характеристика Беме.

NB

[x] тевтонским богословом (лат.).

ным отклонением от простосердечного принятия истины: шведенборгианцы, Эккартсгаузен, Штиллинг и их последователи, Гоэнло и нынешние германские духовидцы, заклинатели, прокаженные, испорченные, все эти кликуши разных нечитаемых журналов и разных сумасшедших домов большую долю своего мракобесия почерпнули из Якова Бёма.

ср. 227[57].

/с. 230-231 (242-243)/:

Наука не имеет силы отрешаться от прочих элементов исторической эпохи; напротив, она есть сознательная, развитая мысль своего времени; она делит судьбы всего окружающего. Она, с своей стороны, громко протестуя против схоластики, всосала в свои жилы схоластику. Чистое мышление - схоластика новой науки, так, как чистый протестантизм есть возрожденный католицизм. Феодализм пережил реформацию; он проник во все явления новой жизни европейской; дух его внедрился в ополчавшихся против него; правда, он изменился, еще более правда, что рядом с ним возрастает нечто действительно новое и мощное; но это новое, в ожидании совершеннолетия, находится под опекой феодализма /.../ Феодализм грубый, прямой заменился феодализмом рациональным, смягченным; феодализм, веровавший в себя, - феодализмом, защищающим себя, феодализм крови - феодализмом денег. Схоластика занимает место феодализма науки, - могла ли она после этого быть вполне наукой, берегом? Можно ли ждать, что человек в ней будет дома? - Нет!

Дуализм схоластический не погиб, а только оставил обветшалый мистико-каббалистический наряд и явился чистым мышлением, идеализмом, логическими абстракциями; тут великий прогресс, этим путем, т.е. возводя дуализм во всеобщую сферу мысли, философия поставила его на лезвие ножа, привела прямо к выходу из него.

NB

ср. Консидерана.

230 - Ср. Консидерана.

Ср. Консидерана.

/с. 231 (243-244)/:

Все сказанное нами никак не должно закрыть всю величину переворота в мышлении и весь прогресс, приобретенный наукой через него. Со времени Декарта наука не теряет своей почвы; она твердо стоит на самопознающем мышлении, на самозаконности разума.

Философия древняя и новая философия составляют два великие основания будущей науки; обе они неполны, обе носили в себе элементы ненаучные, обе были великими приготовительными моментами, без которых, действительно, полная наука не могла бы развиться, - обе прошли.

231 - Для него важна самозаконность разума.

нв

/с. 232-233 (244-245)/:

Люди переворота увидали невозможность дойти до чего-либо схоластикой и возненавидали ее; но отрицание схоластики не есть еще положение новой науки; поэтическое прозрение Джордано Бруно - так же мало наука, как дерзкое отрицание Вольтера. (Первая необходимая задача, вопрос, от которого мыслящей голове нельзя было отвернуться, состоял в разрешении мышлением отношения самого мышления к бытию, к предмету, к истине вообще. И действительно, с этим вопросом на устах является новая наука в мир.)

232 - Бруно.

232-3 - Основная задача философии по Г/ерце/ну

ср. 234

/с. 233-234 (245)/:

Когда он /Декарт. - Сост./ поднялся в страшно изреженную среду, в которую не впустил ничего вперед идущего, когда в этом мраке, в котором все исчезало, кроме его самого, он сосредоточился в глубине духа своего, сошел внутрь своего мышления, поверил свое сознание, - у него вырвалось из груди знаменитое подтверждение свого бытия: cogito, ergo sum (я мыслю, следовательно, существую).

? ничего?

/с. 234 (246)/:

Для него /Декарта. - Сост./ доказательство рациональное (в мышлении) - полное право на действительность, на истину; а истина должна доказываться не одним мышлением, а мышлением и бытием.

234 - Критерий истины по Гегелю.

/с. 235 (247)/:

Мы увидим живучесть схоластического элемента во всю эпоху новой философии до сегодняшнего дня.

235 - Состояние философии.

/с. 236 (249)/:

/.../ принимая тело совершенно посторонним духу, Декарт никогда не мог возвыситься до понятия жизни; свои физиологические изыскания начинает рассматриванием тела, "как будто духа в нем нет". Но что же это за живое тело? Кто ему дал право так рассматривать его?

238 - ср. Энгельса.

нв

нв

/с. 239-240 (249-250)/:

Движение невозможно, если вещественность - только вялое, недеятельное, страдательное наполнение пространства; но это совершенно ложно: вещество носит само в себе отвращение от тупого, бессмысленного, страдательного покоя; оно разъедает себя, так сказать, фродит, и это брожение, развиваясь из формы в форму, само отрицает свое протяжение, стремится освободиться от него, - освобождается, наконец, в сознании, сохраняя бытие. Понятие вещества не исчерпывается протяжением; протяжение недеятельное, недвижимое взаимодействием своим - такое же отвлечение, как мышление без тела: это - противоположные, крайние моменты жизни.

239 - Взгляд Г/ерце/на на материю.

нв

/с. 249 (258)/:

Опыт у Бэкона не есть страдательное воспринимание внешнего во всей случайности его; напротив, он – <u>созидательное взаимодействие мысли и внешнего, их совокупная деятельность, при развитии которой Бэкон не дозволяет ни мысли забегать, делая заключения, на которые она не имеет еще права, ни опытам оставаться механической грудой сведений, "не пережженных мыслию"</u>.

249 – <u>Опр</u>/еделение/ <u>опыта</u>. NB

/с. 25I-252 (260)/:

Бэкон приковал своей методой науку к природе, так что философия и естествоведение должны или вместе стоять, или вместе идти; это было фактическое признание единства мысли и бытия.

NB <u>Ср. 252</u>. <u>25I</u> – <u>Почему Бэкон нравится</u> <u>Г</u>/ерце/<u>ну</u>?

/с. 255 (262)/:

(Вера Бэкона в разум и в природу непоколебима; он с таким же отвращением говорит о скептицизме, как об метафизике; это совершенно последовательно в нем: ему надобны знания, сведения, а не мучительные стоны о бессилии ума и неуловимости истины; ему надобно деятельное развитие, ему надобна истина и ее практическое приложение, он считает <u>ничтожною</u> философию, не ведущую к делу; для него знание и деяние – две стороны одной энергии. Человек, так думающий, всего менее способен к романтизму, к мистицизму и к схоластике.)

NB 255 – Характеристика Бэкона, подходящая к самому <u>Г</u>/ерце/<u>ну</u>. <u>Ср. 260.</u>

/с. 258 (265)/:

/.../ <u>У идеализма всегда являются всеобщими, вперед идущими идеями именно те истины, которые надобно вывести</u>. Материализм имел у себя в запасе точно такие же, вперед идущие, истины, которых вывести не мог. Им совершенно прав, говоря, что

NB

материалисты <u>поверили</u> достоверности опыта. (Материализм ставит беспрерывно вопрос: "знание наше истинно ли?" – и отвечает на него ответом на <u>совершенно другой</u> вопрос, – на вопрос: "откуда мы получаем наши знания?") Он превосходно сделал, что начинал всякий раз с феноменологии знания, – но он не оставался верен своему началу отчетливого наблюдения; иначе он не мог бы не видеть, что (мысль, истина имеет источником деятельность разума, а не внешний предмет, – деятельность, возбуждаемую опытом, – это совершенно справедливо, – но самобытную и развивающуюся мысль по своим законам;)/.../

/Реш/ение 2го /воп/роса отве/чае/т на /пер/вый. NB. 258 – <u>Критика материалистич</u>/еской/ <u>гносеологии</u>.

(x) Г/ерце/н сам признает, что законы мысли не проти/во/речат законам жизни. <u>ср. 26I</u>

/с. 260, примеч. (266, примеч.)/:

Я исключаю некоторые попытки, сделанные очень недавно в Германии и даже во Франции.

<u>Какие</u>?

/с. 26I (267)/:

Одна из отличительных характеристик нашего века состоит в том, что мы <u>всё знаем и ничего не делаем</u>; (на науку пенять нельзя: она, как мы имели случай заметить, отражает очищенными, приводит в сознание обобщенными те элементы, которые находятся в жизни, ее окружающей.)

ср. 258 мое примечание.

/с. 262 (268)/:

Впрочем, в их /последователей Бэкона. – Сост./ отрицании /метафизики. – Сост./ нет той ограниченности, которая явилась впоследствии, когда материализм сам вздумал оставить роль инсургента и обзавестись своей метафизической управой,

своей теорией, с пренебрежением ко философии, логику, объективную методу, т.е. на все то, отсутствие чего составляло его силу.

262 - Материализм. NB

/с. 265-266 (270-271)/:

Понятие живого непременно заключает в себе механические, физические и химические определения, как те низшие степени, которые долженствовали быть побеждены или сняты для того, чтоб явился основный процесс жизни; но именно единство, их снимающее, составляет новый элемент, не подчиняющийся ни одному из предыдущих, а подчиняющий их себе /.../ Употребление математики сверх того, где она необходима, там, где ее не нужно, - весьма важный признак; математика подымает человека в сферу хотя формальную и отвлеченную, но часто наукообразную: это полнейшее низшее применение мышления к бытию. Математика - односторонее развитие логики, один из видов ее или само логическое движение разума в моменте количественных определений; она сохранила ту же независимость от сущего, ту же непреложность чисто умозрительного вывода; и этому присовокупляется ее увлекательная ловкость, которая, впрочем, находится в прямом отношении с односторонностью.

266 - Витализм?

Витализм?

?

Математика. Ошибка[58].

Именно. Какое же это применение?

/с. 268 (272-273)/:

Спинозова половина пределах идеализму; чтоб идти далее, надобно выйти из идеализма; оставаясь в нем, можно быть только комментатором Спинозы, одним из наследников его бывшего стола.

268 - Спиноза. NB.

/с. 271 (293)/:

Этикиня захотела иметь свою метафизику. Локк явился ответом на эту потребность.

Локк.

/с. 272 (294)/:

Зоология, ботаника берут нормой экземпляры, совершенно развившиеся; отчего же антропология будет обращаться к дикому человеку? Оттого, что он ближе к животному, т.е. дальше от человека? Человек не отошел, как думали мыслители XVII века, от своего естественного состояния,— он идет к нему; дикое состояние - для него самое неестественное /.../

NB 272. - Важная ошибка Г/ерце/на в критике материализма. NB

/с. 275 (295-296)/:

Он /Локк. - Сост./ стремился всеми средствами доказать, что сознание - tabula rasa [x], наполняемая образами впечатлений и имеющая способность образы эти сочетавать так, чтоб подобное различных составляло родовое понятие; но идея сущности и субстрата не выходит ни из сочетания, ни из переложения эмпирического материала /.../ Материалисты, соглашаясь с Локком, правильно спорили против слова "прирожденные идеи" и доказывали неврожденность их тем, что они могут не развиться; что и из этого? Органический процесс неминуемо должен развить в животном кровеносную систему, нервную и проч. до половому, пожалуй, предшествующими и сопутствующимися понятии, но он может и не развиться; ему нужны для этого внешние условия; не будь их, не будет и организма, а совершится какой-нибудь другой процесс, до которого нет дела органической норме /.../

Будто /?/

275 - Идеализм Г/ерцена/.

/с. 276 (296-297)/:

(Дело состоит в том, что из этих формальных противоречий, из этих непоследовательностей выйти; стоя на Локковой точке зрения, невозможно; рассудок) ...[xx] (не имеет в себе средств разрешить противоречие, самим им поставленное и условно ис-

!

[x] чистая доска (лат.).

[xx] Отточие поставлено Г.В.Плехановым.

тинное только в отношении к нему. Разум на этой различающей степени похож на химический реактив: он может разложить данное, но всякий раз отделить одну сторону, а с другой соединиться; таков спор о врожденных идеях, о сущности и проч.; во всех подобных вопросах есть две стороны; на закраинах своих они односторонни, противоречат друг другу, на средине они сливаются; взятые врозь – они просто ложны и дают безвыходные роды антиномий, в которых обе стороны неправы, пока существуют в отвлеченной отдаленности, и могут быть истинными только при сознании единства.) Но сознание этого единства выходит за пределы того момента мышления, с которого намеренно не сходят люди рефлексии; я говорю: намеренно, потому что надобно много трудиться и много приобрести упорной косности, чтоб не последовать диалектическому влечению, которое само собою выносит за пределы рассудочности.

/Но/ ко всей /ис/тории /ново/й фи/лософии /надо под/хо/дить со/всем/м с /ду/гого /ко/нца.

276 – Диалектика – 276.

/с. 277 (297)/:

Возьмем для примера односторонее воззрение Локка на начало знаний и на сущность. Разумеется, что опыт возбуждает сознание, но также разумеется, что возбужденное сознание вовсе не им произведено, что опыт – одно условие, толчок, – такой толчок, который никак не может отвечать за последствия, потому что они не в его власти, потому что сознание не tabula rasa, а actus purus, деятельность, на внешний предмету, а, совсем напротив, внутреннейшая внутренность его, так как вообще мысль и предмет составляют не два разные предмета, а два момента чего-то единого. Примите незыблемо ту или другую сторону – и вы не выпутаетесь из противоре-

Будт/о?/

Чего?

чия. Без опыта нет сознания, без сознания нет опыта, – ибо кто же свидетельствует о нем?

/с. 279 (299)/:

Локк поступил нелогически, признав объективность сущности, и также нелогически решил, что сущность знать нельзя потому только, что она неотделима от проявлений, – в то время как в них-то и можно узнать сущность; атрибуты – языки, которым высказывается внутреннее (вспомните Я. Бёма).

нв. 279 – Idea. – Правильная гносеология.

/с. 280 (300)/:

Он /Кондильяк. – Сост./ самое сочетание идей не принимал за свободное действие ума, но не за необходимый результат ощущений, – таким образом все духовные процессы были сведены на ощущения; с другой стороны, тот же Кондильяк доказывал, что "телесные органы чувств составляют случайное начало знания, чувственного ощущения"; впрочем, это ему ни к чему не послужило.

нв ср. 282. 280 – Критика Кондильяка.

/с. 282-283 (301)/:

/.../ Материалисты никак не могли понять объективность разума, и оттого, само собою разумеется, они ложно определяли не только историческое развитие мышления, но и вообще отношения разума к предмету, а с тем вместе и отношение человека к природе. У них бытие и мышление или распадаются, или действуют друг на друга внешним образом. (Пригода прямо мышление = часть, а не целое. – мышление так же естественно, как протяжение, так же степень развития, как механизм, химизм, органика, – только высшая. Этой простой мысли не мог-

282 – Standpunkt [x] Г/ерле/на. Ср. Дидро. Ср. Дидро. Откуда это видно?

[x] точка зрения, установка (нем.).

ли понять материалистов); они думали, что природа без человека полна, замкнута и довлеет себе, что человек – какой-то посторонний; конечно, отдельно взятые естественные произведения не имеют никакой нужды в человеке; но если вы возьмете их в связи, вы увидите, что в них все неполно, что все их счастие именно в том, что они не могут сознать этой неполноты; организмы животные, например, при всей целости, законченности, конкретности, отвлеченны; они, сверх собственного значения, намекают на какое-то развитие, переходящее далее; они исполнены указаний на нечто более полное и развитое; или указания относятся к человеку; чтоб доказать это, не нужно, пожалуй, философии, достаточно сравнительной анатомии.

Что же тут отвлеченного /?/

/с. 284, примеч. (302, примеч.)/:

Позвольте мне привесть в заключение связанное о Локке и его последователях следующее место из элементарной анатомии Генле, – Генле, прозектора, вечно сидящего за микроскопом и, следовательно, не состоящего в подозрении идеализма.

Это еще не доказательство.

/с. 284-285 (302-303)/:

Шеллинг застал борьбу резких взглядов на разум и на природу в ее высшем и крайнем выражении – когда, с одной стороны, Не-Я пало под ударами Фихте и власть разума провозгласилась в каких-то бесконечных пространствах холода и пустоты, с другой – французы отрицали все нечувственное и, как черенословы, тремлись истолковать мысль бугорками и углублениями, а не бугорки мыслью, и он первый высказал, хотя и не полно, высокое единство, о которой мы говорили.

285 – Шеллинг и единство бытия и мышления.– Ср. Фейербаха.

/с. 29I (306)/:

Он /Бэк. – Сост./ очистил вход в науку от всего данного, вперед идущего; он заставил материализм сознаться в невозможности действительного мышления с его односторонней точки зрения.

NB 29I. – "Разрушение" материализма. 29I NB NB=

/с. 292 (309)/:

Если вы возьметесь за логический остов, за теоретическую мысль в ее всеобщности, – то увидите, что французы почти ничего не сделали, да и не могли собственно ничего сделать: с точки зрения реализма и эмпирии одна метода – ее изложил Бэкон; в материализме далее Гоббса идти некуда – разве броситься в скептицизм, – но и тут все было исчерпано Бэкон.

292 – Гоббс – предел материализма. 292 – В материализме дальше Гоббса идти некуда.

/с. 295 (3II)/:

/.../ Англия предложила робкий материализм Локка – во Франции он развился в дерзость Ольбаха с товарищами /.../

295 – Робкий материализм Локка. NB

/с. 296 (3II-3I2)/:

(Энциклопедисты действительно разболтали общую тайну, и за это их обвинили в безнравственности, а они собственно, не были безнравственнее тогдашнего парижского общества, – они были только смелее его.) Люди тогда начинают иметь секреты, когда нравственный быт их распадается; они боятся заметить это распадение и судорожною рукою держатся за формы, утратив сущность; изношенным рубищем прикрывают они раны, как будто раны заживут оттого, что их не видать.

296 – Ошибочное суждение об энциклопедистах. Ср. Гегеля. ср. Гегеля.

/с. 296-297 (3I2)/:

Философы XVIII столетия раскрыли двоедушие и лицемерие современного им мира; они указали ложь в жизни, противоречие официальной морали с частным поведением.

Слабо.

/с. 297 (3I2)/:

(Эгоизм доходил до безобразия в обществе и скрывался под личиною самоотвержения, презрения к богатству; философы доказали, что эгоизм - один из необходимых элементов всего живого, сознательного, и, оправдывая его, раскрыли, что человеческий эгоизм - не только чувство личной любви к самому себе, но сверх того, чувство любви к роду, к человечеству, к ближнему.)

Слабо. Ср. Гегеля.

/с. 298 (3I3-3I4)/:

С ограниченной точки зрения рассудочной деятельности при безбоязненном и последовательном уме (непременно надобно было дойти) до Юма или до Гольбаха, Гримма, Дидро, т.е. (до скептицизма,) оставляющего вас темной ночью на краю пропасти, (или до материализма, ничего не понимающего, кроме вещества и тела, и именно потому не понимающего ни вещества, ни тела в их действительном значении.)

NB. 298 - Поверхностная критика материализма.

/с. 299 (3I4)/:

(Крайность реализма выразили энциклопедисты; они так же действительно, так же верно, так же полно представляют свою сторону духа человеческого, как идеалисты свою) /.../

NB 299 - Реализм-материализм.

/с. 300 (3I5)/:

Язык двух противоположных воззрений еще слишком резок; недостает взаимного уважения, недостает беспристрастия. Конечно, натуры сильные становятся выше личных мнений или мнений своей партии. Гегель, например, начал в своей истории говорить о бэконовском воззрении и его школе свысока; но мало-помалу, перелистывая сочинения знаменитых деятелей того времени, вникаясь в них, он воспламеняется, увлекается практическими мыслителями до того, что голос его

Sic!

Фейербахова критика Гегеля еще не дает себя чувствовать.

дрожит от глубоко одушевления, речь становится восторженна, какой-то трепет пробегает по груди, и эти люди ограниченной мысли начинают ему казаться чуть ли не крестовыми рыцарями, вдохновенно идущими за развернутым знаменем разума!..

I5

Герцен А.И. Сочинения /в I0 т./ /С предисл./ Г.Н.Вирубова/.-Genève etc.: Georg, I878. T.IV. 393, /2/ с. - Загол.парал.на фр.яз.: Oeuvres d'Alexandre Herzen.[59]

Д. 6240-4.

Герцен А.И. Собр. соч. в 30 т., т. 5,6

Долг прежде всего

/с. 5-86 (т. 6, с. 36I-432)/

/с. 40 (385)/:

/.../ Тогда у нас еще не выдумали своей литературы, о русских журналах и не снилось никому, разве одному Новикову; русской истории тоже еще не было открыто. Знали только, что царствовал мудрый правитель Олег, о котором сама императрица позволила написать пьесу, знали еще, благодаря Вольтеру, некоторые неверные подробности о царствовании Петра I[X].

40 - Рус. /своя/ история.

[X] В новейшем - 30-томном издании Сочинений А.И. Герцена данный абзац имеет несколько иную редакцию:

Тогда еще русской литературы не выдумали, о русских журналах и не снилось никому, разве одному Новикову; русской истории тоже еще не было открыто - знали только, что царствовал мудрый правитель Олег, о котором сама императрица изволила написать драму "Олег вещий", и великий преобразователь Петр, о котором даже Вольтер написал целую книгу.

/с. 69 (409)/:

Сверх обыкновенной гражданской цензуры, была в то время учреждена другая, военная, /.../ составленная из Генерал-адъютантов, Генерал-лейтенантов, Генерал-интендантов, Инженеров, Артиллеристов, Начальников штаба, Свиты его величества офицеров, Плац и Бау адъютантов, одного татарского князя и двух православных монахов под председательством Морского Министра[X].

69 - цензура.

Письма из Франции и Италии

/с. II7-393 (т. 5, с. 7-226)/

/с. I32 (I9)/:

Шутить нечего этим: органическая химия гораздо важнее в политическом отношении, нежели думают. Собственно, вопрос о пролетариате - вопрос кухонный, вопрос социализма - вопрос пищеварения.

I32 - Вопрос социализма.

/с. I36-I37 (22)/:

А разве жизнь пролетариев в земле крестьян во всей Европе не так же проходила и исчезала, изнуренная работой, бесследно и невесело? Разве они не вырабатывали материальных условий для исторической жизни других сословий? Оно не совсем так, но если и так, то не забудем, что другие-то сословия

I36

[X] В новейшем - 30-томном издании Сочинений А.И. Герцена данный абзац имеет несколько иную редакцию:

Сверх гражданской цензуры была в то время учреждена другая, военная /.../ она была составлена из генерал-адъютантов, генерал-лейтенантов, генерал-интендантов, начальников штаба, артиллеристов, инженеров, плац-майоров, одного татарского князя и двух православных монахов.

жили. Когда вы в Генте останавливаетесь перед ратушей, когда смотрите на этот дефиле, славящий так часто своими колоколами граждан, вы понимаете, вы чувствуете, что за муниципальная жизнь кипела тут, и понимаете, что ей были необходимы и этот дом, поражающий величием и поэзией постройки /.../ такие декорации или к внутреннему содержанию. Таковы рыцарские замки, эти соколиные гнезда на скалах и горах. Рыцарская жизнь - жизнь вампира вниз - была пища, отрасти, благородна вверх. Но кому вырабатывал жизнь наш мужичок? Где у нас память другой жизни? Как жили помещики допетровского времени- кто их знает?

ср. I52. Это и имел в виду Белинский. ЛВ

/с. I4I-I42 (26)/:

Мы имеем перед ними /остзейцами. - Сост./ преимущество свежих сил и упований, они имеют преимущество выработанных и прочных правил; мы способны, они воспитанны; первоначальный гражданский катехизис знаком им, как всякому европейцу, у нас tabula rasa [X] в этом отношении. Нам с ними скука смертная, потом: что мы не можем войти в их местные интересы.

I4I-I42. Наши преимущества перед Западом.

/с. I46 (29-30)/:

- Знаете ли, что всего более меня удивило в Париже? - "Ипподром? Гизо?" /.../ - Нет! - Работники, швеи, даже слуги, - все эти люди толпы до такой степени в Париже избаловались, что не были бы ни на что похожи, если б действительно не походили на порядочных людей. Здесь трудно найти слугу, который бы веровал в свое призвание, слугу безответного и безвыходного, для которого высшая роскошь сон и высшая нравственность ваши капризы. - слугу, который бы "не рассуждал".)

I46 - Пролетариат - первое впечатление.

X чистая доска (лат.).

/с. I53 (35)/:

А политики общественной все нет; она была, если хотите, у их /буржуазии. - Сост./ прадедов, у непреклонных и настойчивых горожан и легистов, но она потухла, когда миновала в ней историческая необходимость. Буржуа это знает очень хорошо; чтоб помочь горю, они выдумали себе нравственность, основанную на арифметике, на силе денег, на любви к порядку.

I53 - Общественная политика.

/с. I54 (35-36)/:

(Он /Скриб. - Сост./ наругался над мечтами юноши, чувствующего художественное призвание, и окружил его уважением и счастием, когда он сделался честным конторщиком; он к земле приклонил голову бедного и отдал его во власть хозяина, которого воспел за то, что он любил, чтоб работник повеселился в воскресный день /.../ Казалось бы, воровство - страшнейшее из всех преступлений в глазах буржуазии ... но Скриб и тут знал, с кем имеет дело: вор уже негоциант, умеющий нажиться и хорошо вести свой дом смывает все пятна.)

I54 - Скриб.

/с. I68 (46)/:

(Парижский воздух - великое дело, он во все шесть или семь этажей, в чердаки и подвалы, в антресоли и первые этажи, в трубы и цели дует одним и тем же; буржуазия закрывает ставни, конопатит дыры от него; но бедняк не прячется, и он ему навевает разные мысли;) /.../ (Масса стремлений, понятий и мыслей, проникнувшая в низшие классы и поддерживающая лихорадочное и болезненное расположение духа, чрезвычайно велика; она-то и есть главная хранительница их нравственности; теряя ее, бедняги впадают в страшную жизнь "парижских тайн", с нее они типы героев Е. Сандт.)

I68 - Парижский воздух.

I68 - Пролетариат - Положение Франции.

/с. I85-I88 (59-61)/:

(Все несчастие прошлых переворотов состояло именно в отсталости экономической стороны, которая тогда еще не была настолько зрела, чтоб занять свое место.) /.../ Европа, после трех столетий гражданского и всяческого развития, должна только до того, что в ней лучше, нежели там, где этого развития не было; она после стольких переворотов и опустошений стоит еще теперь при начале своего дела. /.../

Правда слова без ясного понимания, без определенного содержания, полные фанатизма, увлечения, - вели людей, основывались на высоком предчувствии, на глубоко человеческой симпатии ко всему великому, и люди охотно жертвовали идеям и общим принципам материальными делами, жизнию. (Теперь, после бесплодных жертв, после долгих несчастий, люди увидели важность этих благ и предались одному экономическому вопросу.) /.../ (Печальное недоразумение состояло в том, что не поняли круговой поруки, взаимной необходимости обеих сторон жизни.) /.../

(Несколько энергических, сильных, юных умов, глубоко сочувствуя с несчастным положением пролетариев, поняли невозможность вытянуть их из жалкого и грубого состояния, не обеспечив им насущного хлеба.)

I84-I88 - Это особенно важно.

I87 - Начало одной идеи.

/с. I89 (62)/:

(Попытки нового хозяйственного устройства одна за другой выходили на свет и разбивались об чугунную крепость привычек, предрассудков, фактических стародавностей, фантастических преданий. Они были сами по себе полны желанием общего блага, полны любви и веры, полны нравственности и преданности, но не знали, как навести мосты из всеобщности в действительную жизнь, из стремления в приложение.) /.../ (Понять всю ширину и действительность, понять всю святость прав личности и не разрушить,

I89 - Очень важно.

не раздробить на атомы общество - самая трудная социальная задача! Ее разрешит, вероятно, сама история для будущего, в прошедшем она никогда не была разрешена.)

/с. I92 (64)/:

(Надежда у буржуазии одна - невежество масс. Надежда большая, но ненависть и зависть, месть и долгое страдание образуют быстрее, нежели думают. Может, массы долго не поймут, чем помочь своей беде, но они поймут, чем вырвать из рук несправедливые права, не для того, чтоб воспользоваться, а чтоб разбить их, не для того, чтоб обогатиться, а чтоб пустить других по миру.)

I92 - масса.

Масса.

ия

/с. I94 (66)/:

Народ сначала не замечал, какой монополь в руках буржуазии, видя в ней защитника этих мнимых, а в сущности бесполезных для него прав; но страсть, с которой буржуазия предавалась стяжанию и алчбе, пренебрежение ко всем другим вопросам, сосредоточение ее против неимущих - не могли не раскрыть глаза народу, особенно когда за него принялись такие офтальмоты, как Сен-Симон, Фурье, Прудон и пр.

ия - I94 - Беспомощность политики.

I94 - Политика.

/с. I98 (69)/:

Париж, что там ни толкуй, - единственное место в гибнущем Западе, где широко и удобно гибнуть.

I98 - Гибнущий Запад.

/с. 204-205 (74)/:

(Русского села в Европе нет. Смысл деревенской коммуны в Европе - только полицейский; что общего между этими разбросанными домами, огораживающимися друг от друга? у них все особое, они связаны только общей тягой; что может быть общего

между голодными работниками, которым коммуна предоставляет le droit de graner *, и богатыми домохозяевами? Да здравствует, господа, русское село - будущность его велика.)

NB 204-205. Русское село.

/с. 208 (77)/:

(Я бежал из Франции, отыскивая покоя, солнца, изящных произведений и сколько-нибудь человеческой обстановки, да и всего этого я ждал не под отеческим скипетром эко-карбонаро Карла-Альберта. И только что я поставил ногу на итальянскую землю, меня обняла другая среда, живая, энергическая, вливающая силу и здоровье /.../ Бесконечная благодарность судьбе за то, что я попал в Италию в такую торжественную минуту ее жизни, исполненную тем изящным величием, которое присуще всему итальянскому, - дворцу и хижине, нарядной женщине и нищему в лохмотьях.)

208. Благодарность Италии.

/с. 222-223 (88)/:

Мне кажется, что письмам из Avenue Marigni ** придали больше значения, нежели они в самом деле имели, и рассердились на них за то, что они не оправдали ожидания /.../ Письма эти вовсе не отчет о путешествии, не результат, выведенный из посильного изучения Европы, не последнее слово, не весь собранный плод - ничего подобного у меня не было в помышлении; мне просто хотелось передать первое столкновение с Европой /.../

222. Значение писем из Avenue Marigny 60.

/с. 288 (141)/:

(Невидимый Париж тайных обществ, работников, мучеников идеи и мучеников жизни - задвинутый пыш-

NB

* право собирать колосья после жатвы (фр.).

** улицы Мариньи (фр.).

ными декорациями искусственного покоя и богатства - не существовал для иностранца.)

288. Париж рабочего класса.

/с. 335 (178)/:

Но социалисту в наше время нельзя не быть революционером.

335. - социализм и революция.

/с. 336 (178)/:

Дело очень просто, революционная идея нашего времени несовместна с европейским государственным устройством; они друг к другу идут так, как английский законы к Японии или бранденбургское право к древней Греции. Чисто политические агитаторы в сущности все-таки ближе к Гизо, нежели к нам.

NB 336. - Прудон.

/с. 346 (185)/:

Революция двадцать четвертого февраля была действительно социальная: отсталые люди, люди тупые и злонамеренные свели ее на политическую; она вышла бледною, потому что была ниже обстоятельств, потому что была копией, а не оригиналом.

NB 346. 1848 - революция полит./ическая/ и социальная.

/с. 347 (186-187)/:

Пока социализм был теоретическою мыслию, он делал окончательные построения (фаланстер), выдумывал формы и костюмы; как скоро он стал осуществляться, сен-симонизм и фурьеризм исчезли и явился социализм коммунизма, т.е. борьбы насмерть, социализм Прудона, который сам недавно сказал, что у него не система, а критика и негация.

347. - очень важно.

/с. 369 (205)/:

Всего вероятнее, что действительная борьба богатого меньшинства и бедного большинства будет иметь характер резко коммунистический.

369 – Коммунизм.

/с. 374 (209)/:

Кто чувствует, что он так близок с народом, так освободился от среды искусственной цивилизации и так переработал и победил ее, кто до того окончил с собою, что ему остается одно действие, и кто достиг целости и единства, о которой мы говорим, тому принадлежит речь, тот пусть говорит народу, да он и будет непременно говорить – мы склонимся перед ним.

374 – Г/ерцен/ формулирует свое положение.

I6

Герцен А.И. Сочинения /в I0 т./ /С предисл. /Т.Н. Вирубова/. – Genève etc.: Georg, I878. Т.У. 35I с. – Загол. парал. на фр.яз.: Oeuvres d'Alexandre Herzen.[6I]

Д. 6240-5.

Герцен А.И. Собр. соч. в 30 т., т. 6, I2.

С того берега

/с. I-I72 (т. 6, с. 5-I40)/

/с. I9 (2I)/:

Скажите откровенно: чем вы желали убедиться, что требования ваши истинны?

– Я их не выдумывал, они невольно родились в моей груди; чем больше я размышлял об них потом, тем ясней раскрывалась мне их справедливость, их разумность – вот мои доказательства.

МВ

Субъект/живой/ метод[52].

/с. 2I (23)/:

Вы далеча сказали, что лучшие ваш требования развились естественно; оно и так и нет – все естественно, золотуха очень естественно происходит от дурного питания, от дурного климата, но мы ее все же считаем чем-то очень отвратительным.

МВ

2I.–Развитие требований.

/с. 22 (23)/:

Она /наша цивилизация. - Сост./ совершила весь свой путь с двумя знаменами в руках; "романтизм для сердца" было написано на одном, "идеализм для ума; - на другом.

NB
22 - романтизм для сердца.

/с. 23-24 (25)/:

Нам больно сознаться, что мы живем в мире, выжившем из ума, дряхлом, истощенном, у которого явным образом недостает силы и поведения, чтоб подняться на высоту собственной мысли /.../

- Прекрасная картина; добавьте, что возле этих удовлетворенных, которым современный порядок по плечу, с одной стороны бедный, неразвитый народ, одичалый, отсталый, голодный, в безвыходной борьбе с нуждой, в изнуряющей работе, которая не может его пропитать; а с другой - мы, неосторожно забежавшие вперед, землемеры, вбивающие вехи нового мира, - и которые никогда не увидим даже выведенного фундамента.

NB
24. - Положение Запада в 1847 г.

Положение. NB

/с. 25-26 (26-27)/:

Вы отворяете двери темницы и хотите вытолкнуть колодника в степь, уверяя его, что он свободен; вы ломаете Бастилью, но не воздвигаете ничего в замену острога, остается одно пустое место.

- Это было бы чудесно, если б было так, как вы говорите; (худо то, что развалины, мусор мешают на каждом шагу.)[x]

- Чему мешают? Где, в самом деле, наше призвание, где наше знамя? во что мы верим, во что не верим?

- Верим во все, не верим в себя; вы ищете найти знамя, а я ищу потерять его /.../

Впрочем, может быть вы то и хотите сказать, чтоб мы бросили нашу цивилизацию, отказались от

x Мусор, это старая идея интеллигенции.

NB 26. - Он ищет потерять знамя.

воротились бы к отставшим.

(Нет, отказаться от развития невозможно. Как сделать, чтоб я не знал того, что знаю? Наша цивилизация - лучший цвет современной жизни, кто же поступится своим развитием? Но какое же это имеет отношение к осуществлению наших идеалов, где лежит необходимость, чтобы будущее разыгрывало нами придуманную программу?)

28[x] - Воротиться к отставшим.

Ср. Белин./ского/.

/с. 27-28 (27-28)/:

/.../ Посмотрите, как он /старый мир. - Сост. / осунулся в своей изношенной, аристократической ливрее, особенно после тридцатого года, лицо его подернулось матовой землистостью. Это facies hypocratica[xx] по которой доктора узнают, что смерть уже занесла косу /.../ Оттого-то он старчески равнодушно смотрит на коммунистов и иезуитов, на пасторов и якобинцев, на братьев Ротшильд и на умирающих с голоду; он смотрит на все несущееся перед глазами, - сжавши в кулак несколько франков, за которые готов умереть или сделаться убийцей. Оставьте старика доживать как знает свой век в богадельне, вы для него ничего не сделаете.

NB.
28. - "Старик" (47 г.)

/с. 30 (29)/:

- Но кто же, по-вашему, прав - мысль ли теоретическая, которая точно так же развилась и сложилась исторически, но сознательно, или факт современного мира, отвергающий мысль и представляющий, так же, как она, необходимый результат прошедшего?

- Оба совершенно правы. Вся эта запутанность

30. - ср. Маркса.
ср. Маркса.

Почему /?/

x Плеханов ошибочно указал страницу, надо: 26.

xx гиппократово лицо (лат.).

выходит из того, что жизнь имеет свою эмбриогению, не совпадающую с диаклектикой чистого разума[x].

[x] Что же это за диалектика? Ср. Гегеля и Маркса.

/с. 31 (30)/:

– Как же это в природе все так целесообразно, а цивилизация, высшее усилие, венец эпохи, выходит бесцельно из нее, выпадает из действительности[x], и увядает наконец, оставляя по себе неполное воспоминание? /.../ В вашей философии истории есть что-то возмущающее душу – для чего эти усилия? – жизнь народов становится праздной игрой, лепит, лепит по песчине, по камешку, а тут опять все рухнется наземь, и люди ползут из-под развалин, начинают снова расчищать место да строить хижины изо мха, досок и упадших капителей, достигая веками, долгим трудом – падения. Шекспир недаром сказал, что история – скучная сказка, рассказанная дураком.

[x] Социализм выпадает из действительности. ср. 32.

NB

31 – Философия истории Гер/цена/.

/с. 32 (31)/:

Кто ограничил цивилизацию, одним прилагаемым? – где у нее забор? Она бесконечна, как мысль, как искусство, она чертит идеалы жизни, она мечтает апотеозу своего собственного быта, но на жизни не лежит обязанность исполнять ее фантазии и мысли[x], тем более что это было бы только улучшенное издание того же, а жизнь любит новое. (Цивилизация Рима была гораздо выше и человечественнее, нежели варварский порядок; но в его нестройности были зародыши развития тех сторон, которых вовсе не было в римской цивилизации, и варварство восторжествовало, несмотря ни на Corpus juris civilis[*]

32 – Апатеоза жизни.

NB

[x] Разрыв между бытием и мышлением.

Зародыш народничества.

NB

[*] Свод гражданских законов (лат.).

ни на мудрое воззрение римских философов.)

/с. 32-33 (31-32)/:

– Я /оппонент Герцена. – Сост./ гадать не люблю. Будущего нет, его образует совокупность тысячи условий, необходимых и случайных, да вся человечества, придающая нежданные драматические развязки и coups de théâtre[x].

[x] Разрыв между бытием и волей.

/с. 36-37 (34)/:

Каждая эпоха, каждое поколение, каждая жизнь имели, имеют свою полноту, по дороге развиваются новые требования, испытания, новые средства, одни способности усовершаются на счет других, наконец самое вещество мозга улучшается ... что вы улыбаетесь? ... да, да, перебрин улучшается ...[*] Как все естественное становится вам ребром, удивляет вас, идеалистов, точно как некогда рыцари удивлялись, что вилланы хотят тоже человеческих прав!

36. Материализм.
36. Ср. ответ Маркса Прудону[63].
Ср. ответ Маркса Прудону.
36 – зародыш материализма.
[xx] Тут ср. с Чернышевским.
NB

/с. 37 (35)/:

/.../ (мы воспитали себя в идеализм, в искуственную жизнь и разрушили равновесие. Мы были велики и сильны, даже счастливы в нашей отчужденности, в нашем теоретическом блаженстве[x], а теперь перешли эту степень, и она стала для нас невыносима; между тем разрыв с практическими сферами сделался страшный;) /.../

36-37. – Борьба с идеализмом.
NB
ср. 38.
[x] ср. Белинского "абстрактный героизм".

[*] Театральные эффекты (фр.).

/с. 37 (35)/:

/.../ (мы воспитали себя в идеализм, в искусственную жизнь и разрушили равновесие. Мы были велики и сильны, даже счастливы в нашей отчужденности, в нашем теоретическом блаженстве[x], а теперь перешли эту степень, и она стала для нас невыносима; между тем разрыв с практическими сферами сделался страшный;) /.../

36–37. – Борьба с идеализмом. нв ср. 38

(х) ср. Белинского "абстрактный героизм".

/с. 38-39 (36)/:

(Если бы человечество шло прямо к какому-нибудь результату, тогда истории не было бы, а была бы логика[x], человечество остановилось бы готовым в непосредственном status quo *, как животные. Все это, по-счастию, невозможно, не нужно и хуже существующего.) /.../ (великие люди сойдут на одну доску с театральными героями, которые, худо-ли, хорошо ли играют, непременно идут и дойдут к известной развязке. В истории все импровизация, все воля, все ex tempore **, вперед ни пределов, ни маршрутов нет, есть условия, святое беспокойство, огонь жизни и вечный вызов бойцам пробовать силы, идти идеть куда хотят, куда только есть дорога) /.../

нв (х) Логика и история, Бытие и сознание, Стигия[64]. 38 - Бытие и сознание. нв

/с. 39 (36-37)/:

(Со скуки люди не умрут, если род человеческий очень долго заживется; хотя, вероятно, люди и натолкнутся на какие-нибудь пределы, лежащие в самой природе человека, на такие физиологические условия, которых нельзя будет перейти, оставаясь человеком;) /.../ (С другой стороны, я ничего не имею против окончания истории завтра. Мало ли что может быть! Энкэева комета зацепит земной шар, геологический катаклизм пройдет по поверхности, ставя все вверх дном, какое-нибудь газообразное испарение сделает на полчаса невозможным дыхание – вот вам и финал истории.)

Ср. разговор с Хомяковым.

* существующем положении (лат.).

** тотчас, без приготовлени (лат.).

/с. 42 (39)/:

(Мысль была и прежде нетерпелива, ей хочется сейчас, ей ненавистно ждать, – а жизнь не довольствуется отвлеченными идеями, не торопится, мелит с каждым шагом, потому что ее шаги трудно поправляются. Отсюда трагическое положение мыслящих...)

нв. нв Г/ерцен/ входил в 1848 г. глубоко разочарованным. 42 – Жизнь не довольствуется отвлеченными идеями.

/с. 44 (42)/:

Я /Герцен. – Сост./ слушал гром, набат и не мог насмотреться на панораму Парижа, будто и с ним прощался; я страстно любил Париж в эту минуту; это была последняя дань великому городу – после нынешних дней он мне опротивел.[x]

(х) опротивел еще раньше.

/с. 46-47 (44)/:

(После таких потрясений живой человек не остается по-старому. Душа его становится еще религиознее, держится с отчаянным упорством за свои верования, находит в самой безнадежности утешение, и человек вновь зеленеет, обожженный грозой, неся смерть в груди, – или он мужественно и скрепя сердце отдает последние упования, становится еще трезвее и не удерживает последние слабые листья, которые уносит резкий осенний ветер.)

46–47. – Вот что вводило в заблуждение историков. Ср. с Хорк Зонд. нв Непременно см. стр. 46–47. Вот что вводило в заблуждение историков.

/с. 47 (45)/:

Кто не помнит своего логического романа[x] /.../

(x) Сам Герцен его плохо помнил.

/с. 49 (46)/:

Мало ненавидеть корону, надобно перестать уважать и фригийскую шапку; мало не признавать преступлением оскорбление величества, надобно признавать преступным salus populi *. Пора человеку потребовать к суду: республику, законодательство, представительство, все понятия о гражданине и его отношениях к другим и к государству. Казней будет много; близким, дорогим надобно пожертвовать - мудрено ли жертвовать ненавистным? В том-то и дело, чтоб отдать дорогое, если мы убедимся, что оно не истинно.

Почему?

Прудон.

/с. 60 (55)/:

Идущие народы пройдут, хуже, труднее, изрежут себе ноги, но все-таки пройдут; сила социальных идей велика, особенно с тех пор, как их начал понимать истинный враг, враг по праву существующего гражданского порядка - пролетарий, работник, которому досталась вся горечь этой формы жизни и которого миновали все ее плоды.

60 - Пролетариат.
NB

/с. 96 (82)/:

Их /либералов. - Сост./ можно сравнить с прежними натуралистами, которые начинали и оканчивали изучение природы в гербарии, в музее; все, что они знали о жизни, был труп, мертвая форма, след жизни. Честь и слава тем, которые догадались взять котомку и идти в горы, плыть за моря ловить природу и

* благо народа (лат.).

жизнь на самом деле /.../ Либералы были вечные жители больших городов и маленьких кружков, люди журналов, книг, клубов, они вовсе не знали народа, они его глубокомысленно изучали по историческим источникам, по памятникам - а не по деревне, не по рынку.

96. - Либералы.

Крещеная собственность

/с. 217-248 (т. 12, с. 94-117)/

/с. 221 (97)/:

С детских лет я бесконечно любил наши села и деревни, я готов был целые часы, лежа где-нибудь под березой или липой, смотреть на почернелый ряд скорбных, бревенчатых изб, тесно прислоненных друг к другу, лучше готовых вместе сгореть, нежели распасться /.../

NB
221 - Любовь к селам и деревням.

/с. 234 (107)/:

Одни легкие революции делаются легко. Ветер свободно двигается во все стороны верхнего слоя общественной зыби, но глубь тиха до урагана.

NB 234 - О революции.
NB

/с. 235 (107)/:

Но возвратимся к народу русскому. Он уступил не без боя. Вспомните, что было после Бориса, во время самозванцев и междуцарствия; казалось, все государство было понято огнем и распадалось, все бродило в болезненном волнении, бралось за оружие; откуда эта возбежденность, эта готовность к бою, откуда эти полчища Тушинского вора и других кондотьеров?

235. - Народ и государство.

/с. 237-238 (109)/:

Народ русский все вынес, но спас общину, община спасет народ русский; уничтожая ее, вы отдаете его, связанного по рукам и ногам, помещику и полиции.

237. - Община. (непременно ср. 240).[65]

Старый мир и Россия. Письма к В. Лентону

/с. 249-296 (т. I2, с. I67-200)/

/с. 253 (I67)/:

Мне кажется, что роль теперешней Европы совершенно окончена; с I848 года разложение ее растет с каждым шагом*.

(2 января I854)

/с. 254 (I68)/:

Христианство указывает людям на сына божия, как на идеал - социализмом сын объявляется совершеннолетним, человек хочет быть более чем сыном божиим - он хочет быть самим собой**.

254. - Луначарскому о боге. Луначарскому о боге.

/с. 292-293 (I97)/:

Когда к двенадцати миллионам рабов присоединятся казаки, глубоко обиженные потерей своих прав и вольностей; раскольники, которых число и моральная сила очень значительны и ненависть к правительству непримирима; - да сверх того часть дворянства ... ... будет о чем подумать тогда жителям Зимнего двор-

292. - О казаках и расколе.

---

* Тот же фрагмент в новом переводе (Собр. соч. в 30 т., т. I2, с. I67):

Мне кажется, что роль теперешней Европы совершенно кончена: после I848 года она разлагается с невероятной быстротой.

** Тот же фрагмент в новом переводе (Собр. соч. в 30 т., т. I2, с. I68):

Христианство указывает сынам человеческим на сына божия как на идеал; социализм идет дальше - он объявляет сына совершеннолетним ... И человек хочет быть более чем сыном божиим - он хочет быть самим собой.

ца***.

Народный сход в память февральской революции

/с. 336-35I (т. I2, с. 253-264)/

/с. 350 (263-264)/:

Мы ничего не сделали. Тем лучше! Тем больше остается дела для нас. Пора рабочая для нас настает. И потому-то нужно, чтоб вы знали славянских братий ваших. Бедный европейский работник должен знать, что бедный русский крестьянин не пашее, одичалое существо, а человек.

Sic! Ср. Дневник[67] о славянофилах.

---

* Тот же фрагмент в новом переводе (Собр. соч. в 30 т., т. I2, с. I97):

Около двадцати миллионов крепостных найдут поддержку у казаков, глубоко обиженных потерей своих прав и вольностей: у раскольников, число и моральная сила которых очень значительны и которые относятся к правительству с непримиримой ненавистью, найдут поддержку также у части дворянства ... ... Есть над чем задуматься обитателю Зимнего дворца.

I7

Герцен А.И. Сочинения /в IO т./ /С предисл. /Т.Н. Вирубова/. - Genève etc.: Georg, 1878. Т.VI. 377 с /3/ с. - Загол. парал. на фр.яз.: Oeuvres d'Alexandre Herzen.[68]

Л. 6240-6.

Герцен А.И. Собр. соч. в 30 т., т. 8.

Былое и думы. Ч. I: Детская и университет (I8I2-I834)

/с. 7-203 (I3-I68)/

/с. 47-48 (46)/:

Толочанов, должно быть, очень любил ее /свою жену.- Сост./; он с этого времени впал в задумчивость, близкую к помешательству, прогуливал ночи и, не имея своих средств, тратил господские деньги; когда он увидал, что нельзя свести концов, он 3I декабря I82I года отравился /.../

47-8. - Толочанов.

Утром я бросился в небольшой флигель, служивший баней, - туда снесли Толочанова; тело лежало на столе в том виде, как он умер: во фраке, без галстука, с раскрытой грудью; черты его были страшно искажены и уже почернели. Это было первое мертвое тело, которое я видел; близкий к обмороку, я вышел вон.

/с. 49 (48-47)/:

В заключение этого печального предмета скажу только одно: на меня пареньки не сделали никакого действительно дурного влияния. Напротив, она с ранних лет развила во мне непреодолимую ненависть ко всякому рабству и ко всякому произволу /.../)

49 - Влияние "пареньки"

/с. 66 (6I)/:

(Рассказы о возмущении, о суде, ужас в Москве сильно поразили меня; мне открывался новый мир, который становился больше и больше средоточием всего нравственного существования моего; не знаю, как это сделалось, но, мало понимая или очень смутно, в чем дело, я чувствовал, что я не с той стороны, с которой картечь и победы, тюрьмы и цепи. Казнь Пестеля и его товарищей окончательно разбудила ребяческий сон моей души.)

66: I4 декабря.

/с. 70 (64)/:

(И.В. Протопопов был полон того благородного и неопределенного либерализма, который часто проходит с первым седым волосом, с женитьбой и местом, но все-таки облагораживает человека /.../ Его сочувствие было для меня великой отрадой. Он после этого стал носить мне мелко переписанные и очень затертые тетрадки стихов Пушкина: "Ода на свободу", "Кинжал", " Думы" Рылеева, (я их переписывал тайком ... (а вещи печатал явно!))

70 - Рус/ский/ учитель.

/с. 7I (64-65)/:

(- Зачем, - спросил я его середь урока, - казнили Людовика XVI? /.../

- Parce qu'il a été traître à la patrie.[x]

- Если б вы были между судьями, вы подписали бы приговор?

- Обеими руками.

Этот урок стоил всяких субъюнктивов[xx]; для

7I. Французский учитель.

[x] Потому что он изменил отечеству (фр.).

[xx] сослагательных наклонений (фр. subjonctif).

меня было довольно; ясное дело, что по делом казнили короля /.../

Он с тою же важностью, не улыбаясь, оканчивал урок, но уже снисходительно говорил: "Я право думал, что из вас ничего не выйдет, но ваши благородные чувства спасут вас".)

/с. 83 (73)/:

(В 1827 я привез с собою Плутарха и Шиллера; рано утром уходил я в лес, в чащу, как можно дальше, там ложился под дерево и, воображая, что это богемские леса, читал сам себе вслух;) /.../

83 - Плутарх и Шиллер.

/с. 93 (81)/:

(Садилось солнце, купола блестели, город отлался на необозримое пространство под горой, свежий ветерок подувал на нас, постояли мы, постояли, оперлись друг на друга и, вдруг обнявшись, присягнули, в виду всей Москвы, пожертвовать нашей жизнью на избранную нами борьбу.)

93 - Клятва на Воробьевых горах.

/с. I27 (I09)/:

(Все воспитание несчастных семинаристов, все их понятия были совсем иные, чем у нас, мы говорили разными языками; они, выросшие под гнетом монашеского деспотизма, забитые своей риторикой и теологией, завидовали нашей развязности; мы досадовали на их христианское смирение.)

I27 - Семинаристы.

/с. I28 (I09)/:

Я избрал физико-математический факультет, потому что в нем же преподавались естественные науки, а к ним именно в это время развилась у меня сильная страсть.

I28 - Страсть к естественным наукам.

/с. I28 (II0)/:

После смерти отца Химик дал отпускную несчастным одалискам, уменьшил наполовину тяжкий оброк, положенный отцом на крестьян, простил недоимки и даром отдал рекрутские квитанции, которые продавал им старик, отдавая дворовых в солдаты.

I29 - Его нравственность.

/с. I32 (II2-II3)/:

Меня возмутил его /Химика. - Сост./ материализм. Поверхностный и со страхом по полам вольтерианизм наших отцов нисколько не был похож на материализм Химика. Его взгляд был спокойный, последовательный, окончательный; он напоминал известный ответ Лаланда Наполеону: "Кант принимает гипотезу бога", - сказал ему Бонапарт. - "Sire , - возразил астроном, - мне в моих занятиях никогда не случалось нуждаться в этой гипотезе".

см. I35 мв.
I32 - Материализм "химика".

/с. I34 (II4)/:

Без естественных наук нет спасения современному человеку, без этой здоровой пищи, без этого строгого воспитания мысли фактами, без этой близости к окружающей нас жизни, без смирения перед ее независимостью - где-нибудь в душе остается монашеская келья и в ней мистическое зерно, которое может разлиться темной водой по всему разумению.

мв.
I34. - Естествознание (его важность.)
Естествознание.

/с. I35 (II5)/:

- Ха, ха, ха - как я /А.И. Герцен. - Сост./ узнаю моего учителя физиологии и материализма, - сказал я ему /Химику. - Сост./, смеясь от души, - ваше замечание так и напомнило мне те блаженные времена, когда я приходил к вам, вроде гётевского Вагнера, наследать моим идеализмом и выслушивать не без негодования ваши охлаждающие сентенции.

мв
I35.- "Химик" - учитель материал/изма/
ср. I36.

/с. 142 (120)/:

Не-немцы, с своей стороны, не знали ни одного (живого) языка, кроме русского, были отечественно раболепны, семинарски неуклюжи, держались, за исключением Мерзлякова, в черном теле и, вместо неумеренного употребления сигар, употребляли неумеренно настойку.

нв
142. - Раболепство.

/с. 180-181 (149)/:

В 1844 г. встретился я с Перевощиковым у Щепкина и сидел возле него за обедом. Под конец он не выдержал и сказал: /.../

- Помилуйте-с, как же-с это-с можно-с, какое занятие-с - Гегелева-с философия-с! Ваши статьи-с читал-с, понимать-с нельзя-с, птичий язык-с. Какое-с это дело-с. Нет-с!

нв
181 - Перевощиков о философии Гегеля.

/с. 183-184 (152)/:

Но так как возраст берет свое, то большая часть французской молодежи отбывает юность артистическим периодом /.../ Вместо шиллеровского периода - этот период поль-де-кокоский; в нем насилие и довольно мизерно тратится сила, энергия, все молодое, и человек готов - в commis [x] торговых домов.

184. - Вместо шиллеровского периода - Поль-де-Кокоский.

/с. 195 (161)/:

Середь этого брожения, середь догадок, усилий понять сомнения, пугавшие нас, попались в наши руки сен-симонистские брошюры, их проповеди, их процесс. Они поразили нас /.../ Они возвестили новую веру, им было что сказать и было во имя чего позвать перед свой суд старый порядок вещей, хотевший их судить по кодексу Наполеона и по орлеанской религии.

195 - Сен-Симонисты.

[x] приказчики (фр.).

/с. 215 (180)/:

Часу во втором ночи меня разбудил камердинер моего отца; он был раздет и испуган.

- Вас требует какой-то офицер.

- Какой офицер?

- Я не знаю.

- Ну, так я знаю, - сказал я ему и набросил на себя халат.

215 - Арест.

В дверях залы стояла фигура, завернутая в военную шинель; к окну виднелся белый султан, сзади были еще какие-то лица, - я разглядел казацкую шапку.

Это был полицмейстер Миллер.

/с. 220 (184)/:

Соломон-квартальный, вместо суда, бранил их обоих на чем свет стоит /.../

- Видишь важность какая! поругались - да и тотчас начальство беспокоить. И что вы за фря такая? Словно вам в первый раз - да вас назвать нельзя не выругавши - таким ремеслом занимаетесь.

нв.
220 - Мартову[69].

/с. 239-240 (199-200)/:

В его /старого жандарма Филимонова. - Сост./ рассказах был характер наивности, наводивший на меня грусть и раздумье/.../

- А молдаванка, - спросил я, - так и утонула?

- Утонула-с, - отвечал солдат.

Я с удивлением смотрел на детскую беспечность, с которой старый жандарм мне рассказывал эту историю. И он, как будто догадавшись или подумав в первый раз о ней, добавил, успокаивая меня и примеряясь с совестью:

- Язычница-с, все равно что некрещеная, такой народ.)

239-240. (Ср. Г. Успенского)[70].

/с. 243 (202)/:

... Ничего в мире не может быть ограниченее и бесчеловечнее, как оптовые осуждения целых сословий по надписи, по нравственному каталогу, по главному характера цеха.

243 - О сословиях.
NB

/с. 331 (271)/:

(Ну, и следствие пошло обычным русским чередом: мужиков секли при допросах, секли в наказание, секли для примера, секли из денег и целую толпу сослали в Сибирь)...[x]

Замечательно, что Киселев проезжал по Козьмодемьянску во время суда. Можно было бы, кажется, завернуть в военную комиссию или позвать к себе майора.

Он этого не сделал!)

331 - Карто-ф/ельный/ бунт.

/с. 353 (288)/:

Дневной свет мысли мне роднее лунного освещения фантазии.

Но именно в ту эпоху, когда я жил с Витбергом, я более, чем когда-нибудь, был расположен к мистицизму.

Разлука, ссылка, религиозная экзальтация писем, получаемых мною, любовь, сильнее и сильнее обнимавшая всю душу, и вместе гнетущее чувство раскаяния - все это помогало Витбергу.

И еще года два после я был под влиянием идей мистически-социальных, взятых из евангелия и Жан-Жака, на манер французских мыслителей вроде Пьера Леру.

NB

353 - Мистицизм.
NB

/с. 354 (289)/:

Мистицизм науки вскоре заменил во мне - евангельский мистицизм; по счастью, отделался я и от второго.

354. - Мистицизм.

[x] Отточие поставлено Г.В. Плехановым.

18

Герцен А.И. Сочинения /в 10 т./ /С предисл. /Г.Н. Вырубова/. - Genève etc.: Georg, 1879. Т.УП 381, /2/ с. - Загол. парал. на фр.яз.: Oeuvres d'Alexandre Herzen.[71]

Д. 6240-7.

Герцен А.И. Собр. соч. в 30 т., т. 8, 9.

Былое и думы. Ч. Ш. Владимир-на-Клязьме (1838-1839).

/с. 1-108 (т. 8, с. 309-394)/

/с. 43 (344)/:

Увлекаясь больше и больше моей симпатией к отсутствующей кузине, я не давал себе именно отчета в чувстве, связывавшем меня с ней. Я к нему привык и не следил за тем, изменилось оно или нет.

43 - Отчет в чувстве.
NB.

Былое и думы. Ч. IУ. Москва, Петербург и Новгород (1840-1847).

/с. 109-381 (т. 9, с. 7-222)/

/с. 113 (12)/:

У меня в комнате, на одном столе, стояло небольшое чугунное распятие.

- На колени! - сказал Огарев, - и поблагодарим за то, что мы все четверо вместе!

Мы стали на колени возле него и, обтирая сле-

113. - Распятие.

зы, обнялись.

/с. I24-I25 (2I)/:

(Гегель во время своего профессората в Берлине, долею от старости, а вдвое от довольства местом и почетом, намеренно извинтил свою философию над земным уровнем и держался в среде, где все современные интересы и страсти становятся довольны безразличны, как здания и села с воздушного шара; он не любил заноситься за эти проклятые практические вопросы, с которыми трудно ладить, и на которые надобно было отвечать положительно.)

ср. I26 I24. - Гегель:

/с. I26 (22)/:

Философская фраза, наделавшая всего больше вреда и за которой немецкие консерваторы стремились помирить философию с политическим бытом Германии - "Все дайс тительное разумно", была иначе высказанное начало достаточной причины и соответственности логики и фактов. Дурно понятая фраза Гегеля сделалась в философии тем, что некогда были слова христианского хронициста Павла: "Нет власти, как от бога" /.../ Белинский - самая деятельная, порывистая, диалектически-страстная натура бойца - проповедовал тогда индийский покой созерцания и теоретическое изучение вместо борьбы. Он веровал в это воззрение и не бледнел ни перед каким последствием, не останавливался ни пред моральным приличием, ни перед мнением других, которого так страшатся люди слабые и не самобытные: в нем не было робости, потому что он был силен и искренен; его совесть была чиста.

На только это.

Ср. письмо Боткина. Анненков и его друзья[72].

/с. I27 (23)/:

Середь этой междоусобицы я увидел необходимость ex ipso fonte bibere * и серьезно занял-

I27 - Гегель.

* испить из самого источника (лат.).

ся Гегелем. Я думаю даже, что человек, не переходивший "Феноменологии" Гегеля и "Противуречий общественной экономии" Прудона, не переходил через этот горы и этот овраги, не полон, не современен.

/с. I33 (27)/:

Месяца два-три спустя проезжал по Новгороду Огарев, он привез мне "Wesen des Christentums" Фейербаха. Прочитав первые страницы, я вспрыгнул от радости. Долой маскарадное платье, прочь косноязычие и иносказания, мы свободные люди, а не рабы Конфа, не нужно нам облекать мысль в мифы!)

I33 - Фейербах.

/с. I34 (28)/:

(Белинский вовсе не оставил вместе с односторонним пониманием Гегеля его философию. Совсем напротив, отсюда-то и начинается его живое, меткое, оригинальное сочетание идеи философских с революционными.)

I34 - Белинский и Гегель.

/с. I47 (38)/:

Об застое после перелома в I825 году мы говорили много раз. Нравственный уровень общества пал, развитие было прервано, все передовое, энергическое вычеркнуто из жизни. Остальные - испуганные, слабые, потерянные - были мелки, пусты; дрянь александровского поколения заняла первое место; они мало-помалу превратились в подобострастных дельцов, утратили дикую поэзию кутежей и барства и всякую тень самобытного достоинства; они упорно служили, они выслуживались, но не становились сановитыми. Время их прошло.

от/р./ I42.
нв.
нв.
Общественное настроение после I4 декабря.

/с. 149 (39)/:

В тридцатых годах убеждения наши были слишком юны, слишком страстны и горячи, чтоб не быть исключительными. Мы могли холодно уважать круг Станкевича, но сблизиться не могли. Они чертили философские системы, занимались анализом себя и успокоивались в роскошном пантеизме, из которого не исключалось христианство.

149. - Кружок Станкевича.

/с. 173 (58)[x]/:

У нас не то, что во Франции, где правительство на [illegible] с партиями, где его таскают в грязи; у нас управление отеческое, все делается как можно келейнее... Мы выбиваемся из сил, чтоб все шло как можно тише и глаже, а тут люди, остающиеся в какой-то бесплодной оппозиции, несмотря на тяжелые испытания, страшат общественное мнение, рассказывая и сообщая письменно, что полицейские солдаты режут людей на улицах.

173. - У нас нет борьбы.

/с. 199, примеч. (79, примеч.)/:

Это до такой степени справедливо, что какой-то немец, раз десять ругавший меня в "Morning Advertiser", приводил в доказательство того, что я не был в ссылке, то, что я занимал должность советника губернского правления.

199 - Morning Advertiser.

/с. 213-214 (90)/:

Потом я подал в отставку "за болезнию". Отставку мне сенат дал, присовокупив к ней чин надворного советника; но Бенкендорф с тем вместе сообщил губернатору, что мне запрещен въезд в столицы и велено жить в Новгороде.

NB NB

213-14. Отставка.

[x] Слова Л.В. Дубельта.

/с. 230 (105)/:

(Но, по несчастию, у этих психически тонко развитых, но мягких натур большею частию сила тратится на то, чтоб ринуться вперед, а на то, чтоб продолжать путь, ее и нет.)

230. - Мягкие натуры.

/с. 238 (112)/:

Грановский и все мы были сильно заняты, все работали и трудились, кто - занимая кафедры в университете, кто - участвуя в обозрениях и журналах, кто - изучая русскую историю; к этому времени относятся начала всего сделанного потом.

238 - Начало того, что сделано было потом.

/с. 239 (112)/:

Оконченная, замкнутая личность западного человека, удивляющая нас сначала своей специальностью, вслед за тем удивляет односторонностью. Он всегда доволен собой, его suffisance[x] нас оскорбляет. Он никогда не забывает личных видов, положение его вообще стесненное и нравы приложены к жалкой среде.

238 - "Жалкая" западная среда.

/с. 244 (115-116)/:

Он /И.П. Галахов. - Сост./ не обращал внимания, так, как это делает большая часть французов, на то, что истина только дается методе, да и то остается неотъемлемой от нее; истина же как результат - битая фраза, общее место.

244. - О методе.

NB

/с. 245 (117)/:

Галахов был слишком развит и независим, чтоб совсем исчезнуть в фурьеризме, но на несколько лет он его увлек. Когда я с ним встретился в 1847 в Париже, он к фаланге питал скорее ту нежность,

245. - Галахов.

[x] самонадеянность (фр.).

которую мы имеем к школе, в которой долго жили, к дому, в котором провели несколько спокойных лет, чем ту, которую верующие имеют к церкви.

В Париже Галахов был еще оригинальнее и милее, чем в Москве. Его аристократическая натура, его благородные, рыцарские понятия были оскорблены на каждом шагу; он смотрел с тем отвращением, с которым гадливые люди смотрят на что-нибудь сальное - на мещанство, окружавшее его там. Ни французы, ни немцы его не надули, и он смотрел несколько свысока на многих из тогдашних героев, чрезвычайно просто указывая их мелочную ничтожность, денежные виды и наглое самолюбие. В его пренебрежении к этим людям проявлялась даже национальное высокомерие, совершенно чуждое ему.

245-246. - "Мещанство" Парижа в 1847 г.

/с. 249 (I20)/:

Вместе с взглядом, исполненным иронии, он /И.П. Галахов. - Сост./ (хранил романтические надежды и все еще рвался к каким-то верованиям.) Наши долгие разговоры, наши споры навели меня на мысль записывать их. Одним из наших разговоров начинается "С того берега". Я читал его начало Галахову, он был тогда очень болен, видимо таял и приближался к гробу.

249. - И.П. Галахов.

249. И.П. Галахов (разговоры в "С того берега.").

/с. 252 (I22)/:

Грановский сумел в мрачную годину гонений от 1848 года до смерти Николая сохранить не только кафедру, но и свой независимый образ мыслей, и это потому, что в нем с рыцарской отвагой, с полной прямотой страстного убеждения стройно сочетавалась женская нежность, мягкость форм и та примиряющая стихия, о которой мы говорили.

Не совсем.

/с. 260 (I27)/:

Где революция? Где Грановский? Там, где и отрок с черными кудрями и широкоплечий popolano*, и другие близкие, близкие нам. Осталась еще вера в Россию. Неужели и от нее придется отныкать?

260 - Где революция? Вера в Россию.

/с. 267 (I34)/:

(Важность их /славянофилов. - Сост./ воззрений, его истина и существенная часть вовсе не в православии и не в исключительной народности, а в тех отраслях русской жизни, которые они открыли под удобрением искусственной цивилизации...)

267 - "Важность" славянофильства.

/с. 272 (I37-I36)/:

(Встреча московских славянофилов с петербургским славянофильствующим Николаем была для них большим несчастием. Николай бежал в народность и православие от революционных идей. Общего между ними ничего не было, кроме слов). Их крайности и нелепости все же были бескорыстно нелепы и без всякого отношения к III отделению или к управе благочиния. Что, разумеется, нисколько не мешало их нелепостям быть чрезвычайно нелепыми.

272. - Несчастье слав/янофилов/.

?!

272. - Крайне важно о славянофилах.

и антиреволюционерами[73].

/с. 273 (I38)/:

За обедом один из нежнейших по голосу и по занятиям славянофилов, человек крайнего православия, разгорячившись, вероятно, тостами за черногорского владыку, за разных великих боснияков, чехов и словаков, импровизировал стихи, в которых было следующее, не вовсе христианское выражение:

Упьюся я кровью мадьяров и немцев.

---

* простолюдин (ит.).

/.../ В такую-то кровожадную в тостах партию сложились московские славяне во время нашей ссылки и моей жизни в Петербурге и Новгороде.

273. - Славянофилы (и революция). Очень важно.

/с. 282 (145)/:

(Как молод я ни был, но я помню, как наглядно высшее общество пало и стало грязнее, раболепнее с воцарением Николая. Аристократическая независимость, гвардейская удаль александровских времен - все это исчезло с 1826 годом.)

282 - Общество ник./олаевского/ времени. NB.
282. - Общество после 25 г/ода/.

/с. 284 (147)/:

Он /Чаадаев. - Сост./ печально указывал, к чему привели усилия целого века /.../ ("История других народов - повесть их освобождения. Русская история - развитие крепостного состояния и самодержавия". Переворот Петра сделал из нас худшее, что можно сделать из людей, - просвещенных рабов.)

284 - Очень важно.

/с. 286 (148-149)/:

(Возвратиться к селу, к артели работников, к мирской сходке, к казачеству - другое дело; но возвратиться не для того, чтоб их закрепить в неподвижных азиатских кристаллизациях, а для того, чтоб развить, освободить начала, на которых они основаны, очистить от всего наносного, искажающего, от дикого мяса, которым они обросли, - в этом, конечно, наше призвание.)

286 - Ср. Герцена и "Землю и Волю" № I, передовую. Ср. Землю и Волю[74]. NB.

/с. 287-288 (149-150)/:

(Это основы нашего быта - не воспоминания, это живые стихии, существующие не в летописях, а в настоящем; но они только уцелели под трудным

историческим вырабатыванием государственного единства и под государственным гнетом только сохранились, но не развились. Я даже сомневаюсь, нашлись ли бы внутренние силы для их развития без петровского периода, без периода европейского образования.x)

(Непосредственных основ быта недостаточно. В Индии до сих пор и спокон века существует сельская община, очень сходная с нашей и основанная на разделе полей; однако индийцы с ней недалеко ушли.

Одна мощная мысль Запада, к которой примыкает вся длинная история его, в состоянии оплодотворить зародыши, дремлющие в патриархальном быту славянском. Артель и сельская община, раздел прибытка и раздел полей, мирская сходка и соединение сел в волости, управляющиеся сами собой, - все это краеугольные камни, на которых созиждется храмина нашего будущего свободно-общинного быта. Но эти краеугольные камни - все же камни ... и без западной мысли наш будущий собор остался бы при одном фундаменте.)

287. А какие силы дал "петровский период"? Интеллигенцию?
x) А какие силы дал "петровский период"? Интеллигенцию? NB
Ср. 288.

Община 287 - 288.

/с. 289 (151)/:

Деспотизм или социализм - выбора нет.

(А между тем Европа показала удивительную неспособность к социальному перевороту.

Мы думаем, что Россия не так неспособна к нему, и на этом сходимся с славянами. На этом основана наша вера в ее будущность.) Вера, которую я проповедовал с конца 1848 года.

289 - Резюме Гер./цено/ва учения.

/с. 293/:[75]

Московское неофициальное общество составлено странно и может потому недурно. Оно состоит из помещиков и талантливых людей и носит на себе эту двойную печать.)

Из этого общества вышел и Герц/ен/. ср. 295.

/с. 297 (156-157)/:

Хомяков был действительно опасный противник; занимавшийся старый бретёр диалектики, он пользовался малейшим рассеянием, малейшей уступкой. Необыкновенно даровитый человек, обладавший огромной эрудицией, он, как средневековые рыцари, караулившие богородицу, спал вооруженный. Во всякое время дня и ночи он был готов на запутаннейший спор и употреблял для торжества своего славянского воззрения все на свете – от казуистики византийских богословов до тонкостей изворотливого легиста. Возражения его, часто мнимые, всегда сеяли и сбивали с толку.

297. – Хомяков.

/с. 298 (157)/:

(Философские споры его /Хомякова. – Сост./ состояли в том, что он отвергал возможность разумом дойти до истины; он разуму давал одну формальную способность – способность развивать зародыши или зерна, иначе получаемые, относительно готовые (т.е. даваемые откровением, получаемые верой). Если же разум оставить на самого себя, то, бродя в пустоте и строя категорию за категорией, он может обличить свои законы, но никогда не дойдет ни до понятия о духе, ни до понятия о бессмертии и пр. На этом Хомяков бил на голову людей, остановившихся между религией и наукой.)

298. Оч/ень/ важно. Метод "славянофилов".

/с. 301 (139)/:

И этого человека /И.В. Киреевского. – Сост./, твердого и чистого, как сталь, разъела ржа страшного времени. Через десять лет он возвратился в Москву из своего отшельничества – мистиком и православным.

Ср. Писарева "Рус/ский/ Дон-Кихот".

/с. 303 (160-161)/:

В его /Киреевского П.В. – Сост./ взгляде (и это я оценил гораздо после) была доля тех горьких, подавляющих истин об общественном состоянии Запада, до которых мы дошли после бурь 1848 года /.../

Их /братьев Киреевских. – Сост./ общее несчастие состояло в том, что они родились или слишком рано, или слишком поздно; 14 декабря застало нас детьми, их – юношами. Это очень важно.

Герц./ен/ и славянофилы.
303 – Петр Киреевский.

Ср. Лермонтова.

/с. 304 (161-162)/:

Их /предшественников Герцена. – Сост./ встретили те десять лет, которые оканчиваются мрачным "Письмом" Чаадаева. Разумеется, в десять лет они не могли состариться, но они сломились, затянулись, окруженные обществом, без живых интересов, мелким, отрусившим, подобострастным. И это были десять первых лет юности! Поневоле приходилось, как Онегину, завидовать параличу тульского заседателя, ехать в Погодин, как Печорин Лермонтова, идти в католики, как настоящий Печёрин /.../

Печорин. Же

304* – Печорин.

/с. 308 (164)/:

Погодин и Шевырев, издатели "Москвитянина", совсем напротив, были добросовестно заболенны. Шевырев – не знаю отчего, может, увлеченный своим предком, который среди пыток и мучений, во времена Грозного, пал поляны и чуть не молился о продолжении дней свирепого старика; Погодин – из ненависти к аристократии.

308. Ненависть Погодина к аристократии. Важно.

---

* Г.В. Плеханов ошибся в обозначении страницы; надо: 304.

/с. 311 (166)/:

Примирения, вообще, только тогда возможны, когда они не нужны, т.е. когда личное озлобление прошло или мнения сблизились и люди сами видят, что не из чего ссориться. Иначе всякое примирение будет взаимное ослабление, обе стороны полиняют, т.е. сдадут свою резкую краску. Попытка нашего Кучук-Кайнарджи очень скоро сказалась невозможной, и бой закипел с новым ожесточением.

311. - наш "мир"

/с. 316 (170)/:

Такова была наша /славянофилов и западников.- Сост./ семейная разладица лет пятнадцать тому назад. Много воды утекло с тех пор, и мы встретили горный дух, остановивший наш бег, и они, вместо мира мощей, натолкнулись на живые русские вопросы.

316. - Что остановило Герцена.

/с. 349 (196-197)/:

Университет очень много обязан ему /С.Г. Строганову. - Сост./ ... но все же нельзя не улыбнуться при мысли, что он хвастался этим перед человеком, сосланным под надзор за политические проступки /Герценом. - Сост./. Ведь это стоит того, что человек, сосланный за политические проступки, без всякой необходимости поехал по зову генерал-адъютанта. О Русь!.. Что же тут удивительного, что иностранцы ничего не понимают, глядя на нас!

Теперь уже не /по/ехал /бы/.

19

Герцен А.И. Сочинения /в 10 т./ /С предисл. /Г.Н. Вырубова/. Genève etc.: Georg. 1879. Т.VII. - 394 с. - Загол. парал. на фр.яз.: Oeuvres d'Alexandre Herzen.

Д. 6240-8

Герцен А.И. Собр. соч. в 30 т., т. 2, 10.

Капризы и раздумье. II. По разным поводам

/с. 91-108 (т. 2, с. 73-85)/

/с. 106 (84)/:

Стареться значит окостенеть; неправда, что всякий должен стареться: стареется, собственно, остановившаяся натура, она тогда в мертвенном покое оседает кристаллами; в нравственном мире то же, что в физическом: мозг сохнет, хрящ идет в кость, зубы костенеют до того, что выпадают изо рта, как каменки.

106. - О старости.

Капризы и раздумье. III. Новые вариации на старые темы

/с. 108-130 (т. 2, с. 86-102)/

/с. 117 (92)/:

Вотяки трепещут перед палкой, к которой привязана козлиная борода, - это их шайтан. Немцы трепещут перед страшными призраками своей науки.

117. - Философский шайтан.

Конечно, от грубого вотякского шайтана до шайтана немецкой философии большой шаг; но родственные черты нетрудно раскрыть между ними.

"Москвитянин" и вселенная

/с. I37-I45 (т. 2, с. I33-I39)/

/с. I4I-I42 (I36-I37)/:

Замечательнейшие статьи принадлежат гг. Погодину и Киреевскому /.../ Несмотря на славянизм, жизнь пробивается у г. Погодина сквозь личные мнения, и сторона, которую ему хочется поднять, не та, чтоб в квантаже была... Это - надобно согласиться - делает большую честь автору: "Шел в комнату - попал в другую", но попал, увлекаемый истиной. Честь тому, кто может быть ею увлечен за пределы личных предрассудков.

I4I-2. - Погодин.

Несколько замечаний об историческом развитии чести ("Современник", I848)

/с. I73-2I0 (т. 2, с. I5I-I76)/

/с. I83-I84 (I55)/:

Одно разумное, **основательное сочетание личности и государства** приведет к истинному понятию о лице вообще, а с тем вместе к истинному понятию о чести. Сочетание это - труднейшая задача, поставленная современным мышлением; перед нею остановились, пораженные несостоятельностью разрешений, самые смелые умы, самые отважные пересоздатели собственного порядка, **глубоко задумались и почти ничего не сказали.** Мы не беремся дотрогиваться до нее, но думаем однако, что она не разрешена механическими опытами сочетать феодальную личность с римским понятием государства; это одно перемирье, т.е. такое соединение враждебных начал,

I83 - **Утопический** метод.
I83 - Задачи сочетания л/ичности/ и г/осударства/.

I84 - **Потемкина.**

при котором каждый остается при своей неприязни, но, уступая внешним обстоятельствам, не дерется, а протягивает руку врагу.

/с. I9I (I60-I6I)/:

Личность христианина отрешается от древнего гражданского определения. Спаситель зовет мытарей и женщин, отворяет царство божие разбойнику, беспощадно казненному законом гражданским. Слово "невольник", "раб" становится богохульством, нищета - достоинством, национальность теряет смысл в отношении к единственной пастве, к единой церкви /.../

Ср. **Гегель**[76]. I9I - **Котор.**/ический/ **идеализм.**

/с. I92-I93 (I62)/:

Не только каждый клочок земли захотел самобытности после того, как весь мир был одним Римом, но каждый непобежденный человек понимал себя независимым, своевольным. Феодализм - апотеоза личности воина, монадология в гражданском развитии; в нем нет действительного центра.

I]. - Idem, хотя есть стремление применить диалек./тическую/ точку зрения.
См. стр. I98[77].
NB

/с. I94 (I63)/:

Сущность гражданина - вне его, случайность рождения определяет права его; сущность рыцаря - в нем самом, и он становится рыцарем, а не родится. Его право не принадлежит его личности как случайной, а принадлежит ему по развитию в случайной личности ее родового значения (разумеется так, как оно понималось в те времена).

А крепостные?

/с. I98 (I66)/:

Мы видели такую же несвойственность германского характера с римским понятием государства. Тацит в свое время уже заметил, что германцы любят

I98. Произвольность суждения.

жизнь вразбивку. Шлегель думал уколоть германцев, говоря: "Der Deutschen wahre Verfassung ist Anarchie*", и высказал невзначай мысль, которой глубины не предвидел.

Ср. Бакунина.

!

/с. 200 (167)/:

Логика событий неумолима. Рыцарь, свободная личность в отношении к государству и раб внутри, развил односторонность свою до нелепости; он с каждым днем делался более и более Дон-Кихотом /.../

200. Противоречие с идеализмом. ср. 207.

/с. 205-206 (172)/:

Читайте историю великого царствования Людвига XIУ, а всего лучше читайте историю тогдашней Германии и ее печального настроения - и вам сделается страшно, и вы с радостным трепетом сердца встретите в этом омуте пороков, гнустостей, безнравственности, среди слабодушных развратников, окруженных грязными лакеями, строгое и полное энергии лицо северного путешественника и его толстый преображенский мундир, так не похожий на изнеженные кафтаны тех господ. Кажется, что он идет на смену дряхлому порядку вещей, что он идет утешить людей вестью о свежей почве. Но тот худо знает характер европейца, кто думает, что ему нужно обновление извне... на краю гибели он всего ближе к выходу.

206. - очень важно.

Оч./ень/ важно.

/с. 208-209 (174)/:

Революция признает своей точкой отправления неприкосновенную святость лица и во всех случаях ставит выше и святее лица республику; для блага

* Естественное состояние немцев - анархия (нем.).

и спасения республики, для жертвы большинству она снимает с человека те права, которые так торжественно провозгласила неотъемлемыми.

209 - Противоречие. ?

Былое и думы. Ч. У: Париж - Италия - Париж (1847-1852).

/с. 211-394* (т. 10, с. 7-220)/

/с. 225 (23)/:

Но когда человек хочет верить, его веру трудно искоренить, и, не доезжая до Авиньона, я забыл марсельские приклады и руанские штыки.

225 - Вера в республику.

/с. 229 (26)/:

Теперь /в 1854 г. - Сост./ я уже и не жду ничего, ничто после виденного и испытанного мною не удивит меня особенно и не обрадует глубоко: удивление и радость обузданы воспоминаниями былого, страхом будущего. Почти все стало мне безразлично, и я равно не желаю ни завтра умереть, ни очень долго жить; пускай себе конец придет так же случайно и бессмысленно, как начало.

А ведь я нашел все, чего искал, даже признание со стороны старого, себядовольного мира - да рядом с этим утрату всех верований, всех благ, предательство, коварные удары из-за угла и, вообще, такое нравственное растление, о котором вы не имеете и понятия.

229 - Крайне важно.

/с. 230 (26)/:

(Испуганный Парижем 1847 года, я было раньше раскрыл глаза, но снова увлекся событиями, кипевшими возле меня.) /.../ (вся Европа взяла одр свой и пошла - в припадке лунатизма, поднятого

ив.

* Конец тома (со с. 395) отсутствует

нами за пробуждение. Когда я пришел в себя, все исчезло – la somnambula*, испуганный полицией, упала с крыши, друзья рассеялись или с ожесточением добивали друг друга...)

230 – Временный подъем настроения в 1848 году.

/с. 232 (28)/:

И будто все это было... опьянение, горячка? Может – но я не завидую тем, которые не увлеклись тогда изящным сновидением.

232 – Изящное сновидение.

/с. 241/:[75]

А жена моя около того же времени писала в Москву: "Я смотрю на детей и плачу; мне становится страшно, я не смею больше желать, чтоб они были живы, может и их ждет такая ужасная доля". Как много надобно было прострадать, чтоб мысль эта могла явиться в сердце матери, страстно любившей детей, и на сколько больше, чтоб найти силу высказать ее, да еще письменно. В этих словах отголосок всего пережитого, последний след потерянных верований, замененных страшными воспоминаниями.

241 – Письмо жены Гер./цена/ в Москву.

241. – "страшные воспоминания".[78]

/с. 246/:[75]

Время это осталось у меня в памяти, как чадный, угарный день /.../

Внутри все было оскорблено, все опрокинуто, очевидные противоречия, хаос; снова ломка, снова ничего нет. Давно оконченные основы нравственного быта превращались опять в вопросы; факты сурово подымались со всех сторон и опровергали их.

246. Нрав./ственное/ сост./ояние/ Герцена.

* сомнамбула, лунатичка (ит.).

/с. 248/:

Моя логическая исповедь, история недуга, через который пробивалась оскорбленная мысль, осталась в ряде статей, составивших "С того берега". Я в себе преследовал ими последние идолы, я иронией мстил им за боль и за обман, я не над ближним издевался, а над самим собой, и, снова увлеченный, мечтал уже быть свободным, но тут-то и запнулся. Утратив веру в слова и знамена, в канонизированное человечество и единую спасающую церковь западной цивилизации, я верил в несколько человек, верил в себя.

NB

248.- Что для него "С того берега".

248 – Логическая исповедь Герцена.

/с. 252 (36)/:

Я оставил Париж осенью 1847 г., не завязавши никаких связей; литературные и политические кружки оставались мне совершенно чуждыми.

252. Отсутствие Г./ерцена/ связей в 1847 г. NB

252 – отсутствие связей в Париже.

254. – Литературные круги чужды*.

/с. 260 (42)/:

С глубоко скорбным чувством следил я и помечал успехи разложения, падения республики, Франции, Европы /.../ Россия лежала безгласно, замертво, в синих пятнах, как несчастная баба у ног своего хозяина, избитая его тяжелыми кулаками. Она вступала тогда в то страшное пятилетие, из которого выходит теперь /в 1857 г. – Сост./, наконец, вслед за гробом Николая.

260. Запад гниет.

260 – выход.

* Г.В. Плеханов ошибся в обозначении страницы: надо: 252.

/с. 267 (48)/:

В людях, его окражавших, не могло быть той печати пошлого, изболтавшегося псевдореволюционизма, того характера taré *, который так печально распространился во Франции.

267. – Важная оговорка.

/с. 274 (53)/:

(Идеи, пережившие свое время, могут долго ходить с клюкой; могут даже, как Христос, еще раз, два показаться после смерти своим адептам – но трудно для них снова завладеть жизнью и вести ее. Они не увлекают всего человека или увлекают только неполных людей.)

NB.
274. соц./иалистам/-революционерам
274 – идеи отжившие.
274 – К роману Рошина[79].

/с. 283 (62)/:

(Я заметил ему /Г. Струве. – Сост./, что если уже это зависит от нашей воли, заводить или нет новую религию, то лучше не заводить никакой, а предоставить это воле божьей, оно же и по сущности дела относится более до нее.)

283 – Луначарскому о религии[80].

/с. 292 (69)/:

Но такие люди /как Мадзини. – Сост./ не сдаются, не уступают: чем хуже дела их, тем выше знамя.

292 – Нашим.

/с. 294 (71)/:

У нас /русских. – Сост./ с ними /с итальянцами. – Сост./ есть даже общие недостатки. Итальянец имеет ту же наклонность к лени, как и мы; он не находит, что работа – наслаждение; он не любит ее тревогу, ее усталь, ее недосуг. Промышленность в Италии почти столько же отстала, как у нас; у них, как у нас, лежат под ногами клады, и они их не выкапывают. Нравы в Италии не изменились новомещанским направлением до такой степени, как во Франции и Англии.

294 – Иван/ов/-Разумник.[81]

* с изъяном (фр.).

Антимещан/ство/ Италии.

/с. 295 (71)/:

Богатые мещане, потомки del popolo grasso, не раз счастливо соперничали с феодальной аристократией, были властелинами городов, и оттого они стали не дальше, а ближе к плебею и контадину**, чем наскоро обогатевшая чернь других стран. Мещанство в французском смысле, собственно, представляется в Италии особой средой, образовавшейся со времени первой революции и которую можно назвать, как это делается в геологии, пиэмонтским слоем. Он отличается в Италии, так же, как во всем материке Европы, тем, что во многих вопросах постоянно либерален и во всех – боится народа и слишком нескромных толков о труде и зарплате, да еще тем, что он всегда уступает врагам сверху, не уступая никогда своим снизу.

295 – Милюкову[82].

/с. 298 (73)/:

В эту минуту он /Мадзини. – Сост./ мне казался каким-то классическим героем, лицом из "Энеиды" ... о котором – живи он в свой век – сложилась бы своя легенда, свое "Arma virumque cano!"***

Потребность идеализации у Герцена.

* жирного народа (ит.).

** крестьянину (ит.

*** "Пою оружие и мужа!" (лат.).

/с. 316 (88)/:

(Англо-германская порода гораздо грубее франко-романской. С этим делать нечего, это ее физиологический признак, сердиться на него смешно.)

316. - Расы. 316 - Теория рас. ср. 323.

/с. 334 (102)/:

(Он /Фази. - Сост./ и Мадзини, бывши социалистами прежде социализма, сделались его врагами, когда он стал переходить из общих стремлений в новую революционную силу. Много поломал я копий с обоими и с удивлением увидел, как мало можно взять логикой, когда человек не хочет убедиться.)

334. - Герц./ен/ о том, как мало можно взять логикой.

/с. 345 (110)/:

Не знаю, желал бы я навсегда остаться в Швейцарии; нашему брату, жителю долин и лугов, горы через некоторое время мешают: они слишком громадны, близки, теснят, ограничивают, но иной раз хорошо полить под их тенью. К тому же по горам живет чистое и доброе племя, - племя бедное, но не несчастное, с малыми потребностями, привычное к жизни самобытной и независимой. Накипь цивилизации, ее ярь-медянка не осела на этих людях; исторические перемены, словно облака, ходят под ними, мало задевая их.

345. - Горцы ему симпатичны.

/с. 352-353 (116)/:

Революция пала, как Агриппина, под ударами своих детей и, что всего хуже, без их сознания; героизма, юношеского самоотвержения было больше, чем разумения, и чистые, благородные жертвы пали, не зная за что. Судьба остальных вряд не была ли еще печальнее. Они, в раздоре между собой, в личных спорах, в печальном самообольщении, разъедае-

352. - Отчего пала революция 1848 года.

мые необузданным самолюбием, останавливались на своих неожиданных днях торжества и не хотели ни снять увядших венков, ни венчального наряда, несмотря на то что невеста обманула.

/с. 355 (118)/:

(Иронией высказывается досада, что истина логическая - не одно и то же с истиной исторической, что, сверх диалектического развития, она имеет свое страстное и случайное развитие, что, сверх своего разума, она имеет свой роман.)

ср. 356. 355 - Крайне важно о диалектике.

/с. 356 (119)/:

Неотразимая волна грязи залила все. В терроре 93, 94 года выразился внутренний ужас якобинцев: они увидели страшную ошибку, хотели ее поправить гильотиной, но, сколько ни рубили голов, все-таки склонили свою собственную перед силою восходящего общественного слоя. Все ему покорилось, он пересилил революцию и реакцию, он затопил старые формы и наполнил их собой, потому что он составлял единственное деятельное и современное большинство; Сийэс был больше прав, чем думал, говоря, что мещане - "всё".

Мещане не были произведены революцией, они были готовы с своими преданиями и нравами, чуждыми на другой лад революционной идеи.

Мещане.

Иванову-Разумнику.

/с. 357-358 (120)/:

Сознание бессилия идеи, отсутствия обязательной силы истины над действительным миром огорчает нас. Нового рода манихеизм овладевает нами, мы готовы, par dépit *, верить в разумное (т. е. наме-

357. - Крайне важно. - Idem.

* с досады (фр.).

ренное) зло, как верили в разумное добро, - это последняя дань, которую мы платим идеализму.

/с. 363 (I24)/:

Наше классическое познание западного человека наделает много бед, из него еще разовьется племенная ненависть и кровавые столкновения.

Во-первых, нам известен только один верхний, образованный слой Европы, который напрывает собой тяжелый фундамент народной жизни, сложившийся веками, выведенный многими, по законам, мало известным в нашей Европе. Западное образование не проникает в эти биологические работы, которыми которая приросла к земле и граничит с геологией. /.../ Массы сельского населения, после религиозных войн и крестьянских восстаний, не принимали никакого действительного участия в событиях; они ими увлекались направо или налево, как дети, но оставались ни на минуту своей почвы.

ср. 363* идеализация рыцаря.

363 - Крайне важно.

/с. 364 (I25)/:

Рыцарь был страшная невежда, драчун, бретер, разбойник и монах, пьяница и цветист, но он был во всем открыт и откровенен; к тому же он всегда готов был лечь костьми за то, что считал правым; у него было свое нравственное уложение, свой кодекс чести, очень произвольный, но от которого он не отступал без утраты собственного уважения или уважения равных.

Идеализация рыцаря ср. 363.

/с. 366-367 (I27)/:

(Все партии и оттенки мало-помалу разделились в мире мещанском на два главные стана: с одной стороны мещане-собственники /.../ с другой - не-

367 - Пролетариат. В других

* Г.В. Плеханов ошибся в обозначении страницы; надо: 364.

имущие медяка, которые хотят вырвать из их рук их достояние, но не имеют силы, т.е. с одной стороны скупость, с другой - зависть.

местах отзывается лучше. Пролетариат.

/с. 370 (I29-I30)/:

(Отношение мира рыцарского и католического было необходимо и слагалось не мещанами, а просто свободными людьми, т.е. людьми, отрешившимися от всяких сословных определений. Тут были рыцари, как Ульрих-фон-Гутен, и дворяне, как Арует Гольтер, ученики часовщиков, как Руссо, полковые лекари, как Геллер, и купеческие дети, как Гёте. Монашество воспользовалось их работой и явилось освобождении не только от царей, работа, но и от всех общественных тяг, кроме складчины для найма охранящего их правительства.)

373 Ср. Ин/а.-нова/-Разумника. ср. 393 (неприменно) 370. - В долгах Иванова-Разумника.

/с. 371 (I30)/:

(Таково общая атмосфера европейской жизни. Она тяжелее и невыносимее там, где современное западное состояние наибольше развито, там, где оно вернее своим началам, где оно богаче, образованнее, т.е. промышленнее. И вот отчего где-нибудь в Италии или Испании не так невыносимо удушливо жить, как в Англии и во Франции...)

ср. Бакунин.

20

Герцен А.И. Сочинения / в 10 т./ /С предисл. / /Т.Н. Вырубова/. - Genève etc.: Georg, 1879. Т.IX. 327 с. - Загол. парал. на фр.яз.: Oeuvres d'Alexandre Herzen.[83]

Д. 6240-9.

Герцен А.И. Собр. соч. в 30 т., т. 10, 11, 16

Былое и думы. Ч.У. Париж - Италия - Париж. (1847-1852) /т.10, с.9-370/:

/с. 20 (т. 10, с. 165)/:

Здоровая кровь должна была течь в жилах сына бержского профессора, внука Фолленов. А ведь, au bout du compte*, все зависит от химического соединения да от качества элементов. Не Карл Фогт станет со мной спорить об этом.

20 - материализм.

/с. 44 (т. 10, с. 184)/:

Чтение Прудона, как чтение Гегеля, дает особый прием, оттачивает оружие, дает не результаты, а средства. Прудон по преимуществу диалектик, контроверзист социальных вопросов. Французы в нем ищут экспериментализма, и, не находя ни сметы фаланстера, ни икарийской управы благочиния, пожимают плечами и кладут книгу в сторону.

Прудон - 44 - метод.

* в конечном счете (фр.).

/с. 47 (т. 10, с. 186)/:

Сам Прудон попробовал было раз свою патологию и срезался на Народном банке несмотря на то, что, сама по себе взятая, идея его верна.

кв 47 - ? Идея Прудона.

/с. 48 (т. 10, с. 188)/:

(В политических вопросах он /Прудон. - Сост./ равнодушен, готов делать уступки, потому что не приписывает особой важности формам, которые, по его мнению, не существенны.)

ср. Колокол. 48 - ср. Колокол о политике.

/с. 54 (т. 10, с. 192)/:

Я знаю одного свободного француза - это вас. Ваши революционеры - консерваторы. Они христиане, не зная того, и монархисты, сражаясь за республику. Вы один подняли вопрос негации и переворота на высоту науки, и вы первые сказали Франции, что нет спасения внутри развивающегося здания /.../

кв. кв 54 - "негация", - письмо к Прудону[84].

/с. 56 (т. 10, с. 193)/:

"Я также думаю, что методический, мирный шаг незаметными переходами, как того хотят экономические науки и философия истории не возможен больше для революции; нам надобно делать страшные скачки. Но, в качестве публицистов, возвещая грядущую катастрофу, нам не должно представлять ее необходимой и справедливой, а то нас возненавидят и будут гнать, а нам надобно жить" ...

53-54-56 - катастрофа. Катастрофа.

/с. 86 (т. 10, с. 219)/:

Тут / в Ницце. - Сост./ были, разумеется, и городские работники, этот искренний и настоящий элемент революции, стремящийся декретировать la sociale*

кв 86 - Городской пролетариат.

* социальное устройство общества (фр.).

и в ту же меру воздать буржуа и aristo *, в какую они они им воздают.

Ч.УI. Англия (1852-1864) /т. II, с. 9-291/; Прибавление Ч.УII /Вольная русская типография и "Колокол" /т. II, с. 293-427/:

/с. 222 (т. II, с. 57)/:

Крестьян я мало знаю. Видел я в Лондоне несколько человек, спасшихся на лодке из Кайенны; одна дерзость, безумие этого предприятия лучше целого тома характеризуют их. Они были почти все с Пиренеев. Совсем другая порода, широкоплечая, как у поджарых французских горожан, с их скудной кровью и бедной бородкой. Разорение их домов и Каена воспитали их.

NB 222 - Запад и крестьянин.

/с. 240 (т. II, с. 66)/:

Много я принял горя за то, что печально смотрю на Европу и просто, без страха и сожаления, высказываю это /.../

Европа нам нужна как идеал, как упрек, как благой пример; если она не такая, ее надобно выдумать.

Ср. 240 - Европа.

/с. 254 (т. II, с. 77)/:

(Трагическая безвыходность состоит именно в том, то та идея, которая может спасти народ и устремить Европу к новым судьбам - невыгодна господствующему классу, что ему, если б он был последователем и смел, выгодно только государство с американским невольничеством!)

NB 254 - Важно для характеристики взгляда Г/ерце/на борьбу классов.

* аристократам, иронич. сокращ. от "aristocrate" (фр.).

/с. 256 (т. II, с. 391-392)/:

В тридцатых годах, совсем напротив, опьянение в власти шло обычным порядком, будничным шагом; (кругом глушь, молчание, - все было безответно, бесчеловечно, безнадежно, и притом чрезвычайно плоско, глупо и мелко. Взор, искавший сочувствия, встречал лакейскую угрозу или испуг, от него отворачивались или оскорбляли его.)

256 - Общество 30-х годов.

/с. 300, 320 (т. II, с. 227, 242)/:

Чем страна свободнее от правительственного вмешательства, чем больше признаны ее права на слово, на независимость совести, тем нетерпимее делается толпа, общественное мнение становится застенком; ваш сосед, ваш мясник, ваш портной, семья, клуб, приход держат вас под надзором и исправляют должность квартального. Неужели только народ, не способный к внутренней свободе, может достигнуть свободных учреждений ? Или не значит ли это наконец, что государство развивает постоянно потребности и идеалы, достижение которых исполняют деятельностью лучшие умы, но которых осуществление несовместимо с государственной жизнью? /.../

Оуена исподволь затянуло илом. Он двигался, пока мог, говорил, пока его голос доходил. Ил, пожимал плечами, качал головой; неотразимая волна мещанства росла, Оуен старелся и все глубже уходил в трясину; мало-помалу его усилия, его слова, его учение - все исчезло в болоте. Иногда будто попрыгивают фиолетовые огоньки, пугающие робкие души либералов - только либералов: аристократы их презирают, попы ненавидят, народ не знает.

NB. О мещанстве крайне важно. 240, 253-4. 300 и 320. Тут ответ Б/елинско/му*.

* Помета относится к нескольким страницам, особенно к с. 300 и 320, поэтому текст этих страниц печатается подряд.

/с. 305 (т. II, с. 231)/:

Итак, Р. Оуен был прав перед разумом; выводы его были логичны и, еще больше, были практически оправданы. Им только недостовело пониманья со стороны слушавших его.

Да в чем же разум? 304-305 - Разум.

/с. 329 (т. II, с. 249)/:

И это не все: мы можем переменить узор ковра. Хозяина нет, рисунка нет, одна основа, да мы одни одинехоньки. Прежние ткачи судьбы, все эти Вулканы и Нептуны, приказали долго жить. Душеприказчики скрывают от нас их завещание, а покойники нам завещали свою власть.

кв - 329 - (Узор ковра).

/с. 329-333 (т. II, с. 250)/:

К тому же, в реальном воззрении есть свой секрет; тот, кто от него сложит руки, тот не поймет его и не примет /.../

330 - (секрет).

/с. 330-331 (т. II, с. 250-251)/:

Есть люди, удовлетворяющиеся малым, с бедными потребностями, с узким взглядом и ограниченными желаниями. Есть и народы с небольшим горизонтом, с странным воззрением, удовлетворяющиеся бедно, ложно, а иногда даже пошло. Китайцы и японцы, без сомнения, два народа, нашедшие наиболее соответствующую гражданскую форму для своего быта. Оттого они так неизменно одни и те же.

330 (идеализм; Европа).

Европа, кажется нам, тоже близка к "насыщению" и стремится, усталая, осесть, скристаллизоваться, найдя свое прочное общественное положение в мещанском устройстве. Ей мешают покойно сложиться монархическо-феодальные остатки и завоевательное начало. Мещанское устройство представляет огромный успех в сравнении с олигархически-военным - в этом нет сомнения, но для Европы, и в особенности для англо-

германской, оно представляет не только огромный успех, но и успех достаточный.

/с. 417 (т. II, с. 283)/:

Английская аристократия на сию минуту от своего могучего и забитого недоросля /народа. - Сост./ ничего не боится; сверх того ее Ахилловы пяты вовсе не со стороны европейской революции.

417 - английский пролетариат - недоросль.

17 апреля 1864 г. (т. 18, с. 116-118)

/с. 411 (т. 18, с. 117)/:

Тогда встал Гарибальди и, с рюмкой марсалы в руках, сказал:

"Я хочу сегодня исполнить долг, который уже давно следовало бы исполнить. Между нами здесь человек, оказавший величайшие услуги и моему родному краю и свободе вообще./.../

кв. Тосты - 411 и след.

2I

Герцен А.И. Сочинения /в I0 т./ /С предисл. /Г.Н. Вырубова/. - Genève etc.: Georg, I879. Т.Х. 437, /2/. - Загол. парал. на фр. яз.: Oeuvres d'Alexandre Herzen.[85]

Д. 6240-I0.

Герцен А.И. Собр. соч. в 30 т., т. II, I2, I4, I6, 20.

Былое и думы. Ч. УШ /Отрывки/ (I865-I868)

/с. 1-100 (т. II, с. 429-5I3)/

/с. 6I (480)/:

Наши друзья до сих пор, несмотря на заносчивую позу, которую многие из них приняли относительно европейских авторитетов, их больше слушают, чем своего брата. Оттого-то я и старался, когда мог, ставить свою мысль под покровительство европейской [illegible].

NB

6I - Европейская [illegible].

/с. 62 (48I)/:

(Если б в европейской народной жизни была одна цель, одно стремление, та или другая сторона взяла бы давно верх. Но так, как сложилась западная история, она привела к вечной борьбе. В основном бытовом факте двойного образования лежит органическое препятствие последовательному развитию.

NB NB

62 и 209 - Замечательное место о борьбе классов. Ср. непременно 209.

62 - классовая борьба, 209.
286 - Idem

крайне довольна важно.

NB

/с. 99-I00 (5I2)/:

А вы, Мацкини, Гарибальди, последние [illegible] божии, последние могикане, сложите ваши руки, успокойтесь. Теперь вас не нужно. Вы свое сделали. Теперь дайте место безумию, бешенству крови, которыми или Европа себя убьет, или реакция. Ну что же вы [illegible] с вашими ста республиканцами и вашими волонтерами, с двумя-тремя ящиками контрабандных ружей? Теперь - миллион отсюда, миллион оттуда, с иголками и другими пружинами. Теперь пойдут озера крови, моря крови, горы трупов... а там тиф, голод, пожары, пустыри.

Не совсем так.

Император Александр I и В.Н. Каразин. П. Письмо В.Н. Каразина Александру I

/с. I43-I56 (т. I6, с. 46-54)/

/с. I52 (50)/:

Он /император. - Сост./ ограничит суетную любознательность: это желание украшать улицы и площади столиц, когда все прочее государство представляет еще бескровные хижины.

Умно.

/с. I54 (5I)/:

Неужели одни только просвещенные столицы имеют право на подобные сим издержки правительства? Неужель не обязано оно готовить жилища будущим родам и..... убежища тем, которые от Запада, вероятно, придут некогда искать у нас отечества?..

? Кого он имеет ввиду?

/с. I57 (53)/:

Он//император/ - Сост./ соединит воина с поселянином и поселянина с прочими состоянiями союзом взаимной пользы /.../

Пахнет Аракчеевскими поселениями!

Император Александр I и В.Н. Каразин. УI. По ту сторону

/с. I85-I90 (т. I6, с. 73-77)/

/с. I90 (77)/:

Кто же будет этот суженый?

Император ли, который, отрекаясь от петровщины, совместит в себе царя и Стеньку Разина? Новый ли Пестель, опять ли Емельян Пугачев, казак, царь и раскольник, или дворок и крестьянин, как Антоний Безлюдинский?

Трудно сказать, это частности, des détails, как говорят французы. Кто б ни был, наше дело - идти к нему навстречу с хлебом и водой!

нв
нв 190 -
Les détails.

Конец и начало

/с. I9I-280 (т. I6, с. I28-I98)/

/с. I99 (I34)/:

(Было время, ты защищал идеи западного мира, и делал хорошо; жаль только, что это было совершенно не нужно. Идеи Запада, т.е. наука, составляла давным-давно всеми признанный майорат человечества. Наука совершенно свободна от меридиана, от экватора, она, как гётевский "Диван" - западно-восточная.)

Ср. его же письмо к Минле[86].

/с. I99 (I35)/:

Искусство - c'est autant de pris*; оно, вместе с зарницами личного счастья, - единственное,

нв
I98 **

* это уже кое-что (фр.).

** Плеханов ошибся. Помета относится к с. I99.

несомненное благо наше; во всем остальном мы работаем или толчем воду для человечества, для родины, для известности, для детей, для денег, и притом разрешаем бесконечную задачу, - в искусстве мы наслаждаемся, в нем цель достигнута, это тоже родина.

Искусство.

/с. 202-204 (I36-I38)/:

Жизнь среднего состояния полна мелких недостатков и мелких достоинств; она воздержана, часто скупа, бежит крайности, излишнего. Сад превращается в огород, крытая соломой изба - в небольшой уездный домик с разрисованными ситами на ставнях, но в котором всякий день пьют чай и всякий день едят мясо. Это огромный шаг вперед, но вовсе не артистический. Искусство легче сживается с нищетой и роскошью, чем с довольством, в котором видны белые нитки, чем с удобством, составляющим цель /.../ Искусству не по себе в опорном, слишком прибранном, расчетливом доме мещанина, а дом мещанина должен быть таков; искусство чует, что в этой жизни оно сведено на роль внешнего украшения, обоев, мебели, на роль шарманки /.../ Но это нисколько не мешает всему образованному миру идти в мещанство, и авангард его уже пришел. (Мещанство - идеал, к которому стремится, подымается Европа со всех точек зрения. Это та "курица во щах", о которой мечтал Генрих IV. Маленький дом с небольшими окнами на улицу, школа для сына, платье для дочери, работник для тяжелой работы, да это в самом деле гавань спасения - havre de grâce! /.../

202 - Искусство.

202 - Мещанство и работник.

Мещанство, последнее слово цивилизации, основанной на безусловном самодержавии собственности, - демократизации аристократии, аристократизация демократии; в этой среде Альманива равен Figaro: сверху все тянется в мещанство, снизу все само падает в него по невозможности удержаться. Американские

Ср. непременно /203/ и /204/ и /25I/ нв

Штаты представляют одно среднее состояние, у которого нет ничего внизу и нет ничего вверху, а мещанские нравы остались. Немецкий крестьянин – мещанин хлебопашества, (работник всех стран – будущий мещанин.)

/.../ (Господство мещанства – ответ на освобождение без земли, на открепление людей и прикрепление почвы малому числу избранных.)

и 263* – тут ответ 268. Ср. 205 NB

/с. 208-209 (141-142)/:

/.../ Прежде были идеалы, верования, слова, от которых билось и простое сердце бедного гражданина, и сердце надменного рыцаря; у них были общие святыни, перед которыми, как перед дарами, склонялись все /.../

Когда Иванов был в Лондоне, он с отчаянием говорил о том, что ищет новый религиозный тип и нигде не находит его в окружающем мире.

NB 208-209 общая религ/ия/ NB 209 – Иванов.

/с. 230 (157)/:

Не оттого ли здесь /в Европе. – Сост./ дети старше своих отцов, старше своих дедов и могут их назвать à la Dumas jun** "блудными отцами", что старость-то и есть главная характеристика теперь живущего поколения? По крайней мере, куда я ни смотрю, я везде вижу седые волосы, морщины, сгорбившиеся спины, завещания, итоги, выносы, концы и все ищу, ищу начал, – они только в теории и отвлечениях.

230 – Блудные отцы 230 – ищет начал.

/с. 247 (173)/:

Одни части рода человеческого достигли соответствующей формы и победили, так сказать, историю; другие в разгаре деятельности и борьбы творят ее; третьи, как недавно обсохнувшее дно моря, готовы

x Да кто же сеет-то? Ср. Маркса NB

* Плеханов описочно написал страницу, надо – 262.

** как Дюма-сын (фр.).

для всяких семян, для всяких посевов[x] и всем дают неистощенную, тучную почву.

Ср. 248[87]

/с. 249 (175)/:

Те, которые отрицают внутреннюю необходимость смерти древнего Рима и находят, что он убит насильственно, забывают одно: что всякая смерть насильственна. Смерть вовсе не лежит в понятии живого организма, она вне его, за его пределом. Старчество и болезнь протестуют своими страданиями против смерти, а не зовут ее, и найди они в себе силы или вне себя средства, они победили бы смерть.

Ответ Чернышевскому[88].

/с. 251 (176)/:

(Между фантастами наверху и дикими внизу колышется среднее состояние, не имея ни силы гордо сказать свое "Я царь!", ни самоотверженья идти в иезуиты или в социалисты.)

251 – Вот разгадка.

/с. 252-253 (177)/:

Революция что могла секуляризовала из катехизиса, но революция так же, как реформация, стояли на церковном погосте /.../ Вольтер, благословивший Франклинова внука "во имя бога и свободы", такой же богослов, как Василий Великий и Григорий Назианзин, только разных толков.

NB. 252 – мещанство. 252 – Вот где мещан/ство/.

/с. 253 (177-178)/:

(Кое-где на вершинах начинается заря нового дня и борется с месячным светом, обличая вопиющее противоречие веры и сознания, церкви и науки, закона и совести, но об этом на долинах не знают. Это для малого числа избранных.

Честный союз науки с религией невозможен, а союз есть; отсюда и делай заключение о нравствен-

253 – К реферату о религии[89]. NB NB NB 253 – Союз религии и

ности, которая основана на таком союзе. Дело в том, что разум, боясь скандала, скрывает свою истину) /.../

науки. NB 252-253.

/с. 255 (179)/:

Политические партии распустились в национальные – это не только шаг за революцию, но шаг за христианство. Общечеловеческие стремления католицизма и революций уступили место языческому патриотизму, и честь знамени осталась единственной, неприкосновенной частью народов.

NB
NB 255 – национализм.

/с. 257 (181)/:

... (В альпийских ледниках всякое лето оттаивает кора льда, но масса его так толста, что осень всякий раз захватывает на полдороге дело лучей солнечных, и кора опять начинает замерзать, – иногда, впрочем, не достигая прежней толщины.)

К работе моей. (NB) 257 – К моей работе: о коре льда (NB) 90.

/с. 259-260 (183)/:

Мир этот /капитализм. – Сост./ не беден и не речист /.../ он не умеет стать во весь рост, во всю толщину и громко сказать народам: "Я – альфа и омега вашего развития; идите ко мне, и я успокою вас, дам что дать можно; но перестаньте толкаться во все двери, которые вам не отпираются, – одни потому, что некому отпереть, другие потому, что никуда не ведут."

Двери.

/с. 268 (189)/:

(Но что вопрос о пролетариате – и тот утих. Голодные сделались ревностными поклонниками чужой собственности, в надежде приобрести свою, сделались тихими машинами индустрии, у которых ропот

268 – Пролетариат – крайне важно. (объясняет его

и негодование сломаны вместе со всеми остальными способностями) /.../

взгляд на пролетариат/).

/с. 275 (195)/:

(Например, факт, что мы, русские, принадлежим и по языку, и по породе к европейской семье, genus europaeum *, и, следовательно, по одним неотъемлемым законам физиологии должны идти по той же дороге. Я не слыхал еще об утке, которая, принадлежа к породе уток, дышала бы жабрами ...)

Ответ Чернышевскому.

/с. 276 (196)/:

Ученый друг, приходящий возмущать покой моей берлоги, признает, как ты видел, за неоспоримый факт, за несомненный физиологический закон, что если Россия принадлежит к европейской семье, то ей предстоит та же дорога и то же развитие, которое совершено романо-германскими народами; но в своде физиологических законов такого § не имеется.

275-6 – Законы физиологии.
NB

/с. 276 (196-197)/:

/.../ (Она /Россия. – Г.В. Плеханов/, вероятно, пройдет и мещанской полосой. Может, народы европейские сами перейдут к другой жизни. Может, Россия вовсе не разовьется, но именно потому, что это может быть – может быть и другое. И тем больше, что в том череду, как стали вопросом, в случайностях места и времени развития, в условиях быта и жизни, в постоянных свойствах характера – бездна указаний.)

276 – Россия пройдет мещанской полосой. Разгадка – 278. Подтверждает мое мнение! Ср. 285 NB
NB Ср. 285.

---

* европейской породе (лат.).

Еще вариации на старую тему

/с. 281-312 (т. 12, с. 423-436)/

/с. 285 (426)/:

Вопрос о будущности Европы я не считаю окончательно решенным /.../ (я не предвижу без страшной кровавой борьбы близкого падения меланства и обновления старого государственного строя.)

NB NB
285 - Падение меланства. Ср. IX, стр. 240, (on liberty)[91] Ср. 286 и 292.

/с. 286 (427)/:

(Не естественно ли в этом положении современному человеку расширить свой взгляд, осмотреться вокруг, изучить, как другие страны, не вовлеченные в смертный бой Европы, относятся к будущему, чего от них можно ждать, куда они тянут и нет ли там глухой, приготовительной работы.)

Кто работает?

/с. 287 (427-428)/:

Мы видим, что все это еще расчистка места, вехи, поставленные для означения арены, и никакая сила не удержит северо-американцев, с их избытком сил, пластицизма, неутомимости, от присоединения центральной Америки и Кубы. В то время как в Европе разваливается Венеция, ниспадает Рим, вянут небольшие города Италии и Испании за недостатком капиталов и рук, за леность и недостатком деятельности, - где-нибудь в Калифорнии, в Гондурасе и Никарагуа в несколько лет пустыни превращаются в поля, починки в города, степи исчерчиваются железными дорогами, капиталы избыточествуют и неутомимая сила республики хватает все далее и далее.

(Что растет, то мно.)

Что же растет?

/с. 291 (431)/:

Порог, за который Европа зацепилась, для нас почти не существует. В естественной непосредственности нашего сельского быта, в нитях и неустоявшихся экономических и юридических понятиях, в смутном праве собственности, в отсутствии меланства и в необычайной усвояемости чужого - мы имеем шаг перед народами вполне оложившимися и устатками /.../

На нашей девственной, несложившейся почве только и есть консервативного, что сельская община, т.е. только то, что следует сохранить.

Какого?

Будто?

NB

Лишние люди и жалчевики

/с. 298-312 (т. 14, с. 317-327)/

/с. 301-303 (319-320)/:

Вспомним, как развились лишние люди /.../ Это уже далеко не те светлые, самонадеянные, восторженные, раскрытые всему миру, какими мы являются при выходе из лицея Пушкин и Пущин. В них уже нет ни горькой, непреклонной, подавляющей отваги Лунина, ни распущенного разгула Колемкина, ни даже светлой грусти Вяземского. Но еще в них хранилась вера, унаследованная от отцов и старших братьев, вера в то, что "она взойдет - заря прекрасного счастья", вера в западный либерализм /.../

Между тем каждое событие, каждый год подтверждал им страшную истину, что не только правительство против них, с виселицами и плахами, с обручем, которым палач сжимал голову Пестеля, и с Николаем, надевшим этот обруч на всю Россию, но что и народ не с ними, или, по крайней мере, что он совершенно чужой; если он и недоволен, то совсем не тем, чем они недовольны. Рядом с этим подавляющим сознанием, с другой стороны, развивалось больше и больше сомнение в самых основных, незыблемых основани-

302
14 декабря и ход идей в России.
NB

Б/олин/-ско/му/.

их западного воззрения. Почва пропадала под ногами; поневоле в таком недоумении приходилось в самом деле идти на службу или сложить руки и сделаться дикарем, праздным!

/с. 312 (327)/:

Пожарьте, что гонитель неправды, обливающий позор и проклятие на современный срам и запустение и в то же время запрятавший в свою шкатулку деньги, либо наворованные у друзей своих, при теперешнем брожении всех понятий, при такой распущенности и удобоне..тительности продажи и наразительнее всех праздных и ленивых людей, неучёных и слабых! — Некрасов.

Еще раз Базаров

/с. 427 - 437 (т. 20, с. 335-350)/

/с. 427 (343)/:

И я глубоко убежден, что мы о детьми Базарова встретимся симпатично, и они с нами – "без озлобления и насмешки". — 427 – о детях Базарова.

22

Добролюбов Н.А. Сочинения. 4-е изд. Спб.: Л.Ф.Пантелеев, 1885. – Т. Ш. VI, /2/, 532 с.[92]

Д. 6256.

Добролюбов Н.А. Собр. соч. в 9-и т., т. 5, 6.

Темное царство. (Сочинения А. Островского. Два тома. Спб., 1859).

/с. I-25 (т. 5, с. 7-139)/

/с. 13 (20)/:

Точно так же реальная критика не допускает и навязывания автору чужих мыслей. Пред ее судом стоят лица, созданные автором, и их действия; она должна сказать, какое впечатление производят на нее эти лица, и может обвинять автора только за то, если впечатление это неполно, неясно, двусмысленно. Она никогда не позволит себе, например, такого вывода: это лицо отличается привязанностью к старинным предрассудкам; но автор выставил его добрым и неглупым, следственно, автор желал выставить в хорошем свете старинные предрассудки. — Крайне важ/но/. Критика Д/обролюбова/. – 13.

Луч света в темном царстве. ("Гроза". Драма в пяти действиях А.Н. Островского. Спб., 1860).

/с. 404-472 (т. 6, с. 289-363)/.

/с. 411 (296-297)/:

В развитии драмы должно быть соблюдаемо строгое единство и последовательность; развязка должна естественно и необходимо вытекать из завязки; каждая сцена должна непременно способствовать движению действия и подвигать его к развязке; поэтому в пьесе не должно быть ни одного лица, которое прямо и необходимо не участвовало бы в развитии драмы, не должно быть ни одного разговора, не относящегося к сущности пьесы.

Это-то вер/но/. ср. 450

/с. 415 (301)/:

Он /Н.Ф. Павлов. - Сост./ говорил: это дурно, потому что много лиц в пьесе, не содействующих прямому развитию хода действия. А ему упорно возражали: да почему же в пьесе не может быть лиц, не участвующих прямо в развитии драмы?

Зачем они?

/с. 417 (303)/:

И если вы хотите живым образом действовать на меня, хотите заставить меня полюбить красоту - то умейте уловить в ней этот общий смысл, это веяние жизни, умейте указать и растолковать его мне: тогда только вы достигнете вашей цели. То же самое и о истиною: она не в диалектических тонкостях, не в верности отдельных умозаключений, а в живой правде того, о чем рассуждаете. /.../

Истина в правде.

Везде и во всем преобладает синтез; говорят заранее: это полезно, и бросаются во все стороны, чтобы прибрать доводы, почему полезно; оглушают вас сентенцией: вот какова должна быть нравственность, - и затем осуждают как безнравственное все, что

не подходит под сентенцию. Таким образом, постоянно и искажается человеческий смысл и отнимается охота и возможность рассуждать каждому самому. Совсем не то выходило бы, когда бы люди приучились к аналитическому способу суждений: вот какое дело, вот его последствия, вот его выгоды и невыгоды; взвесьте и рассудите, в какой мере оно будет полезно.

Ср. В. Майкова.

/с. 418 (304)/:

И мы всегда были того мнения, что только фактическая, реальная критика и может иметь какой-нибудь смысл для читателя. Если в произведении есть что-нибудь, то покажите нам, что в нем есть; это гораздо лучше, чем пускаться в соображения о том, чего в нем нет и что бы должно было в нем находиться.

нв Основания критики Добр/олюбова/. - 418 и 428*

/с. 419-420 (306)/:

Так точно и исторические законы о логическом развитии и необходимом возмездии - представляются в происшествиях частной жизни далеко не так ясно и полно, как в истории народов. Придавать им нарочно эту ясность, значит насиловать и искажать существующую действительность.

А в и/сто/рии /на/родов...**

нв

/с. 420 (306-307)/:

Дело в том, что отношения человеческие редко устраиваются на основании разумного расчета, а слагаются большею частию случайно, и затем значительная доля поступков одних с другими совершается

---

* Помета Г.В. Плеханова относится к двум фрагментам и повторяется нами дважды.

** Последнее слово стерто.

как бы бессознательно, по рутине, по минутному расположению, по влиянию множества посторонних причин. Автор, решающийся отбросить в сторону все эти случайности в угоду логическим требованиям развития сюжета, обыкновенно теряет среднюю меру и делается похож на человека, который все измеряет на maximum *. Он, например, нашел, что человек может без непосредственного вреда для себя работать пятнадцать часов в сутки, и на этом расчете основывает свои требования от людей, которые у него работают. Само собою разумеется, что расчет этот, возможный для экстренных случаев, для двух-трех дней, оказывается совершенно нелепым как норма постоянной работы. Таковым же нередко оказывается и логическое развитие житейских отношений, требуемое теорией от драмы.

/Но/ ведь /сю/жет-то развивается и этими случайностями.

/с. 421-422 (307-308)/:

Мерою достоинства писателя или отдельного произведения мы принимаем то, насколько служат они выражением естественных стремлений известного времени и народа. (Естественные стремления человечества, приведенные к самому простому знаменателю, могут быть выражены в двух словах: "чтоб всем было хорошо". Понятно, что, стремясь к этой цели, люди, по самой сущности дела, сначала должны были от нее удалиться: каждый хотел, чтоб ему было хорошо, и, утверждая свое благо, мешал другим; устроиться же так, чтоб один другому не мешал, еще не умели.)

Что это такое?

Так неопытные танцоры не умеют распорядиться своими движениями и беспрестанно сталкиваются с другими парами, даже в довольно пространной зале /.../ (Начиналась борьба, разнообразная, долгая, большею частию неблагоприятная для новичков: их осмеивали, отталкивали, их осуждали платить издержки праздни-

* высшей мере (лат.).

ка, у них отнимали их дам, а у дам кавалеров, их совсем прогоняли с праздника. Но чем хуже становится людям, тем они сильнее чувствуют нужду, чтоб было хорошо. Лишениями не остановишь требований, а только раздражишь; только принятие пищи может утолить голод. До сих пор поэтому борьба не кончена; естественные стремления, то как будто заглушаясь, то появляясь сильнее, все ищут своего удовлетворения. В этом состоит сущность истории).

нв. 421-422. Сущность истории по Добролюбову.

нв.

/с. 423 (310)/:

Мыслитель, замечая в людях, например, недовольство настоящим их положением, соображает все факты и старается отыскать новые начала, которые бы могли удовлетворить возникающие требования.

Утопический социализм - 423. Утопическ/ий/ социа/лиз/м/.

/с. 424 (311)/:

Но правда есть необходимое условие, а еще не достоинство произведения. О достоинстве мы судим по широте взгляда автора, верности понимания и живости изображения тех явлений, которых он коснулся.

А как же к ней при/д/ти? Устранением /н/ежужного.

/с. 425 (312)/:

Сообразно с широтою взгляда и силою чувства авторов будет разниться и способ изображения предметов и самое изложение у каждого из них.

Не во/ег/да!

/с. 427 (314)/:

Мы говорим обществу: "нам кажется, что вы вот к чему способны, вот что чувствуете, вот чем недовольны, вот чего желаете". Дело общества сказать нам, ошибаемся мы или нет. Тем более в таком случае, как разбор комедий Островского, мы прямо можем положиться на общий суд. Мы говорим: ("вот что автор изобразил; вот что означают, по нашему мне-

427. - Обращение к обществу. ср. п/ро/клама-ции народ/о/-вольцев.

нию, воспроизведенные им образы, вот их происхождение, вот смысл; мы находим, что все это имеет живое отношение к вашей жизни и нравам и объясняет вот какие потребности, которых удовлетворение необходимо для вашего блага*).[x] Скажите, кому же иначе судить о справедливости наших слов, как не тому самому обществу, о котором идет речь и к которому она обращается? Его решение должно быть одинаково важно и окончательно - и для нас и для разбираемого автора.

[x] Это критика жизни, а не..!*

/с. 428 (315)/:

Теперь, объяснившись относительно оснований нашей критики, просим читателей извинить нам длинноту этих объяснений. Их бы, конечно, можно было изложить на двух-трех страницах, но тогда бы этим страницам долго не пришлось увидеть света. Длиннота происходит оттого, что часто бесконечным перифразом объясняется то, что можно бы обозначить просто одним словом; но в том-то и беда, что эти слова, весьма обыкновенные в других европейских языках, русской статье дают обыкновенно такой вид, в котором она не может явиться перед публикой. И приходится поневоле перевертываться всячески с фразой, чтобы ввести как-нибудь читателя в сущность излагаемой мысли.

Цензура.

Основания критики Добр/олюбова/. 418 и 428.

/с. 431 (318)/:

Следя пристальнее за этой мыслью, всматриваясь в нее дольше и глубже, замечаешь, что это стремление к новому, более естественному устройству отношений заключает в себе сущность всего, что мы называем прогрессом, составляет прямую задачу нашего развития, поглощает всю работу новых поколений.

NB.

Прогресс. - 431.

* Текст пометы отрезан.

/с. 432 (319-320)/:

Общее положение отразилось, разумеется, отчасти и на Островском; оно, может быть, во многом объясняет ту долю неопределенности некоторых его пьес, которая подала повод к таким нападкам на него в начале пятидесятых годов. Но теперь, внимательно соображая совокупность его произведений, мы находим, что чутье истинных потребностей и стремлений русской жизни никогда не оставляло его; оно иногда и не показывалось на первый взгляд, но всегда находилось в корне его произведений.

Ср. Чернышевского.

/с. 434 (321)/:

И вот почему мы никак не решаемся считать ненужными и лишними те лица пьес Островского, которые не участвуют прямо в интриге. С нашей точки зрения, эти лица столько же необходимы для пьесы, как и главные: они показывают нам ту обстановку, в которой совершается действие, рисуют положение, которым определяется смысл деятельности главных персонажей пьесы. Чтобы хорошо узнать свойства жизни растения, надо изучать его на той почве, на которой оно растет; оторвавши от почвы, вы будете иметь форму растения, но не узнаете вполне его жизни.

Стало, они нужны для действия.

/с. 447 (335-336)/:

Лицо /Ананий Яковлев - персонаж пьесы А.Ф. Писемского "Горькая судьбина".— Сост./, очевидно, сильное, хотя более в физическом, нежели в нравственном и литературном смысле. Но не эта сила рвется наружу из тайников русской жизни, и не таково должно быть ее проявление. Оттого-то мы вовсе не понимаем, каким образом можно "Горькую судьбину" возвышать над уровнем бесчисленного множества повестей, комедий и драм, обличающих крепостное пра-

"Горькая судьбина" Писемского.

во, тупость чиновничества и грубость русского мужика.

/с. 463 (353)/:

Страшная борьба, на которую осуждена молодая женщина /Катерина. - Сост./, совершается в каждом слове, в каждом движении драмы, и вот где сказывается вся важность вводных лиц, за которых так упрекают Островского.

Значит они не излиш/ни/.

/с. 465 (355)/:

В этих сделках /с совестью. - Сост./ не личности виноваты, а те понятия, которые им вбиты в голову с малолетства и которые так часто противны бывают естественному ходу живых стремлений души. Пока эти понятия не выгнаны из общества, пока полная гармония идей и потребностей природы не восстановлена в человеческом существе, до тех пор подобные сделки неизбежны.

465 - Фурье и Гельвеций. нв.

23

Добролюбов Н.А. Сочинения /2-е изд. - Спб.: тип. Н.А.Неклюдова, 1871./- Т. IУ. IX, /I/, 766, /I/ с.93

Д. 6255.

Добролюбов Н.А. Собр. соч. в 9-и т., т. 4, 7

Роберт Овен и его попытки общественных реформ /с. 24-70 (т. 4, с. 7-47)/

/с. 45 (26)/:

/.../ Он /Р. Оуэн. - Сост./ сочинил, между прочим, следующий, может быть и справедливый, но несколько странчый силлогизм: "Что могло однажды образоваться и осуществиться в логических построениях мысли человека, то не может уже быть признано невозможным в мире и должно, рано или поздно, непременно найти свое осуществление и в фактах действительной жизни"x). Подкрепляемый такой мыслью, Овен смело и открыто вступил в борьбу за свои идеи /.../

нв x) Основа всего утопич/еского/ социализма.

/с. 55-56 (35-36)/:

Более серьезное и действительное участие принимал Овен в предприятии, которое образовалось под именем "Правильного обмена народного труда" /.../ Осуществление этой мысли сильно занимало

Овена, и он придумал даже род кредитных билетов, в которых счет составляется не рублями, а часами работы. Несколько позднее то же самое предлагалось во Франции, в "Banque d'échange"*, придуманном Прудоном. В последнее время сами экономисты склоняются несколько к этой мысли.

Ср. Маркса[94].

/с. 58-59 (37-38)/:

"Манифест Роберта Овена,
основателя системы разумного общества и религии

I. Система общественного устройства, господствовавшая до нашего времени, имеет своим источником призрачные понятия, которые произошли от первобытного, грубого состояния человеческого ума, лишенного основательных знаний.

II. Все внешние обстоятельства, управляющие миром, суть произведение человека и носят на себе отпечаток этих первобытных, несовершенных понятий.

III. Опыт с очевидностью доказывает всякому тщательному и мыслящему наблюдателю плачевную ложность этих первоначальных, грубых понятий. В предшествующие века, которые справедливо можно назвать неразумным периодом человечества, человек был ими обманут насчет своей собственной натуры и доведен до того, что стал самым непоследовательным и несовершенным из всех существ /.../

58 - фил/о-софия/ истории Р. Овена и Добролюбова[95].

IX. Эта новая система откроет людям глаза на прошедшее и настоящее развращение человеческого рода, на безумие и ложность наших учреждений, на настоятельную потребность изменить все эти внешние обстоятельства и принять другие учреждения, основанные на дознанных фактах и сообразные с нашей натурой. По этим последним признакам всякий человек может отличить истину от лжи /.../".

Ср. Михайловского[96].

* "Обменный банк" (фр.).

Стихотворения Михаила Розенгейма. Спб., 1858
/с. 355-383 (т. 7, с. 281-306)/

/с. 362 (287)/:

Покажем народам чудесный пример
Развития в недрах закона,
Без ложных стремлений, без вздорных химер,
Под сенью могучего трона.

NB
362 - Развитие в недрах закона.

/с. 364 (288)/:

Если зол ты на свет, точно правду любя,
То не тронь в нем порядок вещей;
Но исправь-ко сперва, мой почтенный, себя,
Отучи от неправды людей...

364 - Толстой = Розенгейм[97].

24

Писарев Д.И. Сочинения: Полн. собр. в 6-и т. - Спб.: Ф.Павленков, 1894.- Т.1. /4/ с., 636 стб. 98

Д. 6305.

Процесс жизни: Физиологические письма Карла Фохта.

/стб. 307-332/

/стб. 310-311/:

(Естественные науки не то, что история, совсем не то, хоть Бокль и пытается привести их к одному знаменателю. В истории все дело в воззрении, в гуманной личности самого писателя; в естественных науках все дело в факте;) /.../ Рассматривая прошедшую жизнь человечества, я непременно становлюсь к ее проявлениям в те или другие отношения; если же у меня нет никаких отношений к прошедшим событиям, тогда становится непонятным, для чего же я их рассказываю /.../ История есть осмысление события с личной точки зрения автора; каждая политическая партия может иметь свою всемирную историю, и действительно имеет ее, хотя конечно не все эти истории записаны, точно также, как всякая философская школа имеет свой философский лексикон.

310 - "Суб/ъективный/ метод".

Субъективный метод.

Схоластика XIX века.

/стб. 331-402/

Писарев Д.И. Соч., т. I, с. 97-199.

/стб. 347 (с. 110)/:

(Вместо того чтобы проповедовать голосом вопиющего в пустыне о вопросах народности и гражданской жизни, о которых молчит изящная словесность, обладающая большим тактом, наша критика сделала бы очень хорошо, если бы обратила побольше внимания на общечеловеческие вопросы, на вопросы частной нравственности и житейских отношений. В уяснении этих вопросов нуждается всякий; эти вопросы затемнены и запутаны разным старым хламом, который не мешало бы отодвинуть в сторону, чтобы всем и каждому можно было непредубежденными глазами взглянуть на свет божий и на добрых людей.)

98

347 - Частная жизнь.

25

Писарев Д.И. Сочинения: Полн. собр. в 6-и т. - Спб.: Ф.Павленков, 1894 - Т.II. /4/ с., 616 стб. Д. 6305.

Русский Дон-Кихот. (Сочинения И.В. Киреевского, I и II т. Москва. 1861 год.)

/стб. 215-234/

Писарев Д.И. Соч., т.I, с. 320-337.

/стб. 220 (с. 325)/:

Замечательно, что масса читателей обыкновенно ощущает мыслителя только в каком-нибудь одном, часто очень узком, часто чрезвычайно широком применении его идеи. Масса берет только практический вывод и обыкновенно делает этот вывод так смело и так резко, что сам мыслитель путается и пятится назад.

219* – Лавров (судьба его писем).
220 – о Лавровских "Истор./ических/ Письмах"[99].

/стб. 230 (с. 334)/:

Направление, по которому пошел Киреевский после своего двенадцатилетнего бездействия, называется православно-славянским. Задатки этого направления заключаются еще в основных положениях его статьи "Девятнадцатый век", но эти положения

Нв
230 – Важно для характе-

* Г.В. Плеханов ошибся в обозначении страницы, надо: 220.

получили полное развитие и принесли обильные плоды впоследствии, в его ответе Хомякову, в письме к графу Комаровскому, в критических статьях, помещавшихся в "Москвитянине", и в последней его философской статье, украсившей собою страницы покойной "Русской беседы".

р./истики/ Киреевского.

/стб. 233 (с. 336)/:

Из следующих слов его /И.В. Киреевского. - Сост./ мы узнаем, что мы еще не совсем погибли, что и для нас есть возможность к спасению:

Но корень образованности России живет еще в ее народе, и, что всего важнее, он живет в его святой, православной церкви. Потому на этом только основании, и ни на каком другом, должно опять воздвигнуто прочное здание просвещения России... Построение же этого здания может совершиться тогда, когда тот класс народа далеко, который не исключительно занят добыванием материальных средств жизни и которому, следовательно, в общественном составе преимущественно предоставлено значение - вырабатывать мысленно общественное самосознание, - когда этот класс, говорю я, до сих пор проникнутый западными понятиями, наконец полнее убедится в односторонности европейского просвещения; когда он живее почувствует потребность новых умственных начал; когда с разумною жаждой полной правды он обратится к чистым источникам древней православной веры своего народа и чутким сердцем будет прислушиваться к тем еще отголоскам этой святой веры отечества в прежней, родимой жизни России /.../ А в прежней жизни отечества своего он найдет возможность понять развитие другой образованности.

Лавров.
Нв

233 – ср. Лаврова.

26

Писарев Д.И. Сочинения: Полн. собр. в 6-и т. - Спб.: тип. П.П.Сойкина, 1894. - Т. Ш. /4/ с., 598 стб.[100]

Д. 6305.

Наша университетская наука. Университет.

/стб. I-IIO/

Писарев Д.И: Соч., т. 2, с. I27-227.

/стб. 22-23 (с. I46)/:

Воя /Иронианского, т.е. М.М. Стасюлевича. - Сост./ лекция /о Маколее. - Сост./ произвала на слушателей самое стройное впечатление, несмотря даже на то, что Иронианский, ради заграничности и щегольства, называл Маколея - Мэкаулей. Через несколько времени после этого Иронианский с большим успехом прочел в большой университетской зале, при значительном стечении публики, две публичные лекции о состоянии французских провинций при Людовике XIУ. Источником своим он объявил сочинение Фленье: "Le grands jours d'Auvergne" *. Публика осталась очень довольна, и действительно во всем, что я до сих пор рассказал, нельзя заметить ровно ничего предосудительного. Но "мой злобный гений" непременно хотел превратить меня

Стасюлевич -

* "Чрезвычайное заседание королевского суда в Оверни" (фр.).

в скептика. Случилось мне купить одну французскую книжку: "Essais de critique et d'histoire par H. Taine" ("Исторические и критические опыты" Тэна). В этой хорошей книжке заключались статьи о Гизо, о Мишле, о Теккерее, о Монталамбере, и между прочим, о Маколее и о Фленье. Когда я добрался до Маколея, то изумлению моему не оказалось границ. Читая и глазам не верю: она, она, моя голубушка, блестящая лекция Иронианского о Маколее; те же идеи, тот же порядок изложения, те же цитаты /.../

27

Писарев Д.И. Сочинения: Полн. собр. в 6-и т. - Спб.; Ф. Павленков, 1894 - Т.IУ. /4/ с., 598 стб.

Д. 6305.

Кукольная трагедия с букетом гражданской скорби.

/стб. 147-196/

/стб. 195/:

Пушкин был без сомнения человек очень умный, и стих его был очень легок, .. образы очень картинны, но когда вы видите, что весь восьмой том сочинений Белинского посвящен оценке Пушкина, то вам становится обидно за Белинского и вам невольно приходит в голову, что эта честь слишком велика для Пушкина и что силам великого и серьезного критика негде развернуться в эстетическом разборе красивых произведений остроумного русского барина.

195 - Пушкин = барин. НВ

Промахи незрелой мысли

/стб. 197-246/

Писарев Д.И. Соч., т.3, с. 139-184.

/стб. 207 (с. 148)/:

Он /Николай Иртеньев. - Сост./ счастлив, потому что величайшее счастье, доступное человеку,

207 - Счастье.

состоит в том, чтобы влюбиться в такую идею, которой можно посвятить безраздельно все свои силы и всю свою жизнь.

НВ

/стб. 213 (с. 154)/:

Превосходным я называю только тех людей, которые развернули вполне и достойно употребляют на полезную работу все способности, полученные от природы.

213 - Превосходный человек оригинальное. 214* - превосходный человек.

/стб. 225 (с. 164-165)/:

Но (в ту минуту, когда совершается грязное и бесчестное насилие, порядочный человек невольно отвернется от мерзавца, для того чтобы не плюнуть ему в лицо. Но Иртеньев, повидимому, так мало поражен избиением Васьки, что в самую минуту этого события все его внимание обращено исключительно на игру лицевых мускулов в физиономии Нехлюдова. Замечая в этих мускулах быстрое передвижение, вследствие которого скотское выражение бешенства переходит в гримасу слезливого раскаяния, Иртеньев совершенно забывает об участи Васьки, у которого в это время, по всей вероятности, лицевые мускулы также находятся в сильном движении и у которого, кроме того, созревают на черепе синяки и кровяные шишки. Иртеньев начинает соболезновать не о том, кого избили, а о том, кто бил.)

225 - Толстому 101.

/стб. 242 (с. 180) /:

Этот зрелый мужчина, встречаясь с каким-нибудь проявлением человечности, говорит самому себе совершенно спокойно: знаю я эту штуку и корень ее знаю, и работаю я против нее так и так. А негодовать я

* Г.В. Плеханов ошибся в обозначении страницы; надо: 214.

не намерен, да и разучился я заниматься этим пустым делом. Негодование есть мимолетный взрыв чувства, а я вовсе не намерен тратить мое чувство на пускание таких мильных пузырей. Мое чувство есть сила, приводящая в движение весь мой организм, и эта сила приложена навсегда к той работе, которую я себе выбрал. Чувство негодующих людей есть то крошечное количество пара, которое черт знает зачем поднимает кверху крышку кипящего самовара. А мое чувство есть тот же пар, но только проведенный в такую благоустроенную машину, которая поднимает тяжести и вертит колеса.

242 - Варв[102].

28

Писарев Д.И. Сочинения: Полн. собр. - Спб.: Ф.Павленков, 1894.-Т.У./4/ с., 588 стб.[103]

Д. 6305.

Пушкин и Белинский.

/стб. I-I22/

Писарев Д.И. Соч., т. 3, с. 306-417.

/стб. 30-3I (с. 333)/:

Разве в самом деле надо быть героем, чтобы уметь любить своего друга и чтобы не убивать собственноручно, из низкой трусости, тех людей, которых мы любим всем сердцем? /Речь идет о дуэли Онегина и Ленского. - Сост./. Высказывая ту дикую мысль, что эти отрицательные подвиги доступны только героям, Белинский унижает человеческую природу и без всякой надобности является защитником нравственной гнилости и трусливости. А вводит его в этот тяжелый грех его крайняя впечатлительность, подкупленная тем обстоятельством, что "подробности дуэли Онегина с Ленским - верх совершенства в художественном отношении". Если бы Белинский потрудился задать себе вопрос, на что потрачено это художественное совершенство и к чему оно клонится, то он немедленно убедился бы в том, что за такие художественные фокусы надо не превозносить, а строго порицать поэта. Фанатические драмы Кальдерона могли быть превосходны в художественном отношении, но влияние их на ис-

Тайна нападок Писарева на Пушкина?

панское общество было во всяком случае отвратительно.

/отд. 68 (с. 368)/:

Но чтобы показать солидным людям, что Белинский еще не совсем пропащий человек, и чтобы напомнить несолидным мальчикам и девчонкам, что Белинский еще не совсем последовательный реалист, я прошу господ читателей, солидных и несолидных, отыскать в том же УШ томе и в той же критической статье страницу 352, на которой изображены следующие строки:

Каждое поэтическое произведение есть плод могучей мысли, овладевшей поэтом. Если б мы допустили, что эта мысль есть только результат деятельности его рассудка, мы убили бы этим не только искусство, но и самую возможность искусства.

68 – Убийство искусства.

/с. 71 (370-371)/:

(Такой человек, к которому заходят в голову умные мысли, который умеет задерживать и разрабатывать эти мысли в своей голове и который, посредством упражнения, сделался мастером словесных дел, такой человек, говорю я, может, если только пожелает, сделаться поэтом, то есть создать несколько произведений, которые подействуют на читателей так точно, как действуют на них произведения, созданные настоящими, патентованными поэтами.)

Риторика?

/отд. 73 (с. 373)/:

И различие между поэтами и не поэтами, которое хотят установить эстетики и вместе с ними до-му-эстетик Белинский, оказывается пустым схоластическим обманом.

73 – Белинский-полуэстетик.

/отд. 77 (с. 376)/

Как маленький и миленький Пушкин не способен не только вставить свое слово в разговор важных господ, но даже и понять то, о чем эти господа между собою толкуют.

77 – "Маленький и миленький Пушкин".

/отд. 78 (с. 376)/:

Представьте на себе, что отзыв Белинского о Пушкине совершенно равносилен этому отзыву ближних друзей о господине, одетом по последней моде: Пушкин – художник и больше ничего! Это значит, что Пушкин пользуется своей художественной виртуозностью как средством посвятить всю читающую Россию в печальные тайны своей внутренней пустоты, своей духовной нищеты и своего умственного бессилия.

78 – художественная виртуозность Пушкина? нв

/отд. 93 (с. 391)/:

(В стихотворении "Поэт" мифологический язык оказал Пушкину драгоценную услугу. Попробуйте читать из этого стихотворения Аполлона, и все стихотворение окажется несуществующим, потому что тогда немедленно откроется вся его бессмысленность.) /.../ (Аполлон призывает поэта к священной жертве, божественный глагол касается до чуткого слуха – это, конечно, только поэтические образы или, вернее, аллегорические обороты речи, но именно только эти аллегорические обороты могут до некоторой степени заслонить как от самого автора, так и от читателя совершенную несостоятельность основного мотива.)

Будто? ср. школы Пушкина?

Будто!!

/отд. 94 (с. 391)/:

Вся теория, очень любезная многим поэтам и превращающая поэта в совершенно исключительное существо, не похожее на обыкновенных людей, выразилась чрезвычайно ярко в той фикции, что Аполлон

требует поэта к священной жертве. Эта функция оказывается не переводимой на обыкновенный человеческий язык, потому что в действительной жизни нет такого процесса, который соответствовал бы призванию поэта к священной жертве.

Есть, см. Пушкина.

/отб. 94-95 (с. 392)/:

(Поэт, как и всякий другой человек, нуждается в отдыхе, но отдых, то есть полоса бездействия, необходимая для восстановления потраченных сил, не имеет ни малейшего сходства с малодушным погружением в суетные заботы света. Это мало умное погружение для каждого умного и замечательного человека бывает обыкновенно гораздо изнурительнее, чем самый напряженный процесс творчества.)

Ср. Некрасова. Посвящение из Мороза Красного носа[104].

/отб. 97 (с. 394-395)/:

(Живя в таком обществе, которое отрицает рабство и, следовательно, по всем приказам здоровой логики, принуждено относиться серьезно и благоразумно к человеческому труду, поэт постоянно должен отдавать себе самый строгий отчет в том, зачем он посягает на труд наборщиков, печатников, корректоров, переплетчиков, разносчиков; зачем он посягает на время и на деньги своих читателей, то есть также на труд этих читателей или каких-нибудь других людей, находящихся от них в экономической зависимости, и, наконец, зачем он сам тратит свое время и свой труд, которые он мог бы употребить на какое-нибудь дело, выгодное для него самого и полезное для общества?)

Да ведь рабство было в 1828 году в России.

/отс. 96 (с. 395)/:

(Усерднейший адвокат рассеянного брюзжания, Пушкин жестоко черкал и перемарывал свои рукописи, что уже нисколько не похоже ни на рассеянное брюзжание, ни на бессознательное творчество.)

Да ведь рассеянность есть результат сосредоточенности,

/отб. 99 (с. 396)/:

(Пушкин говорит, что поэту бессмысленно внимал хладный и надменный народ. Все три ругательные эпитета, которыми охарактеризован народ, не только сами по себе нелепы, но даже совершенно противоречат тем чертам, которыми сам же Пушкин обрисовывает народ в том же стихотворении. /.../ Что народ не может быть назван хладным, - видно из того, что он поддается влиянию даже той песни, которой бесцельность он сам замечает и осуждает. Народ говорит о поэте: "зачем сердца волнует, мучит, нам своенравный чародей". Если народ чувствует в своем сердце волнения и мученья в такой сильной степени, что даже уподобляет поэта своенравному чародею, то где же та хладность, в которой упрекает его Пушкин?)

Да слово надменный именно и показывает, что речь идет не о крестьянах.

А. де Виньи сам Джон Белль мог бы упрекнуть в том же[105].

/отб. 100-101 (с. 397-398)/:

(Если бы он /поэт. - Соот./ пел о правах и обязанностях человека, о стремлении к светлому будущему, о недостатках современной действительности, о борьбе человеческого разума с вековыми заблуждениями, о сознательной любви к отечеству и к человечеству, о значении того или другого исторического переворота, - то, разумеется, его пение волновало и мучило бы сердца, но в то же время самый тупой, самый хладный, надменный и бессмысленный народ не мог бы упрекнуть это пение в том, что оно ничему не учит, не ведет ни к какой цели и не приносит никакой пользы.)

Есть два способа бороться с недостатками действительности: погрузиться в искусство или реформировать общество. Какой способ торжествует - решает сама действительность в своем развитии. Да польза-то в этом "народ" не видал-бы.

/отб. 101 (с. 398)/:

(Эротические песни находят себе обыкновенно многочисленных и усердных слушателей; если же эротическая песня пушкинского поэта казалось народу бездарностью и если он вместо нее требовал себе такого пения, которое вело бы его к известной цели и приносило бы ему осязательную пользу, если он не довольствовался тем, что доставляло его чувственность, то надо сознаться, что поэт имел дело с такой средой, которая стояла на необыкновенно высокой степени умственного развития и отличалась замечательно серьезным и разумным взглядом на жизнь.) /.../ (Потрудитесь найти, кроме эротической песни, какую-нибудь песнь, которая могла бы волновать и мучить сердце, не удовлетворяя в то же время всем требованиям утилитарного взгляда на жизнь.[+])

Ср. положение Ж. Занд в обществе 30-х годов.

[+] Почти все те вопросы, которые затрагивались романтиками. Буржуа волновался, чувствуя, что молодежь права.

/отб. 103 (с. 399-400)/:

(Он ничего не отрицает, - говорит Белинский о Пушкине, - ничего не проклинает, на все смотрит с любовью и благословением...)/.../ (Все эти сладкие слова Белинского превращаются в жесточайшую иронию, когда вы ставите их рядом со словами самого Пушкина, взятыми из того стихотворения, которое сам же Белинский считает его "поэтическим profession de foi"[*]. Он ничего не отрицает и не проклинает - кроме всего трудящегося человечества.)

Да вовсе не трудящееся человечество.

/отб. 105 (с. 401)/:

01 (как только тупая чернь ясно сформулировала свои требования, как только обнаружился сильный запрос на обличительный товар, на прогрессивные

[*] Исповедание веры, кредо (фр.).

стремления и на гражданские чувства, - так тотчас самые эфирные мотыльки нашего поэтического вертограда, наперерыв друг перед другом, стали прикладывать к делу русскую поговорку: "Куда конь с копытом, туда и рак с клешней":)...[*] И никому из жрецов чистого искусства не пришло в голову крикнуть печатно: "молчи, бессмысленный народ!" Ни у кого не хватило храбрости открыто и решительно пойти против течения.)

Да отчего не хватило-то? Это и Теофиль Готье[106] не мог не ругать коммунаров.

/отб. 107 (с. 403)/:

(В стихотворении Пушкина) ...[*] (поэт торжественно отказывается от популярности, громко проклинает тупую чернь и погружается в одинокое созерцание чистой красоты, понятной только для посвященных. Эта совершенно вненаходимая развязка объясняется очень легко и совершенно удовлетворительно тем обстоятельством, что общество, в котором жил Пушкин, спало мертвым сном)...[*] (Можно предположить даже, что все стихотворение Пушкина было вызвано какой-нибудь тупой и пошлой критической статьей Булгарина, упрекавшего его в безнравственности и требовавшего от него поучительных стихов и медоточивых рассказов. Булгарин или какой-нибудь другой артист того же достоинства, по всей вероятности, показался Пушкину представителем массы и проводником ее умственных требований; дрянное пополанство булгаринской клики к пошлой нравоучительности принято Пушкиным за чистейшее выражение принципа утилитарности. Это предположение в высшей степени правдоподобно, потому что действи-

Истории романтизма доказывает, что правдоподобна.

Писарев сам догадывается в чем дело.

[*] Отточие поставлено Г.В. Плехановым.

только во времена Пушкина в нашей литературе не было еще ни одного писателя, который постоянно и добросовестно защищал бы интересы масс и смотрел бы с чисто утилитарной точки зрения на все явления жизни, науки и искусства. Значит,* Пушкин, ругая чернь и гнушась над идеею пользы, ратует против таких вещей, которых он никогда не видал в глаза,)

Как же это значит, да ведь чернь - это Булгарин[107]?

/отб. III (с. 407)/:

(Тому гробу, который просил у Пушкина позволения быть, и всем другим, подобным ему, гробам любезный поэт великодушно советует обратиться за умственным и нравственным совершенствованием к бичам, к темницам и к топорам:

Для вашей глупости и злобы
Имели вы до сей поры
Бичи, темницы, топоры; -
Довольно с вас, рабов безумных!)

Справедливо ли это? Великий чувствует, что нет!

/отб. II3 (с. 408-409)/:

Объявили категорически, что поэты рождены не для битв. Пушкин в то же время пишет свои два слишком известные стихотворения: "Клеветникам России" и "Бородинская годовщина". И он не только написал и напечатал эти два, в буквальном смысле слова, воинственные стихотворения, но даже сам придавал им серьезное европейское значение. "Пушкин, - говорит г. Анненков, - вырезал во французском письме к князю Н.Б. Голицыну (переводчику по-французски "Черниговца" Козлова и пьесы "Клеветникам России") чувства, одушевлявшие его во время создания самого стихотворения:) /.../ ("Тысячу раз благода-

Ответ см. в истории Готье. Он готов был писать воинственные стихотворения против немцев.

* Вопросительный знак поставлен Г.В. Плехановым.

ру вас, любезный князь, за ваш неправленный перевод моего стихотворения, направленного против врагов нашей земли ... Зачем не перевели вы его вовремя? - Я бы переслал его во Францию, чтобы ударить по носу всех этих крикунов Палаты депутатов"))...*

(Но как же мы, однако, ухитримся помирить воинственный азарт Пушкина с тем категорическим объявлением, что поэты рождены не для битв?)

/отб. II6 (с. 4II)/:

Тот факт, что читающая масса значительно охладела к Пушкину во время последнего десятилетия его литературной деятельности, не подлежит ни малейшему сомнению. Об этом факте говорят очень откровенно и Белинский, и Гоголь, и г. Анненков, и все прочие обожатели Пушкина. Стало быть, поэт гонит от себя чернь задним числом, то есть тогда, когда она сама удалилась от него и когда он увидел свою неспособность воротить ее назад.

Но когда написано стихотворение/ние?/

Исторические идеи Огюста Конта

/отб. 3I3-464)

/отб. 439/:

Мне случалось никогда слышать и читать рассуждения о том, что когда человек умирает с голоду, тогда ему нет никакого дела до политических прав и гарантий. Рассуждения эти основательны. Когда человек буквально умирает от голода или от чего-нибудь другого, например, от водяной или чахотки, - тогда ему действительно нет никакого дела ни до конституции, ни до митингов, ни до habeas corpus**,

ив

* Наружные скобки и отточие поставлены Г.В. Плехановым.

** "Хабеас корпус" (лат.) - начальные слова закона о неприкосновенности личности.

ни до свободы печати. Но когда человек жив и до некоторой степени здоров, когда он бьется, как рыба об лед, когда он старается всеми силами улучшить свое положение и отбиться от гнетущей бедности, тогда для него имеет огромное значение законы и обычаи той земли, в которой ему приходиться жить и действовать.

439 – Политика очень важно. ср. с Белинским.

Популяризаторы отрицательных доктрин.

/стб. 485-525/

Писарев Д.И. Соч., т. 4, с. 140-194.

/стб. 474 (с. 148)/:

В том же 1886 году появилась книга Фонтенеля "Entretiens sur la pluralité des mondes" ("Разговоры о множестве миров"). Эта книга развивала в популярной форме те самые мысли, за которые в начале XVII столетия сгорел на костре Джордано Бруно. Фонтенель старался провести в сознание всего читающего общества астрономические открытия Коперника и философские идеи о природе, созданные творческой фантазией Декарта.

474 – Фонтенель.

/стб. 484 (с. 157)/:

Когда Вольтер уклоняется от той чаши, которую Гус спокойно и смело выпивает до дна, тогда Вольтера заподозривают и обвиняют в недостатке мужества и честности. Это совершенно несправедливо. Утилитариста невозможно мерять тою мерою, которая прилагается к мистику.

484 – Утилитарист и мистик.

29

Чернышевский Н.Г. Полное собрание сочинений в 10-ти т. /С 4 портр. - Спб.: М.Н.Чернышевский, 1906. - Т.I. С портр. авт. 1853 г. IV, 476 с.

108

Д. 6346.

Чернышевский Н.Г. Полн. собр. соч. в 15-ти т., т. 2

О поэзии. Сочинение Аристотеля. Перевел, изложил и объяснил Е. Ордынский. Москва. 1854

/с. 26-27 (263-268)/

/с. 28 (265-266)/:

(Словом: нам кажется, что весь спор против эстетики основывается на недоразумении, на ошибочности понятий о том, что такое эстетика и что такое всякая теоретическая наука вообще. История искусства служит основанием теории искусства, потом теория искусства помогает более совершенной, более полной обработке истории его; лучшая обработка истории послужит дальнейшему совершенствованию теории, и так далее, до бесконечности будет продолжаться это взаимодействие на общую пользу истории и теории, пока люди будут изучать факты и делать из них выводы, а не обратятся в ходячие хронологические таблицы и библиографические реестры, лишенные потребности мыслить и способности соображать. Без истории предмета нет теории предмета; но и без теории предмета нет для мысли

Эстетика

о его истории, потому что нет понятия о предмете, его значении и границах.)

/с. 30 (268)/:

(Платон уличает искусство в бедности, слабости, бесполезности, ничтожестве. Его сарказмы жестоки и метки; может быть, односторонни, особенно для нашего времени, но во многом справедливы и благородны при всей своей односторонности.)

Платон.

/с. 31 (269)/:

"Искусство - забава": этим решено для Платона всё. А что он не клеветал на искусство, признавая его забавой, лучше всего свидетельствует нам один из серьёзнейших поэтов, Шиллер, конечно, не враждебными глазами смотревший на свое искусство: Кант, по его мнению, совершенно справедливо называет искусство игрой (или забавой, das Spiel), потому что "только игрой, человек вполне человек".

нв
Игра не всегда праздная забава.

/с. 34 (273)/:

(Искусство или, лучше сказать, поэзия (одна только поэзия, потому что другие искусства очень мало делают в этом отношении) распространяет в массе читателей огромное количество сведений и, что еще важнее, знакомство с понятиями, вырабатываемыми науков, - вот в чем заключается великое значение поэзии для жизни.*)

34. - Поэзия - самое серьезное из искусств.

/с. 38 (277)/:

/.../ (но при всей своей гениальности, часто он /Аристотель. - Сост./ впадает в мелочность от всегдашнего своего стремления найти глубокое философское объяснение не только главным лицевым, но

* Внешние скобки принадлежат Г.В. Плеханову, внутренние поставлены Н.Г. Чернышевским.

и всем их подробностям. Это стремление, выразившееся в законе одного новейшего философа, современника Аристотеля: "все действительное разумно и все разумное действительно", часто заставляло обоих мыслителей придавать важное значение мелочным фактам только потому, что эти факты хорошо подходили под их систему).

нв

38 - Гегель.

/с. 38-39 (278)/:

Действительно, и Платон и Аристотель считают истинным содержанием искусства, и в особенности поэзии, вовсе не природу, а человеческую жизнь. Им принадлежит великая честь думать о главном содержании искусства именно то самое, что после них высказал уже только Лессинг и чего не могли понять все их последователи.

Природа.

/с. 39 (278)/:

/.../ он /Лессинг. - Сост./ говорил о том, что живая действительность должна служить материалом и образцом для художника, а не о "салах", которые воспевал Делиль, и не об "озерах", которые описывались Уордсвордом и Уильсоном с братией.

Ср. Буало[109].

/с. 42 (282)/:

Аристотель, которому понятие "рока" было гораздо ближе, нежели нам, ничего не говорит о внешательстве судьбы в участь героев трагедии /.../ И Аристотель совершенно справедлив, не вводя "судьбы" в понятие трагического: это внешняя, посторонняя сила только ослабляет внутреннюю связь событий/...

Рок.

нв

/с. 43 (283)/:

Не следует ли и нам, по его /Аристотеля. - Сост./ прекрасному примеру, без ложного подобо-

страстия смотреть на Шекспира? /.../ Может быть, уже не столь естественно отдавать Шекспиру бесконтрольную власть над нашими эстетическими убеждениями и, кстати и некстати, приводить в пример всего прекрасного его трагедии, находя в них все прекрасным.

Шекспир.

О земле, как элементе богатства. А. Львова. Москва. 1853

/с. 131-139 (388-399)/

/с. 134 (392)/:

Но напрасно г. Львов думает, что эти господа /Представители вульгарной политической экономии. - Сост./ смешивают науку с искусством: от Жана-Батиста Са, резко сказанного, что "наука политической экономии только описывает, а не хочет давать советов", насквозь прониклись этою основною мыслью люди, изучившие наизусть его творения/.../

Объективизм Ж. Б. Са.

/с. 137 (396/:

Итак, вывод Рикардо надобно дополнить таким образом: разница между низшею и высшею рентою действительно определяется разницею доходов от земли; но низшая рента определяется излишком дохода с наихудших земель перед суммою, необходимою для покрытия издержек земледелия, и земли самого низшего сорта из удобных к возделыванию приносят ренту (Рикардо опустил это из виду) там, где цена хлеба определяется не издержками производства, а стоит (по излишку населения или другим причинам) выше их; и суммою этой ренты увеличивается и рента со всех других земель. Таково положение Англии, Франции и проч.

Абсолютная рента.

137 - Абсолютная рента.

Об искренности в критике

/с. 140-158 (241-262)/

/с. 148 (250)/:

Ведь все согласны, что, например, так и случилось в "Бедность не порок": Любим Торцов, беспутный пьяница с добрым, любящим сердцем - лицо, сходных с которым найдется в действительности очень много; а между тем "Бедность не порок" в целом - произведение в высшей степени фальшивое и приукрашенное /.../

148 - Островский.

/с. 151 (254)/:

Критика есть суждение о достоинствах и недостатках какого-нибудь литературного произведения. Ее значение - служить выражением мнения лучшей части публики и содействовать дальнейшему распространению его в массе. Само собою разумеется, что эта цель может быть достигаема сколько-нибудь удовлетворительным образом только при всевозможной заботе о ясности, определенности и прямоте.

151 - Задача критики.

Сочинения Пушкина с приложением материалов для его биографии, портрета, снимков с его почерка и его рисунков и проч. Издание П.В. Анненкова. Спб. 1855

/с. 245-330 (424-516)/

/с. 275 (456)/:

(Пути и проявления жизни бесконечно разнообразны; можно только находить общие элементы, участвующие в созданиях жизни, но нельзя сказать: такого-то рода деятельность всегда, во всем и у всех должна быть под исключительною властью такого-то правила: всегда и во всем могут быть случаи, когда самое общее, самое непреложное правило встречает-

- на Дилетантизм.
275 - Дилетантизм.

ся с другими законами жизни, отнимающими у него исключительное господство над деятельностью.)

/с. 289 (473)/:

(Из всех обстоятельств, имевших влияние на привычку Пушкина посвящать много внимания и усилия на обработку формы своих стихов, самое важное то, что Пушкин был по преимуществу поэт формы. Этим не хотим мы сказать, что существенное значение его в истории русской поэзии - обработка стиха; в такой мысли отзывался бы слишком узкий взгляд на значение поэзии в обществе. Но действительно, существеннейшее значение произведений Пушкина - то, что они прекрасны или, как любят ныне выражаться, художественны.)

Ср. Писарева.

/с. 316 (501)/:

(Нужно только одно - предлагать вопросы, - ответы уже приготовлены. Жаль только, что иногда забывается важнейшие вопросы, или очень часто забывают искать наших ответов где следует, а хлопочут об изготовлении посильных ответов собственного изделия, не всегда мастерского.)

ВВ Наши.

Биографический словарь профессоров и преподавателей императорского Московского университета за истекшее столетие, по день столетнего юбилея, января 12-го 1855 года, составленный трудами профессоров и преподавателей. Москва, 1855. Два тома.

История императорского Московского университета, написанная к столетнему его юбилею ординарным профессором С. Шевыревым. 1755-1855. Москва. 1855

/с. 343-353 (662-673)/

/с. 345-346 (665)/:

Нет надобности распространяться о влиянии Новикова и его друзей на развитие умственной деятельности молодого поколения. Теперь известно, что все литературное движение так называемой карамзинской эпохи также возникло из этого факта, которому, впрочем, служило только слабым продолжением, несмотря на весь свой блеск.

№ 345-6 - Новиков. №

/с. 346 (666)/:

Наравне с значением Московского университета для общего движения просвещения в России возвышается и его деятельность в истинно-ученом разработывании науки.

/346/ - исто/рия/ Москов/ского/ Универ/ситета/.

Архив историко-юридических сведений, относящихся до России, издаваемый Николаем Калачовым. Книги второй половина первая. Москва. 1855

/с. 427-431 (735-739)/

/с. 428 (736)/:

Заключение, которое мы выводили из этого /из тевтономании, которой проникнуты труды Гримма. - Сост./ - именно, что эти труды теряют часть своей важности, как скоро мы поймем фальшивость всех возможных тевтономаний, галломаний, англоманий, чехоманий, булгароманий, - это заключение не понравилось некоторым из людей, обративших на нашу статейку внимание, которого она и не заслуживала, заключая в себе только вещи, далеко не новые.

428 - (славяно-филам).

30

Чернышевский Н.Г. Полное собрание сочинений в 10-ти т. /С 4 портр. - Спб.: М.Н.Чернышевский, 1906. - Т.П. /2/, IУ, 658 с.

Л. 6346-2.

Чернышевский Н.Г. Полн. собр. соч. в 15-ти т., т. 3.

Очерки гоголевского периода русской литературы /с. I-276 (5-309)/

/с. 7, примеч. (II-I2, примеч.)/:

Мы не думаем, чтобы именно Загоскин имел хотя малейшее влияние на Гоголя, и даже не знаем, в каких отношениях они были между собою. Но мнения, проникавшие насквозь последние романы Загоскина и именно лучшим из своих многочисленных источников простодушную и недальновидную любовь к патриархальности, господствовали между многими ближайшими к Гоголю людьми, из которых иные отличаются большим умом, а другие начитанностью или даже ученостью, которая могла обольстить Гоголя, справедливо жалующегося, что не получил образования, соответственного его таланту, и, можно прибавить, великим силам его нравственного характера. /.../ Сделав эти оговорки, внушенные не только глубоким уважением к великому писателю, но еще более чувством справедливого снисхождения к человеку, окруженному неблагоприятными для его развития отношениями,

нв

7 - Гоголь и идеалисты.

мы не можем, однако же, не сказать прямо, что понятия, внушившие Гоголю многие страницы второго тома "Мертвых душ", недостойны ни его ума, ни его таланта, ни особенно его характера, в котором, несмотря на все противоречия, доныне остающиеся загадочными, должно признать основу благородную и прекрасную. Мы должны сказать, что на многих страницах второго тома, в противоречие с другими и лучшими страницами, Гоголь является адвокатом законности; впрочем, мы уверены, что он принимал эту законность за что-то доброе, обольщаясь некоторыми сторонами ее, с односторонней точки зрения могущими представляться в поэтическом или кротком виде и закрывать глубокие язвы, которые так хорошо видел и добросовестно изобличал Гоголь в других сферах, более ему известных, и которых не различил в сфере действий Костанжогло, ему не столь хорошо знакомой.

нв

/с. I2 (I7)/:

Нельзя сказать, напротив, того, чтобы Гоголь не имел предшественников в том направлении содержания, которое называют сатирическим. Оно всегда составляло самую живую, или, лучше сказать, единственную живую сторону нашей литературы. Не будем делать распространений на эту общепризнанную истину, не будем говорить о Кантемире, Сумарокове, Фонвизине и Крылове, но должны упомянуть о Грибоедове.

I2. - Сатира.

I3* - Кантемир;

/с. I4 (20)/:

Он /Гоголь. - Сост./ пробудил в нас сознание о нас самих - вот его истинная заслуга, важность которой не зависит от того, первым или десятым из

нв.

I4 - Самосознание.

* Г.В. Плеханов ошибся в обозначении страницы; надо: I2.

наших великих писателей должны мы считать его в хронологическом порядке.

/с. 20-21 (28)/:

Борьба /литературная борьба гоголевского периода - Сост./ была жестока и, естественным образом, влекла за собою бесчисленные оскорбления самолюбию партизанов той или другой стороны, - в особенности, стороны отсталой и слабейшей, потому что победитель может прощать обиды ослабевшему противнику, но самолюбие побеждаемого бывает раздражительно и непримиримо.

21 - (Богданову),

/с. 29 (37)/:

Самую жалкую фигуру представляют не те люди, которые имеют ошибочный образ мыслей, а те, которые не имеют никакого определенного, последовательного образа мыслей, которых мнения - сбор бессвязных обрывков, не клеящихся между собою.

29 - (Богданову).

/с. 75 (88)/:

Мы не подозреваем себя в пристрастии славянофильскому образу мыслей, но должны сказать, что учение об отношении личности к обществу - здоровая часть их системы и вообще достойно всякого уважения по своей справедливости.

Ср. 76. 75 (Иванову -Раз/умнику/).

/с. 76 (88)/:

/цитата из С.Шашрева/:

(Такое безверие соединено в циклопе с отсутствием всякого понятия о личности человеческой. Человек ему нипочем. Он считает его наравне с бараном. Такое безумие объясняет нам, почему циклоп, правда, пьяный, поверил тому, что человек может называться Никто и не иметь никакого личного име-

Ин/анову/- Раз/умнику/.

ни. Разумная хитрость Одиссея здесь вполне торжествует над грубою дикостью людоеда, не признающего личности человеческой).

/с. 122 (139)/:

Человека, который был органом этой критики /гоголевского периода. - Сост./, невозможно не признать гениальным.

122 - Белинский.

/с. 130 (147)/:

Но зачем Надоумко говорил таким жестким тоном? Разве не мог он высказать то же самое в мягких формах? Удивительное дело - наши литературные да и всякие другие понятия. Вечно предлагается вопросы, почему земледелец пашет поле грубым железным плугом или сошником! Да чем же иначе можно вспахать плодородную, но тяжелую на подъем почву? Ужели можно не понимать, что без войны не решается ни один важный вопрос, а война ведется огнем и мечем, а не дипломатическими фразами, которые уместны только тогда, когда цель борьбы, великой оружием, достигнута. Беззаконно нападать только на безоружного и беззащитного, на старцев и калек; а поэты и литераторы, против которых выступил Надеждин, были не таковы: они были люди сильные и умевшие владеть оружием. За нападения ему заплатили нападениями, по крайней мере, не менее жестокими.

нв

Полемика.

/с. 164 - 165 (182-183)/:

Впрочем, при изложении развития и смысла критики гоголевского периода, быть может, менее, нежели в каком бы то ни было другом случае, чувствуется потребность в биографических соображениях: в делах, имеющих истинно важное значение, сущность не зависит от воли или характера, или житейских обстоятельств действующего лица; их изложение не

обусловливается даже ничьей личностью. Личность тут является только служительницею времени и исторической необходимости.

Личность.

(Кто вникает в обстоятельства, среди которых должна была действовать критика гоголевского периода, легко поймет, что характер ее совершенно зависел от исторического нашего положения; и если представителем критики в это время был Белинский, то потому только, что его личность была именно такова, какой требовала историческая необходимость. Будь он не таков, эта непреклонная историческая необходимость нашла бы себе другого служителя, с другою фамилиею, с другими чертами лица, но не с другим характером: историческая потребность вызывает к деятельности людей и дает силу их деятельности, а сама не подчиняется никому, не изменяется никому в угоду. "Время требует слуги своего", по глубокому изречению одного из таких слуг.)

I65 - личность.

Личность.

NB

I65 - личность.

/c. I72 (I9I)/:

До него /Белинского. - Сост./ существовала критика, но истории литературы у нас еще не было. Ею обязаны мы тем, что имеем о ней ясные и точные понятия.

NB

I72

Заслуга Белинского. Ср. выше.

/c. I74 (I93)/:

Вместо обыкновенной фразы, что он /Белинский. - Сост./ был в нашей критике органом отрицания, надобно сказать, напротив, что он первый, сообразно изменившемуся положению нашей литературы, положил границы отрицанию, которое у Надеждина не имело границ.

I74 - Idem.

/c. I75 (I95-I96)/:

Но коренное различие между понятиями ученика /Белинского. - Сост./ и учителя /Надеждина. - Сост./

о русской литературе заключалось тогда (I835-I836) не только в том, что один замечал необыкновенную важность новых фактов, на которые другой медлил обратить надлежащее внимание: и те коренные воззрения, на основании которых произносится суждение о фактах, были уже не одинаковы. Сотрудник "Телескопа" сделался приверженцем Гегеля, между тем как издатель, не будучи враждебен этому новому фазису развития немецкой науки, оставался, однако ж, в сущности учеником Шеллинга.

Гегель.

/c. I82 (202)/:

Действительно, философское мировоззрение нераздельно владычествовало над умами в том дружеском кружке, органом которого были последние томы "Московского наблюдателя". Эти люди ревностно жили только философиею, день и ночь толковали о ней, когда сходились вместе, на все смотрели, все решали с философской точки зрения. То была первая пора знакомства нашего с Гегелем, и энтузиазм, возбужденный новыми для нас, глубокими истинами, с изумительною силою диалектики развитыми в системе этого мыслителя, на некоторое время натурально должен был взять верх над всеми остальными стремлениями людей молодого поколения, сознавших на себе обязанность быть провозвестниками неведомой у нас истины, все озарившей, как им казалось в пылу первого увлечения, все примиряющей, давшей человеку и невозмутимый внутренний мир и бодрую силу для внешней деятельности. Главное значение "Московского наблюдателя" состоит в том, что он был органом гегелевой философии.

/I/8I* - о философии.

NB

/I82 - Гегель/**

---

* Г.В. Плеханов ошибся в обозначении страницы; надо: I82.

** Помета зафиксирована сотрудниками Дома Плеханова до I976 г.; к настоящему времени стерлась.

/с. 187 (207-208)/:

Сущность его /диалектического метода мышления. - Сост./ состоит в том, что мыслитель не должен успокаиваться ни на каком положительном выводе, а должен искать, нет ли в предмете, о котором он мыслит, качеств и сил, противоположных тому, что представляется этим предметом на первый взгляд; таким образом, мыслитель был принужден обозревать предмет со всех сторон, и истина являлась ему не иначе, как следствием борьбы всевозможных противоположных мнений. Этим способом, вместо прежних односторонних понятий о предмете, мало-по-малу являлось полное, всестороннее исследование и составлялось живое понятие о всех действительных качествах предмета /.../ Таким образом, добросовестное, неутомимое изыскание истины стало на место прежних произвольных толкований.

Диалектика.

/с. 189 (210)/:

Все немецкие философы, от Канта до Гегеля, страдают тем же самым недостатком, какой мы указали в системе Гегеля: выводы, делаемые ими из полагаемых ими принципов, совершенно не соответствуют принципам: Общие идеи у них глубоки, плодотворны, величественны, выводы мелки и отчасти даже пошловаты. Но ни у кого из них эта противоположность не доходит до такого колоссального противоречия, как у Гегеля, который, превосходя всех своих предшественников возвышенностью начал, оказывается, едва ли не слабее всех в своих выводах. И в Германии, и у нас люди ограниченные и апатичные успокоились на выводах, забывая о принципах; но и у нас, как в Германии, эти ученики, слишком верные букве и потому неверные духу, нашлись только между людьми второстепенными, лишенными сил на историческую деятельность и не могшими иметь никакого влияния.

Немецкая философия.

Напротив, и у нас, как в Германии, все истинно даровитые и сильные люди, когда прошло первое увлечение, отбросили фальшивые выводы, радостно жертвуя ошибками учителя требованиям науки, и бодро пошли вперед. Потому ошибки Гегеля, подобно ошибкам Канта, не имели важных последствий, между тем, как здоровая часть его учения действовала очень плодотворно.

/с. 189, примеч. (209-210, примеч.)/

Один из современных мыслителей говорит о своих прежних сочинениях, написанных в духе Гегеля: "этой путаницы теперь не могу я никак распутать; остается одно: или совершенно зачеркнуть ее, или оставить в прежнем виде - предпочитаю последнее: многие до сих пор еще считают мудростью то, что и мне казалось мудростью, когда я писал эти сочинения, - пусть же они, перечитывая их, видят путь, которым я дошел до своих настоящих убеждений - по моим следам этим людям легче будет дойти до истины". Точно так же и мы должны думать о статьях, писанных Белинским в 1838-1839 годах: кто не в состоянии разделять зрелых и самостоятельных убеждений Белинского, какие выражал он в последнее время, тому принесет пользу чтение его статей в хронологическом порядке, начиная с тех, которыми сам Белинский впоследствии был недоволен: кто стоит еще слишком низко, тому необходимы лестницы, чтобы стать в уровень с своим веком.

Фейербах.

/с. 190, примеч. (211, примеч.)/: цитата из статьи "Московского Наблюдателя"/:

"Французы никогда не выходили из области произвольных рассуждений, и все святое, великое и благородное в жизни упало под ударами слепого мертвого рассудка. Результатом французского философизма был материализм, торжество неодухотворенной плоти".

Мат/ериализм/.

/с. 195 (217)/:

(История говорит нам, что обнаруженное явление при падении принципа - непримиримая вражда между его приверженцами из-за второстепенных вопросов, а при развитии принципа - дружное действование людей, согласных в главном, как бы ни были важны второстепенные вопросы, их разделяющие.) Отвержение узкого самолюбия, готовность признать правду, которой не замечал правда, и сделать эту указанную другим правду своим задушевным делом - таково существенное качество истинно замечательных исторических деятелей.

195 - К нашей истории. (Гр/уппа/ О/свобождения/ тр/уда/.)

/с. 196-197 (218)/:

Противники результатов, до которых доходит гегелева система, увидели, что Гегеля можно победить только его собственным оружием, и принялись за глубокое изучение этого мыслителя. Они приступили к нему с силами ума совершенно зрелого, с проницательностью, изощренною привычкою к самостоятельному мышлению и богатым опытом жизни, наполненной всевозможными столкновениями, - с запасом твердых убеждений, данных жизнью и строгою наукою. И, как ни трудно устоять против диалектики исполина немецкой философии, - этой изумительно сильной диалектики, облекающей всю его систему бронею неразрушимого, повидимому, единства, - эти люди открыли пробелы и непоследовательности системы Гегеля, увидели погрешности в ее выводах, несогласие принципов ее с результатами, основных идей с применениями, постигли и односторонность принципов, - и могли, наконец, сказать: "теперь мы постигаем все, что постигал Гегель, но постигаем полнее и полное, нежели он"!

Герцен.

196 Герцен.

/с. 198 (220)/:

Результатом этой поверки было, для теоретических убеждений /Белинского. - Сост./ - очищение принципов Гегеля от их односторонности, отвержение фальшивого содержания, прилепленного к ним, и вывод новых следствий, в духе строгой современной науки; для жизненных стремлений - отвержение прежнего квиетизма, разрушаемого действительностью, сохранения высокого убеждения, что разум и правда должны и будут владычествовать в жизни, хотя мы далеки еще от этого времени. Белинский убедился, что действительность заключает в себе очень много ложных и вредных элементов и, посвятив всю свою деятельность водворению в жизни владычества ума и правды, начал неутомимую, беспощадную борьбу со всем, что препятствовало достижению этой цели.

198 - Поверхностное отношение к Б/елинскому/.

/с. 202 (225)/:

В последние годы у нас много говорили о неудовлетворительности понятий Белинского; в числе этих эпигонов, воображавших, что поняли далее Белинского, были люди умные и даровитые; но нужно только сличить их статьи о статьями Белинского, и каждый убедится, что все эти люди живут только тем, чего наслушались от Белинского: они толкуют вечно только о том же самом, что говорил Белинский, и если толкуют иначе, так это только, потому что вдаются или в односторонность, или в очевидное пристрастие. Со времени Белинского материалы для истории литературы деятельно разрабатываются; но вообще, каждое новое исследование ведет только к новому подтверждению суждений, высказанных им.

202 - Наши.

/с. 203 (226)/:

Критика Белинского все более и более проникалась живыми интересами нашей жизни, все лучше и луч-

203 - Кр/итика/ Бел/инского/.

не постигала явления этой жизни, все решительнее и решительнее стремилась к тому, чтобы объяснить публике значение литературы для жизни, а литературе то отношения, в которых она должна стоять в жизни, как одна из главных сил, управляющих ее развитием.

/с. 204, примеч. (226, примеч.)*/:

"Если бы нас спросили, в чем состоит отличительный характер современной русской литературы, мы отвечали бы: в более и в более тесном сближении с жизнью, с действительностью, в большей и большей близости к зрелости и возмужалости". ("Взгляд на русскую литературу 1846 г.", "Современник", 1847, № I, Критика, стр. I). - Итак, зрелость измеряется степенью близости к действительности.

№ 204 - Бел/инский/ и действительность.

/с. 204, примеч. (227-228, примеч.)/:

("Вместо того, чтобы думать о невозможном, гораздо лучше, признав неотразимую и неизменную (т.е. не подчиняющуюся фантазии) действительность существующего, действовать на его основании, руководясь разумом и здравым смыслом, а не маниловскими фантазиями". (Там же, стр. I4).

Наша задача.

/с. 205(227)/:

(Были времена, когда мечты фантазии ставились гораздо выше того, что представляет жизнь, и когда сила фантазии считалась беспредельной. Но современные мыслители внимательнее прежнего рассмотрели этот вопрос и дошли до результатов, совершенно противоположных прежним мнениям, которые оказались решительно не выдерживающими критики.

Ср. Эстети/ческое/ отношение/а/.

* Цитата из В.Г. Белинского, замечание к ней - Н.Г. Чернышевского.

Сила нашей фантазии чрезвычайно ограничена, и создания ее очень бледны и слабы в сравнении с тем, что представляет действительность. Самое пылкое воображение подавляется представлением о миллионах миль, отделяющих землю от солнца, о чрезвычайной быстроте света и электрического тока /.../ Фантазия должна была смириться перед действительностью; мало того: принуждена была сознаться, что многие создания ее только копии с того, что представляется явлениями действительности.)

205. - Белинский и Чернышевский.

/с. 209 (232)/:

Едва ли у кого из русских критиков было и столько терпимости к чужим мнениям, как у него /Белинского. - Сост./: лишь бы только убеждения не были совершенно нелепы, он всегда говорил о них с уважением, как бы ни разнились они от его собственных убеждений. Примеров тому множество. Укажем на один, о котором придется нам говорить - на полемику его с славянофилами, в которой со стороны Белинского постоянно было гораздо больше доброжелательства, нежели со стороны его противников.

Славянофилы.

/с. 213-214 (237-238)/:

(В каждом человеческом действии принимают участие все стремления человеческой натуры, хотя бы одно из них и являлось преимущественно заинтересованным в этом деле. Потому и искусство производится не отвлеченным стремлением к прекрасному (идеею прекрасного), а совокупным действием всех сил и способностей живого человека /.../ Стремления, отвлеченные от действительной жизни, бессильны; потому, если когда стремление к прекрасному и усиливалось действовать отвлеченным образом (разрывая свою связь с другими стремлениями человеческой природы), то не могло произвесть ничего замечательного даже и в художественном отношении. История не

Эстетика.

знает произведений искусства, которые были бы созданы исключительно идеею прекрасного; если и бывают и бывали такие произведения, то не обращают на себя никакого внимания современников и забываются историею, как слишком слабые, - слабые даже и в художественном отношении.)

214 - Эстетика Чер/нышевского/.

/с. 214 (236)/:

Потому мы только в общих чертах обозначим главные два периода петербургской деятельности Белинского: в первой половине отвлеченный элемент в его статьях еще довольно силен; во второй половине он почти совершенно и под конец этой половины совершенно исчезает, и система положительных воззрений становится совершенно последовательною.

Бел/инский/.

/с. 215 (239)*/:

Действительность - вот пароль и лозунг нашего века, действительность во всем - и в верованиях, и в науке, и в искусстве, и в жизни. Могучий, мужественный век, он не терпит ничего ложного, поддельного, слабого, расплывающегося, но любит одно мощное, крепкое, существенное. Он смело и беспрепятственно внемлет безотрадные песни Байрона и, вместе с их мрачным певцом, лучше решил отречься от всякой радости и всякой надежды, нежели удовольствоваться нищенскими радостями и надеждами прошлого века. Он выдержал рассудочный критицизм Канта, рассудочное положение Фихте; он перестрадал с Шиллером все болезни внутреннего, субъективного духа, порывающегося к действительности путем отрицания. И зато в Гегеле он увидел зарю бесконечной действительности, которая в учении Гегеля осияла мир роскошным и великолепным днем и которая еще прежде своих великих

215 Действ/ительность/.

NB Обратить внимание на 215, о действительности - очень важно.

* Цитата из В.Г. Белинского.

мыслителей, непонятая, явилась непосредственно в созданиях Гете ..." ("Отечественные Записки", т. УШ, Критика, стр. II-I2).

/с. 225 (250)* /:

Литературе есть народное сознание, питающее внутренних, духовных интересов общества, которыми мы пока еще очень небогаты.

225. - Б/елинский/ - что такое литература.

/с. 226 (251)*/:

"... Хорошую сторону современной литературы составляет и обращение ее к жизни, к действительности: теперь уже великое, даже посредственное дарование силится изображать и описывать не то, что приснится ему во сне, а то, что есть или бывает в обществе, в действительности.

226. - Действительность.

/с. 229 (255)*/:

"Общество также - нечто действительное, а не воображаемое, и потому его сущность составляют не одни костюмы и прически, но и нравы, обычаи, понятия, отношения и т.д. Человек, живущий в обществе, зависит от него и в образе мыслей и в образе его действования".

NB 229 - Действительность.

/с. 231 (257)*/:

"Обязавшись перед публикой быть верным зеркалом русской литературы, постоянно отдавал отчет во всякой вновь выходящей в России книге, во всяком литературном явлении, "Отечественные записки" не вполне выполнили бы свое назначение - быть полною и подробною летописью движения русского слова, если бы не вменили себе в обязанность

231 - Б/елинский/ - зеркало.

* Цитата из В.Г. Белинского.

этих годичных обозрений, в которых обо всем, о чем в продолжение целого года говорилось как о настоящем, говорится как о прошедшем, и в которых все отдельные и разнообразные явления целого года подводятся под одну точку зрения."

/с. 232 (257)/:

Теперь он /Белинский. - Сост./ грустит уже не о бедности русской литературы: ему грустно, что надобно рассуждать об этой литературе; он чувствует, что границы литературных вопросов тесны, он тоскует в своем кабинете, подобно Фаусту: ему тесно в этих стенах, уставленных книгами, - все равно, хорошими или дурными; ему нужна жизнь, а не толки о достоинствах поэм Пушкина или недостатках повестей Марлинского и Полевого.

232 - тесные пределы лите/ратуры/.

/с. 237 (263)*/:

"Вообще характер нового искусства - перевес важности содержания над важностью формы, тогда как характер древнего искусства - равновесие содержания и формы.

NB Гегель.

/с. 239 (264)*/:

("Дурное, ошибочное понимание истины не уничтожает самой истины. Если мы видим иногда людей даже умных и благонамеренных, которые берутся за изложение общественных вопросов в поэтической форме, не имея от природы ни искры поэтического дарования, из этого вовсе не следует, что такие вопросы чужды искусству и губят его. Если бы эти люди вздумали служить чистому искусству, их падение было бы еще разительнее. Плох, напри-

Тенденция.

* Цитата из В.Г. Белинского.

мер, был забытый теперь роман Пан Подстолич, вышедший назад тому больше десяти лет и написанный с похвальной целью - представить картину состояния белорусских крестьян; но все же он был не совсем бесполезен, и хоть со страшною скукою, но прочли же его иные. Конечно, автор лучше достиг бы своей благородной цели, если бы содержание своего романа изложил в форме записок или заметок наблюдателя, не пускаясь в поэзию; но если бы он взялся написать роман чисто-поэтический, он еще меньше достиг бы своей цели.")

/с. 245 (270)/:

Чем внимательнее будем мы сравнивать в хронологическом порядке все статьи, написанные Белинским, тем очевиднее будет обнаруживаться, что развитие его понятий совершалось совершенно логически, постепенным, почти неуловимым образом.

NB 245 - Ход развития Бел/инского/. 245. - Развитие Бел/инского/.

/с. 250 (277)/:

Что же касается его специальной науки - истории русской литературы, он был и до сих пор остается первым знатоком ее.

NB 250 - Знания Бел/инского/.

/с. 253 (279)*/:

"Литература наша создала нравы нашего общества, воспитала уже несколько поколений, резко отличающихся одно от другого, положила начало внутреннему сближению сословий, образовала род общественного мнения и произвела нечто в роде особенного класса в обществе, который от обыкновенного среднего сословия отличается тем, что состоит не из ку-

NB

* Цитата из В.Г. Белинского.

печества и монашества только, но из людей всех сословий, сближающихся между собою через образование, которое у нас исключительно сосредоточивается на любви к литературе."

253 - среднее сословие.

/с. 254 (280)*/:

"Впечатлений юности сильны, и юность то и принимает за несомненную истину, что прежде всего поразило ее чувство, воображение и ум. И вот каким образом действует литература уж не на одно образование, но и на нравственное улучшение общества. Как бы то ни было, но этот факт не подлежит никакому сомнению, что только в последнее время у нас начало делаться заметным число людей, которые нравственные убеждения стараются осуществлять на деле, в ущерб своим личным выгодам и во вред своему общественному положению...".

знач/ение/ литерату/ры/.

/с. 258 (284)*/:

"Известно, что в глазах Карамзина Иоанн II был выше Петра Великого, а допетровская Русь лучше России новой. Вот источник так называемого славянофильства, которое мы, впрочем, во многих отношениях считаем весьма важным явлением, доказавшим, в свою очередь, что время зрелости и возмужалости нашей литературы близко. Во времена детства литературы всех занимают вопросы, если даже и важные сами по себе, то не имеющие никакого дельного применения к жизни. Так называемое славянофильство, без всякого сомнения, касается самых жизненных, самых важных вопросов нашей общественности. Как оно их касается и как оно к ним относится - это другое дело. Но прежде всего славянофильство есть убеждение, которое, как

Славянофильство.

* Цитата из В.Г. Белинского.

всякое убеждение, заслуживает полного уважения, даже и в таком случае, если с ним вовсе не согласны".

/с. 258 (285)*/:

"И результатом этих хлопотливых и тревожных исследований начинает оказываться, что, во-первых, мы не так резко отделены от нашего прошедшего, как думали, и не так тесно связаны с Западом, как воображали. С другой стороны, обращаясь к своему настоящему положению, смотря на него глазами сомнения и исследования, мы не можем не видеть, как, во многих отношениях, слишком и слишком успокоил нас наш русский европеизм насчет наших русских недостатков; забелив и загрунтовав, но вовсе не изгладив их."

ср. Маликова[110].

/с. 266 (292-293)*/:

" В лице Кантемира русская поэзия обнаружила стремление к действительности, к жизни, как она есть, основала свою силу на верности натуре. В Державине (его оды "К Фелице", "Вельможе", "На счастие" едва ли не лучшие его произведения, по крайней мере, без всякого сомнения, в них больше оригинального, русского, нежели в его торжественных одах), в баснях Хемницера и в комедиях Фонвизина отозвалось направление, представителем которого, по времени, был Кантемир. Сатира у них уже реже переходит в преувеличение и карикатуру, становится более натуральной, по мере того, как становится более поэтической. В баснях Крылова сатира делается вполне художественною; натурализм становится отличительным характеристическим чертою его поэзии. Зато он первый и подвергся упрекам за изображения "низкой природы". Наконец, явился Пушкин, поэзия которого относится к поэзии

Наша литература.

* Цитата из В.Г. Белинского.

всех предшествовавших ему поэтов, как достижение относится к стремлению. Несмотря на преимущественно идеальный и лирический характер первых поэм Пушкина, в них уже вошли элементы жизни действительной.

/с. 266-267 (293-294)*/:

"С появлением "Миргорода" и "Арабесок" (в 1836 году) и "Ревизора" (в 1836) начинается полная известность Гоголя и его сильное влияние на русскую литературу /.../ Все сочинения Гоголя посвящены исключительно изображению мира русской жизни, и у него нет соперников в искусстве воспроизводить ее во всей ее истинности. Он ничего не смягчает, не украшает вследствие любви к идеалам или каких-нибудь заранее принятых идей, или привычных пристрастий как, например, Пушкин в "Онегине" идеализировал помещичий быт. Конечно, преобладающий характер его сочинений -отрицание ; всякое отрицание, чтоб быть живым и поэтическим, должно делаться во имя идеала, и этот идеал у Гоголя также не свой, т.е. не туземный, как и у всех других русских поэтов, потому что наша общественная жизнь еще не сложилась и не установилась, чтобы могла дать литературе этот идеал."

Гоголь.

/с. 267 (294)*/:

"И ни в одном русском писателе это стремление /к самобытности. - Сост./ не достигло такого успеха, как в Гоголе. Это могло совершиться только через исключительное обращение искусства к действительности, помимо всяких идеалов."

267 - Действительность,

* Цитата из В.Г. Белинского.

/с. 272 (299-300)/:

Каким же образом может находить себе защитников так называемая теория "чистого искусства" (искусства небывалого и невозможного), требующая от литературы, чтобы она исключительно заботилась только о форме? Тут все основано на том, что приверженцы так называемого чистого искусства сами не замечают истинного смысла своих желаний или хотят вводить других в заблуждение, говоря о чистом искусстве, которого никто не знает и никто, ни сами они, не желает. Не останавливаясь на общей фразе, которою заведомо или без ведома для самих себя прикрывают они свои истинные желания, надобно ближе всмотреться в факты, свидетельствующие о их стремлениях, надобно посмотреть, в каком духе сами они пишут и в каком духе написаны произведения, одобряемые ими, и мы увидим, что они заботятся вовсе не о чистом искусстве, независимом от жизни, а, напротив, хотят подчинить литературу исключительно служению одной тенденции, имеющей чисто житейское значение.

L'art pour l'art

Заметки о журналах. Апрель 1856 года

/с. 363-370 (642-650)/

/с. 365 (644-645)/:

Г. Чичерин был возбужден к своему исследованию, как видно, мнением о патриархальном происхождении нашей сельской общины, высказанным в известной книге барона Гакстгаузена. У него родилось желание проверить изучением фактов это понятие, показавшееся ему несправедливым. Он стал искать в истории подтверждения или опровержения доказательств, приводимых Гакстгаузеном, - нашел, что их можно опровергнуть, опроверг и удовлетворился этим, полагая, что опровергнуть слова Гакстгаузена значит доказать несостоятельность мнения, разделяемого зна-

ив

365. - Общ/ина/.

менитым путешественником /.../ Оттого и результаты его исследования, в которых несомненно есть доля правды, являются не вполне доказанными, а часто и решительно преувеличенными.

Сочинения Т.Н. Грановского. Том первый. Москва. 1856

/с. 400-420 (346-368)/:

/с.405 (351)/:

Мы еще очень мало знаем не потому, чтоб у нас не было дарований - в них никто не сомневается, - не потому, чтоб у нас было мало средств - всякий народ имеет силу дать себе все, чего серьезно захочет, - но потому, что мы до сих пор все еще дремлем от слишком долгого навыка к сну.

нв

405 /Пр/ичина /наша/ отсталости.

/с. 406 (352)/:

Но пока - и это "пока" продолжится еще целые века - сила привычки и апатии так еще сильна, что большинство чувствует себя спокойным и уверенным только тогда, когда встречает объяснение стремлениям века и обольщение своим мыслям в каком-нибудь авторитете /.../ Явление, если говорить правду, само по себе прискорбное; но что ж делать, когда иначе не бывает в известных периодах развития? Поневоле надобно признать, что люди, которые были авторитетами добра и истины, заслуживают глубокой благодарности за пользу, которую принесли, за успехи, совершенные под их влиянием и пока невозможные без них.

Анторитет.

Стихотворения Н. Огарева. Москва. 1856

/с. 532-538 (561-568)/

/с. 537 (567)*/:

Я отстоял себя от внутренней тревоги,
  С терпеньем пустился в новый путь
И не собьюсь теперь с рассчитанной дороги -
  Свободна мысль, и силой дышит грудь.
Что, Мефистофель мой, завистник закоснелый?
  Отныне власть твою разрушил я,
Болезненную власть насмешки устарелой;
  Я скорбью многой выкупил себя.
Теперь товарищ мне иной дух отрицанья;
  Не тот насмешник черствый и больной,
Но тот всесильный дух движенья и созданья,
  Тот вечно юный, новый и живой.
В борьбе бесстрашен он, ему губить - отрада,
  Из праха он все строит вновь и вновь,
И ненависть его к тому, что рушить надо,
  Душе свята, так, как святa любовь.

Действительность.

/537/ - Огарев III.

Детство и отрочество. Сочинение графа Л.Н. Толстого. СПБ. 1856

Военные рассказы. Графа Л.Н. Толстого. СПБ. 1856

/с. 638-647 (421-431)/

/с. 644 (427)/:

(Никогда общественная нравственность не достигала такого высокого уровня, как в наше благородное время, - благородное и прекрасное, несмотря на все остатки ветхой грязи, потому что все силы свои напрягает оно, чтобы смыться и очиститься от наследственных грехов. И литература нашего времени, во всех за-

* Цитата из стихотворения Н.П. Огарева "Монологи".

мечательных своих произведениях, без исключения, есть благородное проявление чистейшего нравственного чувства. Не то мы хотим сказать, что в произведениях графа Толстого чувство это сильнее, нежели в произведениях другого какого из замечательных наших писателей; в этом отношении, все они равно высоки и благородны, но у него это чувство имеет особенный оттенок. У них оно очищено страданием, отрицанием, просветлено сознательным убеждением, является уже только как плод долгих испытаний, мучительной борьбы, быть может, целого ряда падений.

644 Характер армии.

31

Чернышевский Н.Г. Полное собрание сочинений в 10-ти т. /С 4 портр. - Спб.: М.Н.Чернышевский, 1906. - Т. II. /2/, V, 780 с.

Д. 6346.

Чернышевский Н.Г. Полн. собр. соч. в 15 т., т.4.

Письма об Испании В.П. Боткина. Спб., 1857 /с. 25-70 (222-245)/

/с. 38 (236-237)/:

(Разделение народа на враждебные касты бывает одним из сильнейших препятствий улучшению его будущности, - в Испании нет этого пагубного разделения, нет непримиримой вражды между сословиями, из которых каждое было бы готово пожертвовать самыми драгоценными историческими приобретениями, лишь бы только нанести вред другому сословию, - в Испании вся нация чувствует себя одним целым. Эта особенность так необычайна среди народов Западной Европы, что заслуживает величайшего внимания, и уже одна, сама по себе, может считаться ручательством за счастливую будущность страны.)

НВ

38 Класси.

/с. 44 (242*- 243)/:

"Лучше променять радость на горе, чем жить без любви. В счастьи и умереть сладко; жить в забвении - все равно, что не жить; лучше переносить страданье и печаль, чем жить без любви.

Жизнь без любви - пропащая жизнь, а уменье употребить жизнь важнее самой жизни; лучше томиться, перенося горести, чем жить без любви."

/.../ (Над большею частью цивилизованных наций испанский народ имеет бесспорное преимущество в одном чрезвычайно важном отношении: испанские сословия не разделены между собою ни закоренелою ненавистью, ни существенною противоположностью интересов; они не составляют каст, враждебных одна другой, как то видим во многих других западных европейских землях; напротив, в Испании все сословия могут дружно стремиться к одной цели.)

Ср. выше.

44. - Классы.

Ср. выше.

Заметки о журналах /из № 5 "Современника"/. Апрель 1857

/с. 180-200 (737-761)/

/с. 181 (738)/:

(Обеспечение частных прав отдельной личности было существенным содержанием западноевропейской истории в последние столетия. Совершенного ничего нет на земле, но в чрезвычайно высокой степени цель эта достигнута на Западе. Право собственности почти исключительно перешло тем в руки отдельного лица и ограждено чрезвычайно прочными, неукоснительно соблюдаемыми гарантиями. Юридическая независимость и неприкосновенность отдельного

Капелли[112].

* Цитата из В.П. Боткина, который, в свою очередь, приводит здесь текст испанского романса (см.: Боткин В.П. Письма об Испании. Л., 1976, с. 91).

лица повсюду освящены и законами и обычаями.)

/с. 184 (742)/:

(То, что представляется утопией в одной стране, существует в другой как факт.)

Ср. Самарин /на/[113].

Губернские очерки. Из записок отставного надворного советника Щедрина. Собрал и издал М.Е. Салтыков. Два тома. Москва. 1857

/с. 201-233 (263-302)/

/с. 204 (267)/:

В каждом обществе есть люди с дурным сердцем, с душой решительно низкой. И в древнем Риме, отечестве героев, были трусы, и в Германии, классической стране честности, есть люди коварные /не добросовестные/. Есть они и во Франции, и в Англии, и в Соединенных Штатах. Есть такие люди и в нашем обществе. Попадаются они и в числе лиц, выводимых Щедриным. Таков, например, Порфирий Петрович, принадлежащий к семейству Чичиковых, но отличающийся от Павла Ивановича Чичикова тем, что не имеет его мягких и добропорядочных форм и более Павла Ивановича покрыт грязью всякого рода; таков, например, мать приятного семейства, Марья Ивановна Разманова /.../

204 - Дурные люди.

/с. 214 (279)/:

Привычки и правила, руководящие обществом, возникают и сохраняются вследствие каких-нибудь фактов, независимых от воли человека, им следующего; на них надобно смотреть непременно с исторической точки зрения. В каждом классе общества, какой бы стране, какому бы времени ни принадлежало это общество, какова бы ни была понятия и при-

214 - Привычки.

вычки, им приобретенные вследствие исторических обстоятельств, огромное большинство людей /.../ всегда имеет наклонность к доброжелательству и правде.

Studien über die inneren Zustände, das Volksleben und insbesondere die ländlichen Einrichtungen Russlands. Von August Freiherrn von Haxthausen.

(Исследования о внутренних отношениях народной жизни и в особенности сельских учреждениях России, Барона Августа Гакстгаузена)

/с. 270-310 (303-346)/:

/с. 293 (330)/:

Далее Гакстгаузен начинает рассуждать о сен-симонизме и так называемых коммунистических системах /.../ (Гакстгаузен воображает, будто бы в 1847 году, когда была издана его книга, вопрос о сен-симонизме и тому подобных мечтах все еще оставался современным вопросом и будто бы еще находились тогда серьезные люди, держащиеся системы Сен-Симона. Добряк не замечал, что времена этой системы, действительно мечтательной и неосуществимой, прошли задолго до 1847 года и что в этом году разве какая-нибудь невинная старая девушка держалась бы Фрашши системы Сен-Симона.)

293 - сен-симонизм.

/.../ Мы не приняли из Гакстгаузена эпизода, относящегося к сен-симонистам. (Гакстгаузен, по сердечной простоте, перепутывает вопрос о пролетариате с сен-симонистской системой, но мы предупреждаем читателей, что в наше время говорить о сен-симонизме то же самое, что говорить о какой-нибудь системе физиократов или меркантилистов; все это дела давно минувших дней, дела "времен очаковских и покоренья Крыма.")

/с. 307 (345)/:

Мы только хотим показать, что при различных обстоятельствах условия экономические бывают очень различны и что не годится никому из нас говорить с высоты своего величия: "это невозможно; это мечта!". Мы хотим также показать, что обычаи, бесполезные или даже вредные при одних обстоятельствах, могут быть выгодными при других.

307 - Разница.

Лессинг, его время, его жизнь и деятельность

/с. 585-779 (5-221)/

/с. 638 (63)/:

Виновницею жалкого состояния литературы всегда бывает публика: если публика многочисленна и проникнута живыми стремлениями, нет в мире силы, которая могла бы остановить развитие литературы, нет затруднений, которые не были бы побеждены требованиями общества. Степень умственного развития в массе немецкой публики совершенно соответствовала общему состоянию литературы. Педантизм, робость, подобострастие и предрассудки всякого рода владычествовали в обществе.

638. - Публика.

/с. 644-645 (70-71)/:

(Ход великих мировых событий неизбежен и неотвратим, как течение великой реки: никакая сила, никакая пропасть не удержит ее, не говоря уже о пластинах произвольно устраиваемых: плотиною ничья сила не переспит Рейна или Волги, и всесильная река одним напором выбросит на берег все свои и чужие мусор, которым дерзкая рука безумца хотела преградить ее течение; единственным результатом безрассудной попытки будет только то, что берег, который спокойно катоялся бы рекою и зеленел роскошным лугом, будет на время истерзан и обезображен гневом оскорб-

644 - ход событий.

ленной волны, – а река найдет-таки своим путем, зальет все пропасти, прорвет хребты гор и достигнет океана, к которому стремится. Совершение великих мировых событий не зависит ни от чьей воли, ни от какой личности. Они совершаются по закону столько же непреложному, как закон тяготения или органического возрастания. Но скорее или медленнее совершается мировое событие, тем или другим способом совершится оно – все зависит от обстоятельств, которых нельзя предвидеть и определить наперед. Важнейшее из этих обстоятельств – появление сильных личностей, которые характером своей деятельности дают тот или другой характер неизменному направлению событий, ускоряют или замедляют его ход и сообщают своею преобладающею силою правильность хаотическому волнению сил, приводящих в движение массы.)

Личность.

мв

645. – Личность.

/с. 646 (72)/:

Кроме Лессинга не было в немецкой литературе человека, который мог бы дать ей решительное и плодотворное влияние на судьбу немецкого народа. Будет или не будет немецкая литература сильнейшею двигательницею народной жизни, ускорится ли ее посредством развитие народа, или предоставлено будет только медленному действию чистой науки – разрешение этого вопроса совершенно зависело от того, будет ли между немецкими литераторами Лессинг, то есть будет ли гениальный человек, который верно поймет положение и потребности своего народа, постигнет всю важность, которую должна иметь литература для его жизни, твердо и решительно укажет литературе, что и как должна она делать, который, руководя деятельностью других, сам гениальными произведениями достанет литературе преобладающую важность между предметами, возбуждающими интерес в своем народе, сделает литературу средоточием национальной жизни.

646 – Личность.

мв

/с. 647 (73)/:

Это определение границ исторического значения Лессинга необходимо для того, чтобы предохранить себя от безграничного превознесения его: в самом деле, личность этого человека так благородна, величественна и вместе так симпатична и прекрасна, деятельность его так чиста и сильна, влияние его так громадно, что чем более вникаешь в черты этого человека, тем сильнее и сильнее проникаешься безусловным уважением и любовью к нему. Гениальный ум, благороднейший характер, твердость воли, тонкость и нежность души, сердце, открытое сочувствию ко всему, что прекрасно в мире, сильные, но чистые страсти, жизнь без тени порока или упрека, полная борьбы и деятельности, – все, чем может быть прекрасен и велик человек, соединялось в нем.

647. – Характеристика Лессинга[114].

мв

/с. 671 (98)/:

Лессинг сам о себе сказал, что не имеет врожденного поэтического таланта, что его произведения не создания независимого от мысли творчества, а только осуществление сознательной мысли. "Я не поэт, – говорит он в последнем нумере своей "Драматургии". – Мне часто оказывали честь, признавая меня поэтом; но это значило не знать меня, не признавать особенностей моей натуры /.../".

671 – Талант Лес/синга/.

мв

/с. 695 (125)/:

(Не добытый результат важен: все добытые человечеством результаты во всех областях жизни и мысли, как бы ни казались они блестящи по сравнению с прошедшим, все еще ничтожны сравнительно с тем, что должно быть приобретено мыслью и трудом, для обеспечения материальной жизни, для приложения знаний и понятий.

695 – Результат.

мв

/с. 706 (137)/:

Мы видели, какую репутацию имел Лессинг и за что он имел ее. Человек энергического ума и смелого характера, он ненавидел то, что называется "половинчатостью" (Halbheit); чего он хотел, того хотел не путя, что говорил, то говорил вполне, до конца, - если он не видел возможности или не находил надобности выражать свою мысль во всей ее силе, он лучше вовсе не выражал ее. Поэтому первое впечатление, произведенное "Литературными письмами", было впечатление страшной резкости суждений.

706. - Характеристика Лессинга.

МВ

/с. 707 (138-139)/:

(Широта и беспристрастие взгляда чаще встречаются у немца, нежели у кого-нибудь /.../ Нельзя приписывать, конечно, развитие этой привычки исключительно или преимущественно влиянию одного какого-нибудь человека, - оно было следствием общего состояния Германии в половине прошлого века и свойства тех вопросов, на которые первоначально устремились умственные силы немецкого народа. С одной стороны, факты его жизни были так незавидны, что не могли порождать особенного пристрастия к себе: у немцев не было ни блестящей национальной истории, ни блестящих периодов литературы, как у французов и англичан, ни причин гордиться устройством своего внутреннего быта, как у англичан, или умственным владычеством над Европою, как у французов. Они не имели поводов быть пристрастными - по к чему было пристраститься; не имели поводов быть робкими в выводах из опасения коснуться отрицанием чего-нибудь драгоценного, - им было нечего беречь и щадить.)

Общественное/ отношение/ и мысль.

/с. 718-719 (151)/:

/.../ холодная формалистика, из Италии покоренная Францией, в конце XVII и начале XVII века из

МВ

Франции распространилась не только на едва возникавшую литературу Германии, но овладела даже и модною английскою литературою, подавила предания, завещанные Шекспиром и Мильтоном.

/7/18 Шекспир.

/с. 775 (216)/:

Половины того не сказал Лессинг, что мог сказать, что сказал бы, если бы прожил десятью-пятнадцатью годами долее.

МВ
775. - половины не сказал.

32

Чернышевский Н.Г. Полное собрание сочинений в 10-ти т. /С 4 портр. - Спб.: М.И.Чернышевский, 1906. - Т.IУ. /4/, 583 с.

Д. 6346.

Чернышевский Н.Г. Полн. собр. соч. в 15-ти т., т. 5.

Кавеньяк

/с. 1-49 (5-64)/

/с. 25-26 (35)/:

(Самое основное правило политического благоразумия говорит, что при внутренних раздорах победоносная сторона может укреплять свое господство только снисходительностью к побежденной, - так действовали все истинно государственные люди, от Юлия Цезаря до Наполеона.)

Правило.

25-26 - Тактика.

/с. 27 (37)/:

(Умеренные республиканцы легкомысленно повели в феврале против Орлеанского правительства людей, с которыми еще гораздо менее могли ужиться в согласии, нежели с Орлеанским правительством. Если бы они предвидели жизнь, они отказались бы от вражды против Орлеанского правительства в феврале.)

Предвидение.

/с. 33 (44)/:

Не вступая в союз с многочисленнейшими партиями, умеренные республиканцы не должны были надеяться на помощь от людей, предводительствовавших этими партиями; но масса никогда не имеет непоколебимых и ясных политических убеждений; она следует впечатлениям, какие производятся отдельными событиями и отдельными важными мерами. Эту массу могли бы привлечь к себе умеренные республиканцы, если бы позаботились о том, чтобы их управление производило выгодные впечатления на массу и удовлетворяло тем ее желаниям, которые могли они исполнить, не изменяя своему образу мыслей.)

Масса.

/с. 49 (64)/:

(Нет ничего гибельнее для людей и в частной и государственной жизни, как действовать нерешительно, отталкивая от себя друзей и робея перед врагами. Честный человек, стремящийся сделать что-нибудь полезное, должен быть уверен в том, что ни от кого, кроме людей, действительно сочувствующих его намерениям, не может он ждать спора, что недоверие к ним и доверие к людям, желающим совершенно противного, не приведет его ни к чему хорошему. Напрасно стал бы он думать, что какими бы то ни было потворствами может он смягчить партию, которая не одобряет его коренных желаний, - вражда этой партии к нему останется непримиримой, и для того, чтобы удержать за собою свои мнимые выгоды, она всегда готова будет погубить человека, намерения которого ей противны /.../, - конечно, погибнет потом и сама, как погибли и французские реакционеры при Луи Наполеоне, но, ослепленная ненавистью, она не разбирает средств и не предвидит будущего.

Государственный человек не должен вверять ведения дел, не должен оставлять влияния на ход событий врагам своих намерений. Только при этом ус-

нв

49. - Тактика.

ловки дела пойдут так, как он того хочет.)

Ответ на замечания г-на Провинциала

/с. 92-99 (144-155)/

/с. 95 (151)/:

(То, чтобы наши земледельцы имели поземельную собственность, - вот основное наше желание; предпочтение общинного владения безграничному расширению частной поземельной собственности основывается для нас относительно настоящего и ближайшего будущего преимущественно на том, что общинное владение представляется нам единственным средством сохранить каждого поселянина-хозяина в звании поземельного собственника. Через тридцать или двадцать пять лет общинное владение будет доставлять нашим поселянам другую, еще более важную выгоду, открывая им чрезвычайно легкую возможность к составлению земледельческих товариществ для обработки земли; не можем сказать, чтобы это соображение не оказывало сильного влияния на нашу приверженность к общинному владению; но заботы настоящего всегда бывают сильнее соображений о будущем, и, конечно, мы не защищали бы с таким жаром общинного владения, если бы не побуждала нас к тому важность его для настоящего времени, совершенно справедливо понимаемая почтенным корреспондентом.

95. - Община.

Борьба партий во Франции при Людовике XVIII и Карле X

/с. 154-219 (213-291)/

/с. 197-198 (265)/:

Пока недовольная политикой правительства часть образованных сословий не видит никаких вза-

ных мер или не убедилась в непреклонности направления со стороны другой части, пользующейся силой правительства, процесс остается, так сказать, в первой инстанции, ограничиваясь словами и бумагой. Но неизбежно идет это дело к дальнейшему развитию, при котором первоначальные средства ведения тяжбы представляются для проигрывающих уже неудовлетворительными, и должна быть призвана в помощь высшая сила. В государственном процессе после первой инстанции, после слова и бумаги этой высшей инстанцией представляется фактическое, физическое могущество, лежащее во всей целости населения. Таким образом коренное основание всех государственных отношений заключается в расположении населения, как при частных отношениях оно заключается в законе.

198 - Сила.

/с. 205-206 (275)/:

Самым сильным и самым общим основанием ее /симпатии к либералам. - Сост./ было то, что либералы боролись против партии, подозреваемой народом в стремлении восстановить прежний порядок дел и за то ненавистный народу. ("Враг наших врагов - друг нам" - это заключение слишком часто ведет к самым горьким разочарованиям; очень часто случается людям, руководясь им, попадать из Сциллы в Харибду, или, по русской поговорке - "из огня в полымя"; но тем не менее редко успевают беречь себя от него даже такие опытные в политических делах, такие осторожные и недоверчивые люди, как дипломаты. Что же удивительного, если простой народ мало-помалу поддался этой мысли? Феодалы напали на новые учреждения, дорогие народу; либералы защищали эти учреждения, - чего же больше? Масса стала доверчива к ним. Правда, защищались эти учреждения либералами вовсе не в том духе, не с теми целями, с какими вводились; смысл одних и тех же слов не был в 1820-тых годах таков, каков

205. - Тактика "враг врагом".

был тридцать, сорок лет тому назад. Но где же было народу разбирать такие тонкости? Не у него одного, и у большинства людей образованных, сильнейшей элемент в умственной жизни - рутина; народ привык любить известные слова и не мог не иметь симпатии к защитникам эти слова.)

/с. 304-306 (358-359)/:

(Возобновляя мою речь об общинном владении, я должен начать признанием совершенной справедливости тех слов моего первого противника, г.Вернадского, которыми он объявлял в самом возникновении спора, что напрасно взялся я за этот предмет, что не доставил я тем чести своему здравому смыслу. Я раскаиваюсь в своем прошлом неблагоразумии, и если бы ценою униженной просьбы об изъятии могло покупаться забвение совершившихся фактов, я не колеблясь стал бы просить прощения у противников, лишь бы этим моим унижением был прекращен спор: начатый мною столь неудачно.)/.../
(Ни одного нового или самостоятельного соображения не было представлено русскими противниками общинного владения; все их понятия были целиком взяты из устарелых книг и даже не применены к частному вопросу, к которому большею частию вовсе не шли. Из немногих фактов, на которых опирались эти соображения, так же не было почти ни одного, который бы прямо шел к делу; а если которые и шли к делу, то были подбираемы так неосмотрительно, что свидетельствовали в сущности не против общинного владения, а в пользу его. Словом сказать, возражения были до того избиты, что, признаюсь, я не имел интереса прочесть до конца почти ни одной из статей против общинного владения, которые появлялись после того, как я поместил свою последнюю статью против г.Вернадского в ноябрьской книжке "Современника" прошлого года; с первых же страниц каждого возражения я

видел, что бесполезно читать эти бледные повторения того, что уже давно наскучило мыслящему человеку в сотнях плохих французских книжек о политической экономии; даже приятность читать гневную брань против себя, приятность, выше которой нет ничего для писателя, любящего колебать старые и надменные предрассудки, не могла пересилить скуку, приносимую вялыми повторениями общих мест старинной экономической школы. Только теперь, решившись возобновить свои статьи об общинном владении, я стал читать эти возражения и убедился, что не сделал ошибки, предположив их вовсе не заслуживающими прочтения.)

304-306 - Критика философских предубеждений.

33

Чернышевский Н.Г. Полное собрание сочинений в 10-ти т. /С 4 портр. - Спб.: М.Н.Чернышевский, 1906. - Т. У. /2/, 2, 526 с.

Д. 6346.

Чернышевский Н.Г. Полн. собр. соч. в 15-ти т., т. 6

Политика. Февраль 1859 года

/с. 1-77 (53-110)/

/с. 34-35 (90)/:

Собираются люди такого сословия, что большинство их, по выражению переведенного нами отчета, "очевидно, не принадлежит к числу избирателей", т.е. не занимает даже в Лондоне, где квартиры так дороги, квартир ценою в 60 рублей за год, или в 5 рублей за месяц. Эти люди собираются выразить свое согласие на такие мнения, которые не разделяет даже Брайт, - а что за человек Брайт, видим по аттестату, выписанному у нас из Times'а. Но эти люди - граждане города Лондона, и потому городское управление предлагает их собранию великолепную залу торжественных церемоний, и глава городского управления, великий сановник, уступающий в официальной важности разве трем-четырем главнейшим министрам, идет председательствовать на этот митинг, чтобы блеском своего сана

34. - 5. Ср. о короле.

пв

придать ему новое значение. Зато по окончании митинга эти хартисты воткнут ему благодарность с громкими аплодисментами. Так вообще держит себя власть в Англии; за то люди всех мнений и желают добра этой власти, и, например, Эрнест Джонс, который по своим убеждениям в миллион раз демократичнее континентальных либеральных, действительно не имеет и на уме, не только не скажет на словах, ничего против королевы, хотя мог бы говорить о ней, как ему угодно; и не только не имеет ничего против нее, напротив, готов защищать ее в случае надобности, - впрочем, мы забыли, что случая такого никогда не представится ему, потому что в Англии королева не имеет ни одного врага; да и власть ее такова.

нв

/с. 103 (139)/:

(Как бы ни было вредно для общества положение, занимаемое каким-нибудь сословием, как бы ни было исполнено пагубных и вредных предрассудков это сословие, все-таки огромное большинство его, как и огромное большинство всех других сословий, состоит из людей добрых и хороших.)

нв

103. - Сословия.

/с. 116 (153-154)/:

Англичанину извинительно, по неаполитанцу непростительно не знать, что так же безусловна теория неотъемлемых прав престола, основывающегося на божественной милости, как это существует в Неаполе. Обещания и действия, противные этим неотъемлемым правам, могут быть вынуждаемы обстоятельствами у человеческой слабости, но такие уступки по самому принципу теории недействительны и, если так можно выразиться, противозаконны, и по смыслу теории должны быть уничтожаемы. Когда Фердинанд восстановил свою прежнюю власть, ему не о чем было жалеть, не в чем раскаиваться, кроме разве того, как жалеть о

116 - Кровля.

грустном стечении обстоятельств, вынуждавших уступки, и раскаиваться в минутном отступлении от ненарушимой теории.

/с. 159 (186-187)/:

Каковы бы ни были намерения Поярио, он менее много вреда, наделал слишком много бед своему отечеству. И хотите ли знать, отчего наделал он столько бед родине, которую, конечно, горячо любил, для блага которой и жертвовал жизнь.. и пожертвовал всем личным своим счастьем? Это потому, что он действовал не логически. Он вообразил, что становится английским министром, тогда как он был в Неаполе. Людовик IX не мог бы исполнить дела, которое, как уверяют нас историки наши, исполнил Петр Великий. Государственный человек полезен только тогда, когда его характер и его образ действий сообразен с обстоятельствами.

159 - Поярио.

/с. 178-179 (204)/:

Правда и то, что простолюдины, совершенно незнакомые с дипломатическими тонкостями, понимают характер войны совершенно не в таком свете, какой придает войне правительство и в каком видят ее люди, более сведущие в дипломатическом языке. Парижские простолюдины и вся французская армия думают, что война имеет революционный характер; потому и восторг, ею возбужденный в солдатах и в работниках, уже принял оттенок, из которого должны возникнуть столкновения, когда факты покажут простолюдинам и солдатам, что они ошибались.

178 - "Восторг простолюдинов".

/с. 210-211 (231)/:

(Гнусные притеснители, австрийцы оказываются с тем вместе пошлыми, бездарными, просто глупыми. К сожалению, эта гармония нравственных качеств с

умственными заметна только в австрийцах. В других лагерях мы почти только и видим или людей честных, но дающих себя в обман, или людей, умеющих очень хорошо обделывать свои дела при помощи обманываемого благородства, людей, которые умеют хорошо дела делать, но делают только дурное.)

210 - Гнусные притеснители.

/с. 225-226 (246-247)/:

/.../ (мы охотно сознаемся, что чувствуем к ним /австрийцам. - Сост./ слабость; да и как не симпатизировать нам при наших убеждениях о восхитительной австрийской системой? Да, мы смотрим на австрийцев с умилением восторга за то, что всему свету являются они в истинном виде /.../ Попробуйте сказать что-нибудь о французской, об английской, о какой угодно другой внутренней или внешней политике, - сотни и тысячи благороднейших людей набросятся на вас за недостаток веры в честность, благородство, в добрые намерения, в прекрасные цели, в восхитительные результаты; вы будете названы грязным скептиком, клеветником, желчным фанатиком и т.д. С одними австрийцами дело не такого. Тут скажите только: "австрийская политика своекорыстна, реактивна, гнусна", - все с вами согласятся. Неужели не недостойны признательности австрийцы за то, что они одними не обольщен никто? Это объективная причина нашего глубокого сочувствия к австрийцам: невозможно не уважать дела, не производящего ошибки ни в чьем уме.)

226 - Австрийцы.

/с. 231 (253)*/:

Кроме того, как вы знаете, в Сардинии есть сильная реакционная партия, вовсе не ограничивающаяся одним каким-нибудь сословием. Я встречал, кроме священников, также и фермеров, сельских старшин и

231. - Тюрго

* Цитата из газ. "Таймс".

других людей, принадлежащих к ней. Аргумент одного из них был так прост, что я повторяю его вам. A trop- po cara, la libertà, сказал этот патриот: "слишком дорога она, свобода". Прежде он платил в казну только 150 франков, а теперь подати с него постепенно возвысились до 400 франков.

cara la liber- ta.

/с. 232 (254)/:

(Впрочем, мы совершенно напрасно вдались в этот экскурс об отношениях к народу политики, столь симпатичной благородным стремлениям всех образованных сословий: какое кому дело до того, лучше или хуже стало массе? У нас, образованных людей, потребности не те, как у грубой массы, озабоченной только добыванием для себя, а более для нас, материальных средств к жизни, а нашим потребностям стремление политики Кавура удовлетворяет прекрасно.)

232 - мы и массы.

МВ

/с. 239 (262)/:

История отряда Гарибальди составляет не только самую чистую,но и самую важную для сущности дела часть похода. К сожалению, до сих пор мы ничего не знаем об отряде Гарибальди, кроме того, что он дрался геройски, что он, к несчастью, слишком еще малочислен и не может еще иметь большого веса в совещаниях союзников, наконец, что есть ясные признаки их взаимного нерасположения между союзниками и Гарибальди.

239 - Гарибальди.

/с. 249 (272)/:

(У нас имеет привычку сваливать на всех людей целой нации и на все ее партии узкие национальные предрассудки, которыми повсюду увлекается толпа, - (мы говорим не о простолюдинах, а собственно о классах, в которых сосредоточивается общественное мнение, которые заняты политическими делами, чита-

МВ

249 - Масса и классы.

ют газеты и обладают влиянием на ход дел, - это толпа, повсюду служащая игрушкой своекорыстия и интриги.)

Политика. Январь 1859 года

/с. 484-526 (5-52)/

/с. 491 (13)/:

(Прогресс совершается чрезвычайно медленно, в том нет спора; но все-таки девять десятых частей того, в чем состоит прогресс, совершается во время кратких периодов усиленной работы. История движется медленно, но все-таки почти все свое движение производит скачок за скачком, будто молоденький воробушек, еще не оперившийся для полета, еще не получивший крепости в ногах, так что после каждого скачка падает, бедняжка, и долго копошится, чтобы снова стать на ноги, и снова прыгнуть, - чтобы опять-таки упасть. Смешно, если хотите, и жалко, если хотите, смотреть на слабую птичку. Но не забудьте, что все-таки каждым прыжком она учится прыгать лучше, и не забудьте, что все-таки он растет и крепнет и со временем будет прыгать прекрасно, скачок быстро за скачком, без всякой заметной остановки между ними. А еще со временем, птичка и вовсе оперится и будет легко и плавно летать с веселой песнью. Правда и то, что, судя по нынешнему, не слишком еще скоро придет ей время летать; а все-таки придет, сомневаться тут нечего.)

Ск/ач/к/и/.

33

Чернышевский Н.Г. Полное собрание сочинений в 10-ти т. /С 4 портр. - Спб.: М.Н.Чернышевский, 1906. - Т. VI. /4/, 757 с.

Д. 6346.

Чернышевский Н.Г. Полн. собр. соч. в 15-ти т., т. 7.

Капитал и труд. ("Начала политической экономии", сочинение Ивана Горлова. Том первый, С.-Петербург, 1859)

/с. 1-50 (5-63)/

/с. 8 (14)/:

Мы нарочно взяли такой способ действия, который представляется имеющим самый высокий характер безисключительности. Но и он, как видим, встречает случаи, в которых не соответствует общей обязанности человека поступать честно, когда его нарушение составляет высокую доблесть. Всякое другое правило о способе действия допускает еще гораздо больше исключений. Надобно ли говорить, почему это так, - почему мысль, определяющая способ действия, никак не может иметь характера всеобщности, и характер этот может принадлежать только мыслям, определяющим цели действия?

Всеобщность.

NB

/с. 9, примеч. (14, примеч.)/:

Нет надобности замечать, что случаи, в которых нарушение истины может допускаться, принадлежат исключительно практической сфере, жизни действия, а не жизни мысли, не теоретической сфере. В теории, в исследовании принцип: "ищи истины, распространяй истину" определяет задачу, цель деятельности, а не способ исполнения этой задачи. Потому этот принцип абсолютен. Но как осуществить его? На это опять есть разные способы, из которых ни один не может претендовать на безисключительность. Иногда и от некоторых людей служение истине требует заботы о новых исследованиях в области науки; иногда нарушил бы человек свои обязанности перед истиною, если бы отдал свои силы на новые исследования, - это бывает тогда, когда он может оказать истине больше услуг простым распространением уже найденных наукою истин в массе, нежели какими-нибудь учеными изысканиями.

9. - Das Pudels kern *

NB

ср. 31

/с. 11 (17)/:

Свобода, подобно истине (или, лучше сказать, просвещению, потому что здесь имеется в виду субъективное развитие истины в индивидуумах), не составляет какого-нибудь частного вида человеческих благ, а служит одним из необходимых элементов, входящих в состав каждого частного блага; свобода и просвещение - это кислород и водород, которые не могут быть предметами особенных наук, потому что и сами по себе не составляют отдельных предметов, не могут существовать в природе независимым, самостоятельным образом, отделяются от других элементов только искусственным анализом, но без которых не существует в природе никакая жизнь.

II. - Просвещение.

II - Просвещение.

* Суть дела (нам.).

/с. 37 (48-49)/:

Мы не говорим, чтобы гегелевская диалектика была хороша; мы только думаем, что человек, не имеющий понятия о таком важном факте, как, например, Гегелева философия, не может считаться просвещенным человеком, и становится смешон, когда принимается рассуждать об ученых предметах. И вот этакой господин полюбил слово естественность и вздумал клеймить словом искусственность все, что ему не нравилось. И вот господа экономисты с восхищением схватились за эти слова; это не делает чести их ученому образованию.

ив

37. - Диалектика.

/с. 47 (60)/:

Товарищество должно пользоваться временем как можно расчетливее, потому во время горячих земледельческих работ все члены его приглашаются заниматься земледелием, а другими промыслами и работами занимаются в свободное от земледелия время. Впрочем, обязательности и тут нет никакой: кто чем хочет, тот тем и занимается.

Как же это?

Июльская монархия

/с. 53-150 (64-185)/

/с. 111 (135)/:

(Председателями парламентского консервативного большинства были тогда Тьер и Гизо, соответствовавшие своими характерами двум оттенкам этого большинства, различавшимся между собою не существом стремлений, а только темпераментами. Гизо был представителем людей рассудительных и серьезных, ясно понимавших, чего они хотят и какие мысли, какие фразы сообразны с их основными стремлениями. Тьер выше всего ценил эффект и любил всякие громкие слова без

Тьер.

разбору, лишь бы они были эффектны; он слыл представителем людей легкомысленных. По легкомыслию и любви к эффектам, ему часто случалось заговариваться, и когда впоследствии стал он непримиримым соперником Гизо, многие стали считать его либералом за блестящие фразы; но в сущности он любил произвол более, чем сам Гизо, и нимало не уступал ему консерватизмом, доходившим у них обоих до реакционности.)

III. - Тьер.

/с. 125 (152)/:

Этот ход дела приводит нас к заключению, какое вообще выводится почти из всех катастроф. Напрасно было бы думать какой-нибудь партии, что вред, наносимый противникам, непременно должен обратиться ей в пользу. Нет, действительно существуют выше всех вопросов о победе той или другой партии интересы целого общества, и те действия, которые вредят им, приносят в результате вред не одним противникам, но всем без исключения, в том числе даже людям, основывающим свой успех на них. Есть меры, к которым никогда не должен прибегать расчетливый человек, как бы гибельны ни были они для людей, ему ненавистных. Мы говорим это не с точки зрения нравственности или гуманности, а даже просто с точки зрения выгодности, эгоистического расчета.

125. - Тактика.

Антропологический принцип в философии. ("Очерки вопросов критической философии". Сочинения П.Л. Лаврова. I. Личность. Спб. 1860)

/с. 179-239 (222-295)/

/с. 192 (237)/:

Об авторе книги "De la Justice " надобно сказать не то: он глубоко проникнут принципами немецкой философии. Мы читали, будто бы он не знает по-немецки; если это правда, то все еще ничего не значит. Белин-

ский также не знал по-немецки, а между тем знал немецкую философию так, что не наберется в самой Германии десяти человек, понимающих ее столь же глубоко и ясно. Мы сказали, что главный источник знакомства с этою наукою у автора книги "De la Justice" и у Белинского был одинаков: разговоры с людьми, занимавшимися немецкою философиею; говорят, что даже эти люди были одни и те же. Можно полагать, что такие известия справедливы. Но как бы то ни было, Прудон проникся духом немецкой философии.

Бакунин[115].

/с. 205 (253)/:

Мы видали, на какой ступени развития находится образ мыслей простолюдина Западной Европы. До него еще не дошла общая идея нынешней науки, выводы которой согласны с его потребностями. Он еще держится устарелых принципов, но видит совершенную несостоятельность выводов, сделанных из них его учителями, людьми старых систем, и беспрестанно переходит от жаркого отрицания их к подчиненности им. В этом смирении он не может удержаться надолго и опять изливается в едких тирадах, чтобы опять смириться перед рутиною.

Пролетариат.

/с. 210 (259-260)/:

(Первым следствием вступления нравственных знаний в область точных наук было строгое различение того, что мы знаем, от того, чего не знаем. Астроном знает, что ему известна величина планеты Марса, и столь же положительно знает, что ему неизвестен геологический состав этой планеты, характер растительной или животной жизни на ней и самое то, существует ли на ней растительная или животная жизнь. Если бы кто-нибудь вздумал утверждать, что на Марсе находится глина или гранит, существуют птицы или полюсы, астроном сказал бы ему: вы утверждаете то, чего не знаете.)

Воля.

/с. 227 (280)/:

(Ощущение по самой натуре своей непременно предполагает существование двух элементов мысли, связанных в одну мысль: во-первых, тут есть внешний предмет, производящий ощущение; во-вторых, существо, чувствующее, что в нем происходит ощущение; чувствуя свое ощущение, оно чувствует известное свое состояние; а когда чувствуется состояние какого-нибудь предмета, то, разумеется, чувствуется и самый предмет.)

Ощущение.

МВ

/с. 234 (288-289)/:

(Наука говорит о народе, а не об отдельных индивидуумах, о человеке, а не о французе или англичанине, не купце или бюрократе. Только то, что составляет натуру человека, признается в науке за истину; только то, что полезно для человека вообще, признается за истинное добро; всякое уклонение понятий известного народа или сословия от этой нормы составляет ошибку, галлюцинацию, которая может наделать много вреда другим людям, но больше всех наделает вреда тому народу, тому сословию, которое подверглось ей, заняв по своей или чужой вине такое положение среди других народов, среди других сословий, что стало казаться выгодным ему то, что вредно для человека вообще.)

Ив/анову/-Раз/умнику/[116].

МВ

234. - Иванову-Разумнику.

Постепенное развитие древних философских учений в связи с развитием языческих верований. Соч. Ор. Новицкого. Часть I. Религия и философия древнего Востока. В университетской типографии 1860 г.

/с. 265-274 (429-440)/

/с. 265 (430)/:

Дело начинается тем, что вся масса людей, населявшая провинции бывшей Западной Римской империи

МВ

и составившаяся из смешения германских завоевателей с прежними римскими подданными, имеет одинаковый взгляд на вещи: все одинаково католики и все, от высших до низших, одинаково понимают католичество; папа в УП или УШ веке отличается от самого необразованного французского или ирландского поселянина только тем, что больше его помнит текстов и молитв, а не тем, чтобы иначе разумел смысл их.

265 - Роль образованных классов.

НВ

/с. 286 (430-431)/:

Эти успехи /в науке. - Сост./ основаны на материальных средствах, которыми располагают духовенство и среднее сословие; горожане участвуют и в произведениях новой поэзии, уже недоступной всему народу, остающемуся при прежних сказках и песнях; в городских цехах составляются компании мастеров поэзии, майстерзингеров; но они больше содействуют этой перемене богатства феодальных баронов, у которых являются придворные поэты - трубадуры.) /.../ Поэзия образованных сословий развивается столь же быстро, а масса повсюду остается при испаганных ключах прежней общенародной поэзии средних веков.

НВ

266. - Поэзия образованных сословий.

/с. 288 (433)/:

(Дело начинается постепенным выделением людей высшего умственного развития из толпы, которая все дальше и дальше отстает от их быстрого движения. Но по достижении очень высоких степеней развития умственная жизнь передовых людей получает характер все более и более доступный простым людям, все больше и больше соответствующий простым потребностям массы, и вторая, высшая половина исторической умственной жизни состоит по своему отношению к умственной жизни простолюдинов в постепенном возвращении того единства народной жизни, которое было при самом начале и которое разрушилось в первой половине движения.)

НВ

268 (Выписка).

Прадедовские нравы. (Записки Гавриила Романовича Державина. 1743 - 1812. Издание "Русской беседы". Москва. 1860)

/с. 289-330 (325-371)/

/с. 316 (355)/:

Но у Державина напрасно было бы и вообще искать какой-нибудь последовательности в образе мыслей; его понятия представляют самую пеструю смесь мыслей, внушаемых сердцем по природе благородным, с господствовавшими тогда идеями совершенно иного характера /.../ Он был дикарь с добрым от природы сердцем, по капризу судьбы поставленный довольно важным человеком в государстве, более всего нуждавшемся в избавлении от дикарства. Он видел, что все не клеится, все дурно, повсюду находил несоответственность между национальными нуждами и обстоятельствами, в которых содержалась нация. Ему хотелось бы сделать что-нибудь полезное для общества, но он решительно не понимал, в чем заключается причина расстройства и бедствий; ему не приходило в голову, что причины эти заключаются в диких понятиях, которыми сам он был пропитан и наивностью которых ловко пользовались некоторые хитрые личности, принявшие из европейской цивилизации один только маскарад.

НВ

Sic!

НВ

316. - Просветитель.

/с. 317 (356)/:

Следует только то, что автор статьи /Черниевский. - Сост./ плохо воспользовался материалами, какие имел в записках Державина; но это нимало не мешает материалам оставаться ценными, и никто не препятствует читателю придать им собственною мыслью ту обработку, какой не умела сообщить им наша статья.

поэзия.

317. - поэзия.

/с. 319 (358-359)/:

Но для нас важно не то, каков был на самом деле Репнин, а то, что Державин, имея о нем мнение, которое мы прочли, не почел нужным выбросить из своих сочинений оду "Памятник герою" /.../Приди ... - говорит Державин:"воссядь при памятнике дивном и вещай, что

Друзья, герои человеков"

должны считаться "солью земли", "звездами во мраке", "великими зерцалами богоподобных" и т.д. и что изображаемый теперь герой имеет такие качества: он

Прямой герой страстьми недвижим,
Он строг к себе и благ ко ближним;ъ
К богатствам, титлам, власти, славе /.../

319. - Террористам.

Ср. Савинкова[117].

История цивилизации в Европе от падения Римской империи до французской революции. Соч. Гизо. Редакция перевода К.К. Арсеньева. Издание Николая Тиблена. С.-Петербург. 1860

/с. 346-350 (475-480)/

/с. 348 (478)/:

(Ни в чем, кроме натуры человека, не находила себе цивилизация поддержки, а люди, трудом и любознательностью которых вырабатывалась она, находились в положении чрезвычайно стесненном, так что деятельность их была очень слаба и беспрестанно подвергалась помехам, уничтожавшим большую часть даже того немногого, что успевала она произвести /.../ Так или иначе, та же самая история постоянно повторялась повсюду в Западной Европе.)

NB

348 - цивилизация. ср. П. 366.

Записки Льва Николаевича Энгельгардта. Москва. 1860 г.

/с. 350-358 (481-490)/

/с. 353 (484-485)/:

Новиков, Радищев, еще, быть может, несколько человек одни только имели тогда то, что называется ныне убеждением или образом мыслей. Остальные жили, служили честно или нечестно, смотря по своей натуре, и не думали ни о чем, кроме того, что лично касалось их. Конечно, тем большего уважения заслуживает честность в личных делах, которая встречалась нередко и в те времена.

NB

353 - Новиков.

Политика. Октябрь 1860.

/с. 682-709 (т. 8, с. 295-327)/

/с. 692 (307)/:

Кажется, эти факты достаточно показывают, что Маццини хотел провозглашения республики только в те периоды, когда не видел возможности для итальянской нации достичь единства с монархическою формою правительства; а когда являлась эта надежда, он бросал мысль о республике и готов был делаться самым горячим партизаном государя, который дал бы итальянцам национальное единство под своею властью. Читатель видит, к чему мы делаем все эти объяснения. Мы далеки от мысли извинять Маццини, как вовсе не думаем защищать и Кавура. Читатель точно так же, как и мы, знает, что цель, к которой стремились обе партии, имевшие своими представителями Кавура и Маццини, была противна международному праву, признаваемому всеми европейскими державами. Мы вовсе не думаем, чтобы человек, уважавший трактаты 1815 года, в которых Россия принимала столь славное участие, мог извинить людей, стремившихся разрушить порядок дел,

NB

установленный в Италии этими трактатами. Мы только хотели показать, что источником несогласий между так называемыми конституционистами и так называемыми республиканцами Италии вовсе не было пристрастие так называемых республиканцев к республиканской форме, несогласие их на конституционную форму. Напротив, эти так называемые итальянские республиканцы в сущности и не могут называться республиканцами: они просто приверженцы итальянского единства, совершенно согласные на монархическую форму его.

692 - Преступники.

/с. 694 (309)/:

Точно так постоянно не хотели они /умеренные. - Сост./ за год или два ничего из того, что делали через год или через два. Ход вещей принуждал их принимать черту за чертою программа радикалов. Но сама по себе программа радикалов была отвратительна для умеренных, как программа революционная.

694 - Наши кадеты.

Наши к.-д.

34

Чернышевский Н.Г. Полное собрание сочинений в 10-ти т. /С 4 портр. - Спб.: М.П.Чернышевский, 1906. - Т. VII. С портр. авт. 1853 г. /2/, V, 664 с.

Д. 6346.

Чернышевский Н.Г. Полн. собр. соч. в 15-ти т., т. 9.

Очерки из политической экономики (по Миллю)

/с. 305-616 (335-725)/

/с. 450 (553)/:

Вероятно, не мешает сделать еще одно замечание. Мы говорим вовсе не против обмена продуктов между единицами производительного хозяйства. Как не быть и зачем не быть между ними обмену? Ведь происходит же обмен продуктов и между целыми странами, - тем больше в нем надобности и удобства между отдельными провинциями, городами, селами. Но количество продуктов, посылаемое страной в обмен за границу; или получаемое в обмен из-за границы, составляет лишь меньшую половину и вообще лишь незначительную долю в общей массе потребления и производства страны. Главная масса ее продуктов производится для внутреннего потребления. Только вот об этом мы говорим и по отношению к производительным единицам. Теория требует, чтобы в каждой группе производите-

Обмен.

лей главная масса продуктов производилась на внутреннее потребление самой этой группы; а если затем некоторая часть продукта обменивается, это ничему не мешает, - напротив, может быть очень полезно.

/с. 523 (6I7)/:

<u>Должен ли оставаться такой быт</u>, при котором возможна подобная несообразность? Ответ на это отлагается у Милля до последней главы четвертой книги, и прежде чем дать его, он занимается исследованием перемен, производимых прогрессом промышленности в состоянии ценностей, цен, рабочей платы, прибыли и ренты.

<u>5I3</u>. - Должен ли оставаться такой быт? 5I3.

/с. 630 (349)/:

<u>Брань - настроение духа, одаренное очень большою живучестью</u>. Трусость также. Раз привыкнешь бранить и трусить социалистов и коммунистов, континентальные политико-экономы еще не успели оправиться от своего истерического припадка.

<u>630</u> - <u>Брань</u>.

/с. 632 (352)/:

Хладнокровно рассуждать о шансах любимого дела в то самое время, когда стараешься об исполнении его, - это возможно только или при сильной большой опытности, или при особенном темпераменте, в котором холодность ума соединяется с горячностью воли. Людей того и другого рода всегда бывает довольно мало. Остальных не разубедишь: им все будет казаться, что вот-вот представляется один из тех, почти беспримерных в истории случаев, когда с одного раза прочно приобреталось многое.

632 - <u>Ум и воля</u>.

35

Чернышевский Н.Г. Полное собрание сочинений в IO-ти т. /С 4 портр. - Спб.: М.Н.Чернышевский, I906. - Т. УП. /4/, 530 с.

Д. 6346.

Чернышевский Н.Г. Полн. собр. соч. в I5-ти т., т. 7.

О причинах падения Рима. (Подражание Монтескье) (История цивилизации во Франции от падения Западной Римской империи. Сочинение <u>Гизо</u>, члена Французской академии. Часть первая. Переведено под редакцией М. Стасюлевича. С.-Петербург. I86I г.)

/с. I56-I77 (643-668)/

/с. I58 (645)/:

Чрезвычайно часто бывает, что при рассуждениях о какой-нибудь вещи забывается одна неважная штука - сущность вещи. Сколько толкуют, например, о благодетельных последствиях какой-нибудь войны, забывая лишь одно то, что война разоряет обе воюющие стороны, а разорение ведь не бог знает как хорошо и полезно.

I58 - <u>Война</u>.

нв

/с. I65 (655)/:

Таким образом (во всех отраслях цивилизованной жизни Римская империя подвигалась вперед: просвещение и промышленность распространялись; националь-

I66 - <u>Прогресс Рима</u>.

ности или к приобретению независимого существования; в управлении стал являться выборный элемент; права массы расширялись.)

/с. 167-168 (657)/:

(Чем же был убит древний мир? Мы прямо говорим: исключительно волнением, которое овладело всеми кочевыми племенами от Рейна до Амура. (Тут было ни больше, ни меньше, как погибель страны от наводнения. Никакой внутренней необходимости смерти не было. Напротив, жизнь была свежа, прогресс безостановочен. Погибель Римской империи - такая же геологическая катастрофа, как погибель Геркулана и Помпеи, как погибель страны, по которой гуляют теперь волны Зёйдер-зе.

NB

167 - причина гибели.

Граф Кавур

/с. 207-220 (669-684)/

/с. 210 (672-673)/:

Ведь если б Кавур и другие предводители умеренной партии поступали иначе, если бы они сами шли вперед, а не были против собственных мыслей ведены вперед другими, они не были бы предводителями умеренной партии, не были бы представителями большинства, не имели бы в своих руках и организованную силу государства, не были бы его правителями. Они были бы тогда отброшены массою, как люди, не соответствующие неопределенности ее тенденций, вялости ее желаний; она выдвинула бы тогда вперед других людей, и только переменилась бы расстановка имен /.../ (Иметь обдуманную, ясную программу! Может быть, это и хорошо само по себе, может быть это и полезно для нации, но масса общества никогда не поставит, не будет иметь своими впредставителями таких людей. Стало быть, нечего попрекать Кавура за

NB

Масса.

то, что он был таким, каким был, занимая место, какое занимал: такие люди требуются этим местом; другие не годятся для него.)

/с. 212 (675-676)/:

Все это так; и программа исполнялась очень искусно, и все, что входило в программу, было ясно, точно, твердо, - значит, представляло все залоги успеха; все так, лишь одна была беда: главное-то дело не попало в программу главным делом, потому что не входило в вековечные правила дипломатической рутины. Вот только оно-то одно и осталось для Кавура, как для всей умеренной партии, делом темным, о котором бог знает как судить, относительно которого приходилось поступать по рутинным надобностям иных соображений, часто не соглашавшихся с ним, часто вредивших ему; вот только оно-то и осталось каким-то внешним, непонятным предметом, относительно которого действовал Кавур наудачу, не соображая его надобностей, жертвуя им для своих рутинных целей /.../

Endziel *

Бернштейн[119].

На том же основании мы называем смерть Кавура великою потерею для итальянцев умеренной партии, то есть для всей массы итальянцев, за исключением очень малочисленных друзей кардинала Антонелли и довольно малочисленных людей действительно ясного и твердого прогрессивного образа мыслей.

Интеллигенция.

Полемические красоты. Коллекция вторая: красоты, собранные из "Отечественных записок"

/с. 243-278 (732-774)/

/с. 267 (761)/:

Но ведь это прилично было вам /С.С. Дудышки-

* конечная цель (нем.).

ну. - Сост./ думать, когда вы о философии судили по статьям г. Лаврова. Ну-с, а ведь теперь вы уже находите, что философские статьи г. Лаврова были плохи (признавайтесь, что находите: ведь у нас есть улика тому); так не следовало ли бы вам рассудить таким манером: ("о каком бы предмете ни заговорил человек, образ мыслей которого туманен, речь его будет туманная, головоломная. А сама по себе философия, быть может, и не бог знает какая непонятная наука").

Лавр/ов/ 267.

Русский реформатор. (Жизнь графа Сперанского. Соч. барона М. Корфа. 2 т/ома/. С. - Петербург. 1861 г.)

/с. 292-319 (794-827)/

/с. 303 (807)/:

Очевидно, что реформаторские труды Сперанского должны были оставаться бесполезными и безвредными листами и тетрадями писаной бумаги. За то, что что Сперанский не хотел понимать этого, надобно, вместе с бароном Корфом, назвать его мечтателем. Разумеется, не по недостатку ума не понимал Сперанский этого, а только по горячему желанию принести пользу государству.

нв

303 - Ум.

Народная бестолковость ("День", №№ I и 2)

/с. 320-338 (828-848)/

/с. 337 (847-848)/:

Роль, принимаемая на себя мною, далеко не так привлетна, как роль славянофилов. Предостерегать от заблуждений значит подвергать себя напрекания людей, преданных заблуждениям. Но в старинном нашем языке, на который ссылается г. В. Ламанский, слово

Эпиграф:

"прелесть" обозначало обман. Я предоставляю г. В. Ламанскому и другим подобным ему людям являться перед славянскими племенами в прелестном виде. Пусть образованные люди в этих племенах сами рассудят, кто на самом деле больше любит их: те ли, которые, подобно нашим славянофилам, льстят им и самохвальствуют, или те, которые предостерегают их.

337 (Потресо-ву).

36

Чернышевский Н.Г. Полное собрание сочинений в 10-ти т. /С 4 портр. - Спб.: М.Н.Чернышевский, 1906. - Т. IX. /2/, II, 246, 317 с.

Л. 6346-9.

Чернышевский Н.Г. Полн. собр. соч. в 15-ти т., т. 8, II.

Политика. Январь 1862

/с. 186-209 (т. 8, с. 584-608)/

/с. 203 (602)/:

Каждому просвещенному человеку известно, что Прусское королевство - государство конституционное. Каждому даже и непросвещенному человеку известно также, что все люди, следовательно и просвещенные люди, могут заблуждаться; а из этого следует, что не должно принимать без критики упомянутое нами убеждение просвещенных людей. Очень может быть, что их мнение о государственном устройстве Пруссии ни больше, ни меньше, как иллюзия. Мы когда-нибудь займемся этим вопросом; но пока еще не занялись им, не имеем основания отвергать распространенный в целом свете взгляд на Пруссию, как на государство конституционное; напротив, должны пока думать, что самая распространенность вышеозначенного мнения служит некоторым ручательством за его истину.

Пруссия.

нв.

203 - Пруссия.

Политика. Февраль 1862

/с. 210-224 (т. 8, с. 609-625)/

/с. 211-212 (610-611)/:

Несколько лет тому назад начали носиться неопределенные слухи о каком-то зверском тайном обществе, называющемся "Марианной". С той поры все идут слухи, будто оно растет и растет /.../, а руководителей "Марианны" все-таки не нашли, не дошлись и того, чтобы хотя узнать, точно ли от "Марианны" надобно ждать опасностей, или с других сторон, а "Марианна" только фантом.

нв

211 - Мар/и-ан/на.

/с. 218 (617)/:

С холодной исторической точки зрения, от которой мы никогда ни на шаг не отступали, самая важная часть переведенных нами страниц отчета заключается не в содержании речей Пикара и Жюля Фавра; замечателен способ обращения графа Морни, представителя правительства и палаты, с оппозиционными депутатами.

нв

ср. 219

218 - Историческая точка зрения.

Политика. Апрель 1862

/с. 235-246 (т. 8, с. 636-649)/

/с. 236 (638)/:

(Мы находим, что прусскому правительству так и следовало поступить.) Действительно, ход истории подолгинул решение вопроса, на какой ступени конституционного настроения стоит прусское общество: ограничивается ли оно тем, что приобрело знание надобности в людях с конституционными убеждениями для конституционного управления государством, или уже приготовлено и ко второму шагу конституционного пути, к решимости поддерживать людей конститу-

236 - Пруссия.

школьного направления в их спорах с правительством.

/с. 237 (640)/:

/.../ Прусское правительство /.../ распустило ее/прежнюю палату. - Сост./ потому, что не признавало за нею права приказывать ему /.../

238. - Опять она.

/с. 239 (641)/:

Нам кажется, что, избрав этот второй способ действия, путь уступок, прусское правительство поступило бы неосновательно, потому что, как мы сказали, оно еще не исчерпало своих средств сопротивления и, следовательно, еще не имеет необходимости отказаться от борьбы. Но в сущности будет все равно. (Ход истории исключительно определяется реальным отношением сил, и ошибки, делаемые людьми, имеют влияние только на форму, а никак не на сущность вещей.)

на

Ср. Лассаля.

/с. 241 (643)/:

Но, (судя по нынешнему настроению общественного мнения в Пруссии, надобно полагать, что противники нынешней системы находят себя слишком слабыми для военной борьбы и готовы смириться по первой решительной угрозе правительства, что оно прибегнет к военным мерам.)

241 - Сама.

Что делать? Из рассказов о новых людях: /Роман/ /с. I-317 (2-я пагинация) (т. II, с. 5-336)/

/с. 60 (67)/:

- Видите, какая я хорошая ученица. Теперь этот частный вопрос о поступках, имеющих житейскую

60 - (Необходимость).

важность, конечно. Но в общем вопросе остается затруднения. Вера книга говорит: человек действует по необходимости.

/с. 62 (69)/:

Сходство их /Лопухова и Марьи Алексеевны. - Сост./ понятий было так велико, что просвещенные и благородные романисты, журналисты и другие поучатели нашей публики давно провозгласили: "эти люди вроде Лопухова ничем не разнятся от людей вроде Марьи Алексеевны".

62 - (провозгласили).

/с. 63 (71)/:

(Люди, которые, не оправдывая его /Лопухова. - Сост./, захотели бы, по человеколюбию своему, извинить его, не могли бы извинить. Например, они сказали бы в извинение ему, что он был медик и занимался естественными науками, а это располагает к материалистическому взгляду. Но такое извинение очень плохо. Мало ли какие науки располагают к такому взгляду? - и математические, и исторические, и общественные, да и всякие другие. Но разве все геометры, астрономы, все историки, политико-экономы, врачи, публицисты и всякие другие ученые так уж и материалисты? Далеко нет.)

Материализм.

63 (материализм).

/с. 66 (73)*/:

- Вилишь, на том уроке, которого я не бросил, семейство дрянное, а в нем есть порядочная девушка. Хочет быть гувернанткой, чтоб уйти от семейства. Вот я ищу для нее места.

66 (семейство дрянное, а девушка и т.д.)

* Слова Лопухова.

/с. 69 (77)/:

Через несколько минут вошла Марья Алексеевна. Дмитрий Сергеевич поиграл с нею в преферанс вдвоем, сначала выиграл, потом дал отыграться, даже проиграл 35 копеек, - это в первый раз снабдил он ее торжеством, и, уходя, оставил ее очень довольною, - не деньгами, а собственно торжеством: есть чисто идеальные радости у самых погрязших в материализме сердец, чем и доказывается, что материалистическое объяснение жизни неудовлетворительно.

69 (Юркевичу)[120].

/с. 70 (78)/:

"У меня много имен. У меня разные имена. Кому как надобно меня звать, такое имя я ему и сказываю. Ты меня зови любовью к людям. Это и есть мое настоящее имя. Меня немногие так зовут. А ты зови так".

70 (лю/бовь к людям)/.

/с. 90 (99)/:

Мерцалов, сидевший дома один, читал какое-то новое сочинение, - то ли Людовика XIУ, то ли кого другого из той же династии.

/90/ (Мерцалов).

/с. 92 (101)*/:

(- Я? я никого, кроме себя, не люблю, Вера Павловна.
- И его не любите?
- Жили - не ссорились, и того довольно.
- И он вас не любил?
- Не замечал что-то. Впрочем, спросим у него: ты любил, что ли, меня, Дмитрий?
- Особенной ненависти к тебе не имел.)

/92/ - (Кирсанов).

* Слова Веры Павловны, Кирсанова и Лопухова.

/с. 104 (113)*/:

- И надобно, чтоб они были хорошие мастерицы своего дела; ведь нужно, чтобы дело шло собственным достоинством, ведь все должно быть основано на торговом расчете.
- Ах, еще бы нет, это разумеется.
- Так что же еще? О чем со мной советоваться?
- Да подробности, мой миленький.

нв

/104/ (торговый расчет).

/с. 108 (118-119)/:

(Полгода Вера Павловна дышала чистым воздухом, грудь ее уже совершенно отвыкла от тяжелой атмосферы хитрых слов, из которых каждое произносится по корыстному расчету, от слушания мошеннических мыслей, низких планов, и страшное впечатление произвел на нее ее подвал. Грязь, пошлость, цинизм всякого рода, - все это бросалось теперь в глаза ей с резкостью новизны.

" Как у меня доставало силы жить в таких гадких стеснениях? Как я могла дышать в этом подвале? И не только жила, даже осталась здорова. Это удивительно, непостижимо. Как я могла тут вырасти с любовью к добру? Непонятно, невероятно", думала Вера Павловна, возвращаясь домой, и чувствовала себя отдыхающею после удушья.)

нв

108 (чистый воздух).

/.../ По обыкновению, шел и веселый разговор со множеством воспоминаний, шел и серьезный разговор обо всем на свете: от тогдашних исторических дел /.../ до тогдашнего спора о химических основаниях земледелия по теории Либиха, и о законах исторического прогресса, без которых не обходился тогда ни один разговор в подобных кружках, и о великой важности различения реальных желаний, которые ищут и находят себе удовлетворение, от фантастичес-

108 (Закон прогресса).

* Диалог Веры Павловны и Лопухова.

ких, которым не находится, да которым и не нужно найти себе удовлетворение, как фальшивой жажде во время горячки /.../

/с. 110 (120)*/:

Да, отсутствие движения есть отсутствие труда, - говорит Алексей Петрович, - потому что труд представляется в антропологическом анализе коренною формою движения, дающею основание и содержание всем другим формам: развлечению, отдыху, забаве, веселью; они без предшествующего труда не имеют реальности. А без движения нет жизни, то есть реальности, потому это грязь фантастическая, то есть гнилая. До недавнего времени не знали, как возвращать здоровье таким полянам; но теперь открыли средство; это - дренаж: лишняя вода сбегает по канавам, остается воды сколько нужно, и она движется, и поляна получает реальность. Но пока это средство не применено, эта грязь остается фантастическою, то есть гнилою, а на ней не может быть хорошей растительности; между тем как очень натурально, что на грязи реальной являются хорошие растения, так как она грязь здоровая. Что и требовалось доказать: c-e-a-a- dum **, как говорится по латыне.

NB

110 (грязь).

/с. 113 (123-124)***/:

- (Слушай же ты, Верка, что я скажу. Ты ученая - на мои воровские деньги учена. Ты об добром думаешь, а как бы я не злая была, так бы ты и не знала, что такое добром называется. Понимаешь?) /.../

- Будь признательна, неблагодарная. Не люби, не уважай. Я злая: что меня любить? Я дурная: что меня

NB

NB

* Слова Лопухова.

** Надо: Qeadum - сокр. quoderat demonstrandum. "Что и требовалось доказать" (лат.)

*** Слова Марьи Алексеевны.

уважать? Но ты пойми, Верка, что кабы я не такая была, и ты бы не такая была. Хорошая ты - от меня дурной; добрая ты - от меня злой. Пойми, Верка, благодарна будь.

11/3/ (добро и зло).

/с. 151 (164)/:

Удаляясь, я /Кирсанов. - Сост./ подавляю в себе одно частное чувство; оставаясь, я рискую возмутить чувство своего человеческого достоинства глупостью какого-нибудь слова или взгляда, внушенного этим отдельным чувством. Отдельное чувство может быть подавлено, и через несколько времени мое спокойствие восстановится, я опять буду доволен своею жизнью. А если я раз поступлю против всей своей человеческой натуры, я навсегда утрачу возможность спокойствия, возможность довольства собою, отравлю всю свою жизнь.

NB

NB

151 (чувство достоинства).

/с. 152 (166)/:

Эгоисты и материалисты, ведь они всё делают собственно только в удовольствие себе.

152 (Эгоисты).

NB

/с. 161 (175)/:

Сколько хлопот было Дмитрию достать эту фотографию. Ведь портретов Овэна нет нигде, ни у кого. Писал три письма, двое из бравших письма не отыскали старика, третий нашел, и сколько мучил его, пока удалась действительно превосходная фотография, и как Дмитрий был счастлив, когда получил ее, и письмо от "святого старика", как он зовет его, письмо, в котором Овэн хвалит меня, со слов его.

NB.

161 (Оуэн).

/с. 164 (178)/:

Если наши интересы не связаны с поступками человека, его поступки, в сущности, очень мало занимают нас, когда мы люди серьезные, исключая двух

случаев, которые, впрочем, кажутся исключениями из правила только людям, привыкшим понимать слово "интерес" в слишком узком смысле обыденного расчета.

I64 (обыденный расчет).

37

Чернышевский Н.Г. Полное собрание сочинений в IO-ти т. /С 4 портр. - Спб.: М.Н.Чернышевский, I906. - Т.X, ч. I. С портр. авт. I864 г. /3/, 445, 3I2 с.
Д. 6346-IOа.

Чернышевский Н.Г. Полн. собр. соч. в I5-ти т., т. I3.

Пролог: Роман из начала шестидесятых годов / с. 33-I33 (5-355)/

/с. 59 (70)/:

- Милая моя голубочка, ты сядь подле меня и не огорчись тем, что я скажу. Ты знаешь, у меня характер мнительный, робкий. Потому не придавай важности моим словам: ты знаешь, у нас все тихо, и я думаю о будущем только потому, что я трус. Воображаю то, чего, может быть, и не будет. Ты знаешь, я держу себя осторожно. Если бы я не был трус, то и нечего было бы мне думать ни о тебе, ни о Володе. Ты знаешь, я не думаю ни о своих глазах, ни о своем здоровье: за мое здоровье и за глаза ты напрасно опасаешься, поверь мне. Одно может повредить тебе с Володею: перемена обстоятельств. Дела русского народа плохи. Будь что-нибудь теперь, нам с тобою еще ничего. Обо мне еще никто не позаботился бы. Но моя репутация увеличивается. Два, три года, - и будут считать меня человеком со влиянием.

нв

I59 (Пролог).

Пока все тихо, то ничего. Но, как я говорю, и сама ты знаешь, дела русского народа плохи. Перед нашей свадьбой, я говорил тебе, и сам думал, что говорю пустяки. Но чем дальше идет время, тем яснее, что надобно было тогда предупредить тебя. Я не жду пока ровно ничего неприятного тебе. Но не могу не видеть, что через несколько времени...

/с. 60 (71)/:

Рязанцев был главным местн м авторитетом прогрессистов в Петербурге. Прогрессистов в Петербурге было тогда бесчисленное множество.

60 (прогрессисты).

/с. 61 (72)/:

Он /Волгин. - Сост./ пришел; стал подыматься по лестнице. Но куда я итти ему? В 4-й ярус, положим; но в какой нумер? - Только тут, поднимаясь на лестницу, он сообразил, что не знает нумера ложи. Он остановился, подумал: как быть с этим? - Убедился, что затруднение непреодолимо, пошел вниз. Спускаясь, все соображал, и вдруг, сообразил, что если уже так, то можно устроить другое дело, удовольствие самому себе. Он подошел к кассе: - "Позвольте два билета в боковые места, одно место с одной стороны, другое с другой". - Кассир отвечал, что нет ни одного билета в боковые места. Видя, что человек опечалился, а одет не бедно, и украшен золотыми очками, кассир прибавил, что самые денежные билеты, какие остаются, - в шестой ряд кресел. - Волгин подумал. Дорого; но это бы так и быть. А главное: в креслах, его увидит Лидия Васильевна. Нельзя. Он пошел от кассы, перебирая пальцами свою рыжеватую бородавку.

NB

61 (жена).

/с. 64 (76)/:

- Ах, теперь понимаю, если вы советуете говорить, чтоб не могли услышать! - Совсем забыла, что в Демидове живут наши!

NB

64 - "Наши".

/с. 89 (103)/:

-Да, это, точно, была большая ошибка с моей стороны, голубочка, - согласился Волгин. - Да, Павел Михайлич, - обратился он к Нивельзину: - вот наше с Лидией Васильевной горе; (у всех у наших господ просвещателей публики чепуха в голове, пишут ахинеи, обивают с последнего толка русское общество, которое и без того уже находится в полупомешательстве. Нет между ними ни одного, которого бы можно было взять в товарищи. Поневоле принужден один писать все статьи, которыми выражается мнение журнала. И не успеваю. Нет человека с светлой головой, да и конечно.)

NB

89 - (один).

/с. 114 (132)/:

Галиция волновалась. В пограничных польско-русских землях со дня на день ждали оттуда известия, что поднялось восстание, и готовились поддержать его. Собирались, организовывались, старались запастись оружием, уговаривались о плане действий. В том крае, где была родина Соколовского, местом собраний служил дом Зелинского. Однажды, съехались. Собрание было очень многочисленное. И вдруг, получается известие: ныне, Галиция взялась за оружие. Тотчас же, было решено: прямо из этого собрания каждый едет в свою околицу, поднимает ее к начинается восстание. Все, решили единогласно. Один Соколовский спрашивал: да правда ли, что Галиция поднялась? "Поднялась!" кричали ему. Но он был так настойчив, что наконец перекричал гвалт, убедил не разъезжаться, на выслушал его. Верны ли извес-

114 (тактика)

тия, что Галиция поднялась? кто привез их? - Привезли десятки, сотни людей: на всех рынках, к вечеру все знали; каждый приезжавший с границы, подтверждал. - Но кто видел? - Через два или три часа бурного сопротивления Соколовский умолил, чтобы дозволили ему съездить за границу, взглянуть, и привезти положительные сведения.

/с. 131 (151)/:

Волгин флегматически повторил, что и не думал беспокоиться; несколько живее прибавил, что ему, впрочем, очень понравилась заботливость Платонцева рассеять все недоумения; потом, совершенно одушевился, начал благодарить Соколовского и бранить себя. Он говорил, что совестится, что просит Соколовского забыть его глупый отказ и быть знакомому с ним. - Но Соколовский понимал его боязнь очень серьезно, и отвечал, что не находит ее ни трусостью, ни капризом, как уверяет теперь Волгин. Когда потребует общая польза, нечего думать о себе; но пока обязанность гражданина не велит пренебрегать риском, надобно избегать всякого риска, и самого ничтожного. Волгин полагал, что может быть компрометирован дружбою с ним; не его дело судить, почему так полагал Волгин; полагал, этого довольно. Без надобности, он не будет видеться с Волгиным.

НВ

131 - Обязанности гражданина.

/с. 171 (196)/:

(Ему /Волгину. - Соот./ вспоминалось, как, бывало, идет по улице его родного города толпа пьяных бурлаков: шум, крик, удалые песни, разбойничьи песни. Чужой подумал бы: "Город в опасности, - вот, вот, бросятся грабить лавки и дома, разнесут все по щепочке". Немножко растворяется дверь будки, оттуда просовывается заспанное старческое лицо с седыми, наполовину выцветшими усами, раскрывается беззубый рот и не то кричит, не то стонет дряхлым хрипом: - "Сюты, чего разорались? Вот, я вас!" - Удалая ватага притихла, передний за заднего хоронится, - еще бы такой окрик, и разбежались бы удалые молодцы, величавшие себя "не ворами, не разбойничками, Стеньки Разина работничками", обещавшие, "что как они веслом махнут", то и "Москвой тряхнут", - разбежались бы; куда глаза глядят, куда ноги понесут, крикни еще раз инвалид в дверь будки; но старый будочник знает, что перед богом грех был бы слишком пугать удалых молодцов: лбы себе перебьют, ноги переломают, навек бедные искалечатся, - будочник, понюхав табаку, говорит: "Идите себе, ребята, с богом, только не будите меня, старика, не вводите в сердце". И затворяется в будке, - и ватага удалых молодцов, Стеньки Разина бывших работничков, скромно идет дальше, перешептываясь, что будочник, на счастье им, видно, добрый человек.)

НВ

VI (Ст. Разин)

/с. 210-211 (239)*/:

- (После вчерашнего я не мог сомневаться, что кажусь ему хорошим сотрудником. Но эти слова удивили меня: - "Вы предоставляете мне полную волю в журнале?" - "А разве были вы очень нужны мне, если б не так? - Сотрудников, которых надобно водить на помочах, можно иметь пожалуй хоть сотню; да что в них пользы? Пересматривай, поправляй, - такая скука, что легче писать самому". - "Вы не будете просматривать моих статей?" - "А что будет в них любопытного? Признаться вам сказать, не буду читать и напечатанных, не только до напечатания. И без того приходится читать слишком много пустяков, - ха, ха, ха! - Благодарите за комплимент". - "Но я могу делать ошибки". - "А, ну вас и с вашими ошибками!

(Волгину).

* Слова Ленинского.

Только время терять с вами - ха, ха, ха! - Ну, прощайте. Приходите послезавтра. Поговорим еще, хоть не о чем".)

38

Чернышевский Н.Г. Полное собрание сочинений в 10 т. /С 4 портр. - Спб.: М.Н.Чернышевский, 1906. - Т.1, ч.2 /С портр. авт. 1888 г.; С предисл. М.Н.Чернышевского. VII, 329, 321, 128 с.

Д.6348-10б.

Чернышевский Н.Г. Полн. собр. соч. в 15-ти т., т. I, 10.

Дневник моих отношений с той, которая теперь составляет мое счастье

/с. I-108 (т. I, с. 454-547)/

/с. 48 (494)/:

Я создан для повиновения, для послушания, но это послушание должно быть свободно. А вы слишком деспотически смотрите на меня как на ребенка. "Ты и в 70 лет будешь моим сыном и тогда ты будешь меня слушаться, как я до 50 лет слушалось маменьки". | Родители.

/с. 82 (533)/:

(А какими будут эти отношения - она /Ольга Сократовна. - Сост./ третьего дня сказала: "У нас будут отдельные половины, и вы ко мне не должны являться без позволения". - "Это я и сам хотел бы так устроить, может быть думаю об этом серьезнее, чем она; она понимает, вероятно, только то, что не хочет, чтобы я надоедал ей, а я понимаю под | "Это делать?"

делимости в своих супружеских отношениях к жене) /.../

Происхождение теории благотворности борьбы за жизнь

/с. 16-46 (т. 10, с. 737-772)/

/с. 45 (771)/:

Чрезмерность размножения производит только действия; естественный отбор - результат чрезмерного размножения; спрашивается, что такое естественный отбор, благо или зло? Кажется, не очень мудрено сообразить: он - зло. Что такое зло в применении к понятию об организации? Понижение организации, деградация.

Да и по Дарвину это так в известных случаях.

Предисловие к русскому переводу "Всеобщей истории" Г. Вебера, т. VII, и Очерки научных понятий по некоторым вопросам всеобщей истории / § 1-3/

/2-я пагинация, с. 81-157 (т. 10, с. 808-896)/

/с. 102 (832)/:

Наиболее сильные из немецких философов того времени основали каждый свою особую систему, но сходились в том, что стремились объяснить все факты действительной мысли. В применении к языку это давало тот вывод, что язык вполне выражает собою все содержание мыслей человека, все оттенки его понятий о вещах, об отношениях между предметами и о переменах в них. Мышление считалось тогда основной силой, производящей человеческий организм, так что понятие о человеке было почти отожествлено с понятиями о его мышлении.

Метафизика.

/с. 142 (878)/:

Мужественно ли или нет оставалось большинство рамлин, отвыкшее от военного дела, все равно: оно не могло противиться своим войскам. Это было положение, подобное тому, какое существовало во всей Западной Европе с конца средних веков до недавнего времени. Французы или немцы, испанцы или англичане XVI века и следующих двух столетий были одинаково неспособны сопротивляться своим войскам. Скажем ли мы, что все эти народы были тогда трусливы? Они просто не знали военного дела.

Войско.

Предисловие к русскому переводу "Всеобщей истории" Г.Вебера, т. X и Очерк научных понятий по некоторым вопросам всеобщей истории. 4. Общий характер элементов, производящих прогресс.

/2-я пагинация, с. 158-186 (т. 10, с. 896-928)/

/с. 171 (911)/:

Политическая экономия применяет эту общую идею к разъяснению законов успешности материального человеческого труда, доказывая, что (все формы не добровольной работы непроизводительны и что материальным благосостоянием может пользоваться только то общество, в котором люди пашут землю, изготовляют одежду, строят жилища каждый по собственному убеждению в полезности для него заниматься той работой, над которой он трудится.)

По/литическая/ экономия:

/с. 178 (919)/:

Та часть зоологии, которая занимается исследованием умственной и нравственной жизни существ, имеющих теплую кровь, доказала, что все без исключения классы, семейства и виды их раздражаются, нравственно портятся от насилий над ними, улучшают-

/С/оциология.

ся в своих нравственных качествах при доброжелательном, заботливом и кротком обращении с ними. Ставить вопрос шире, чем обо всех живых существах с теплой кровью, нет надобности при исследовании законов человеческой жизни; и, кажется, еще не собраны материалы для разъяснения форм и законов нравственной жизни некоторых из позвоночных, имеющих холодную кровь, и большинства беспозвоночных живых существ.

/с. 182 (923)/:

(У человека, благодаря каким-то особенностям истории его предков, головной мозг приобрел такое развитие, какого не достиг ни у одного из существ, подобных ему формами тела.) Мозг.

/с. 183 (924-925)/:

(Говорит, и по всей вероятности справедливо, что умение взять в руку камень или толстую палку и бить этим оружием по врагу увеличило безопасность людей, дало им возможность улучшить свое материальную жизнь и, благодаря ее улучшению, получить большее развитие умственных способностей.) Мы видим, что умнейшие из других млекопитающих не достигли искусства ловко пользоваться этим способом защиты от сильных врагов. Рука. ?

/с. 185 (927)/:

Под экватором дикарь проводит на открытом воздухе круглый год; в стране, где он сильно страдает от холода значительную часть года, он старается проводить ее в каком-нибудь закрытом от ветра приюте; эта часть года пропадает для наблюде-

ний, предполагаемых правдоподобнейшим рассказом о вероятном способе открытия искусства зажигать огонь; соответственно пропорция непригодного для этих наблюдений числа дней в году ниже открытия искусства пользоваться огнем обращается против предположения, что оно было сделано вдалеке от экватора, свидетельствует в пользу мысли, что искусство сохранения и зажигания огня было открыто людьми, жившими в поясе вечно высокой температуры. Экватор.

ФРАГМЕНТЫ

РАБОТ, ПОСВЯЩЕННЫХ РУССКИМ РЕВОЛЮЦИОННЫМ ДЕМОКРАТАМ, И ОТНОСЯЩИЕСЯ К НИМ ПОМЕТЫ Г.В.ПЛЕХАНОВА

40

Ашевский С. /Столяров М.Н./ Белинский в оценке его современников. - Спб.: тип. М.М. Стасюлевича, 1911. - 328 с.[121]

Д. 6131.

/с. 8/:

Что касается Белинского, то он не считал нужным вступать с Воейковым в серьезную полемику и отделывался только пренебрежительными отзывами о его журнале.

8 - О /поле/-ми/ке/.*

/с. 21/:

/.../ огромный класс, ежедневно умножающийся, людей, которым нечего терять и в перевороте есть надежда все получить - кантонисты, семинаристы, дети бедных чиновников и проч. и проч., почитают "Отеч. записки" своим евангелием, а Краевского и первого его министра - Белинского (выгнанного московского студента) - апостолами /.../

21 - Разночинец.

/с. 23/:

Самому Белинскому в 1837 году пришлось услышать в Пятигорске от генерала Скобелева такие

* Помета залита клеем.

слова: "Греч мне именно сказал о тебе, что ты голова редкая, ум светлый, перо отличное, но что ты дерзок и ругаешься на чем свет стоит".

23 - (Греч).

/с. 24/:

В конце 1840 года Белинский очень скверно отозвался о комедии "Новый недоросль" Навроцкого, появившейся в "Маяке", самом мракобесном журнале сороковых годов.

24 и 44. ? Скверно.

/с. 33/:

Невысокого мнения Полевой и о литературном наследии Белинского. "Некоторые статьи скучны, растянуты, наполнены противоречиями. Вкус его, не изощренный ни основательным учением, ни собственными упражнениями в литературе, ни даже систематическим и разнообразным чтением, часто увлекал его в пошлости и в безобразие выражений и слова. Что останется от всей груды его критик? Несколько идей, дурно выраженных". В конце своего некролога Полевой высказывает сожаление о погибшем в лице Белинского даровании.

(Кс/енофонт/ Полевой).

33 (Idem - (Замечательно). NB

/с. 37/:

Станкевич, по всей вероятности, передавал факты близкие к действительности, когда сообщал Белинскому 30 мая 1836 года: "брат писал мне, что ты последнею статьею о "Московском наблюдателе" решительно убил С.П. /Шевырева/ и что он сам от себя отрекается"

37 - Ш/евырев/ сам от себя отрекся.

/с. 38/:

Но благому намерению Белинского не браниться с "Москвитянином" не удалось осуществиться: с

новым журналом ему пришлось вести не менее ожесточенную и резкую полемику, чем с "Северной пчелой". И первый вызов, как и в полемике с Полевым, последовал со стороны противника, а именно со стороны Шевырева, который не мог забыть старых ударов, нанесенных его самолюбию Белинским.

38 - Непременно отметить, что первый вызов шел от прот/ивника/ Бел/инского/. NB

/с. 44/:

Даже о повестях Погодина, которые удостоились похвалы в "Литературных мечтаниях", в обзоре русской литературы 1843 года был дан самый скверный отзыв.

24 и 44 - Скверно.

/с. 45/:

/.../ Можно было даже надеяться, что молодой человек, занимаясь и учась, сделается со временем полезным деятелем в литературе, хоть и в числе чернорабочих, переводчиком, сократителем, даже рецензентом для сочинений второклассных; но он остановился на первом шагу, закружился в первом кругу, и как будто осужденный злым волшебником, начал сказывать одну докучную сказку, начал петь одну монотонную песню, - и пел ее десять лет, поет и теперь без умолку. Какое же содержание этой докучной сказки? Ломоносов не поэт. Державин ничего не значит. Богдановича нечего читать. О Сумарокове, Книжнине, Хераскове не стоит труда и говорить.

45 - (Погодин о Бел/инском/).

Ср. 46.

/с. 54/:

Сославшись на мнение Юрия Самарина о "несчастной восприимчивости" Белинского, приведя еще один пример его "безотчетного прыганья от одного мнения к другому" (отношение к Ж. Санд), повторивши свое прежнее заявление о несправедливом отношении Белинского к Хомякову и Языкову, потому

NB 54 - Д/остоевском/у.

что "они принадлежали к другому приходу". – Погодин продолжает: "Это был человек в высшей степени увлекавшийся, который говорил нынче одно, а завтра другое, подвергаясь влиянию того, о чем ему нынче и завтра слышать или что взять на прокат случалось" /.../

/с. 56/:

(Московские славянофилы, которых Белинский в первой половине сороковых годов почти отождествлял в злейшем отношении с редакцией "Москвитянина", также принадлежали к числу ожесточенных врагов нашего великого критика и проявляли свою вражду при каждом удобном случае.)

Славянофилы и Пог/одни/.

Еще бы!

/с. 60/:

"Калайдович ... спросил меня: "можно ли прочесть это /мистерию И.С. Аксакова "Жизнь чиновника". – Авт./ Белинскому?" Я отвечал: "решительно нет, ибо Белинский может подумать, пожалуй, что я придерживаюсь его мнений, а я этого совсем не хочу". И Калайдович на это отвечал, что придерживаться мнений такого человека, каков Белинский, – достоинство и пр.!" ("И.С. Аксаков в его письмах", I. 136. М., 1888). Это тот самый Калайдович (брат известного археографа), о грамматике которого Белинский дал в 1834 году крайне неодобрительный отзыв.

60 – Калайдович.

нв

/с. 63/:

"Они /"Отечественные записки". – Сост.//.../стремятся унизить все наши известности, стараясь уменьшить литературную репутацию Державина, Карамзина, Жуковского, Баратынского, Языкова, Хомякова и на место их превозносят И.Тургенева и А.Майкова". В библиографическом отделе Киреевский выражался еще

63 – Удив/ительно/ /глуп/ тут отзыв Кир/еевского/.

сильнее и уже прямо против Белинского, имея в виду его последние статьи о Баратынском.

/с. 63–64/:

В статье своей Самарин, между прочим, полемизирует со взглядами Белинского относительно "натуральной школы" и особенно подробно и дельно защищает от его на всегда основательных нападков славянофильство.

нв Б/елинский/ несовершенен? – 63.

/с.66/:

(После смерти Белинского, в пятидесятых годах и позже, славянофилы находили возможным поддерживать дружеские сношения с такими западниками, как Тургенев, и даже совершать паломничество к Герцену в Лондон. Но отношение славянофилов к Белинскому нисколько не изменилось, оно продолжало быть таким же враждебным и несправедливым, как и раньше. Не говоря уже о представителях старшего поколения славянофилов, даже братья Аксаковы и Юрий Самарин оказались неспособными понять значение и заслуги Белинского. Как и Герцена.√)

Паломничество к Г/ерцену/! "Но" тут не при чем.

√ Как и Герцена.

/с. 71/:

(/.../ Прочитав книгу Пыпина о Белинском, Ковалев резко изменил свое прежнее мнение о великом русском критике и откровенно заявил об этом Юрьеву /.../: "Я никак не воображал, что он даже религиозен; что разрешение вопросов религиозных и нравственных было для него постоянною и жгучею потребностью, и что он был социалистом в хорошем и вовсе не в западном смысле.)

Крайне важно. нв.

Ср. 72. нв.

/с. 72/:

Таким образом, наиболее справедливым по отношению к Белинскому оказался один из представителей

Наиболее справедливым!

старшего поколения московских славянофилов, хотя и на восьмом десятке лет своей жизни.

Г. Аленский!. Ср. 74. КВ ср. 101[122].

/с. 74/:

(Когда Грот заступился за Белинского и напомнил своему другу /П.А. Плетневу. - Сост./, что раньше он писал иное, Плетнев задал себя с головою, по крайней мере, в глазах потомства, обнаружив свое непонимание истинной силы и значения Белинского.)

А Вы поняли?

/с. 79/:

"Заметили ли вы - спрашивает он /П.А. Вяземский. - Сост./ Некрева в 1841 году - выражение "Отечественных записок" /т.е. Белинского/: громадный талант Лермонтова? Что за пустая должно быть голова, в которой помещаются и из которой валятся такие громадные нелепости!".

КВ ср. 89.79 - Лермонтов. "Нелепости" Бак/инского/. КВ

/с. 81/:

"На меня находит невыразимая грусть, когда я вижу эту злобу, возникшую против любимого писателя, доставившего нам столько слезных радостей, за то, что он перестал нас тешить и с чувством скорби и убеждения исповедуется перед нами и старается, по силам, нам сказать доброе и поучительное слово". ("Рус. архив", 1866 г., с. 1086-1087). Цитированное письмо /П.Я. Чаадаева к П.А. Вяземскому. - Сост./ дает нам право думать, что в конце сороковых годов Чаадаев был на стороне не друзей, а врагов Белинского. Да и раньше он, по-видимому, мало симпатизировал ему, хотя читал его статьи и даже обращал на них внимание Пушкина.

Чаадаев[123].

/с. 82/:

("Подайте свой голос, - писал он /П.А. Вяземский. - Сост./ Некрову 4 января 1857 года - против этой реставрации, этого апофеоза памяти Белинского, которому все журналы наши поют ныне анафисты и панихиды, даже и "Русская беседа" называет его"столь славным деятелем в нашей литературе". Да разве фарисеи, которые ломают костовки, разве они лгали? Белинский был не что иное, как литературный бунтовщик, который, за неимением у нас места бунтовать на площади, бунтовал в журналах. Разумеется, я никогда не имел терпения дочитывать до конца ни одной из его увесисто-длинно-много-пустословных статей, и никогда после не приходило мне в голову заглядывать в них; но помню и живо храню тогдашнее впечатление. Белинский в свое время всегда казался мне каким-то пьяным Полевым, Полевым, болезненно объевшимся. В Полевом была по крайней мере русская сметливость. В Белинском ничего не было русского".)

1857.

Самый верный отзыв о Бак/инском/ - 82 и 85. Ср. 83 и 85 (КВ).

/с. 93/:

Запись в дневнике Добролюбова со слов Срезневского. См. "Юбилейный сборник Литературного Фонда", с. 292. Спб., 1910.

93 - Юбилейный сборник.

/с. 94/:

"Безумия и гордости умереть с голоду - прибавляет Белинский - у меня всегда станет...".

КВ * 94 - "Безумие" Б/елинско/го/ (соб/ственное слово). КВ

/с. 96-97/:

"Он дает мне разбирать немецкие, французские, латинские буквари, грамматики; недавно я пе-

сал об итальянской грамматике. Все это не потому только, чтобы ему жаль было платить другим за такие рецензии, кроме платы мне, но и потому, чтобы заставить меня забыть, что я закваска, соль, дух и жизнь его пухлого, водяного журнала (в котором все хорошее - мое, потому что без меня ни ты /Герцен. - Сост./, ни Боткин, ни Тургенев, ни многие другие ему ничего бы не давали), и заставить меня увериться, что я просто - чернорабочий, который берет не столько качеством, сколько количеством работы /.../.

Б/елинский/ ошибся в двух. - 97

/с. 101/:

"Выходка Майкова болезненно подействовала" на Белинского, по собственному его сознанию, но он не мог не отдать справедливости замечаниям молодого критика. В своих статьях в "Современнике" он гораздо осторожнее и сдержаннее по отношению к своим литературным врагам и противникам, и прежде всего к славянофилам. Вступив с Майковым в полемику, он даже явился защитником некоторых славянофильских взглядов. "Славянофилы правы во многих отношениях", заявляет Белинский в статье "Взгляд на русскую литературу 1846 года".) /.../

Вздор Аневского о Б/елинском/. - 101

"

Что за вздор!

("Такой способности к отвлеченному мышлению, - говорит Дудышкин, - такой способности к философии мы решительно не признаем ни за кем. В этом отношении ему мог бы отдать честь любой германский философ".)

101 - Отзыв Дудышкина. нв

/с. 115/:

А сколько рассыпано в статьях Ап. Григорьева таких, например, выражений о Белинском: "../ бессмертный борец идей", "вождь сознания", "энергичнейший представитель нашего критического сознания", "гениальная натура" и т.п. В заключение можно указать, что в глазах Ап. Григорьева "Пушкин в

А/полон/ Григорьев - 115. нв

поэзии, Белинский в деле сознания, Брюллов и Глинка в живописи и музыке" были наиболее блестящими проявлениями общеевропейской цивилизации на русской почве. Пушкин - наша сила, Белинский - наше сознание - эта мысль, хотя и в разных формах, неоднократно высказывается в статьях Аполлона Григорьева /.../

/с. 120/:

По требованию II Отделения Федоров поделился с ним своим материалом, извлеченным, между прочим, из статей Белинского. "Выписки сии, - говорит он в своем доносе, воспрещенном ссылками на "Отеч/ественные/ записки" сороковых годов, с точным указанием номеров, отделов и страниц, - можно разделить на четыре отдела: I. Против-народность. II. Безнравственность. III. Вольнодумство. IV. Против-религиозность. Против-народность проявляется в унижении русского характера и славы предков, в превратном представлении русской истории и в разных нареканиях на отечественное. "Отеч/ественные/ записки" позволили себе хвалить журнал, воспрещенный правительством и уличенный в безрассудном направлении /"Московский телеграф"//.../

120 - Донос на Белинского.

на

/с. 128/:

"Я слышал похвалы себе от умных людей и - что еще лестнее - имел счастье приобр эти себе ожесточенных врагов /.../"

Счастье иметь врагов - 128.

/с. 131/:

У Белинского можно встретить места, где он по предчувствию угадывал Конта. Напрасно противники Белинского укорили его в том, что он не понимал Гегеля. Нет! он его вовсе не знал, но сблизился с ним точно так же, как математик, не зная

Одоевс/кий/ о Б/елинском/ - 131.

работы другого математика, сближается с ним в выводах единственно развитием данной теоремы... Беда Белинского, - продолжает князь Одоевский, - в том, что обстоятельства жизни не позволили ему развиться правильным образом... У нас Белинскому учиться было негде, рутинизм наших университетов не мог удовлетворить его логического в высшей степени ума; пошлость большей части наших профессоров порождала в нем лишь презрение; нелепые преследования неизвестно за что развили в нем желчь, которая примешивалась в его своебытное философское развитие и доводила его бесстрашную силлогистику до самых крайних пределов.

/с. 135/:

Последним знаком уважения Лажечникова к великому критику было посвящение "Опричника", вышедшего отдельным изданием в 1867 году, "памяти В.Г.Белинского".

Лажечников - 135.
NB.

/с. 138-139/:

Кони не умалчивает о недостатках Белинского, о его желчности, пристрастности, односторонности, изменчивости, резкости, "шаткости оснований его критериума" и др., но в то же время он признает его "замечательным явлением" в русской критике "по своему оригинальному взгляду, благородному направлению и способу передавать свои идеи".

Умолчание о недостатках Б/елинского/ - 139.

/с. 142/:

Не скрывая крупных недостатков Белинского, Гончаров в то же время находит, что "эти недостатки были, может быть, неизбежны при той роли, какая выпала ему на долю. Ему, как какому-то апостолу отрицания, пришлось разыграть в сфере критики и публицистики то же самое, что другими спо-

Гончаров умно отзыв/ается/ о Б/елинском/-критике.

собами и приемами, разыграл в искусстве Гоголь, и что, иначе уже конечно, продолжало потом и продолжает разыгрываться или доигрываться почти всеми литературными деятелями до сих пор.

/с. 150-151/:

Приведенных заявлений Гоголя, не говоря уже о главном содержании и общей тенденции его "гнусной"книги, в которой Белинский усмотрел не задушевную исповедь автора, а желание добиться небесными средствами земных целей, - достаточно было, чтобы заставить "неистового Виссариона", по выражению Барсукова, "залаять собакой, завыть шакалом, зажмурить глаза и отдаться негодованию и бешенству".

?
Выражение Барсукова - 150.

/с. 155/:

В эту "кучу софизмов" Гоголь сваливает не только действительно парадоксальные мнения Белинского, но и заветное его убеждение в пользе европейской цивилизации, в воспитательном значении литературы, в необходимости общественных реформ и т.д.

Общие места. Б/елинский/ герой общих мест.
NB.

/с. 156/:

"Дорога эта привела бы вас к примирению с жизнью, дорога эта заставила бы вас благословлять все в природе. А теперь уста ваши дышат желчью и ненавистью ... Зачем вам, вам, с вашею пылкою душою, вдаваться в этот смут политической жизни, в эти мутные события современности, среди которой и твердая осмотрительность многостороннего ума теряется? Как же с вашим односторонним, пылким, как порох, умом, уже вспыхивающим прежде, чем еще успели узнать, что истина, а что ложь, как вам не потеряться? Вы сгорите, как свечка, и других сожжете".

156 - Гоголь.
NB.

/с. 158/:

(В одном из этих писем, от 12 августа 1847 года, Гоголь, между прочим, заявляет, что письмо Белинского его "огорчило не столько оскорбительными словами,... сколько чувством ожесточенья вообще". "Последнее, - пишет Гоголь Аннекову, - сокрушительно для его здоровья. Вы теперь при нем: отводите от него все возмущенное дух его. Убедите его прежде всего в той непреложной истине, что издревле теперь удел всех, кто только сколько-нибудь имеет сердце небесчувственное к делам мира сего, какой-нибудь характер и какое-нибудь убеждение" (Письма Гоголя, IУ, с. 45-47).)

Замечательно.

/с. 176/:

Уже в 1839 году в Александринском театре была поставлена комедия "Семейный суд", где изображен студент Виссарион Григорьевич Глупинский, толкующий о гегелевой философии, объективной индивидуальности и прочих мудреных вещах.

№ 176 - Глупинский=Б/елинский/.

/с. 181/:

Из неопубликованных в свое время и не вошедших в "Стихотворения" М.А. Дмитриева произведений можно упомянуть его пародию "Новая Светлана", направленную против Полевого, но изображающую и Белинского в долговой тюрьме:

Вот на койке на одной
Лик знакомый, не чужой.
Глядь - плебей Белинский.
Отражен милый прежде вид;
Не двуногим он глядит,
А уж с рожей свиной ской.

"Новая Светлана" - 181.

/с. 182/:

Больше всего почитателей и поклонников Белинского было среди писателей младшего поколения, вступивших на литературное поприще в сороковых годах и прославивших своими произведениями вторую половину минувшего века.

Поклонники - 182.

/с. 208/:

Вообще надо сказать, что "Белинский - по словам Полевого - привлекал к себе не только людей мыслящих, вполне понимавших его и разумно ему сочувствовавших, но и людей самых нехитрых, не имевших никакого понятия об отвлеченных предметах". Из числа таких друзей Белинского заслуживает внимания кн. Я.Д. Козловский, бывший инспектором Константиновского межевого института в то время, когда Белинский был там учителем. В Москве кн. Козловский уступил Белинскому "лучшую половину своей квартиры"/.../

208 - Бел/инский/ и современники.

/с. 219/:

/.../ Белинский стоял на той точке зрения, что "государства без среднего класса осуждены на вечное ничтожество", что "внутренний процесс гражданского развития в России начнется не прежде, как с той минуты, когда русское дворянство обратится в буржуазию".

нв. Капитализм - 219.

/с. 220/:

... Он /Белинский. - Сост./ называет Бакунина "немцем, который родился мистиком, идеалистом, романтиком и умрет им" (Пыпин, 637).

нв. Так и было.

/с. 234/:

Именно это занятие изложением взглядов Грановского на Робеспьера, которого он, в противоположность Белинскому, всегда очень мягко и заканчивает-

Робеспьер.

ся приведенными уже советами не подчитывал философии Шеллинга и побольше читать. "Несмотря на наше разногласие о Робеспьере, – писал, между прочим, Грановский, – почти во всем прочем я с тобой согласен" (Грановский, II, 439–444).

/с. 257/:

Только во имя идеалов Белинский относился отрицательно сперва к предшествовавшей русской литературе, потом и к русской современной действительности. К нему вполне применяется замечание, что ненависть есть оборотная сторона любви. И то и другое шло у него рядом, в теснейшей связи. Именно потому, что Белинский имел идеалы, вносил их в свою деятельность, влияние его и было так сильно.

А у Чернышевского – нет?

/с. 258/:

"Белинский, – говорит Шелгунов, – никогда не был ни богом, ни полубогом, в нем не было никогда ни титанизма, ни той кровяной и мозговой силы, какою отличались некоторые из его современников. <u>Белинский по преимуществу натура нервная, и ни от его писем, ни от его сочинений не не веет ни силой тонкого аналитического ума, ни той несокрушимой энергии активности, которая выдвигает человека вперед и делает его предводителем партии, главой движения</u>. Конечно, Белинский необыкновенно честный человек, искренний, глубоко нравственный ... но это был не такой человек, после которого мы могли бы сказать, что русская земля производить подобных людей уже не в состоянии, и никогда больше таких и не произведет".

258 – <u>Шелгунов</u>.

NB.

/с. 268/:

В воспоминаниях Анненкова перед нами <u>во весь рост встает</u> "гордая и неукротимая натура" великого критика, который "открыто искал боя и врагов", и его "благородный, цельный, независимый характер", "никогда не знавший сделок, уступок, добровольных умолчаний".

А.С. Ашевский г/ово/рит: "во весь рост". Где там! – 268.

/с. 273/:

"Кто не знает, – говорит Анненков, – что моральная подкладка всех мыслей и сочинений Белинского была именно той силой, которая собирала вокруг него пламенных друзей и поклонников".

<u>Мораль Б/елинского</u>/ – 273.

NB.

/с. 296/:

Составление воспоминаний о Белинском доставило Тургеневу не мало отрадных минут. "Я писал старательно, два раза все переписал и умиление испытывал не малое... пришли и стали воспоминания". "Эта вещь мне ближе пришлась к сердцу, чем многие другие, и мне было бы больно думать, что я не сумел передать очерк лица, столь для меня дорогого".

<u>О Тургеневе неверно</u> (295), (<u>296</u>).

/.../ "Воспоминания о Белинском", при всех недочетах и полемических увлечениях Тургенева, остаются одной из лучших оценок великого русского критика.

NB

/с. 301/:

В начале 1848 года, на основании анонимного доноса на "Отеч/ественные/ записки" и "Современник", в III Отделении был составлен всеподданнейший доклад, в котором император Николай I мог прочитать о Белинском такие строки: "Особенный ... характер новой нашей журналистике придает Белинский. Участвуя прежде в московских журналах, потом в "Отеч/ественных/ записках и ныне в "Современнике", Белинский всегда отличался от дру-

<u>III Отделение</u> – 301.

гих критиков грубым тоном и резкостью своих суждений. Он не признает никаких достоинств ни в Ломоносове /.../ ни во всех прочих литераторах, восхищается произведениями одного Гоголя, которого писатели натуральной школы считают своим главою, и одобряет только тех писателей, которые подражают Гоголю. Белинский столь громко и столь настойчиво провозглашал свои мнения, что ныне почти все молодые писатели наши считают за ничто всякую старую знаменитость в нашей литературе".

/с. 316/:

("Не знаю, что будет вперед, - писал Белинский Герцену 6 апреля 1846 года, - а пока я просто изумлен тем, как имя мое везде известно и в каком оно почете у российской публики: этого мне и во сне не снилось")

"Изумление" Б/елинского/ - 316. NB

/с. 318/:

К сожалению, самого знаменитого казанского студента, Льва Толстого, нельзя занести в число почитателей Белинского. Ни в Казани, во время своего студенчества, ни в Петербурге, после знакомства с такими друзьями Белинского, как Некрасов и Тургенев, ни позже, когда друзьями Толстого были такие поклонники Белинского, как Страхов, Стасов и Ге, он не нашел возможности ознакомиться с сочинениями величайшего русского критика. "Ну, какие мысли у Белинского! - пренебрежительно заявил Толстой в 1903 году сотруднику "Книжного телеграфа": - сколько я ни брался, всегда скучал, так до сих пор и не прочел" ("Книжный вестник" 1903 г., № 3).

Л/ев/ Толстой - 318.

Толстой.

/с. 319/:

("Белинский был решительно нашим настоящим воспитателем. Никакие классы, курсы, писания со-

319 - Стасов.

чинений, экзамены и все прочее не сделали столько для нашего образования и развития, как один Белинский со своими ежемесячными статьями. Мы в этом не различались от остальной России того времени. Громадное значение Белинского относилось, конечно, никак не до одной литературной части: он прочищал всем нам глаза, он воспитывал характеры, он рубил, рукою силача, патриархальные предрассудки, которыми жила сплошь до него вся Россия, он издали приготавливал то здоровое и могучее интеллектуальное движение, которое скоренько и подшлось четверть века позже. Мы все - прямые его воспитанники".)

NB

41

Белозерский Н. А.И.Герцен, славянофилы и западники. - Спб.: Сев. книгоизд-во, 1905. - 52, /1/ с.[124]

Д. 6142.

/с. 12-13/:

(Разверните какую хотите историю, везде вас поразит, что вместо действительных интересов всем заправляют мнимые, фантастические интересы;) вглядитесь, из-за чего льется кровь, из-за чего выносят люди всевозможные лишения, что восхваляют и что порицают, и вы ясно убедитесь в несчастной на первый взгляд истине и истине полное утешения на второй взгляд, что все это - следствие расстройства умственных способностей /.../

Левиафанский идет в своем пессимизме еще дальше д-ра Крупова и считает большой ошибкой последнего надежду на постепенное излечение человеческого рода. "Как же, - спрашивает он, - постоянное состояние какого-либо животного рода или вида может излечиться? Это - не болезнь, а особенность, признак ... Может быть через 1000 лет двумя-тремя безумиями будет меньше, но отсюда еще далеко до полного исцеления", о котором мечтал Герцен вместе с д-ром Круповым в 1847 году.

NB

12-13. Кр/упов/ и Лев/иафанский/.[125]

42

Богучарский /Яковлев/ В.Я. Александр Иванович Герцен /Изд. кружка им. А.И. Герцена; С портр. авт. - Спб.: Рус. скоропечатня, 1912. - 179 с., ил.[126]

В. 4312.

/с. 32-33/:

(Некоторые писатели видят в факте принятия Герценом сен-симониотской доктрины нечто как бы уже вполне определившее его миросозерцание, - на Руси появился наповедник социалистического учения, конечно, утопической фазы его развития, но, тем не менее, социалист. Это совершенно неверно.[x)] Неверно потому, что даже и из тех всего двух идей сен-симонизма, о которых Герцен упоминает в своих мемуарах, - о других он вовсе не упоминает, - непререкаемою истиною осталась на всю жизнь в его глазах лишь первая -"освобождение женщины, союз с нею, как с равным") /.../

x) Да он сам г/сво/рит это. ср. 134 и 140

Ср. Письмо к Самарину.

/с. 33/:

(Герцен, не только начала, но и всех тридцатых годов -страстно ищущий Герцен, а не Герцен на чем-нибудь остановившийся. Это его не только не умаляет, а, напротив, еще более возвышает, придает еще более глубины его и без того глубокой душе.) /.../

Ну, еще бы!

В университете он был по настроению сам подобен тем "восторженным юношам", которых изображает он в столь ярких чертах, но говорить о нем, как о человеке с сколько-нибудь сложившимися уже тогда убеждениями, было бы, повторяем, совершенно неверно.

ср. 37.

/с.81/:

("Константин Аксаков, - пишет он /Герцен. - Сост./, в начале сороковых годов проповедовал сельскую общину, мир и артель. Он научил Гакстгаузена понимать их и, последовательный до детства, первый опустил панталоны в сапоги и надел рубашку с кривым воротом".)

И. Аксаков г/ово/рит о Веневитинове.

/с. 83/:

(На такой точке зрения, т.е. точке зрения признания совершеннолетия человеческого разума, Герцен и стоял всю остальную жизнь, не делая в этом отношении никаких уступок "славянам".)

ср. 40.
83 К вопросу о религии.
ср. 40 и 87.

/с. 85/:

(Вот эти-то "открытые" славянофилами "под удобрением искусственной цивилизации", т.е. для русской читающей публики разъясненные, начала русской жизни или ее "стихии" и легли впоследствии в основание учения Герцена об "особом пути развития России", отличном от развития Запада, - того самого учения, которое владело затем умами русской интеллигенции в течение целых десятилетий.)

НВ

85. ср. сказанное о народничестве в книге о "Нар/одной/ Воле".

/с. 87/:

(Герцен владел тем, что греки называли "лучшим даром богов", - чувством меры. Белинскому боги в этом дара отказали.)

87 - сравнение Белин/ского/ с Герценом. НВ ср. "Дневник".

/с. 88-89/:

(Даже Герцен, - этот славнейший из "стаи славных", - ставил в заслугу Прудону, например, то, что "в политических вопросах он равнодушен, готов делать уступки, потому что не приписывает особой важности формам", тогда как Грановский говорил Анненкову следующее: "социализм (конечно, речь идет о социализме так называемом утопическом. В.Б.) чрезвычайно вреден тем, что приучает отыскивать разрешение задач общественной жизни не на политической арене, которую презирает, а в стороне от нее, чем себя и ее подрывает.")

88-89 - Ср. с книгой о Нар/одной/ Воле.

НВ

/с. 90/:

Таким образом, весь инцидент произошел "ни с того, ни с сего", а благодаря все той же связанности рук в обоих лагерях для широкой общественной деятельности и разросся в событие огромной важности.

Неужели?
90 - неужели?

/с. 96/:

(Эти нападки Герцена на Европу вызывали неодобрение даже у его друзей, выразившееся и в статье Белинского ("Взгляд на русскую литературу 1847 года") /.../

96: ср. Белинского
Ср. Бел/инского/.

/с. 97/:

(И "варвару" /Герцену. - Сост./ становилось ясно, до какой степени может заедать людей фраза, общие места, до какой степени чужда, хотя бы тому

97. - Герцен и Луи Блан

Луи Блану, проблема, над которой мучился Герцен всю свою жизнь: "Понять всю святость прав личности и не раздробить на атомы общество.")

/с. 101/:

("Сомнение занесло свою тяжелую ногу на последние достояния, оно перетряхивало не персональную ризницу, не докторские мантии, а революционные знамена" ...)

Чьи? Чьи? (знамена).

/с. 102/:

("Я знал одного свободного француза, - писал он /Герцен. - Сост./ ему /Прудону. - Сост./, - это вас. Ваши революционеры - консерваторы. Они христиане, не зная того, и монархисты, сражаясь за республику.)

102 - Герцен против христианства;

/с. 103/:

("Действительно, политические республиканцы составляют не более, как одну из вариаций на ту же конституционную тему, на которую играют свои вариации Гизо, Одилон Барро и другие. Вот этот взгляд следовало бы проводить в разборе последних европейских событий, преследовать реакцию, католицизм, монархизм не в ряду наших врагов, - это чрезвычайно легко, - но в собственном нашем стане. Надобно обличать круговую поруку демократов и власти. Коли мы не боимся затрагивать победителей, то не будем бояться из ложной сентиментальности затрогивать и побежденных".)

103. - Ср. с книгой о Нар/одной/ Воле.

/с. 104/:

Герцену показалось, что перед ним человек /Прудон. - Сост./, смело изучший условий, при которых могло бы восторжествовать то, что было Герцену дороже всего, - неограниченная свобода.)

104. - Обидная характеристика Герцена;

/с. 111/:

(Исследуя такие условия жизни европейских стран, Герцен приходит к выводам весьма пессимистическим. Он находит, что Европа погрязла в невылазном "болоте мещанства". Она, быть может, от самодержавия частной собственности и избавится, реализовавши экономическую сторону проблемы социализма, - это будет лучший случай, - но и тогда ей не снять с себя мещанства, самый же социализм будет социализмом мещанским.)

Нет, не "но и тогда". №№ II. - Нет, но "но и тогда"

/с. 112/:

(Мы не будем разбирать здесь вопроса, насколько прав был Герцен в самых основах своей философии и сделанных им из нее выводах) /.../

112. Богуч/арский/ уклоняется, но, уклоняясь, склоняется.

/с. 115/:

(Эта тема завладевает Герценом вполне: он...* /.../ (закладает фундамент для возможного потом, именно на этом фундаменте, русского народничества, - другими словами, накладывает печать своей личности на движение русской интеллигенции, продолжавшееся целые десятки лет.)

115. - Гер/цен/=народники ср. 103.

/с. 118/:

("Марко, очень хорошо знавший Бакунина, который чуть не сложил голову за немцев под топором саксонского палача, начал его за русского шпиона".)

118 - Богуч/арский/ без критики повторяет Герцена №№ ср. 121.

---

* Отточие поставлено Г.В. Плехановым.

/с. 119/:

/.../ (Герцен пришел по отношению к Европе к заключению, что возможность реализации в ней социализма не исключена, но и не обусловлена, как необходимость, самим ходом вещей. Может быть, социалистический строй в Европе установится, а, может быть, и нет. Но, - прибавлял Герцен, - и здесь лежит его центральная мысль, - и в том, и в другом случае Европа не перестанет быть "мещанскою". Самый социализм ее, если она его - реализует в своей жизни, будет "социализмом мещанским", ибо и европейский рабочий - будущий (курсив Герцена) мещанин". Что это значит? Это значит, что в идее "социализм" Герцен видел две проблемы: экономическую, сводящуюся к обобществлению орудий производства, и другую, духовную, - в самом высоком смысле этого слова, - проблему свободной личности.)

Неправда. 119. - Мещанство, Герцен и социализм.

Г/ерцен/ был монист
Ср. его же слова о личности.

/с. 121/:

(На вопрос - почему социализм европейский не будет "мещанским", в учении Маркса Герцен ответа не нашел бы) /.../

Нет, нашел бы.
121 - опять ошибка/ется/ Богуч/арский/.

/с.с121/:

"Дай бог успеха бакунинскому переводу Маркса. Я одного не понимаю, почему же он держал под сурдинкой свои сношения с ним? Вся моя вражда к марксидам из-за Бакунина".

121. - Богуч/арский/ опять путает. ср. 118 и 122.

/с. 121-122/:

("Работники, соединяясь между собою, выделяясь в особое "государство в государстве", достигающее своего устройства и своих прав помимо капиталистов и собственников, составят первую сеть и первый

Да ведь это - утопизм, прудонизм.

всход будущего экономического устройства.)

/с. 122-123/:

Устраняя опять-таки все те более чем некрасивые вещи, которые делал по отношению к Бакунину Маркс и исключительно из-за которых была вся "вражда к марксидам" Герцена, мы будем исходить из несомненного, по нашему мнению, факта, что вражда к Марксу и "марксидам" самого Бакунина имела главным основанием не "гадости Маркса" (выражение Бакунина в одном из его писем к Герцену), а причины характера гораздо более глубокого. Дело вот в чем: (отдавая должное Марксу, как теоретику, и признавая в нем человека "огромных заслуг по делу социализма", Бакунин усмотрел в прикладной стороне марксизма отречение "от социальной революции". Он ясно видел, что, сколько бы марксистская социал-демократия в Европе ни произносила революционных фраз, на деле, идя по пути "марксизма", она неизбежно превратится в ненавистную Бакунину партию социальных реформ.)

Какие? ср. 121.

Sic!
123 - опять вздор, ср. 111.

/с. 124/:

(Это и свидетельствовало одновременно о двух вещах: по пути, указываемому Бакуниным, рабочее движение идти не могло, потому что путь этот бесплоден, как известная евангельская смоковница. Путь, указанный Марксом, путь плодотворный, но он ведет неизбежно от революционизма к реформизму.)

NB Изумит/ельный/ вывод Богуч/арского/ 124

/с. 125/:

Да, вот, хотя бы с вопросом об "освобождении женщины", с тем самым вопросом, который подняли в Париже еще в тридцатых годах "восторженные юноши" - сен-симонисты - ... как обстоит дело с этим вопросом до сих пор в Европе?

NB 125 - женский вопрос в зап/адной/ Европе.

/с. 128/:

/.../ ("письма лучше, чем воспоминания, - писал однажды сам Герцен, - на них запеклась кровь событий. Это само прошедшее - задержанное и нетленное") /.../

NB
128 - Г/ерцен/ о письмах.

/с. 145/:

(Не противопоставлять надо одно другому настроения обеих вершин русской мысли того времени, - ибо это значит или не знать совсем предмета, или умышленно закрывать глаза на истину, - а понять надо тот исторический тупик, в который попала тогда сама русская мысль в лице ее величайших представителей, и пережить вместе с ними весь глубокий трагизм такого положения. Тогда только мы и выйдем на надлежащую дорогу.)

NB
145 - Верно, но и ты не знаешь/ъ/ где выход из тупика;

/с. 147/:

. Ненависть к крепостническому духу массы дворянства, прудонистическая закваска, напоминавшая о предпочтительности "социального" "политическому" и рекомендовавшая "не придавать особого значения формам", личный опыт, - все заставляло Герцена быть в очень настороженном состоянии по отношению к дворянскому движению, но, с другой стороны, это дворянство выступало все же против самодержавия ... Вот тут и выбирай ...

Г/ерце/н и народники: 147.

NB

/с. 154/:

Герцен был, понятно, на той стороне, на которой была свобода /.../ именно из-под его пера вылетело то магическое слово "в народ!", которое стало девизом освободительного движения в течение многих лет.

NB
154.- "В народ!".

/с. 155/:

Таким образом, не только теоретические основы народничества, но и его практический лозунг был формулирован впервые Герценом. Однако, мало сказать - "в народ", надо знать и зачем, с какою целью идти туда. Именно около этого вопроса и началось в среде молодежи брожение, именно тогда в форме ответа на такой вопрос и было выброшено знамя с взятыми опять-таки у Герцена словами "Земля и Воля"...

155. - Г/ерце/н и народники.

NB

/с. 156/:

Эта статья /Герцена о "Молодой России". - Сост./ - одна из жемчужин мысли и чувства ее автора.

156 - жемчужины.

/с. 158/:

Наши жертвы искренние, как Михайлов, как Обручев, должны нести двойное мученичество. Народ не знает их, нет, хуже, он знает их за дворян и врагов. Он не хочет их жертвы. Вот куда привел разрыв ... Народ готов побить каменьями тех, которые за него отдают жизнь ...

158 Г/ерце/н и народники.

/с. 169/:

(Герцен никогда не доходил, напр., до отрицания "политики", - тогда как журналы, о которых идет речь, в прямолинейности своей ее отрицали, и лишь народовольцы снова подняли нить, оборвавшуюся в русской истории со времен декабристов, т.е. тех "политиков", которых так высоко ценил, не переставая быть "неисправимым социалистом", Герцен. Основатель народничества был гораздо сложнее своего детища.)

Не правда

NB, 169. - Великая неправда, сказанная Богучарским.

/с. 175/:

(Он /Герцен. - Сост./ подходит близко к утверждению, что решение экономической стороны проблемы социализма и не может быть иным, кроме "мещанского" - проблема же эта непременно должна быть решена, - а что делать для того, чтобы через такое решение не стала "мещанскою" и вся духовная жизнь людей, - это и составляет кардинальнейший вопрос современности...)

175. - "Мещанство" - тут уже влияние Иванова-Разумника.
175. - Г/ерцен/ - Бернштейну?[127]
Ну, вывод!

43

Гершензон М.О. Социально-политические взгляды А.И. Герцена. - М.: Тип. О-ва распространения полезн. кн., 1906. - 32 с.[128]

А. 1636.

/с. 4/:

Гениально-простыми чертами изображает Герцен историю нашей аристократической культуры. Сущность одна - антропофагия, только формы становятся образованнее: "каннибал, который ест своего невольника, помещик, который берет страшный процент с земли, фабрикант, который богатеет за счет своего работника", - таковы видоизменения этого людоедства.

Взято у сен-симонистов.

/с. 11/:

"Проповедь нужна людям, проповедь неустанная, ежели путная; проповедь, равно обращенная к работнику и хозяину, к земледельцу и мещанину. Апостолы нам нужны прежде авангардных офицеров, прежде саперов разрушения. Апостолы, проповедующие не только своим, но и противникам". И то, и другое писано не Л. Толстым: иной читатель едва поверит, что это - слова Герцена, и не случайно оброненные, а итог целой жизни.

NB

Да ве/дь/ это взгля/д/ утопи/ста/[129].

/с. I4/:

Еще за четверть века до Герцена Чаадаев, исходя из идей другого порядка, первый высказал уверенность, что России предназначено прежде всех народов разрешить сложнейшие проблемы социального строя (он разумел при этом: осуществить высшие обеты христианства). Это убеждение перенял у него Герцен, к той же мысли самостоятельно пришли славянофилы, потом ее с несокрушимой верой проповедовали Достоевский и Соловьев.

I4 (Чаадаев).

/с. 20/:

Как и всякая сила, лишенная исторических корней, русское правительство не только не консервативно, но, наоборот, до страсти любит нововведения. Оно ничего не оставляет в покое, и если редко что улучшает, зато меняет постоянно: у него только и дела, что вечно, без устали и причины, менять фазу гражданских и военных мундиров, тратя на эту забаву несчетные суммы, да перекраивать заново старые здания во славу изящного вкуса российских законодателей.

Какие?

/В/от оно!

/с. 22/:

I4 декабря открыло новую фазу в нашем политическом воспитании. Оно имело огромные последствия, притом в двух отношениях - для общества и для правительства. Русскому обществу недоставало не либеральных стремлений и не сознания царящего зла, а только президента, который дал бы ему отпору почина. Поведение образуется примером и нигде такой пример не нужен больше, чем там, где человек не привык проявлять свою волю, рассчитывать на самого себя и доверять своим силам; а именно таково было русское общество.

22 - Бунтарство.

/с. 24/:

Умственная работа шла не наверху - в правящем классе, и не внизу - в народной массе, а в среднем слое, в среднем и мелком дворянстве.

24 - очень важно.

44

Ветринский Ч. (Чешихин Вас. Е.). Герцен. - Спб.: тип. "Труд", 1908. - XI, /5/, 532 с. - (Б-ка "Светоча". № 101-112[130].

Д. 6144.

/с. 7/:

От безделья мальчик /А.И. Герцен. - Сост./ вошел во все интересы и тайны передней и дворни, повел "маленькую войну с отцом, соединяясь с слугами и служанками".

7.- Война с отцом. Союз с передней. НВ

/с. 8/:

На глазах мальчика, когда ему было девять лет, отравился крепостной врач сенатора Толочанов, с горя, что его оставила жена, когда узнала, что ее муж скрыл от нее свое звание.

8 - Толочанов.

/с. 9/:

Вдруг Саша провозгласил: "Привык ослов смиренный род сухоядением питаться"; ему показалось кстати привести этот стих. Все остолбенели от изумления и досады. Кто-то из гостей спрашивает мальчика, рассматривавшего огромную книгу с дворянскими гербами и родословными, что это за книга. Саша, не задумавшись, ответил: "Зоология", за

9. Зоология, НВ

что все, конечно, не раз получал жестокие нагоняи (рассказы Т. Пассек).

/с. 15/:

"Его сочувствие было для меня великой отрадой, - вспоминает Герцен. - Он после этого стал носить мне мелко переписанные и очень затертые тетрадки стихов Пушкина: Оду на свободу, Кинжал Дмитрия Рылеева; я их переписывал тайком..." и не только переписывал, но и учил наизусть, носился с ними, читал ночью под подушку, трагически декламировал их кстати и некстати (конечно, не отцу).

15 - Протопопов.

/с. 16/:

Поступив с недорослями Пушкиным, под руководством того же Протопопова, или даже раньше, Герцен вошел в курс и других явлений литературы конца двадцатых и начала тридцатых годов XIX века. - Горе от ума надолало более шуму в Москве, нежели все книги, писанные по-русски...

16. Подпольный Пушкин.

/с. 33/:

Кружок Герцена и Огарева не был единственным, объединявшим студенчество на почве духовных интересов. Огромное влияние на своих членов имел и вошел в историю русского общества и литературы, одновременно сложившийся известный кружок, в котором объединяющими центрами были Станкевич и Белинский /.../

Кружок Станкевича и Белинского носил характер несколько более демократический, более аскетический, тогда как Герцен и Огарев нередко переплетали сходки и восторженные речи вином и веселой гульбой.

№ 33. Кружок Станкевича.

/с. 44/:

"Но когда все небо заволокло серыми тучами и длинная ночь сошла и тюрьма приблизилась, светлый луч сошел на меня. Несколько слов глубокой симпатии, сказанные семнадцатилетней девушкой, которую я считал ребенком, воскресили меня".*

То была Наталья Александровна Захарьина, родная младшая сестра "Жизни", воспитанница княгини Хованской, сестра Ивана Алексеевича Яковлева.

44 - Н.А. Захарьина.

/с. 71/:

14 ноября 1837 г. шеф жандармов всеподданнейшим представлением, в котором находил возможным перевести Герцена в Москву, "для сближения с его родственниками". Через день Николай положил, неизвестно почему, резолюцию о переводе Герцена во Владимир.

Сошлан: 71, 80, 93, 97, 101, 103.

/с. 74/:

Вероятно, вся эта, совершенно сухая и бесполезная в смысле сколько-нибудь живого влияния, работа и отбывалась Герценом, как неизбежная повинность. Все его мысли и чувства заняты Москвой и Натали. ("Теперь я весь твой, - пишет он по приезде: - нет людей, а они мне не нужны. Я всем друзьям сказал - прощайте. Так, как сказал мечтам о славе, о поприще, о деятельности - прощайте. Вся моя жизнь в тебе. Конечно, я искал великого и нашел в тебе, я искал святого, идейного и нашел в тебе. И так прощай весь мир" (5 января 1838 г.)).

74. - Крайне важно. МВ

/с. 83/:

Как отголосок сен-симонистских идей Огарев ставит задачей общественной организации: "Сохранить при высочайшем развитии общественности полную свободу индивидуальную. Да, эта задача для ро-

Задача.

* Слова А.И. Герцена.

да человеческого - чем ближе к разрешению, тем ближе к совершенству. Эту задачу пусть разрешает человечество, как скоро сбросит ветхую епанчу свою. Да, человек должен по своей воле двигаться в кругу братий. До тех пор, пока есть преграда развитию моей индивидуальной воли, до тех пор у меня нет братьев - есть враги, - до тех пор нет гармонии и любви, но борьба всего эгоизма с эгоизмом других. Сочетать эгоизм с самопожертвованием - вот в чем дело, вот к чему должно стремиться общественное устройство" (Анненков. "Идеалисты 30-х гг.)

/с. 134/:

Истина, действительность, чувственность для Фейербаха, а с ним и для Герцена, тождественны. Очевидно только чувственное. Только там, где начинается чувственность - кончается всякое сомнение и спор. Чувства наши - единственные органы познания. Это казалось столь понятно и просто, что соответствие теории познания остается у Фейербаха мало разработанной, а Герцена и вовсе не занимает. Для обоих на первом плане стоит религиозная проблема и этика.

Будто?

/с. 138-139/:

В это самое время Герцен и на деле занимался естествознанием, снова усердно посещал в университете некоторые лекции, как вольнослушатель. В его "письмах" находим отголосок серьезной вдумчивости в теоретические вопросы естествознания. Так он резко критикует господствование тогда в физике метафизические теории в рода невесомых жидкостей и т.д. В своей критике он, по мнению некоторых писавших о Герцене, сходится с Контом и является, таким образом, как бы предтечей позднейшего рус-

Да ведь это Гегель.

ского увлечения естествознанием и позитивизма.

/с. 241/:

В литературе о Герцене высказывался взгляд, что он в сущности обратился к идеям славянофильства, которое блистательно и подтвердил подвигом им же борьбой против Запада и его идей. В действительности, общего между Герценом и славянофильством было разве только то, что сами исходили из того же инстинктивного физиологического чувства, которое освящали славянофилы, и овладел некоторыми их темами, необходимость чего указывал еще в Москве (см. I, гл. XII). Не говорим уже о религиозном, тем более православно-религиозном настроении славянофилов, которого Герцен остался чужд, как необузданный "афей".

Ложь!

/с.289/:

В то же время у Герцена возникает мысль - и он энергично принимается за ее осуществление - издавать периодический сборник статей, посвященных русскому освобождению. Сборник назван именем литературного альманаха декабристов: "Полярная звезда", и на обложке носил виньетку, составленную из профилей пяти казненных декабристов: Пестеля, Рылеева, Бестужева, Муравьева, Каховского. Первая книжка вышла 20 (I) августа (июля) 1855 г. и затем "Полярная звезда" выходила почти ежегодно (по 1862 год). В 1869 году вышла еще одна книжка.

"Полярная звезда" - 289.

/с. 329-330/:

Новейший историк крестьянской реформы вообще весьма скромно ценит роль печати со стороны практического влияния на самый ход реформы. "Для такой роли она явилась слишком поздно ... Наиболее влиятельными деятелями на этой арене явились

главным образом те же самые лица, которые выступали в губернских комитетах. Это были все те же Самарины, Кошелевы, Черкасские, Унковские, Головачевы, которые дали ход известным идеям и планам в дворянской среде сперва в виде рукописных записок, затем в виде речей и письменных мнений и заявлений в губернских комитетах"*. "Колокол", напротив, был выражением взглядов этих передовых деятелей освобождения. Тот же историк, напр., отмечает тожество программы Унковского и Герцена. /.../хотя ни в какой переписке они не состояли. И, действительно, "Колокол" оказал сильное влияние на ход дела.

330 - Тожество III Программы Унковского и Герцена.

/с. 332, примеч./:

("Мы хотели следить за всеми подробностями правительственных распоряжений за прошлый год, но подробности исчезают пред великими событиями, которые совершаются в отечестве, и вместо преследования мелких частностей мы начинаем 1858 год приветствием Александра II за начало освобождения от крепостного состояния. Мы убеждены, что он неравнодушно примет это горячее приветствие людей, которым не нужно его бояться, которые для себя лично ничего от него не ждут и ничего не просят, приветствие свободных людей русских - Царю, уничтожающему рабство. Мы счастливы, что можем этим начать новый год; да будет он, действительно, новой эрой для России!"). (Статья Огарева: "Русские вопросы", посвященная рескрипту 20 ноября 1857 г., в № 7 "Кол." от 1 янв. 1858 г.). Номер открывается крупно напечатанными впереди текста словами: "Освобождение крестьян".

Огарев.

№

№

---

* А.А. Корнилов. Крестьянская реформа. Спб., 1905, с. 118.

/с. 333-334/:

Герцен вполне правильно оценил, что после 20 ноября речь может идти только о полном освобождении. "Это заря дня великого будет, писал он в брошюре "La conspiration russe" в статье "Le premier pas": это вход России в новый период, который мы предсказывали с дней юности ... Рескрипт 2 декабря (20 ноября) 1857 г. после 26 (14) декабря 1825 года наиболее важное событие русской истории". "Да, наши пророчества сбылись, Россия двинулась вперед и мы ждем с нетерпением того времени, когда "Полярная звезда" потонет при полном дневном свете и "Колокол" не будет слышен при громком говоре свободной, русской речи дома".

334 - Надежда на скорое возвращение в Рос- Россию.

/с. 335/:

"Колокол" доставлялся в редакционные комиссии, вырабатывавшие проект "Положения о крестьянах, из III-го Отделения, "для того, чтобы мы все знали, что об нас будут писать за границей", - объяснил своим сотрудникам Ростовцев и прибавил: "Я буду вас просить, чтобы вы из "Кол." заимствовали и приняли в соображение все, что только может быть полезно и применимо к исполнению и усовершенствованию проекта Положений". Был, наконец, случай, когда изданный Герценом проект освобождения (кажется, панаевский) был направлен в редакционные комиссии лично Государем, получившим его письмом из-за границы.

335. "Колокол" и Ростовцев.

ИВ.

ИВ

/с. 339/:

С этого времени в "Колоколе" выдвигается чаще и определеннее мысль об ограничении самодержавия, как единственном средстве самозащиты от правительства, не желающего идти впереди общества. Так, уже в № 70 от 1/У 1860 г. по поводу книги

кн. Долгорукова "Правда о России" (La verité sur la Russie, Paris, 1860), Герцен замечает: "Автор полагает, что мы, как социалисты, не будем согласны с его конституционными стремлениями. Мы думаем, напротив, что есть обстоятельства, при которых нельзя избегнуть этих переходных форм, они столько же необходимы беснующемуся самодержавию, сколько камзол беснующемуся вообще". Указывая на неспособность правительства удовлетворительно решить крестьянский вопрос и перечисляя факты гонений за политический образ мыслей, Герцен замечает: "Разумеется, что в таком положении всякого рода перила, плотины, gardes des foux со стороны общества против Зимнего дворца очень хороши".

339 - Конституция.

Но несмотря на все тормозы, на урезки и происки крепостников, крестьянская реформа шла к концу. Редакционные комиссии кончили свою работу. И дело быстро, под председательством самого Государя в Совете, шло к завершению. Наконец, ждали со дня на день манифеста.

/с. 340/:

"И хорошо /пишет А.И.Герцен. - Сост./, что в день смерти Николая похоронят и петровскую эпоху. Спасибо ей за тяжелую науку и забвение злу, причиненному ею, - сказали бы мы. Но для этого зло должно умереть, а оно не умерло в преступных, нечистых руках стариков, нераскаянных в стяжании и алчности"...

340 - Старики и зло.

Прошло и 19 февр., а манифеста об освобождении крестьян не было. Его побоялись огласить к масляной, на которую приходился в этом году день восшествия на престол.

"Духу недостало!" - иронически озаглавил Герцен статью по поводу этой отсрочки в № 84 "Кол."

"Отложили... Зачем?.. Неужели в самом деле

по случаю масляницы? - что за пансионские затеи? Разве они не знают, что между кубком и губами всегда есть место беде?!

"Эта оторочка, это ожидание - сверх сил человеческих: тоска, тоска и страх! Если бы было возможно, мы бы бросили все и поскакали бы в Россию. Никогда не чувствовали мы прежде, до какой степени тяжела жертва отсутствия. Но выбора нет... Потерянный вдали ведет (Vedette - сторожевой на войне разъезд. - примеч. автора), мы не можем без смены оставить нами самими избранный пост и желали бы только, чтобы помянул нас кто-нибудь в день великого народного воскресенья" ...

340 - Герцен желал, чтобы помянули его в день великого нар/одного/ освобождения. нв

/с.350/:

Мы не выходили из настоящего положения ни в голубую даль дорогих для нас идеалов, ни в чистые сферы отвлеченной социологии; мы, сколько могли, отстраняли все вопросы, не находившиеся на череду, как, напр., вопрос семейный, религиозный.

350 - Самосознание Герцена.

/с. 353/:

В 1862 г. он писал Сатину: "Помнишь ли ты, как года три назад мы с тобой шли по Regentstreet и ты удивился моему злобному тону о бывших друзьях? Теперь и его нет. Для меня Кетчер, Корш - это догнивающие трупы чего-то близкого; клеврета Чичерина, приятели Павлова... они заставляют меня краснеть за былое.

353 - О друзьях.

/с. 355-356/:

В одной заграничной брошюре (А. Серно-Соловьевич "Наши ломанные дела"), содержащей много против Герцена направленной брани, мы находим несколько страниц, дающих понятие, почему эта молодежь

355 - А. Серно-Соловьевич.

становилась на сторону Чернышевского против Герцена и "Колокола" /..."/ Чернышевский шел неуклонно одним верным путем к цели - вы сами сознаетесь, что беспрестанно меняете мундиры, путаетесь, сбиваетесь с пути /..."/

356 - Мундиры.

/с. 357/:

"Пропаганда Чернышевского была ответом на настоящие страдания, слово утешения и надежды гибнущим в суровых тисках жизни. Она им указывала выход. Она дала той литературе и провела черту между в самом деле иной Россией и прикидывавшейся такою Россией немного либеральной, слегка бюрократической и слегка крепостнической. Идеалы ее были в совокупном труде, в устройстве мастерской, а не в тесной палате, в которой бы Собакевичи и Ноздревы разыгрывали "дворян в меценатстве" - и помещиков в оппозиции" (/А.И. Герцен. - Сост./ "Порядок торжествует").

357 - Отношение к конституции.

/с. 359-360/:

Лозунг пропаганды, рекомендуемый Герценом: слияние требований интеллигенции с запросами самого народа. "Только тот, кто, призванный к деятельности, поймет быт народа, не утратив того, что дала ему наука, кто затронет его стремления и на осуществлении их окупит свое участие в общем земском деле, тот только и будет вождем грядущего...

"Кто же будет этот сумный?

Император ли, - который, отрекаясь от петровщины, совместит в себе царя и Стеньку Разина? Боевой ли Пестель, опять ли Емельян Пугачев, казак, царь и раскольник, или пророк и крестьянин, как Антоний Бездинский?

359 - Последствие основной ошибки Герцена.

/с. 361-362/:

... Не раз Герцен высказывал сожаление о своей уступчивости /.../ Он стремился себя даже с некоторым удивлением: "Откуда взялась эта уступчивость с ропотом, эта слабость с жалобой и протестом? /.../ Причиной быстрой сговорчивости был ложный стыд, а иногда и лучшие побуждения любви, дружбы, сострадания; но почему же это все побеждало логику?".

362 – Причина расхождения с молодежью.

/с. 450/:

Герцен сам выбрал для себя место своего вечного успокоения и при жизни закрепил его на особом и отдельном. Прах его покоится рядом с прахом Натальи Александровны Герцен, рядом с матерью Н.А. Огаревой. "Лучше этой горы – кладбища в мире нет", – писал он Огареву.

450 – Кладбище.

45

Стеклов Ю.М. Н.Г.Чернышевский, его жизнь и деятельность. 1828-1889. – Спб., тип. "Общественная польза", 1909. – /2/, 427 с.[131]

Д. 6316.

/с. 18/:

Жена Волгина плачет от мысли, что она вдова при живом муже /.../ Своему знакомому Нивальзину она говорит про своего мужа: /.../ "Я узнала, какой это человек; тогда все думали, что он проживет весь свой век на диване, с книгой в руках, вялый, сонный. Но я поняла, какой у него голова, какой у него характер, – потому что без его характера даже и при его уме нельзя было бы так понимать все эти ученые вещи. Я, неученая, увидела это из первых разговоров, пустых, обо мне, о пустяках, о моем счастье, – я увидела, какая разница между ним и другими.

Ср. Киреевского.

/с. 19-20/:

"... на основании этих двух работ ("История материальной и умственной жизни человечества" и "Критического словаря идей и фактов", – писал Чернышевский. – Сост./ я составлю "Энциклопедию знания и жизни" – это будет уже экстракт небольшого объема, 2-3 тома, написанный так, чтобы был понятен не одним ученым, как два предыдущих труда, а

всей публике. Потом я ту же книгу переработаю в самом легком популярном духе, в виде почти романа, с анекдотами, сценами, остротами, так чтобы ее читали все, кто не читает ничего, кроме романов. Конечно, все эти книги, назначенные не для одних русских, будут выходить не на русском языке, а на французском, как общем языке образованного мира. Чепуха в головах у людей, потому они и бедны и жалки, злы и несчастны; надобно разъяснить им, в чем истина и как следует им думать и жить. Со времени Аристотеля не было сделано еще никем того, что я хочу сделать, и буду я добрым учителем людей в течение веков, как был Аристотель".

Просветитель.

/с. 31/:

И вот Чернышевский, очертя голову, ринулся в бой как с открытыми и лицемерными защитниками интересов крепостников, так и с представителями нарождающихся буржуазных тенденций.

Да?!

/с. 41/:

Для Лессинга Чернышевский готов даже сделать исключение из устанавливаемого им общего социологического закона, говорящего о второстепенной и подчиненной роли литературы. "Пусть политика и промышленность шумно движутся на первом плане в истории, история все-таки свидетельствует, что знания – основная сила, которой подчинены и политика, и промышленность, и все остальное в человеческой жизни".

Взгляд Бокля.

Ср. 42.

/с. 44-45/:

/.../ широту и резкость взглядов Лессинга Чернышевский объясняет общим состоянием Германии в половине 18-го века и характером тех вопросов, на которые первоначально устремилась умственные

силы немецкого народа. "С одной стороны, факты жизни немецкого народа были так незавидны, что не могли порождать особенного пристрастия к себе: у немцев не было ни блестящей национальной истории, ни блестящих периодов литературы, как у французов и англичан, ни причин гордиться устройством своего внутреннего быта, как у англичан, или умственным владычеством над Европою, как у французов. Они не имели поводов быть пристрастными – не к чему было пристраститься; не имели поводов быть робкими в выводах из опасения коснуться отрицанием чего-нибудь драгоценного, – им было нечего беречь и щадить! С другой стороны, первоначальною школою, в которой воспитывалась их мысль, было обсуждение вопросов, более или менее отвлеченных, – литературы, науки, – в этих сферах привыкнуть к смелости и беспристрастию выводов легче, нежели в сфере бытовых и общественных вопросов".

Наше положение.

/с. 72/:

(В своем двойном качестве экономиста и человека железной логики, не боявшейся самых крайних выводов, Чернышевский идет еще дальше. Опыт показывает, говорит он, что все люди эгоисты и что в своей практической деятельности они руководятся эгоистическими соображениями.

На первый взгляд это положение как бы опровергается многочисленными примерами бескорыстия, самопожертвования и т.п. Но только на первый взгляд: при внимательном анализе этих фактов оказывается, что и в их основе всегда лежит разумный эгоистический расчет.)

Да ведь так смотрели все просветители. Ср. Радищева.

/с. 83/:

(Не забудем, что его теория разумного эгоизма была тесно связана с пропагандой социализма,

?

как единственного спасения для трудящегося человечества. И как бы мы теперь ни смотрели на внутренние недостатки этой теории, как бы мы ни относились к ее абстрактному характеру, к слабой исторической и социальной обосновке этики Чернышевского, мы должны помнить, что она связана была с общей социалистической системой и отвечала характеру целой исторической полосы русской общественной жизни.)

Не только внешние.

/с. 94/:

(/"/Случай или необходимость причины страдания и погибели человека – все равно, страдание и погибель ужасны".)

Да разве все равно.

/с. IOI-IO2/:

(Таким образом Чернышевский вовсе не намерен ниспровергать эстетику, унижать и отрицать искусство. Он только смотрит на искусство, как и на жизнь, реально, как общественный деятель, как представитель поколения, провозгласившего: "природа не храм, а мастерская, и человек в ней работник". Вернее было бы сказать, что формула Чернышевского гласила бы иначе: "только сделавшись мастерской, в которой все люди будут работниками, природа превратится действительно в храм, до сих пор она была лишь тюрьмой для большинства".)

Да зачем вам храм? Дурная привычка. – IO2 – Уступка Стеклова Луначарскому. Недаром он работает в одних изданиях с ним.

/с. IO4/:

Чернышевский выступил в качестве выразителя идей и настроений разночинной интеллигенции, в то

время (после Крымской войны) смело выходившей на историческую сцену с развернутым знаменем протеста. (До тех пор таившийся на задворках русской городской жизни, ютившийся в ее норах, разночинец после разгрома военных сил самодержавно-крепостнического режима, почуял, что настал на его улице праздник.)

IO4 – А Белинский?! Хороши задворки!

/с. II2/:

Шиллер не умрет никогда, говорит Чернышевский; его не должно смешивать ни с кем. "Люди, гордящиеся своею мнимою положительностью, между тем как имеют только сухость сердца, своим знанием жизни, между тем как приобрели только знание интриг, говорят иногда о Шиллере свысока, как об идеалисте, мечтателе, иногда решаются даже намекать, что у него больше было сентиментальности, чем таланта". Чернышевский энергически протестует против такого мнения. /.../ И при всем своем преклонении пред Гоголем за то, что он был родоначальником нашей натуральной школы, Чернышевский готов поставить Шиллера чуть ли не выше отца русской обличительной литературы.

NB II2 – Наши.

Да ведь это непоследовательно!

/с. I25/:

(Аналогичный процесс мысли происходил и в голове Чернышевского; (* основным положениям Фейербаха он пытался дать такое же толкование и применение, как Маркс. При этом выработка ма.ериалистической философии обоими мыслителями происходила почти в одно и то же время, но тогда учение Маркса постепенно распространилось в массах и оказало сильнейшее влияние на развитие науки, мысли Чернышевского, не встречавшего вокруг себя сочувственного эха и соответствующей исторической и социаль-

NB I25 – Очень важно.

---

* Г.В. Плеханов дважды открыл скобки.

ной обстановки, не успевшего развить свою систему до конца и придать ей чеканную формулировку, которая поражает нас в авторе "Капитала", остались погребенными в старых журнальных книжках и не оказали даже надлежащего влияния на его современников.)

/с. 127/:

В рецензии на "Эстетические отношения" Чернышевский спрашивает: где искать критерия для различения мнимых и ложных стремлений от действительных и законных? – и отвечает: "Приговор дает сам человек своею жизнью; практика, этот непреложный пробный камень всякой теории, должна быть руководительницею нашею и здесь". Дело есть истина мысли.

127 – Этого еще мало. Это повторение мыслей Фейербаха. Этого еще мало, ибо это повторение мыслей Фейербаха.

/с. 128–129/:

(Как последователь Чернышевского естественно тянуло к возвеличению личности, к признанию определяющей роли исторических героев, и некоторая слабость в этом отношении иногда у него прорывается. Но присущий ему реализм, основанный на материалистическом понимании мира, удерживал его от естественных увлечений и заставлял решать вопрос о роли личности в истории в смысле очень близком к марксистскому пониманию этого вопроса. Личность есть продукт истории и общества[1], говорит он и показывает это на примере Белинского. Кто вникнет в обстоятельства, среди которых должна была действовать критика гоголевского периода, тот, замечает Чернышевский, ясно поймет, что характер ее совершенно зависел от нашего исторического положения.)

См. 134. Это относится к субъективистам.

[1] В этом смысле он говорил, что вины почти никогда не бывает на свете, а бывает только беда" (Русский человек на rendez vous, Соч. I, 95).

Да ведь это Р/оберт/ Оуэн.

/с. 130–131/:

Он /Чернышевский.– Сост./ высказывается против беспочвенных мечтаний праздной фантазии и несуществимых надежд, но тем сильнее подчеркивает значение тех идеалов, которые коренятся в действительности и имеют за себя объективный ход вещей. "Серьезное значение, – говорит он, – имеют только те желания, которые осознанием своим имеют действительность; успеха можно ожидать только /.../ в тех делах, которые совершаются при помощи сил и обстоятельств, представляемых им. Достичь до такого убеждения и действовать сообразно с ним значит сделаться человеком положительным". И дальше Чернышевский ядовито издевается над людьми "положительными" в кавычках, которые впадают в особого рода реакционное фантазерство именно из узости своих понятий о действительности.

А это Фейербах.

(Итак, мы видим, что Чернышевский применял материалистический метод и к использованию истории. Правда, в этой области, как и в других, Чернышевскому не всегда удавалось связать концы с концами; он не успел создать насквозь продуманную систему, но основные элементы для таковой у него несомненно были. Критики Чернышевского, например, справедливо указывали*, что у него иногда встречаются наивные положения в роде того, что поступки отдельных лиц и групп объясняются исключительно расчетом, отмечали его рационализм, который иногда заставлял Чернышевского смотреть на историю, как на сплошной ряд ошибок.)

Вывод! Да и Стеклову тоже. – По крайней мере в истории мысли.

* Это – и

/с. 131/:

"Сколько бедствий избежали бы народы, если бы понялн, что нет свободы там, где слабый остается беспомощным", – замечает он /Чернышевский. – Сост./ в статье о Тюрго (Соч., IУ, 226). Люди несчастны, потому что глупы. "Чепуха в голове у лю-

Так думал и Оуэн.

дей, - потому они и бедны и жалки, злы и несчастны", - пишет он жене из крепости.

Ср. замечания мои.

/с. I32/:

/.../ (Он во многих отношениях близко подошел к к современному материалистическому пониманию истории.

Чернышевский, конечно, был рационалистом, но этот рационализм не мешал его историзму. Он прекрасно понимал и неоднократно подчеркивал, что институты, противоречащие нашему моральному сознанию и "здравому смыслу", возникли и сложились совершенно естественно в силу определенных исторических причин. В статье "Капитал и труд", возражая Горлову, Чернышевский решительно оспаривает мысль, будто бы крепостное право было искусственной организацией) /.../

(Чернышевский безусловно был объективистом.)

НВ
I32 - Основное положение Ст/иклова./

А спор с Герценом? Ср. I4I.
НВ

Это так. Он не был субъективистом. Он относился к Мих/айловскому/ как Бр/уно/ Бауэр к Фейербаху. Ср. I33 и I35.

/с. I35/:

Этот рационалист определенно высказывал, что "рассудок чуть ли не совершенно бессилен в истории".

Это же доказывали и просветители XVII века.

/с. I42/:

(Маркс в целом своих работах говорит о "гражданском обществе", как совокупности известных экономических и социальных отношений. Эти термины употребляются и Чернышевским. Если мы проследим историю каждой из европейских наций, говорит он, то мы увидим, что весь ее современный быт, все ее наклонности объясняются влиянием тех гражданских учреждений, под влиянием которых она жила и живет.)

Да ведь этот термин

Маркс взял у Гегеля. Ср. I43.

/с. I43/:

Чернышевский иллюстрирует свои положения на примере трех наций: испанской, французской и английской. Относительно Франции он показывает борьбу между феодалами и горожанами, с одной стороны, и королевской властью, опиравшейся на регулярную армию, с другой; эта борьба привела к расцвету королевского абсолютизма, оказавшего сильнейшее влияние на дальнейшую судьбу нации. Относительно англичан он указывает на влияние их свободных учреждений, создавших ту отличающую англичан любовь к закону, то свойственное им сознание своих прав и ту энергию, которых раньше, до утверждения конституции, у них не было.

Да это Бокль I32.

/с. I44/:

(Мы утверждаем, что он /Чернышевский. - Сост./ понимал влияние развития производительных сил, как главной движущей пружины исторического развития, и что только насильственный перерыв в развитии этого могучего ума не дал ему возможности подробно исследовать и развернуть эту сторону своего мировоззрения.)

I44 - "Мы утверждаем" - напрасно (Ср. I47) Напрасно с. 218 См. его примечания к Вебер у I33. Ср. I45 I44 и 218(О производ/ительных/ силах.)

/с. I46/:

Итак, в основе истории лежат экономические факторы. Они определяют национальный характер, создают определенные политические учреждения и прокладают своему влиянию дорогу туда, где ему, казалось бы, меньше всего должно быть места.

Всюе не "итак".

/с. I47/:

(В отдельных статьях Чернышевского рассеяно много метких замечаний в духе исторического материализма.)

I47 - не Это верно. Но вряд ли мало таких замечаний оказалось бы и у Фейербаха.

/с. I48/:

/.../ Чернышевский вплотную подошел к формулировке знаменитого положения "Коммунистического Манифеста", что правительство есть комитет, назначенный господствующим классом для защиты его интересов /.../

Чернышевский делает блестящее замечание относительно происхождения абсолютной монархии в результате классовой борьбы между высшими и низшими классами. "Все факты прошедшего говорят, что неограниченная форма монархии возникала из борьбы между аристократиею и демократиею, опираясь на демократию".

нв Ср. Черкезова и Helene Simon [134]

Да ведь /это/ говорила еще M-me de Staël. [135] ср. I42.

/с. I49/:

(Особенно ясно, по словам Чернышевского, это наблюдается в истории Франции: вся сила королей была приобретена борьбою против феодалов, в которой короли опирались на массу народа.)/.../ С другой стороны, замечает Чернышевский, исто-

Ср. Madan/e/ de Staël.

рия конституционных правительств показывает, что они держались преимущественно силою аристократии[I].

[I] Здесь Чернышевский явно делает неверное политическое обобщение благодаря неполноте данных, с которыми он оперирует (он имеет в виду, главным образом, Англию и Венгрию). Сильное впечатление производил на Чернышевского политический индифферентизм креатьянских масс, и это также отразилось на односторонности его обобщения.

Стоит на точке зрения утопист/ов/. Ср. I52.

/ с. I50/:

Вот, напр., интересное место, показывающее, какое значение Чернышевский придавал в истории массы: "Мы видели, из чего проистекали волнения смущавшие Францию при июльской монархии (Чернышевский имеет в виду волнения рабочих), - источником всех их и самого июльского переворота был тот же самый факт, который служил причиною всех важных событий французской истории с конца прошлого века. Либералы, совершившие июльский переворот, не могли бы ничего сделать, если б не помогли им парижские простолюдины. Те же простолюдины давали силу людям, низвергнувшим старинное французское устройство в конце прошлого века. Они же давали силу Наполеону, пока считали его своим защитником от возвращения старого порядка дел. Когда они убедились, что Наполеон действует в свою, а не в их пользу, они покинули его, и только охлаждение масс к Наполеону дало возможность низвергнуть его в 1814 году. Когда она увидела, что при Бурбонах не стало для нее лучше, чем было при Наполеоне, она низвергнула их в надежде приобрести нечто лучшее без них. Историком всей силы, какую имело то или другое французское правительство, бывала надежда масс, что оно благоприятно для нее; недовольство

I50 - Ср. Луи Блана [136].

Ср. Луи Блана.

не своим подданным было всегда личною катастрофой." (Июльская монархия, loc. cit., 126).

/с. 152/:

В статье "Капитал и труд" Чернышевский показывает, что в основе древней истории лежала борьба классов. В Афинах, по его мнению, в этой борьбе преобладал чистополитический элемент: эвпатриды и демос боролись почти исключительно за или против распространения политических прав на массу демоса.[1]

?
NB

[1]) Совершенно ясно, что Чернышевский здесь ошибается, но эта ошибка случайная, так как он же обыкновенно доказывает, что в основе политической борьбы лежит столкновение экономических интересов. – Впрочем, и у Энгельса мы встречаем такую фразу: "По крайней мере, в новейшей истории государство, политический строй является подчиненным элементом, а гражданское общество, область экономических отношений имеет решающее значение". (loc. cit. , 57). Будто так обстоит дело только в "новейшей истории"? Это, конечно, обмолвка. Не будем же особенно строги к аналогичным обмолвкам Чернышевского.

Ср. 149.
Так можно всё доказать.

?

/с. 157/:

Правда, у Чернышевского встречается выражение "язва пролетариата", но употребляет он собственно это выражение во время полемики с буржуа - западниками, склонными усматривать в Западной Европе чуть ли не рай и не желающими критически отнестись к отрицательным сторонам западно-европейских отношений.

Неправда.
157 – неправда о пролетариате.

/с. 158/:

Чернышевский был горячим и убежденным коммунистом; Чернышевский прекрасно понимал, что историю делают мас-

сы; Чернышевский знал, что общественные классы приводятся в движение экономическими интересами. (Должен же был он искать в действительности какого-нибудь класса, который был бы заинтересован в осуществлении социалистического строя. В этом отношении он не мог рассчитывать ни на крупных землевладельцев, ни на капиталистов; относительно западно-европейских крестьян-мелких собственников он неоднократно высказывался, что они враждебно настроены к социализму и коммунизму. Итак, даже путем простого исключения оставался один только пролетариат.)

Конечно, да как.

Вот оно!
158 – О пролетариате.

/с. 159/:

(Эти слова родоначальника народничества /Н.Г. Чернышевского. – Сост./ показывают, насколько выше он стоял таких эпигонов народничества, как например В. Чернов, до сих пор не желающий усвоить разницу между бедняком и пролетарием.)

Неверно.
Ср. Иванова-Разумника
159 – неправда, ср. Иванова-Разумника[137].

/с. 160/:

("С другой стороны, – говорит Чернышевский, – число пролетариев все увеличивается, и главное, возрастает их сознание о своих силах и проясняется их понятие о своих потребностях". Скажите откровенно, читатель, эта фраза не напоминает вам ничего из "Коммунистического Манифеста"?)

160 – Смешное воззвание к откровенности. – Взывает к откровенности подобно Черкезову. Но ведь так рассуждал и Самарин[138].

/с. 161/:

Не следует забывать, что во времена Чернышевского самостоятельное классовое движение пролетариата было еще крайне слабым.

кв 160 – сам себя опровергает.

/с. 162/:

Правда, партия чартистов, представляющая, по мнению Чернышевского, интересы рабочего класса, иногда выступает рука об руку с буржуазными радикалами, особенно в области политических требований. "Но, несмотря на эти союзы, среднее сословие и работники издавна держат себя уже и в Англии, как две разные партии, требования которых различны. Открытая враждебность между простолюдинами и средним сословием во Франции породила и экономическую теорию коммунизм. Английские писатели утверждают, что после Оуена коммунизм не находил значительных представителей в их литературе, и это отсутствие смертельной вражды между теоретиками соответствует отсутствию непримиримой ненависти между английскими работниками и средним сословием.

Предложить насчет Самарина и Погодина[139].

162 – Предложить насчет Погодина и Самарина.

/с. 163/:

Подобно Марксу, Чернышевский с особенным блеском применил свой материалистический метод к анализу событий французской истории первой половины 19-го века. Написанные им по этому поводу три статьи: "Борьба партий во Франции при Людовике XVIII и Карле X", неоконченная "Июльская монархия" и "Кавеньяк" до сих пор сохраняют свое значение по глубокому и мастерскому анализу классовых отношений и конфликтов рассматриваемой эпохи. Сравнивая эти статьи Чернышевского и соответствующие брошюры Маркса: "Классовая борьба во Франции" и "18-е Брюмера Луи Бонапарта", получаешь такое впе-

Да ведь тут он излагал Луи Блана. 163 – Читал ля Стеклов Луи Блана?

чатление, что Маркс дал нам отделанную и обработанную в деталях статую, а Чернышевский представил незаконченный набросок, гигантскую глыбу, которая своими могучими контурами производит во всяком случае не меньше, а в иных отношениях, пожалуй, даже более сильное впечатление. Во многих местах читателя поражает почти полное совпадение мыслей и даже выражений у обоих мыслителей.

Ср. Михайловского. Почему он ехидничал надо мной? Ср. 23–4.

/с. 164/:

С таким же полом холодного анализа Чернышевский подходит и к действиям либеральной партии в эпоху реставрации. Он показывает, что ее любовь к свободе была просто лицемерной маской, скрывавшей определенные классовые вожделения, т.е. защиту интересов промышленного и торгового капитала.

Этого он не мог показать[140]. Ср. 165.

/с. 165/:

Борьба между "двумя партиями, на которые разделялись средний и высший классы", должна была по словам Чернышевского закончиться победой либеральной партии, представлявшей экономически более сильный класс.

165 – Этого он не мог показать. Непременно ср. 23–24 и 163. Подчеркнуто. О наивность.

/с. 172/:

Из трех существующих партий, говорит Чернышевский, каждая могла получить решительный перевес в обществе не иначе, как в союзе с одной из двух других.

Очень важно.

/с. 174–175/:

Мы изложили историко-философские взгляды Чернышевского – иногда, быть может, с излишними

подробностями, но эта детализация казалась нам необходимой в виду того, что относительно этого предмета в нашей литературе писалось очень мало - почти ничего - и, если писалось, то не всегда верно. Народнически-настроенная часть нашей публики меньше всего интересовалась анализом воззрений Чернышевского с точки зрения его близости к научному социализму; и очень возможно, что установление такой близости она сочтет оскорблением памяти великого мыслителя. Среди большинства марксистов, напротив, господствует взгляд на Чернышевского, как на писателя очень симпатичного, в свое время полезного, но весьма далекого от современного материалистического мировоззрения. На их отношении к Чернышевскому сильно действует тот каприз истории, в силу которого этот объективист и материалист сделался родоначальником народничества. Вообще же большинство публики знает о Чернышевском лишь то, что он написал утопический роман "Что делать?" и якобы мечтал о переходе России от общины сразу к социализму посредством заговора небольшой кучки революционеров-интеллигентов /.../

Sic!

175 - Против меня.

?

В нашей литературе между прочим высказывалась мысль, будто в исторических воззрениях Чернышевского "случайности" отводилось слишком широкое место и будто во взглядах на исторический процесс он стоял гораздо ближе к Боклю, чем к современному материализму. Обширные и многочисленные цитаты из сочинений Чернышевского, приведенные нами в этой главе (да отчасти и в других), как нам кажется, показывают ошибочность этого мнения.

Напрасно.

/с. 176/:

(Единственный серьезный пробел в историко-философских воззрениях Чернышевского заключается в том, что он не указал определенно на решающее значение развития производительных сил как основ-

Вот так "единственный" пробел!

ного фактора исторического процесса.) /.../

NB 176 - Вот так единственный (пробел)! NB. NB (Непременно сравнить Погодина). Странное "А если!"

А если принять во внимание, при какой исторической обстановке развивался Чернышевский, если вспомнить, что он жил в обществе, еще не вышедшем из стадии натурального хозяйства, то мы должны будем с тем большим уважением преклониться перед великим мыслителем, который, говоря его словами, "опередил свою эпоху и достиг высот, только путь к которым он мог указать отставшему своему поколению".

/с. 181/:

Но свидетельствует ли все это в пользу той мысли, что Чернышевский не понимал значения политической свободы и стоял в этом отношении на точке зрения утопистов, отличавшихся в большинстве случаев полным политическим безразличием? Ни в каком случае.

!

181 - Почему же?

NB Ср. с Погодиным и с Боткиным[141]. Почему же?

/с. 193/:

Народная масса, говорит Чернышевский, имея в виду преимущественно крестьянство, равнодушна к понятиям реакции, модерантизма и политического революционерства; ее недовольство возбуждается только чисто материальной нуждой и страданиями. Эта темная, почти немая, почти мертвая в обыкновенные времена масса не играет роли в большей части политических событий Западной Европы.

Не только его. См. 192.

192 - не только крестьянство.

/с. 198/:

(Демократы могли убедиться, что все их стремления к прогрессу останутся бесплодными до тех пор, пока французский крестьянин не будет выведен из состояния умственной отсталости. В эту сторону теперь и направлены их усилия. И таким образом введение всеобщего избирательного права, хотя непосредственно и принесло Франции значительный вред, но косвенно принесло ей несравненно большую пользу.)

Не ситуа, а сознание.

/с. 199/:

/.../ вывод Чернышевского не так наивен, как кажется на первый взгляд: в современных терминах он гласит, что практика всеобщего голосования косвенным путем содействует развитию классового сознания среди трудящихся.

№ 199 - "В современных терминах".

/с. 208/:

По всему материку Западной Европы (пишет Чернышевский. - Сост./ реакционеры составляют нечто вроде Мальтийского ордена, в котором были люди всех национальностей и все стояли друг за друга, и все стояли за свой орден. Точно то же и монархисты, и республиканцы".

№ Гольдендаху[142].

/с. 218/:

Выше мы видели, как Чернышевский в результате изучения исторического развития человечества пришел к тому выводу, что в основе исторического процесса лежат экономические факторы, развитие производительных сил и классовая борьба.

144 и 218 (О производительных/ силах). ? Ср. 144.

/с. 219/:

(Как ни странно это может показаться на первый взгляд, но именно в области экономических вопросов, разработкой которых Чернышевский наиболее интересовался и наиболее прославился, взгляды нашего автора оказываются наиболее узкими. Здесь сказалось влияние исторической эпохи и социальной среды, окружавшей Чернышевского и заставлявшей его (устремлять свое главное внимание не столько на анализ существующего, сколько на исследование желательного ему общественного уклада.) А это придало особенную окраску его экономическим воззрениям и не могло не оказать сильнейшего влияния на результаты его работ в этой области.)

Почему же?

219 - Да ведь это и значит, что он был просветителем.

/с. 223/:

С этой литературой /английских социалистов-утопистов. - Сост./, по крайней мере в лице ее главных представителей, Чернышевский, повидимому, был хорошо знаком. О Годскине он прямо упоминает, признавая его даже главой антибуржуазного направления в политической экономии. Вероятно, он был также знаком с сочинениями Вильяма Томпсона, видного последователя Р. Оуэна, особенно с его "Практическими предложениями", хотя он определенно на него нигде не указывает. Можно даже предполагать, что на него произвели сильное впечатление некоторые мысли Томпсона, как, напр., о том, что сумма накопленного продукта прошлого труда ("капитала") совершенно ничтожна в сравнении с наличными производительными силами страны. Точно так же Чернышевский нигде не упоминает о другом английском коммунисте из школы Оуэна, Дж. Брее (которого цитирует Маркс в "Нищете философии").

223 - Это очень мало вероятно (английские социалисты). Если бы Ч/ернышевский/ знал о Томп/соне/, то его понятия о м/е-новой стоимости были бы /другими/. Почему же он не поставил вопроса об отношении Милля к этим социалистам.

/с. 230/:

В этих замечаниях Чернышевского много верного, но это полное сильно ослабляется полным согласием нашего критика с основными положениями буржуазной политической экономии. В ней, говорит он, нет места для социалистического рабочего движения; точнее - она не сумела выяснить положение пролетариата в общей хозяйственной системе капитализма. А это значит, что она не сумела достаточно разъяснить существенный характер капиталистического строя как в целом, так и в частностях.

НВ
230 - Ст/еклов/ сам согласен со мной.

Ср. 234.

/с. 234/:

(Неужели такой крупный и проницательный ум, как Чернышевский, не заметил бы грубых промахов Милля, если бы его внимание было преимущественно сосредоточено на анализе существующих отношений, а не на описании новых путей социального развития и на доказательстве их возможности и выгодности для народной массы?) Но в том-то и дело, что его главным образом интересовала вторая сторона задачи, поставленная перед ним потребностями русского общественного развития. "Время требует слуги своего", и Чернышевский исполнял очередные требования своей эпохи. В этом отношении он сделал для русского общества очень много, быть может, гораздо больше, чем сделал бы, если бы ограничился исключительно научным анализом буржуазного хозяйства.

Ср. 235.
Возможно ли было бы это, если бы Ч/ернышевский/ стоял в истории на матер/иалистической/ точке зрения?

Ср. 233.

/с. 235/:

(Это стремление найти вечные экономические законы, одинаково присущие всем укладам хозяйственной жизни, заставляло Чернышевского сходить с исторической точки зрения и в сильнейшей степени ослабляло его аргументацию и выводы.) Открытие не

НВ
с. 235. Возможно ли это для материалиста?

этих постоянных экономических законов, лишь искажаемых капиталистической системой, ему нужно было для доказательства той мысли, что только при социалистическом строе смогут получить нормальное и полное развитие эти законы, соответствующие требованиям "здравой" экономической теории. Он неоднократно упрекает Милля и сметовскую теорию вообще в том, что они ограничиваются исключительно анализом капиталистического строя, что выводы у них "сделаны только в применении к быту, основанному на трехчленном делении продукта", и что они не идут "в своем исследовании дальше частного видоизменения экономических принципов, свойственного этой форме устройства".

ср. 241
И это материалист в истории?
Ср. 236

/с. 236/:

Именно историзм Чернышевского в данном случае превратился у него в свою противоположность. Именно потому, что он понимал преходящий, исторический характер капиталистического строя, он при анализе его соскочил с исторической точки зрения, погнавшись за установлением вечных принципов "экономической теории" /.../ Экономисты старой школы выдавали специфические законы капиталистического уклада за вечные экономические категории; желая опровергнуть их ненаучные утверждения и разоблачить преходящий характер их "вечных законов", Чернышевский впал в противоположную крайность: он также признал существование таких "вечных законов", но старался доказать, что эти законы могут осуществиться не при капиталистических отношениях, а лишь в социалистическом строе /.../

Да?!

Где же тут крайность?

/с. 237/:

Посмотрите, например, как мало может дать с экономической точки зрения анализ ну хотя бы про-

цесса труда, взятого абстрактно, как процесс физического взаимодействия между человеком и природой, независимо от конкретной исторической обстановки, "независимо от какой бы то ни было определенной общественной формы". (Маркс. Капитал, т.I, с. 142 и сл.). Получается несколько общих технических замечаний, - спору нет, крайне интересных, но ни на шаг не подвигающих нас вперед в деле выяснения специфических отношений капиталистического производства.

Это мои слова.

/с. 238/:

/.../ Он /Чернышевский. - Сост./ выделяет из идеи соперничества все ее специфически-капиталистические черты и получает "расчет экономической выгоды" или просто "расчет выгоды" и еще короче - просто "расчет" или "расчетливость". Но ведь это уже не то: ведь в выводе нашего автора получается голый принцип так называемой китайской мудрости вместо требовавшегося закона определенного социального явления, а именно товарного и капиталистического производства!

? Idem.

Ср. 244. (idem). Ср. 256

/с. 241/:

(Но ,спросит читатель, неужели тот самый Чернышевский, трезвость и реализм которого с такой несомненностью устанавливал в предыдущих главах, в области экономических исследований изменил своим обычным приемам и взглядам?)

В том-то и дело, что не установили.

/с. 243-244/:

(Точно так же, (когда перед ним /Чернышевским. - Сост./ встает вопрос, "с какими целями, по каким соображениям, для каких дел организовано общество во всех странах? Руководились ли народы заботою о наивыгоднейшей обстановке труда, когда

давали обществам своим то устройство, которое до сих пор сохранается в существенных и вернейших чертах?", - он спешит на это ответить, что "подробное исследование об этом дело истории, а не политической экономии", которая берет "только готовый вывод, даваемый историею".)

Возможен ли такой вопрос со стороны материалиста?

/с. 244-245/:

Но применение /.../ правильного методологического приема не мешало Чернышевскому невольно переходить на вообще ненавистную ему идеалистическую или, если хотите, на публицистическую точку зрения, когда он ставил политической экономии задачу давать гигиенические предписания. "Экономическая наука - медицина экономического быта, - говорит он в главе о кредите".

Это взято у сен-симонистов.

/с. 248/:

(Для научного анализа действительных отношений этот метод арифметических выкладок может пригодиться лишь в качестве иллюстраций к положениям, полученным путем точного исследования реальных экономических явлений. И во многих случаях против него ничего нельзя было бы сказать, если бы вопросы при этом слишком не упрощались и если бы автор смотрел на него только как на вспомогательный прием, имеющий целью помочь читателю следить за ходом мысли, но не претендующий на самостоятельное значение). Но, к сожалению, Чернышевский /.../ придавал своему методу слишком большое, чтобы не сказать - абсолютное значение.

Опять мои слова. Ср. 251. Ср. 237.

248-251 Непременно сравнить 241. Почему придавал?

/с. 251/:

Но если принять во внимание отмеченный выше характер момента, тогдашние потребности русской общественной мысли и навязанную ими Чернышев-

Ну, да ведь это и говорят.

скому задачу, то дело несколько изменяется и гипотетический метод получает известное историческое оправдание: слабый в чисто научном отношении, он оказется исторически законным и целесообразным.

/с. 252/:

(Гипотетический метод, над которым впоследствии много издевались, имел в свое время огромный смысл.) /.../

НВ
Издевались?

/с. 255/:

"Человек, его производство", "его сбережение", "достоинство его орудий" - нечего сказать, хорош анализ капиталистического производства! Мы нарочно привели довольно длинную цитату из Милля, чтобы читатель видел, с какими странными, чтобы не сказать более, положениями Милля спешил согласиться наш обыкновенно столь умный и проницательный автор под влиянием своих idées fixes * /.../

НВ - 255 - Стеклов опровергает Стеклова.
НВ
Опровержение Стеклова.

/с. 264 /:

Здесь от общественного характера капитала, этого исторического понятия par excellence,** почти ничего не осталось.

264. - Стеклов побивает Стеклова. - Ср. выше.

/с. 267/:

Но повторяю - и эту мысль я не устану подчеркивать - что Чернышевский вынуждался к такой постановке вопроса условиями переживавшегося тогда русским обществом исторического момента.

267 - Наше "но".
?

* навязчивые идеи (фр.).

** по преимуществу (фр.).

/с. 268/:

/.../ (что великий критик буржуазных теорий сам допустил существование вечных экономических категорий, что, разоблачая исторический характер капиталистического производства, он при этом часто невольно "разоблачал" его в буквальном смысле, т.е. совлекал с него его конкретную оболочку, - все это, конечно, достойно сожаления с точки зрения научных результатов анализа, но исторически было вполне естественно и целесообразно.)

268 - "Сожаление".

Дело не в сожалении, а в факте!

/с. 275/:

В рассуждениях Чернышевского по этому поводу (о прибавочной стоимости. - Сост./ мы снова наталкиваемся на причудливое смешение гениальных прозрений и утопических тенденций, - смешение, объясняемое, как и во всех других случаях, общим характером его экономической системы, о котором мы говорили неоднократно.

275 - Ср. непременно Томпсона.

А Томпсон?
Ср. 277.

/с. 277/:

Здесь Чернышевский уже вплотную подходит к решению поставленного вопроса; он уже не говорит о том, что труд не должен иметь ценности, а о том, что он не может быть ценностью; он говорит о "производительной силе", в качестве каковой труд является творцом ценности и "источником продукта". И если он все-таки не дошел до конца этого противоречия между трудом и рабочей силой, если он таким образом обеспложил свой остроумный анализ, если все его рассуждения кажутся потому беспомощным блужданием вокруг да около вопроса, то виноват в этом общий характер его системы и в частности его своеобразный взгляд на отношение между меновой и внутренней ценностью, в свою очередь обусловленной своеобразным пониманием задач экономической теории.

А Томпсон?

/с. 290/:

"Буржуазный экономист, ограниченный мозг которого не в состоянии отличить форму проявления от того, что в ней проявляется, закрывает глаза на тот факт, что даже в настоящее время рабочий фонд выступает в форме капитала в исключительно редких пунктах земного шара". (Капитал, I, 530).

Нашим философам.

/с. 295/:

/.../ Но мы совершенно согласны с его характеристикой учения Мальтуса, который, по словам нашего автора, "принялся за исследование с реакционною целью", чтобы найти "аргумент против радикальных теорий", и с сущностью его заключения, гласящего, что дело идет не о передаче человеческого организма, а о преобразовании общественных отношений.

294-5. Мальтус.

/с. 295-296/:

Цель эта /экономической системы Чернышевского. - Сост./ заключалась в том, чтобы путем критики существующих экономических отношений обнаружить вред капитализма для широких народных масс, подчеркнуть его преходящий характер и выявить основные черты будущего социалистического строя. При этом центр тяжести переносился естественно в область критики существующего с точки зрения предстоящего и в область характеристики будущего строя - хотя бы в самых общих чертах. От этого анализ существующих экономических отношений несколько пострадал и, как мы видели выше, определение некоторых основных понятий политической экономии у Чернышевского оказалось невыдержанным с исторической и диалектической точки зрения.

Ч/ернышевский/ просветитель. Ср. 238.

/с. 307/:

А экономический прогресс, говорит он /Чернышевский. - Сост./ совершенно определенно, ведет к замене мелких ремесленных предприятий фабрикой, а самостоятельных производителей наемными рабочими; вместе с тем крестьянин-собственник уступает место фермеру-капиталисту. "Посаляным-собственникам соответствуют те мелкие ремесленники и мастера, которые работают в своих мастерских по одиночке, при помощи лишь своей семьи, да разве двух-трех несовершеннолетних учеников. Коттерам соответствуют те работники мануфактуры, которые занимаются работою у себя на дому, получая работу от большого хозяина. Но масса работников во всех заводских, фабричных и ремесленных производствах быстро переходит в состояние наемных работников, а в отраслях промышленности, где наиболее усовершенствованы процессы производства, уже вся сполна перешла в это положение".

Он не кладет этого взгляда в основу соображ/ений/ об избир/ательном/ праве.

/с. 313/:

В сущности весь анализ и критику существующих отношений он /Чернышевский. - Сост./ вел с точки зрения своего "антропологического принципа", с точки зрения реального, чувственного и чувствующего человеческого существа. Выше мы уже намекнули на это, подчеркнувши его анализ "антропологического" характера труда. Капиталистический строй он осуждает с точки зрения потребностей человека, т.е. личности, имеющей право на всестороннее развитие. В анализе понятия стоимости он стоит на той же "антропологической" точке зрения /.../ Это необходимо иметь в виду, чтобы правильно понять метод и приемы Чернышевского.

Т/о/ е/сть/ с точки зрения Ф/Ейербаха/.

313 - Стек/лов/ побивает Стекл/ова/.

/с. 318/:

(Итак, надежды на возможную в будущем великую историческую роль общины уживались в голове Чернышевского с самым скептическим к ней отношением. Этой двойственности не замечается у него в вопросе о развитии производительных сил. Правда, о последних Чернышевский писал меньше, чем об общине, но мы нигде не могли констатировать у него отрицательного отношения к развитию производительных сил.)

318 – Этого не могли бы конст/атировать/ и у соц/иалистов/-утопистов. Этого не "могли" бы констатировать и у соц/иалистов/-утопистов.

/с. 319/:

Вообще Чернышевский не боялся развития капитализма. В статье "Суеверие и правила логики" (1859 г.) он доказывает, что развитие капитализма дает толчок и развитию сельского хозяйства /.../

Вообще Чернышевский ничуть не страшился последовательной эксплоатации наших общественных отношений и в частности развития производительных сил.

/с. 320/:

(Социализм Чернышевского, конечно, не был свободен от некоторых утопических элементов, но признать на этом основании Чернышевского только и просто утопистом мы не решаемся. Как мы уже сказали, Чернышевский занимает промежуточную стадию между утопическим и научным социализмом, в большинстве случаев стоя ближе к последнему.)

320 – Социализм Чернышевского/. Да? И в экономии?

/с. 323/:

(У Чернышевского можно найти еще много других элементов утопизма, но они так тесно переплетены у него со здравыми мыслями и реалистическими замечаниями, что трудно выделить их из общей системы его взглядов)/.../

Да? Почему же? нв

323 – Ст/екло/ добавил Стеклова.

(Указание общих основ будущего строя не противоречит современному социалистическому пониманию. И сам Чернышевский набрасывает эти основы социалистического строя в таких общих принципиальных очертаниях, что ничего возразить против них нельзя).

Да разве в том дело?

/с. 326/:

Чернышевский понимал, что решение так наз. социального вопроса, т.е. вопроса о преобразовании капиталистического строя в социалистический, зависит от самодеятельности пролетариата.

Ср. 332 326 и 352 – Непременно сравнить. Тут же, об абсолютизме, ср. выше.

/с. 331/:

Фурье и Консидеран, но особенно Сен-Симон и Базар подготовили почву для учения о борьбе классов. В этом отношении Сен-Симон оказал влияние и /на/* Маркса, и на Чернышевского.

331 – О борьбе классов (примечание). А Гизо?[144]

/с. 334/:

На практическую программу Чернышевского имела влияние деятельность чартистов и французских социалистов 40-х годов. Те и другие стремились к преодолению капитализма посредством политического переворота, концентрированного политического действия, и добивались всеобщего избирательного права, как орудия, обеспечивающего влияние трудящейся массы на государство /.../

334 – Опять сам себя побивает. нв (Непременно о Черкезове). нв

/с. 336-337/:

(От утопистов Чернышевский отличается и своим историческим детерминизмом, и своей, довольно выдержанной в материалистическом духе, философией

нв. 336 – Довольно выдержанный ист/ори-

* Слово "на" вставлено Г.В. Плехановым.

исходил, и своим реалистическим отношением к действительности, и своей оценкой движущих сил истории. Правда, во многих вопросах Чернышевский ошибался; иногда он сбивался с своего в общем реалистического тона. Но и самые его ошибки свидетельствуют о могучих задатках этого выдающегося ума, который, в силу неблагоприятной окружающей его общественной обстановки и в силу несчастливо сложившихся личных условий, не успел продумать и развить до конца свою систему). Нет ничего легче, как критиковать и только критиковать недоговоренности, противоречия и промахи Чернышевского с точки зрения современной науки. Но это неблагодарная задача, способная скорее затушевать, чем выяснить истинный облик Чернышевского и место, занимаемое им в истории социалистической мысли. Читатель из всего предыдущего изложения мог убедиться, что из всех предшественников Маркса (а (на Чернышевского, по характеру окружающей его исторической обстановки, следует смотреть именно как на предшественника, а не современника Маркса))* он ближе всех подошел к научному социализму. (Конечно, Чернышевского нельзя признать предотавителем научного социализма; он лишь его предтеча; он лишь намекал и предвозвещал его появление. Но скажем словами самого Чернышевского: "Конец именно потому и конец, что он не похож на начало, - стало быть, начало должно же отличаться от конца, - иначе не было бы ни целей, ни стремлений, ни истории".

Не будем же нарушать законов истории при оценке значения нашего незабвенного Чернышевского.)

ческий/ матер/иализм/ Чернышевского/.

Это так.

Это верно, но с оговорками.

нв

Все соц/иалисты/-у/тописты/ предтечи научного соц/иализма/.

Совет, к/ото/рому Ст/еклов/ не следу/ет/.

* Здесь наружные скобки поставлены Г.В. Плехановым, а внутренние - автором.

/с. 341/:

Про Добролюбова, основной, отличительной чертой которого, и как писателя, и как человека, Чернышевский признавал "глубокое чувство гражданского долга", он говорил: "не в России бы ему родиться". Ибо "такова уже судьба русского народа: незамечены его лучшие деятели".

нв

341 - "Незамечены" деятели.

/с. 343/:

В 1830 году буря пронеслась только по Западной Германии, в 1848 году захватила Вену и Берлин. Судя по этому, надобно думать, что в следующий раз она захватит Петербург и Москву.

343 - революция.

Верно ли это? Верного тут ничего нет, только вероятно. Отрадна ли такая вероятность? Хорошего тут нет ровно ничего. "Чем ровнее и спокойнее ход улучшений, тем лучше; действие толчками и скачками менее экономно". Но так или иначе придет серьезное время /.../

343 - опять просветитель.

Он /Левицкий-Добролюбов. - Сост./ признает Волгина /Чернышевского. - Сост./ человеком, преданным всей душой народным интересам, но он также ясно видит его недостатки: он не верит в народ. "По его мнению, народ так же подл и глуп, как общество. Понятно, почему он так думает: ему не хотелось бы террора; он и старается убедить себя, что террор невозможен.

343 2 и это народник.

нв

/с. 344/:

Работать для людей, которые не понимают тех, кто работает для них, - это очень неудобно для работающих и невыгодно для успеха работы, - говорил Чернышевский в "Письмах без адреса". Вот трагедия Чернышевского и его современников.

344 - Трагедия.

/с. 352/:

Либералы представляли интересы буржуазии и прогрессивного дворянства, Чернышевский и его кружок отстаивали интересы трудящихся или, говоря его слогом, простонародья, в котором по тогдашним социальным условиям смешивались воедино рабочий класс и крестьянство. Не следует при этом упускать из виду, что крестьянство составляло тогда почти единственную массу трудящихся, из которой пролетариат не успел еще выделиться настолько, чтобы входить в расчеты демократов в качестве серьезного исторического фактора.

Ср. 326.

/с. 353-354/:

Именно потому, что в основе режима, от которого задыхалось все честное и живое на Руси, лежало крепостное право, – именно потому передовые русские люди того времени с таким восторгом встретили первые акты, коими правительство возвещало свою решимость приступить к раскрепощению крестьянства. И даже наш великий Чернышевский на момент поддался общему увлечению и, в параллель гершензоновскому: "Ты победил, Галилеянин!", предпослал своей статье "О новых условиях сельского быта" (Совр., 1858, 2) эпиграф, обращенный к Александру II: "Возлюбил еси правду и возненавидел еси беззаконие, сего ради помаза тя Бог твой (Псал. XLV, стих 8)"/.../ (Главнейший источник всех недостатков русской жизни – крепостное право[x].) "С уничтожением этого основного зла нашей жизни, каждое другое зло ее потеряет девять десятых своей силы".

Ср. выше упрек мне. мв

Ср. 342. мв

x (Впоследствии, как мы знаем, Чернышевский несколько изменил свой взгляд; неудача крестьянской реформы заставила его искать этой основной причины глубже – и он нашел ее в политическом устройстве России, одним из проявлений которого он

Хорошо несколько! Ага! Но из этого

и признал крепостное право.)

не оговорили и начали с худшего взгляда. Зачем? Для доказательства предвзятой мысли.

/с. 355/:

Вот почему первые шаги правительства в области крестьянской реформы привели Чернышевского в такой восторг, окрасили его такими радужными надеждами. И вот почему из-под пера его вырвалось славословие Александру II, столь не идущее к общему мировоззрению писателя. "Благословение, обещанное праотцам и пророкам, увенчивает Александра II счастием, каким не был увенчан еще никто из государей Европы – счастием одному начать и совершить освобождение своих подданных". Но скоро, еще в том же 1858 году, Чернышевский изменил свое отношение к правительству, когда увидел, что оно исказит великую реформу в интересах помещиков".

Ну, вот то-то!

/с. 357-358/:

Народ опит, народ темен, говорит Чернышевский, но можно ли надеяться на его пробуждение? При известных условиях, пожалуй, можно. "Люди довольно скоро умнеют, когда замечают, что им выгодно стало умнеть", – пишет он в "Что делать?" В своей общественной деятельности отдельные лица могут руководиться идейными или моральными мотивами; масса же, говорит Чернышевский, приходит в движение только под давлением своих материальных интересов.

357 – Просветитель.

/с. 359/:

То обстоятельство, что в рассказах Успенского народная масса предстает как бы лишенной умственного развития и сознания человеческого достоинства, ничего не говорит. /.../ Точно так же дело обстоит и с другими сословиями. Везде господствует рутина, тупоумие и пошлость; на каждом шагу вздор и грязь, мелочность и тупость. Но, предостерегает Чернышевский, не спешите выводить из этого никаких заключений о состоятельности или несостоятельности ваших надежд, если вы желаете улучшения судьбы народа. В великие исторические моменты, когда задеты насущные интересы и стремления масс, народ преображается.

Вот вам и пролетариат. Ср. 360.

/с. 361/:

"Недавно зародился у нас этот тип, - говорит Чернышевский, - прежде были только отдельные личности, предшествовавшие его; они были исключениями и, как исключения, чувствовали себя одинокими, бессильными и от этого бездействовали или унывали, или экзальтировались, романтизировали, фантазировали, т.е. не могли иметь главной черты этого типа, не могли иметь хладнокровной практичности, ровной и расчетливой деятельности, деятельной рассудительности ...

Не класс, а тип.

/с. 364/:

Убежденный ригорист и аскет, он /Рахметов. - Сост./ отказывал себе решительно во всем, ел лишь то, что ест народ, не пил вина и не прикасался к женщинам, несмотря на свою кипучую натуру. "Так нужно,т- говорил он, - мы требуем для людей полного наслаждения жизнью, - мы должны своею жизнью свидетельствовать, что мы требуем этого не для удовлетворения своим личным страстям, не

364 - Человек вообще.

для себя лично, а для человека вообще, что мы говорим только по принципу, а не по пристрастию, по убеждению, а не по личной надобности". Он отказывается от любви к достойной его женщине, находя, что революционеры не имеют права связывать чью-нибудь судьбы со своею /.../

Он /Рахметов. - Сост./ попадает за границу, объезжает славянские земли, везде сближается со всеми классами и собирается в Соединенные Штаты, где останется долго, может быть, навсегда, если он там найдет себе дело, но года через три, четыре он надеется все-таки вернуться в Россию, где к тому времени, по его мнению, должны произойти великие события.

NB Ленин[145].

/с. 366/:

На этой же точке зрения, единственно возможной для эпох, характеризующихся пассивностью народной массы, повидимому, стоит и Чернышевский. Он определенно подчеркивал, что без участия народных масс нельзя достигнуть серьезных практических результатов; он говорил, что только сочувствие широких масс способно обеспечить успех той или иной политической программы и что без возбуждения энтузиазма в массах революционные попытки неминуемо обречены на плачевное фиаско. В активность масс, в способность их к широкой политической инициативе он, как мы знаем, мало верил. Но он полагал, что в те исторические периоды, когда задеты насущные интересы этих масс - главным образом интересы экономические, особенно для них близкие, чувствительные и понятные, - они способны приходить в движение и во всяком случае послужить опорой для сознательного меньшинства, склонного к решительной инициативе.

NB 368 - сам же рисует Ч/ернышевского/ как бланкиста.

NB Сравни же выше!

/с. 369/:

Именно этот взгляд Чернышевский проводил в своих первых статьях, посвященных защите общинного принципа. Прекрасно сознавая, что сохранение общинного землевладения свидетельствует о нашей социально-экономической отсталости, что современная ему община далеко не может являться идеалом, он тем не менее полагал, что раз эта форма экономического быта по тем или иным причинам донесена русским народом до эпохи индустриализма, ею необходимо воспользоваться для того, чтобы при благоприятных условиях дать ей дальнейшее развитие в социалистическом направлении.

Опять нет.

/с. 370/:

/.../ Чернышевский иногда договаривался до не совсем основательных утверждений, вроде того, что община не только не препятствует прогрессу сельского хозяйства, но напротив именно она благоприятствует этому прогрессу. Но для него центр тяжести вопроса лежал не в этой плоскости. Даже если допустить, говорил, он, что община задерживает развитие производительных сил, она все-таки выгоднее для нации в целом.

370 - Опять производ/ительные/ силы / и опять некстати.

/с. 379/:

/.../ Чернышевского, конечно, можно признать одним из родоначальников народничества, поскольку последнее характеризуется между прочим верой в то, что Россия минует стадию капитализма. Но с этой стороны народничество можно возводить и к Герцену, и еще выше. Следует однако вспомнить, что широкий и трезвый ум Чернышевского был чужд герценовской исключительности /.../

NB
379 - Поскольку и т.д. Народник.

У Чернышевского скорее были все задатки к тому, чтобы сделаться в России первым провозвестником критического или научного социализма; но его трагедия в том и заключается, что когда настало время его понять и оценить, он уже устарел и в значительной степени оказался лишь материалом для исторического исследования.

Почему?

/с. 385/:

Столь же сомнительно, чтобы Чернышевский был одним из авторов конституционного подпольного листка "Великорусс" /.../ Правда, многие мысли, высказанные в "Великоруссе", соответствовали некоторым мыслям Чернышевского, но только некоторым /.../, но полное отсутствие социалистического элемента в "Великоруссе" и пропаганда идеи адреса царю о даровании свобод как-то не вяжутся со всем тем, что всегда проповедовал Николай Гаврилович. Конечно, можно предположить, что в данном случае Чернышевский руководился тактическими соображениями, избегая сразу развернуть всю свою программу, чтобы не отпугнуть умеренно-либеральных слоев общества /.../

385 - Великорусс.

NB

/с.391/:

/.../ Мы в конце концов не решаемся категорически ответить на вопрос о непосредственном его /Чернышевского. - Сост./ участии в революционном движении. Вернее всего, что непосредственно он в нем не участвовал; но что он знал о всех существенных проявлениях тогдашнего революционного движения, что непосредственные участники последнего совещались с ним и считались с его указаниями, что, во всяком случае, они почерпали из бесед с ним и из его сочинений убеждение в необходимости практических попыток, к которым сам

№

Чернышевский по нерешительному и вялому складу своего характера, по своей непрактичности и книжности, быть может, не был способен, – это вряд ли подлежит сомнению.

391 – Чер-н/ышевский/ "вялый".

/с. 400/:

Чернышевский все еще продолжал надеяться на скорое освобождение, но видя, что комиссия меньше всего думает об этом, несмотря на отсутствие улик, Чернышевский 22 ноября написал 2 письма: одно государю, а другое петербургскому генерал-губернатору кн. Суворову. В этих письмах, исчезнувших неизвестно куда, он, вероятно, обращал внимание адресатов на произвол и беззаконие, допущенные по отношению к нему правительством.

Как исчезнувших?

/с. 409/:

Никитенко расспрашивал сенатора Любощинского, доказано ли юридически преступление Чернышевского? Сенатор отвечал, "что ему известных юридических доказательств нет, но что моральное убеждение прямо против него".

409. – Любощинский. Ср. 410.

/с. 413/:

Уже в Саратове, по возвращении из ссылки, когда Чернышевский, встретившись с супругами Короленко, поцеловал у жены писателя руку, а она ответила поцелуем в лоб, он отстранился со словами: "Нет, не надо! Сожаление ... не надо этого!.."

413 – Сожаление.

/с. 419/:

Короленко удачно сравнивает Чернышевского по возвращении из Сибири с польским паном, заснувшим в 18-м веке в каком-то погребе и вышедшем из своего убежища в старо-польском костюме,

На совсем.

с карабеллой у пояса и отвислой седой бородой на улицы русской уже Варшавы /.../

ПРИМЕЧАНИЯ

I. Среди двадцати трех книг всевозможных изданий произведений В.Г.Белинского, хранящихся в библиотеке Плеханова, имеется тринадцать томов различных собраний его сочинений, выходивших в Москве в 70-80-х гг. в издательстве А.И.Мамонтова. У Плеханова были разрозненные тома стереотипных 3, 4 и 5-го изданий. Мы включили только те пометы, которые сделаны на I-3 частях 5-го изд. и 4-й части 4-го изд. Пометы на остальных частях нами не публикуются по разным причинам: небольшое число помет на книге, пометы менее интересны, наиболее ценные из них публиковались ранее или будут опубликованы в следующих выпусках настоящего издания. Книги в издательском переплете темно-бурого цвета в крапинку, с золотым тиснением на корешке.

Часть помет Плеханова на этом издании опубликована: Литературное наследие Г.В.Плеханова. Сб. VI. М., 1938, с. 151-152. На части I пометы сделаны простым карандашом на обороте переплета, форзаце, чистых страницах и частично на полях. Только помета к с. 107 и подчеркивание помети к с. 227 сделаны Плехановым синим карандашом, вероятно, при повторном чтении книги. В оглавлении Плеханов отметил знаком # рецензию Белинского на учебник М.П.Погодина "Начертание русской истории для училищ". Но текст этой рецензии не имеет следов чтения Плеханова, и она нигде не была им упомянута.

Определить время, когда Плеханов пользовался именно этим собранием сочинений Белинского, трудно. В своих произведениях о Белинском, написанных в конце 90-х гг. XIX в. - "Белинский и разумная действительность", "В.Г.Белинский. Речь, произнесенная весной 1898 года по случаю пятидесятилетия со дня смерти Белинского, на русских собраниях в Женеве, Цюрихе и Берне", "Литературные взгляды Белинского" (см. Плеханов Г.В. Избр. философские произведения, т. 4,5. М., 1958) - Плеханов не указывал, какими изданиями он пользовался. Но вероятно, что он в основном приводил цитаты по четырехтомному изданию сочинений, осуществленному П.В.Павленковым (см. № 5-8 наст. изд.). Об этом свидетельствует то обстоятельство, что Плеханов в самой ранней работе "Белинский и разумная действительность" подверг

критике вступительную статью Н.К.Михайловского "Прудон и Белинский" к I тому павленковского издания (см. Плеханов Г.В. Избр. философские произведения, т. 4, с. 419-420). На основании этого можно было бы предположить, что "мамонтовские" собрания сочинений Белинского, вышедшие в 1881-1883 гг., были прочитаны Плехановым в основном в конце 80-х - начале 90-х гг. Но помета Плеханова к с. 252 части 4: "Герцензону и Киреевскому" говорит, что он пользовался этими книгами и в XX в., когда появились работы М.О.Гершензона.

2. Плеханов отметил это место, где речь идет о героях драм Ф.Шиллера "Разбойники", "Дон Карлос" и романа В.Гюго "Тан Исландец", крестиком.

3. Здесь и далее Плеханов отмечает фразы пометой "нашим", когда он хотел использовать их в полемике с теми течениями внутри социал-демократического движения, с которыми он в данный момент полемизировал по тем или иным вопросам. Это могло относиться и к "молодым" и "Союзу русских социал-демократов" в 1895-1900 гг., и к большевикам в 1904-1907 гг., и к ненавистникам-ликвидаторам в 1908-1913 гг. При анализе этих помет надо помнить политическую биографию Плеханова и меняющую периодизацию его деятельности за период 1903-1914 гг. (см. Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 25, с. 133, 222-223).

4. На шмуцтитуле Плеханов написал: "275 - крайний идеализм Белинского - на ". Но на самой с. 275 нет никаких помет. Он имел в виду, что вся статья "Опыт системы нравственной философии" отражает идеалистические взгляды Белинского на историю. Поэтому здесь приводятся те фрагменты из этой статьи, которые Плеханов отметил подчеркиванием и выделил знаками Bis! НВ.

5. Пометы сделаны Плехановым в основном простым карандашом на обороте переплета, форзаце, шмуцтитуле и полях. Только помета к с. 424 - чернилами. В оглавлении Плеханов подчеркнул название раздела: "Московский наблюдатель", в который вошли статьи, опубликованные в этом журнале, и отметил крестиком рецензию Белинского на полное собрание сочинений Д.И. Фонвизина и на роман М.Н. Загоскина "Юрий Милославский".

6. Пометы сделаны простым карандашом на форзаце, обороте переплета, шмуцтитуле и полях. В оглавлении Плеханов отметил рецензию Белинского на комедию А.С.Грибоедова "Горе от ума".

7. См. пометы Плеханова на с. 271 IУ т. Белинского (наст. изд., с. 32.

8. Плеханов отметил для себя, что рецензия Белинского на "Горе от ума" была написана в 1840 г. Здесь же он делает отсылку на те страницы, где помещена рецензия Белинского на драму Н.Полевого "Уголино"; в этой рецензии критик имел с своем понимании истинно художественного, истинно поэтического произведения (ч. 2, с. 368-369), хотя на этих страницах нет никаких помет Плеханова.

9. Пометы сделаны Плехановым на внутренних сторонках обложки, на форзаце, на полях простым, красным и синим карандашом. В оглавлении подчеркнуто название статьи "Русская литература в 1840 году", рецензии на стихотворения М.Ю.Лермонтова и на книги разных авторов о Петре I.

10. Л.Н.Толстой в своих статьях "Что такое искусство" и "О Шекспире и драме" дает негативную оценку творчеству Шекспира и его трагедии "Гамлет".

11. Плеханов имеет в виду следующую мысль Белинского из этой же статьи: "/.../ из мировоззрения французского народа можно вывести и хорошие и дурные стороны его литературы /.../" (с. 214).

12. Брамбеус, Барон Брамбеус - псевдоним О.И.Сенковского - русского писателя, востоковеда, журналиста, который был редактором журнала "Библиотека для чтения" в 1834-1847 гг. (номинально до 1856 г.). Сенковский был сторонником теории "чистого искусства", резко критиковал реалистическое направление в литературе и критике. Плеханов имел в виду противопоставление эстетических взглядов Д.И.Писарева и Сенковского.

13. Белинский здесь имеет в виду высказывания Сенковского о Пушкине и Гоголе. Плеханов обратил внимание на этот фрагмент, чтобы сравнить взгляды Писарева и Сенковского на одни и те же вопросы.

14. В начале 1840-х гг. Белинский возглавлял отдел критики и библиографии в журнале "Отечественные записки". Плеханов подсмеивается над тем, что здесь Белинский хвалит фактически себя.

15. Плеханов противопоставляет взгляды Белинского на науку идеалистическим взглядам И.В.Киреевского, одного из основоположников славянофильства. Киреевский рассматривал вопрос о роли науки в статье "О характере просвещения Европы и о его отношении к просвещению в России". В этом и других произведениях он ставил развитие науки в

зависимость от влияния на нее православного вероучения. Плеханов неоднократно писал о мировоззрении И.В.Киреевского. Первый раз он упомянул о нем в 1895 г. в статье "Пессимизм как отражение экономической действительности (пессимизм П.Я.Чаадаева)". (см. Плеханов Г.В. Соч., т. I, с. 144). В 1911 г. в журнале "Современный мир" Плеханов опубликовал статью "И.В. Киреевский", которая является рецензией на полное собрание его сочинений в 2-х томах, вышедшее в 1911 г. под редакцией М.О.Гершензона (в библиотеке Плеханова имеется это издание с его замечаниями). В статье Плеханов анализирует взгляды И.Киреевского, в том числе и его отношение к просвещению (см. Плеханов Г.В. Соч., т. XXII, с. 102-111).

16. Плеханов отметил это место в статье Белинского, так как он не был согласен с трактовкой критиком понятия "честь" у Пушкина. См. его статью "Литературные взгляды В.Г.Белинского", опубликованную в 1897 г. в журнале "Новое слово" (Плеханов Г.В. Соч., т.X, с. 279-285).

17. См. наст. изд., с. 17 и примеч. 7 на с. 406.

18. Плеханов имеет в виду рецензии Белинского "Бородинская годовщина. В. Жуковского. Москва. 1839. Письмо из Бородина от безрукого и безногого инвалиду. М., 1839" и "Очерки Бородинского сражения. (Воспоминания о 1812-м годе). Соч. Ф. Глинки, автора "Писем русского офицера". Плеханов неоднократно цитировал и ссылался на эти произведения в речи "В.Г.Белинский" и в статье "Литературные взгляды В.Г.Белинского" (см. Плеханов Г.В. Избр. философские произведения, т. IУ, М., 1958, с. 496-497; там же, т. У, М., 1958, с. 192-193 и др.), анализируя их для характеристики эстетических взглядов Белинского во время его примирения с действительностью на основе увлечения философией Гегеля.

19. Четыре тома сочинений Белинского, изданные в 1896 г. в Петербурге Ф.Ф.Павленковым, переплетены в темно-зеленый картон в крапинку с золотым тиснением на корешке. Переплет, вероятно, был сделан уже по заказу Плеханова в Женеве, так как на корешке написано по-французски "V.Belinsky. Oeuvres". Номер тома второго обозначен арабской цифрой, а остальных - римскими цифрами. Пометы на полях частично срезаны при переплете.

Плеханов при написании своих работ о Белинском пользовался в ос-

новном именно этим изданием. Пометы на всех четырех томах сделаны на форзаце, внутренней стороне переплета и полях простым карандашом и чернилами. На титульном листе 3-го тома автограф Плеханова: " V. Bielinsky. De/u/vres, III".

Часть помет Плеханова на этом издании опубликована в "Литературном наследии Г.В.Плеханова" (сб. VI. М., 1938, с. 149-151). Кроме того, там же опубликованы заметки Плеханова в тетрадях, которые он делал при чтении этих томов, готовясь в конце 90-х гг. к написанию статей о Белинском. (Там же, с. 146-149).

20. Помета частично срезан. Плеханов в тетради написал: "Эклектизм во взглядах Белинского на будущее России. Т.I, стр. 307" (Литературное наследие Г.В.Плеханова, сб. VI, с. 148).

21. Плеханов здесь и дальше отмечает те места, которые противоречили выводам Н.К.Михайловского, написавшего вступительную статью к павленковскому изданию.

22. Речь идет о представителе либерально-народнической публицистической критики нач. XX в. М.А.Протопопове.

23. Плеханов сопоставляет это место с определением творчества, данным В.Н.Майковым в статье "Стихотворения Кольцова". Плеханов подробно рассмотрел этот вопрос в статье "Виссарион Белинский и Валериан Майков" (Плеханов Г.В. Соч., т. XXIII, с. 223-260).

24. Плеханову эти строки напомнили утверждение Г. Флобера в письме к Луизе Коле (1853 г.), что он пишет "для неизвестных друзей" (см. "Литературное наследие Г.В.Плеханова", сб. VI, с. 150). Но возможно, что Плеханов имел в виду другое высказывание Флобера - в письме к Жорж Санд, которое он процитировал в своей работе "Искусство и общественная жизнь". Флобер писал: "Я думаю, что толпа, стадо, будет всегда достойна ненависти. Великость имеет лишь небольшая группа всегда одних и тех же умов, передающих светоч один другому" (см. Плеханов Г.В. Избр. философские произведения, т. У, с. 719).

25. Д.И.Писарев выступил со статьей "Пушкин и Белинский". Плеханов изучил эту статью (см. Литературное наследие Г.В.Плеханова, сб. VI, с. 166-171; наст. изд., с. 223-231) и уделил ее разбору значительное место в своей книге "Н.Г.Чернышевский" (в последней главе - "Белинский, Чернышевский и Писарев") (Плеханов Г.В. Избр. философские произведения, т. IV, с. 361-397) и в статье "Литературные взгляды В.Г.Белинского" (там же, т. У, с. 191-237).

26. Плеханов в этом томе отметил только статью "Взгляд на русскую литературу 1846 года". Он ее неоднократно цитировал и анализировал в работах о Белинском и Чернышевском. Пометы сделаны простым и синим карандашом.

27. Это юбилейное издание, подготовленное к 100-летию со дня рождения Белинского, в библиотеке Плеханова сохранилось - все три тома. На т. II нет помет, поэтому в настоящем издании и приводятся фрагменты только тт. I и III. Переплет - темно-лиловый, с серыми и бордовыми разводами - изготовлен по заказу Плеханова. Пометы сделаны простым и цветными карандашами (в основном на обложках).

В оглавлении I-го тома крестиком отмечена рецензия "Полное собрание сочинений А.Марлинского", на страницах которой имеются "немые" пометы Плеханова - NB , отчеркивания, подчеркивания.

28. В оглавлении т.II крестиком и чертой отмечена статья "Кантемир", на страницах которой имеются отчеркивания отдельных фраз на полях.

29. В библиотеке Плеханова хранятся все три тома издания писем Белинского, вышедшего в Петербурге в 1914 г. Т.I переплетен в серый картон с черным корешком. Редактором и автором примечаний был литературовед Е.А.Ляцкий. На I-м томе дарственная надпись: "Дорогому Георгию Валентиновичу от редактора". Пометы сделаны простым карандашом, в основном, "немые".

30. Т.II заключен в темно-лиловый переплет с серыми и бордовыми разводами. Переплет такой же, как у "Собрания сочинений" В.Г.Белинского 1911 г. (см. № 9-11). Пометы сделаны красным и синим карандашами на титульном листе и обороте оглавления.

31. Так Белинский отозвался о своем брате Никаноре.

32. В библиотеке Плеханова имеется только это издание сочинений А.И. Герцена. Кроме него, сохранилось шесть книг с его пометами, вышедших за рубежом: 1. "Колокол": Избр. статьи А.И.Герцена (1857-1869) - Женева - 1887; 2. Письмо А.И.Герцена к русскому послу в Лондоне с ответом и некоторыми замечаниями Д.К. Шедо-Ферротти - Berlin , 1862. 3. Это же произведение, изданное в Берлине на французском языке. 4. La conspiration russe de 1825 suivie d'une lettre sur l'émancipation des paysans en Russe-London, 1858. 5. Du développement des idees révolutionnaires en Russie - Paris, 1851. 6. Le peuple russe et son gouvernement - Paris, 1860.

Тома переплетены в коричневый переплет с лиловым обрезом и уголками. Пометы сделаны Плехановым на обороте переплетов, титульных листах, форзацах, чистых страницах и полях простым и цветными карандашами и чернилами.

Плеханов в основном пользовался этими книгами, когда в 1909–1912 гг., готовил свои статьи и рефераты, посвященные 100-летию со дня рождения А.И.Герцена. Именно в эти годы он опубликовал работы "Герцен – эмигрант", "А.И.Герцен и крепостное право", "Философские взгляды А.И.Герцена", "Речь на могиле А.И.Герцена в Ницце 7 апреля 1912 г." (см. Плеханов Г.В. Соч., т. XXIII, с. 414–445; его же. Избр. философские произведения, т. IV, М., 1968, с. 597–744), выступал в Париже, Льеже и Цюрихе с лекцией "Толстой и Герцен" (см. Литературное наследие Г.В.Плеханова, сб. VI, с. 2–20).

Заметки на данном 10-томном издании сочинений Герцена частично опубликованы в "Литературном наследии Г.В. Плеханова", сб. VI, с. 90–103. Там же опубликованы записи Плеханова, которые он делал во время чтения этого издания (с. 66–74).

33. Плеханов отметил время, когда Герцен в дневнике записал эти мысли.

34. Плеханов сравнивает отношение к русской действительности Герцена и Белинского в речи "В.Г.Белинский" (1898 г.). (Плеханов Г.В. Избр. философские произведения, т. IV, с. 439–490).

35. Плеханов обратил внимание на отношение Герцена к А.Гакстгаузену – прусскому чиновнику, автору работ об аграрных отношениях в Пруссии и России. Плеханов критиковал Гакстгаузена за утверждение, будто "язва пролетариатства" является источником революционного движения в Западной Европе и что крестьянская община может предотвратить развитие капитализма в России (Плеханов Г.В. Избр. философские произведения, т. IV, с. 67, 112, 172). В варианте статьи "Герцен – эмигрант" Плеханов приводит этот отрывок из дневника Герцена (см. Литературное наследие Г.В.Плеханова, сб. VI, с. 54).

36. Плеханов сопоставляет это место с другой работой Герцена – "Aphorismata . По поводу психиатрической теории д-ра Крупова. Соч. проректора и адъюнкт профессора Тита Левиафанского", – которую Плеханов называл философской шуткой.

37. Резкая критика Герценом славянофилов в дневнике за октябрь 1843 г. через несколько месяцев – в январе 1844 г. сменяется частичным оправданием их взглядов (с. 164–165). В разборе "Дневника" Герцена, который Плеханов сделал в тетради, он записал: "164. Герцен согласен с славянофилами. Неудивительно, что Бел/инский/ уже тогда возмущался им" (Литературное наследие Г.В. Плеханова, сб. VI, с. 67). См. наст. изд. с. 76.

38. С.Г. Строганов в 1835–1847 гг. был попечителем Московского учебного округа, он управлял Московским университетом, подбирал профессоров, определял направленность лекций и т.д.

39. Плеханов собирался использовать эту мысль Герцена для критики литературоведа и социолога Р.В.Иванова-Разумника. На его "Истории русской общественной мысли" Плеханов написал рецензию под названием "Идеология мещанина нашего времени". Однако мысль Герцена он не привел.

40. Плеханов считал, что Герцен неудачно выразился: надо было сказать – с фейербаховской истории философии.

41. См. фрагмент дневника Герцена и пометы Плеханова, относящиеся к с. 55.

42. Плеханов имел в виду, что эти слова Герцена о неопределенных, полузакрытых выражениях могут быть обращены в адрес народника П.Л.Лаврова и меньшевиков-ликвидаторов, в том числе Ф.И.Дана.

43. Плеханов имеет в виду свою речь на могиле Герцена в Ницце 7 апреля 1912 г., хотя в ней сама эта цитата и не приведена (см. Плеханов Г.В. Избр. философские произведения, т. IV, с. 738–744).

44. Речь идет о П.Д.Киселеве, который участвовал во всех комитетах по выработке законодательства об освобождении крестьян; в 1837–1841 гг. под его руководством была проведена реформа управления государственными крестьянами.

45. Заметка сделана Плехановым на форзаце: "292 – Сущность. Верно. Гносеология". Но на 292 с. нет никаких знаков, читал, и речь там идет о других вопросах. На с. 293 отчеркнуты на полях три фрагмента, а возле двух из них стоит NB. Поэтому со с. 292 нами взято только начало фразы, остальное – со с. 293, и пометы в настоящем издании распределены по смыслу.

46. В тетради Плеханов дал такую характеристику этой странице: "I 363. – Идеалистич/еская/ основа философии рус/ской/ истории" (Литературное наследие Г.В.Плеханова, сб. VI, с. 68).

47. Плеханов имеет в виду, что Герцен и Белинский по-разному понимали формулу Гегеля "Что действительно - то разумно".

48. В тетради Плеханов отметил этот фрагмент таким замечанием: "I. 365 - "Личность . Идеализм Г/ерце/на" (там же, с. 69).

49. Плеханов цитирует эти фразы в статье "Философские взгляды А.И.Герцена" для критики исторического идеализма Герцена, называя его школы "алгеброй утопизма" и сопоставляя с субъективной социологией П.Л.Лаврова (Плеханов Г.В. Избр. филос. произведения, т. IV, с. 711).

50. На томе насколько помет карандашом сделаны рукой неустановленного лица.

Плеханов сделал три пометы, которые не удается "привязать" к тексту: 1) "83 - 4 - 5 - диалектика" - эта помета относится к трем страницам; 2) "Ср. о разуме, IX, 305, стр." (страница не указана. См. соответствующую помету к IX тому); 3) Ср. VI, 354 - "О мистицизме науки". См. соответствующую помету к VI тому.

51. Французский философ-материалист XVII в. П.Гассенди утверждал, что в мире существуют лишь пустота и материальные атомы, которые движутся в пространстве, поскольку они обладают внутренним стремлением к движению.

52. Плеханов имеет в виду свои записи в двух тетрадях, которые он озаглавил "Философские заметки", где он анализирует 7-й том труда К.Фишера "История новой философии" - "Шеллинг, его жизнь, сочинения" /ГПБ, ОР и РК, Ф. 1093 (Г.В.Плеханов), ед. хр. Т.107, Т.108).

53. Отношение Герцена к Гегелю и Фейербаху, которое отразилось в пометах к работе "Письма об изучении природы", Плеханов подробно анализирует в своей работе "Философские взгляды А.И.Герцена" (Плеханов Г.В. Избр. философские произведения, т. IV, с. 679-737).

54. Помета расположена под текстом и точно определить, к чему она относится, трудно. В VI т. этого же издания напечатано начало произведения Герцена "Былое и думы". Плеханов обратил внимание на следующий фрагмент на с. 197: "Социализм и реализм остаются до сих пор пробными камнями, брошенными на путях революции и науки /.../ Одна /партия. - Соот./ представляет логику, другая - историю, одна - диалектику, другая - эмбриогению. Одна из них правее, другая - возможнее /.../ У кого мысль дарит вам, у того вопрос не о правдивости, не о том, легче или тяжелее будет, тот имеет истины и неумолимо, немилосердно

проходит начала, как сен-симонисты некогда, как Прудон до сих пор". Плеханов отчеркнул эти фразы и пометил на полях NB Sic!

56. Плеханов сопоставляет это место с работой Герцена "Aphorismen . По поводу психиатрической теории д-ра Крупова. Соч. профессора и адъюнкт-профессора Тита Ливиевского".

56. Плеханов сравнивает этот фрагмент с мыслями Герцена, изложенными в его "Дневнике" - см. наст. изд., помета к с. 120 I тома (с. 71).

57. На 227 с. Герцен завершает характеристику Л. Блана: "Если не его слова вам (как прежде вас многим) покажутся бредом, - я не берусь вас разуверить ..."

58. На обороте Оглавления Плеханов написал: "226 - Витализм? Математика. Синдбад" и на полях поставил вопросительный знак. Пометы относятся к разным фразам, поэтому они напечатаны не подряд.

59. Текстовые пометы на т.IV сделаны Плехановым простым карандашом (только в одном случае - синим) на обороте обложки, форзаце и шмуцтитуле. Одна помета не относится к определенной странице: Плеханов выделил название наиболее важной для него работы Герцена: "Письма из Фр/анции/ и Италии".

60. Первые четыре письма из серии "Письма из Франции и Италии" были напечатаны в журнале "Современник" в 1847 г. под названием "Письма из Avenue Marigni ", так как Герцен их писал в Париже в квартире на этой улице.

61. На V томе пометы сделаны Плехановым чернилами, простым и цветным карандашами. На об. обложки Плеханов выделил название работы Герцена "С того берега". На обороте форзаца и авантитула Плеханов записал мысль, которая возникла после чтения произведений этого тома: "Вся умственная драма Г/ерцена/ в <борьб/е/> том, что он хотел избавиться от идеализма и не мог. Та же драма, что у Белин/ского/ и под тем же влиянием". На полях имеются NB , проставленные неустановленным лицом.

62. Фрагмент, к которому сделал помету Плеханов, принадлежит Герцену, который обращался к своим "друзьям на Руси", чтобы объяснить решение остаться в эмиграции.

63. Плеханов имеет в виду работу К. Маркса "Нищета философии. Ответ на "Философию нищеты" г-на Прудона".

64. Плеханов неоднократно критиковал П.Б. Струве: и в то время, когда Струве был "легальным марксистом" - за подмену диалектики эво-

либерализмом, за неокантианские тенденции (Критика наших критиков. Г-н Струве в роли критика марксовой теории общественного развития. – В кн.: Плеханов Г.В. Избр. философские произведения, т. 2. М., 1956, с. 546 – 633), и позже, в XX в. – когда Струве стал одним из лидеров кадетов и перешел на позиции религиозного мировоззрения, отрицая возможность революционного преобразования общества.

65. Плеханов имел в виду следующие фразы: "Само собою разумеется, что ни в коммунизме деревень, ни в казацких республиках мы не могли бы найти удовлетворения нашим стремлениям /.../ нет большого достоинства, что мы наполовину сохранили нашу общину в то время, как германские народы ее утратили, но это большое счастие и его не надобно выпускать из рук" (с. 240).

66. Плеханов в серии статей "О так называемых религиозных исканиях в России" (Плеханов Г.В. Избр. философские произведения, т.У, с. 326–437) критиковал богостроительство А.В.Луначарского и богоискательство среди части русской буржуазной и мелкобуржуазной интеллигенции (в том числе и П. Струве).

67. См. пометы к т.I, где напечатан "Дневник" Герцена – ист. изд. № I3.

68. На форзаце Плеханов записал название произведения, которое вошло в УI том: "Былое и думы. (Университет)".

69. Плеханов собирался использовать это место в полемике с меньшевиком-ликвидатором Ю.О.Мартовым.

70. Здесь Плеханов, вероятно, сравнивает стиль, характер творчества Герцена-писателя с стилем писателя-народника Г.И.Успенского.

71. Пометы на т. УП сделаны, в основном, простым карандашом, иногда – чернилами. Только помета к с. I47 подчеркнута красным и синим карандашами.

72. Плеханов имеет в виду книгу: П.В.Анненков и его друзья. Литературные воспоминания и переписка 1835–1885 годов. Спб., 1892. В этой книге напечатано 3I письмо В.П.Боткина и П.В.Анненкову от 1846 по 1868 г. (с. 5I6–577). В нескольких письмах речь идет о Белинском. К письму от 26 ноября 1846 г. Плеханов сделал помету: "525. Ср. Белинского – разумная действительность Боткина", которая относилась к следующей фразе: "Дело не в том только, чтобы нападать на то, что есть, а отыскать, почему это есть, словом, отыскать законы, действующие в мире промышленном".

73. Плеханов добавил к фразе Герцена, сделал корректорский знак, это определение нелепостей славянофилов.

74. Плеханов предполагал сравнить это высказывание Герцена с передовой статьей № I журнала "Земля и воля" (см. Перезд.: Революционная журналистика семидесятых годов. Ростов-на-Дону, /I925/, с. 68–76).

75. В современных изданиях "Былого и дум" Герцена этот фрагмент не опубликован.

76. Плеханов сопоставляет это положение Герцена со взглядами французского буржуазного историка Огюстена Тьерри, который утверждал, что содержание исторического процесса – борьба классов, которую он понимал ограниченно, не признавая борьбы пролетариата против буржуазии.

77. На с. I96 Плеханов отчеркнул фрагмент: "Кто судья над рыцарем, как не он сам, как не равный ему противник? Для горожанина, для простолюдина существует судебное место; но разве рыцарь подсудим кому-нибудь в деле чести, и что государство и его закон за мерило, за возмездник его оскорблений? Он сам себе достанет право – копьем и мечом".

78. Герцен вспоминает о революционных событиях 1848 г. во Франции, которые он описал в "Письмах из Франции и Италии".

79. Плеханов имеет в виду, что эсеры, считавшие себя продолжателями, преемниками революционных народников, на самом деле были их эпигонами. Он ссылается на роман лидера эсеров Б.В.Савинкова (псевд. Рощин) "То, чего не было. (Три брата)", который был опубликован в журнале "Заветы" (I9I2, № I–9, I9I3, № I,2,4). См. об этом романе: Плеханов Г.В. Соч., т. XXIУ, с. 279–296.

80. См. прим. 66.

8I. Плеханов имеет в виду взгляды мелкобуржуазного литературоведа и историка Р.В.Иванова-Разумника, на монографию которого "История русской общественной мысли. Индивидуализм и мещанство в русской литературе и жизни XIX в." (т. I–II. Спб, I908), он написал рецензию-статью (Плеханов Г.В. Соч., т. XIУ, с. 259–344). Плеханов в этой статье защищает взгляды Герцена на мещанство, которые искажал Иванов-Разумник.

82. Плеханов имеет в виду буржуазно-либерального историка П.Н.Милюкова. Возможно, что Плеханов здесь подразумевает не исторические взгляды Милюкова, а его политическую деятельность в качестве лидера кадетов, депутата Государственной думы.

83. На об. обложки 9-го тома Плеханов написал название произведения, которое занимает весь том: "Былое и думы" и название последней главы: "Semicia rossa" (красная рубашка – ит.)

84. Герцен здесь пересказывает содержание своего письма Прудону.

85. На задней стороне обложки т. I Плеханов написал заглавие одного из разделов "Былого и дум" – "Концы и начала". Пометы написаны простым карандашом; помета к с. 62 и 209 особо выделена: заключена в рамку красным и синим карандашами.

86. Это письмо Герцена вышло под названием "Русский народ и социализм. Письмо к Ж. Мишле". Оно опубликовано в т.У этого издания.

87. Плеханов отчеркнул и подчеркнул на с. 248 фразу, которая была как бы ответом на его же – Герцена – вопрос: "Почем знать, что какое-нибудь слово не падет каплей дрожжей в эти сонные миллионы и не поднимет их к новой жизни?"

88. Плеханов сопоставляет это высказывание Герцена со взглядами Н.Г.Чернышевского, выраженными в его статье "О причинах падения Рима. (Подражание Монтескье)" - См. наст. изд., с. 287; Плеханов Г.В. Соч., т. XXII, с. 428–429.

89. Плеханов, вероятно, собирался использовать эти высказывания Герцена в цикле своих лекций о религии, прочитанных им осенью 1909 г. в Женеве. Однако ссылок на это произведение в опубликованном тексте нет (см. Литературное наследие Г.В.Плеханова, об. УП, М., 1939, с. 141–149.)

90. Плеханов предполагал, наверное, использовать это место в статье "Герцен-эмигрант".

91. В IX томе на с. 240 начинается разбор книги Д. Милля "On liberty" (О свободе). Плеханов заглавие заключил в рамку и около первой же фразы поставил на полях "Ср.", имея в виду, вероятно, с. 285 тома X; См. этот фрагмент и пометы к нему – наст. изд., с. 188.

92. В библиотеке Плеханова хранятся I–4 тома разных изданий сочинений Н.А. Добролюбова. На всех томах имеются текстовые пометы владельца библиотеки. Пометы на I и 2 томах частично опубликованы в "Литературном наследии Г.В.Плеханова", об. УI, с. 224–227. Там же опубликованы подготовительные материалы Плеханова к статье "Добролюбов и Островский" – выписки из произведений Добролюбова "Темное царство", "Когда же придет настоящий день?" и "Луч света в темном царстве" (с. 220–221). В настоящее издание включены пометы на II и IУ томах сочинений Н.А.Добролюбова. Т. II заключен в зеленый переплет, пометы написаны простым карандашом на шмуцтитуле и полях. Пометы сделаны Плеханова, в основном, в 1911 г. и использованы им в статье к реферате о Добролюбове и Островском (Плеханов Г.В. Избр. философские произведения, т. У, с. 662–666).

93. Т. IУ заключен в темно-коричневый переплет с золотым тиснением на корешке. Пометы сделаны простым карандашом на полях и на чистых страницах.

94. Плеханов имел в виду отношение К.Маркса к экономическим теориям английского утопического социалиста Р. Оуэна и французского мелкобуржуазного социалиста анархиста П.Ж.Прудона. К.Маркс неоднократно писал об исторических и экономических взглядах этих утопических социалистов.

95. Перед публикацией "Манифеста" Р.Оуэна Добролюбов высказал свое согласие с ним: "... поражает вас смелость и широта воззрений, высказываемых в нем с такой простотой" (с. 57).

96. Плеханов имеет в виду то, что историческая концепция Оуэна, несмотря на его достижения в понимании значения роста производительных сил в эпоху капитализма, оставалась метафизической и идеалистической. Он сравнивает взгляды Оуэна с мировоззрением Н.К.Михайловского.

97. Плеханов, конечно, не ставил знака равенства между Л.Н.Толстым и слабым поэтом реакционного направления М.Розенгеймом. Помета имеет иронический характер.

98. В библиотеке Плеханова хранится собрание сочинений Д.И.Писарева, вышедшее в шести томах в 1864 г.(все тома, кроме II-го, в 2-х экз.), а также статья "Схоластика XIX века" (вырезка из журнала "Русское слово", 1861 г.), сборник "Пчелитъ", изданный в Варне в 1899 г. и присланный Плеханову переводчиком на болгарский язык Г.Бакаловым, и брошюра "О чтении", изданная в Риге в 1902 г. и подаренная Плеханову М.А.Малых. Пометы Плеханова имеются только на т. I-У сочинений Писарева.

Плеханов подробно изучил сочинения Писарева в конце 90-х гг., когда он писал серию статей "Судьбы русской критики", опубликованных в журнале "Новое слово" в 1897 г. В этих статьях, посвященных анализу литературных и эстетических взглядов Белинского, Чернышевского и критика А.И.Волынского, Плеханов неоднократно сопоставляет их произведения и Писарева (см. Плеханов Г.В. Избр. философские произведения, т. У, указатель имен). В 1908 г. Плеханов возвращается к этим статьям и вновь читает сочинения Писарева, когда перерабатывает свои

старые статьи о Чернышевском для монографии, которая вышла в 1909 г. в Петербурге - последняя глава II части этой книги называется "Белинский, Чернышевский и Писарев" (см. том на, т. IV, с. 361-397).

Первый том заключен в серый картонный переплет. На титульном листе дарственная надпись рукой Р.М.Плехановой: "Дар К.В.Плехановой в библиотеку Д/ома/ П/леханова/. Детское село. Август 1933 г." Эта книга была подарена Плехановым своей сестре, которая впоследствии передала ее в Дом Плеханова. На этом экземпляре имеются только отчеркивания. В книгу вложена закладка - часть тетрадного листа с автографом В.И.Засулич карандашом: "Не истина, а мысль важна".

Другой экземпляр I-го тома - в одном переплете со II-м томом. Переплет - черного цвета с желтым корешком. Пометы к I и II тому сделаны карандашом на чистых страницах и на полях. На внутренней стороне наклейка синего цвета: "Книжный магазин Н.П.Карбасникова. Москва, Моховая ул., д. г-жи Кох, прот/ив/ унив/ерситета/".

99. Здесь и в следующих пометах Плеханов проводит параллель с идеями П.Л.Лаврова о роли интеллигенции, изложенными наиболее полно в его "Исторических письмах" (впервые опубликованы в 1870 г. под псевдонимом П.Мартов). Плеханов неоднократно критиковал "Исторические письма" Лаврова (см., например, Плеханов Г.В. Соч., т. IX, с. 6-8, 11; т. XII, с. 43-44; т. XIV, с. 277, 278, 285 и др.).

100. II и IV тома - в одном переплете, аналогичным переплету I-2 томов, с такой же наклейкой книжного магазина (см. примеч. 98).

101. Писарев разбирает в этой статье повести Л.Н.Толстого "Детство", "Отрочество", "Юность". В данном фрагменте Писарев поучает Толстого, как должен был бы поступить Тургенев в данном случае.

102. Возможно, что Плеханов предполагал использовать этот отрывок из статьи Писарева в разговоре с сестрой Варварой Валентиновной Поздняковой, которая в 1910 г. приехала в Сан-Ремо с мужем и увиделась с братом.

103. V и VI тома переплетены вместе и имеются в библиотеке Плеханова в 2-х экз. Один экземпляр переплетен в типографии и имеет наклейку книжного магазина, как и другие две книги (I-II и III-IV тома; см. прим. 98 и 100). Второй экз. в темно-зеленом переплете в крапинку с коричневыми углами и корешком. Пометы Плеханова относятся к первому экземпляру V и VI томов и ко второму экземпляру т. V. Плеханов записал свои мысли на шмуцтитуле и на полях.

104. Н.А. Некрасов посвятил свою поэму "Мороз - красный нос" своей любимой сестре Анне Алексеевне Буткевич, которая впоследствии по завещанию Н.А.Некрасова стала наследницей его авторских прав и выпустила первое посмертное собрание его стихотворений.

105. Альфред де Виньи - французский писатель-романтик (поэт и прозаик). Плеханов утверждал, что поэты Пушкина - в стихотворении "Чернь" и А. де Виньи - в драме "Четертон" совершенно, что оба они под чернью понимают не простой народ, а аристократов и богачей, третирующих поэзию (см. Плеханов Г.В. Избр. философские произведения, т. V, с. 217). Что имел в виду Плеханов, написавший "Сам Джон Белль" - можно только догадываться. Возможно, имеется в виду Джон Белль - выдающийся шотландский анатом и хирург, а Плеханов иронически отмечал, что "хладность" народа может быть установлена только хирургическим путем.

106. Теофиль Готье - французский писатель-романтик (поэт и прозаик) - был одним из теоретиков "чистого искусства". Плеханов писал о нем в статье "Искусство и общественная жизнь". В другом месте он отмечал: "Теофиль Готье был отчаянным врагом "буржуа", а между тем он с кровожадным восторгом приветствовал победу буржуазии над пролетариатом в мае 1871 г." (Плеханов Г.В. Соч., т. XIV, с. 187).

107. Реакционный литературный критик и писатель Ф.В.Булгарин выступал против А.С.Пушкина, Н.В.Гоголя, В.Г.Белинского и других писателей реалистического направления, писал на них доносы в III отделение.

108. В библиотеке Плеханова хранится 21 книга с произведениями Н.Г.Чернышевского. Основной массив - это Полное собрание сочинений Н.Г.Чернышевского в 10 томах (11 книгах, так как том 10 вышел в 2-х книгах). Кроме того, имеются издания отдельных произведений, вышедшие в Женеве в типографии М.Элпидина: "Дополнения и примечания на первую книгу политической экономии Джона Стюарта Милля" (1869 г., в 2-х экз.), "Очерки из политической экономии (по Миллю)", (1869 г.), "Литературная критика 1855-1856 г. и полемические красоты", "Лессинг, его время, его жизнь и деятельность", (1876 г.) и др. Пометы Плеханова на первых двух произведениях войдут в один из последующих выпусков настоящего издания. Книга Чернышевского "Заговорщики" и сумасшедшие Людовика Бонапарте в 1851 году. Изложение по Кинглеку Н.Г.Чернышевского с его примеч. Характеристика лиц, участвовавших в эпоху 1848-1851" (1890) была подарена Плеханову Г.А.Куклиным, I-й

том трехтомной публикации "Чернышевский в Сибири. Переписка с родными" - ее составителем и издателем Е.А.Лящкин. У Плеханова была и библиография Н.Г.Чернышевского, составленная и изданная его сыном - Михаилом Николаевичем с дарственной надписью составителя и с его же рукописными дополнениями.

В настоящее издание включены пометы Плеханова на Полном собрании сочинений Н.Г.Чернышевского. Эти книги были подарены Плеханову М.Н.Чернышевским. 13 марта 1908 г. он прислал их из Петербурга в Женеву с сопроводительным письмом: "Многоуважаемый Георгий Валентинович! Узнав о Вашем желании иметь полное собрание сочинений моего отца, с особым удовольствием исполняю Ваше желание. Искренно уважающий Вас Мих. Чернышевский" (Философско-литературное наследие Г.В.Плеханова, т. 3, М., 1974, с. 249).

Тома переплетены частично в картон болотного цвета (т. 3, 4, 8, 9), а частично в темнозеленый картон с бежевыми разводами (т. I, 2, 5, 6, 7, IO ч. I и IO ч. 2), корешки везде темнозеленые с бордовыми наклейками, на которых надпись: "Н.Г.Чернышевского - Собрание сочинений" и номер тома. Внутри каждого тома - обложка розового цвета. Пометы Плеханова сделаны на этих обложках, титульных листах, чистых страницах и полях простым и цветными карандашами. Незначительная часть помет Плеханова на собрании сочинений Чернышевского опубликована в УI об. "Литературного наследия Г.В.Плеханова" (с. 202-204). Переплет был сделан по заказу Плеханова уже после того, как он прочитал эти книги и сделал основные пометы.

I09. Плеханов приводит в книге "Н.Г.Чернышевский" это высказывание Чернышевского и комментирует его отношение к взглядам французского поэта и теоретика искусства Н. Буало (Плеханов Г.В. Избр. философские произведения, т. IУ, с. 366-367).

II0. См. прим. 82.

III. Чернышевский цитирует пьесу Н.А.Огарева "Монологи". На обл. сохранилась надпись: "Огарев", номер страницы стерся, но по смыслу помета эта относится именно к с. 537.

II2. Плеханов вспомнил при чтении этого фрагмента произведения русского буржуазно-либерального историка и правоведа К.Д.Кавелина, который в своих работах развивал идею о решающей роли государства в жизни народа и все вопросы истории России и западных стран освещал через призму правовых отношений. В библиотеке Плеханова имеется II том

его собрания сочинений, озаглавленный "Наука, философия и литература" (Спб., 1899) с пометами Плеханова. Единственная текстовая помета имеет критический характер: "/стб/ II63 - Вадор".

II3. Ю.Ф.Самарин - историк и публицист, славянофил, автор проекта отмены крепостного права в России, составленного в либерально-дворянском духе. Его произведения посвящены истории социально-экономических и национальных отношений в Прибалтике и Пруссии. Плеханов анализировал взгляды Самарина в статье "М.П.Погодин и борьба классов" (Плеханов Г.В. Соч., т. XXII, с. 49-54 и др.).

II4. Личность Г.-Э.Лессинга - немецкого просветителя, драматурга, публициста - привлекала внимание всех революционных демократов, особенно Чернышевского. Здесь приведены фрагменты его большой работы о Лессинге. Плеханов также неоднократно писал о Лессинге, в том числе и в работах о Чернышевском, Белинском, Герцене (см. Плеханов Г.В. Избр. филос. произведения, т. IУ и У - указатели имен).

II5. Плеханов сравнивает здесь отношение к немецкой философии М.А.Бакунина и П.-Ж.Прудона, о котором идет речь в данном отрывке. Плеханов считал, что они оба не понимали диалектику Гегеля, хотя и считали себя его последователями.

II6. См. примеч. 6I.

II7. Плеханов полемизирует здесь с идеями одного из лидеров партии эсеров, террориста Б.В.Савинкова, который прославлял террористов в романе "Конь бледный" (Спб., I909).

II8. В т. II в статье Чернышевского "Обзор исторического развития сельской общины в России Чичерина" Плеханов отметил на полях следующее место: "/.../ известно, что общий ход исторического движения состоит в расширении его круга; начинается оно с передовых классов общества и достигает низших слоев народа, что совершается очень медленно".

II9. Автор ревизионистов Э. Бернштейн выдвинул в середине I890-х гг. реформистский лозунг "движение - все, конечная цель - ничто".

I20. П.Л.Юркевич был профессором Киевской духовной академии, а потом Московского университета. Он нападал на Чернышевского с позиций идеализма. Плеханов в книге "Н.Г.Чернышевский" написал главу "Полемика с Юркевичем и другими" (Плеханов Г.В. Избр. философские произведения, т. IУ, с. 246-255).

121. Книга Ашевского была прислана Плеханову для рецензии в связи с юбилеем – 100-летием со дня рождения В.Г.Белинского – из журнала "Современный мир". Рецензия под названием "О книге С.Ашевского "Белинский в оценке его современников"" была напечатана в этом журнале (1911, № 5, с. 346-349; Соч., т. XXIII, с. 261-266).

Разбор книги Ашевского сделан Плехановым также в тетради при подготовке рецензии (ГПБ. ОРиРК. ф. 1093, ед. хр. 7.139, л. 10-11, 13об. 13 об. – 14).

Книга заключена в пестрый голубоватый переплет, на мягкой обложке и на титульном листе печатка "Для рецензии". Пометы сделаны простым карандашом на обложке, на титульном листе и на полях.

122. Плеханов считал, что гораздо более справедливым был отзыв литератора и критика С.С.Дудышкина, который Ашевский излагает на с. 101.

123. Ашевский приводит высказывание П.Я.Чаадаева о Н.В.Гоголе, которое содержится в его письме к П.А.Вяземскому от 29 апреля 1848 г.

124. Плеханов читал книгу Белозерского в 1909 г., когда он готовил для "Истории русской литературы XIX века" статью "Герцен-эмигрант" (см. Плеханов Г.В. Соч., т. XXIII, с. 414-445). Плеханов критикует точку зрения автора, весьма распространенную в то время, что Герцен разочаровался в Западе только под влиянием разгрома революции 1848-1849 гг. (см. там же, с. 417). На книге Ашевского отчеркнут и заключен в скобки тот фрагмент (с. 20-21), который Плеханов приводит в своей статье. На обложке Плеханов отметил эту страницу – "21" и написал ту помету, которая приводится в настоящем издании. Переплет книги – позднейший.

125. См. прим. 36 и 55.

126. В.Я.Богучарский был либеральным историком народнического движения. Плеханов неоднократно писал критические отзывы на его исторические работы. Так на книгу "Из истории политической борьбы в 70-х и 80-х годах XIX века" Плеханов написал рецензию под названием "Неудачная история партии "Народной Воли"" ("Соврем. мир", 1912, № 5, с. 147-176; Плеханов Г.В. Соч., т. XXIV, с. 131-160). На другую книгу Богучарского – "Александр Иванович Герцен" – Плеханов также написал рецензию, которая была опубликована в журнале "Современный мир" (1912, № 6, с. 327-331; см. Плеханов Г.В. Избр. филос. произведения,

т. IV, с. 780-786). Плеханов считал эту работу совсем неудачной (там же, с. 780).

Рассматриваемая книга – в позднейшем переплете. Пометы сделаны простым карандашом на обороте оглавления и шмуцтитуле.

На обложке Плеханов написал: "142 – NB" и обвел эту помету красным карандашом. Богучарский приводит здесь слова Герцена о результатах революции в Пьемонте в 1848 г.: "Прошло десять лет и Пьемонт нельзя узнать: физиономия города, народонаселения изменилась, везде новая, улучшенная жизнь, открытый вид, деятельность, а ведь эта революция была без малейших толчков, для этой перемены достаточно было одной несчастной войны и явной уступки общественному мнению (курсив Герцена) со стороны правительства. Хартисты-революционеры не любят этого пути, – мы его знаем, но нам до этого дела нет" /.../ Плеханов на полях трижды отчеркнул это место, подчеркнул часть фразы, поставил NB и крестик.

127. Ревизионизм, идейным отцом которого был Э.Бернштейн, его сторонники называли "реалистическим подходом к современному положению".

128. Плеханов опубликовал рецензии на три тома истории русской общественной мысли М.О.Гершензона – "Жизнь В.С.Печерина", "Исторические записки" и "История молодой России", неоднократно ссылался на другие его работы. Плеханов критически относился к произведениям Гершензона, который в конце 90-х гг. примыкал к "легальным марксистам", а в период реакции после разгрома революции 1905-1907 гг. стал мистиком и принял участие в ренегатском сборнике "Вехи". Плеханов писал, что та группа писателей, к которой принадлежит Гершензон, "с лихорадочной поспешностью готовится к роли идеологов русской буржуазии" и что Гершензон зовет "назад к славянофилам". Эти и другие, столь не убийственные характеристики Гершензона Плеханов сделал несмотря на то, что был с ним знаком лично. Еще в 1899 г. В.А. Бухгольц, ведавший транспортировкой изданий группы "Освобождение труда" в Россию, рекомендовал Плеханову Гершензона и просил оказать ему "содействие, необходимое для выполнения работы о Герцене" (ГПБ. ОРиРК. ф. 1093, ед. хр. В. 78.9). Через несколько дней Гершензон обратился к Плеханову с письмом из Берлина, где просил ответить на ряд вопросов и помочь в розыске литературы (там же, ед. хр. В.114.1). Ответил ему Плеханов или нет – не установлено, но книга о Герцене была написана с ошибочных позиций и вызвала у Плеханова иронические замечания.

На книгу М.О.Гершензона "Социально-политические взгляды А.И.Герцена" Плеханов не ссылается нигде. Пометы сделаны карандашом на обложке и полях. Переплет - позднейший.

129. Гершензон пытался доказать, что Герцен был против активных революционных действий.

130. Книгу либерального историка литературы В.В.Чешихина Плеханов читал в 1909-1912 гг. Он неоднократно упоминает ее в своей монографии "Н.Г.Чернышевский", вышедшей в 1909 г. В статье "А.И.Герцен и крепостное право" (1911 г.) Плеханов подробно излагает точку зрения автора на целый ряд вопросов и дает ей критическую оценку (см. Плеханов Г.В. Избр. философские произведения, т. IV, с. 212-213, 307-308, 617, 669-672). Плеханов вернулся к этой книге в марте 1911 г., когда он готовил лекцию, прочитанную в начале апреля в Нице на тему "Герцен и крепостное право". Об этом свидетельствует помета на обороте обложки: "Начало I-го чтен".

На форзаце книги стоит личная печатка: "G.Plekhanoff". Пометы сделаны на форзаце, титульном листе, на задней стенке обложки и на полях в основном простым карандашом, только помета к с. 339 написана красным и синим карандашами. В библиографии, приложенной к книге, ряд изданий отмечен отчеркиваниями и крестиками, в том числе "Письма об изучении природы", "Сорока-воровка", "Из Петербурга" и другие.

131. Плеханов читал книгу профессионального революционера, историка и публициста Ю.М.Стеклова в 1909-1910 гг., когда писал на нее рецензию, которая под названием "Два о Чернышевском" была опубликована в журнале "Современный мир" (1910, № 4, отд. 2, с. 101-119; Плеханов Г.В. Соч., т. VI, с. 346-370). Плеханов ссылался на книгу Стеклова и в других работах (там же, т. XIII, с. 184-185 и др.)

Книга Стеклова о Чернышевском была внимательно прочитана В.И.Лениным, который сделал на ней много помет и замечаний (Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 572-620). Несколько ранее В.И.Ленин прочитал книгу Плеханова "Н.Г.Чернышевский" (Спб., 1909, на обл. 1910) и тоже сделал там свои пометы (Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 534-571). Дав положительную оценку обеим книгам, В.И.Ленин отметил и их недостатки, ошибки политического характера, допущенные как тем, так и другим автором. Пометы Ленина и Плеханова на своих экземплярах книги Стеклова во многом совпадают. Сопоставление их, анализ помет и замечаний Ленина и Плеханова см. в статье С.С.Волка и В.С.Никоненко

"Н.Г.Чернышевский и Г.В.Плеханов" в кн.: Чернышевский и современность (М., 1980, с. 242-247).

Книга в зеленом переплете, пометы простым карандашом на титульном листе, задней обложке, обороте оглавления и на полях. Как рецензия Плеханова, так и его пометы в значительной части имеют полемический характер, хотя в общем Плеханов высоко оценил книгу Стеклова.

132. Г.Т.Бокль - английский историк и философ-позитивист, автор "Истории цивилизации в Англии", которая была переведена на русский язык в начале 1860-х гг. и пользовалась большой популярностью среди передовой интеллигенции России. По мнению Плеханова, Стеклов приписывал Чернышевскому мысли Бокля.

133. Плеханов имеет в виду "Всеобщую историю" Г.Вебера, которую перевел и снабдил примечаниями Н.Г.Чернышевский (под псевдонимом Андреев) (М., 1865).

134. В.Н.Черкезов (Маркелл) - российский анархист, который опубликовал на французском языке в Париже, на русском - в Женеве и на грузинском - в Тифлисе ряд брошюр, в которых тщетно пытался доказать, что марксизм не является наукой, что К.Маркс и Ф.Энгельс заимствовали все у других ученых. Плеханов подверг Черкезова и его брошюру "Доктрина марксизма. Вып. I. Наука ли это?" (Женева, изд. группы русских коммунистов-анархистов, 1903, на обл. 1904) резкой критике в своих рефератах и статьях (см. Плеханов Г.В. Соч., т. VI, с. 369; Литературное наследие Г.В.Плеханова, сб. V, с. 171-194; сб. VII, с. 188-199).

Елена Сизов - автор книг (на нем. яз.) о Роберте Оуэне (1905) и о положении женщин в немецкой промышленности (1910). Эти книги имеются в библиотеке Плеханова с его пометами. Плеханов ссылался на книгу о Р.Оуэне при разборе экономических взглядов Чернышевского (см. Плеханов Г.В. Соч., т. VI, с. 46, 134).

135. А.-Л.-Ж. де Сталь - французская писательница, автор трехтомного трактата "Рассуждения о французской революции" (1818 г.), где она выступала против самодержавной монархии, хотя и не признавала идеи народовластия. См. о ее эстетических и политических взглядах - Плеханов Г.В. Избр. философские произведения, т. V, с. 313-316.

136. Луи Блан - французский политический деятель, историк, социалист-утопист, после революции 1848 г., в которой он принимал участие, перешел на позиции соглашательства с буржуазией. В данном

случае Плеханов имеет в виду, что взгляды Чернышевского близки к взглядам социалистов-утопистов, что у Л. Блана тоже имеются такого рода высказывания.

137. См. прим. 81.

138. Ю.Ф.Самарин был умеренным либералом, представителем славянофильства, противником Герцена и Чернышевского.

139. М.П.Погодин - русский реакционный историк и публицист, идеолог дворянской монархии. Чтобы понять помету Плеханова, см. его статью "М.П.Погодин и борьба классов" (Плеханов Г.В. Соч., т. XXIII, с. 45-101).

140. Плеханов здесь и далее под влиянием своей меньшевистской концепции о роли либеральной буржуазии в революционном движении не соглашается с верной трактовкой Стекловым позиции Чернышевского.

141. В.П.Боткин - русский либеральный критик и публицист. Чернышевский написал рецензию на его сочинение "Письма об Испании".

142. Рязанов (Гольдендах) Д.Б. - социал-демократ - меньшевик, публицист. Писал по вопросам программы РСДРП, критикуя программу партии, принятую II съездом. Плеханов иронически намекает, что эта фраза может быть отнесена к взглядам Рязанова.

143. Речь идет об ирландском социологе и экономисте У.Томпсоне, последователе Р.Оуэна. Плеханов собирался использовать его произведения для полемики против эсера В.Н.Черкезова в 1901 г. (см. Философско-литературное наследие Г.В.Плеханова, т. II, с. 40; Первая марксистская организация России - группа "Освобождение труда", М., 1984, с. 135)

144. Ф.-П.-Г.Гизо - французский историк и политический деятель, в первый период своей деятельности писал о роли борьбы классов в истории, но понимал ее с ограниченной буржуазной точки зрения. О понимании классовой борьбы французскими историками периода Реставрации (Гизо, Минье, Тьерри) Плеханов писал в ряде своих работ - "К вопросу о монистическом взгляде на историю", "Первые фазы учения о классовой борьбе" и др.

145. Плеханов здесь сравнивает героя "Что делать?" Рахметова с В.И.Лениным. Он на с. 399 на полях написал - "кв. Ленин", а в тексте подчеркнул фразу, где говорится, что Рахметов за границей "везде сближается со всеми классами..." Возможно, что здесь содержится элемент воспоминаний Плеханова о В.И.Ленине, который, будучи в эмиграции, всегда стремился узнать как можно больше о жизни всех классов, слоев населения той страны, где он жил, не только путем чтения литературы, но и благодаря личным контактам.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ ПРОИЗВЕДЕНИЙ РУССКИХ РЕВОЛЮЦИОННЫХ ДЕМОКРАТОВ, К КОТОРЫМ ОТНОСЯТСЯ ПОМЕТЫ Г.В.ПЛЕХАНОВА*

Белинский В.Г.

Аббаденна. Сочинение Николая Полевого. Москва. 1834. 4 части 9

Бородинская годовщина В.Жуковского. Москва. 1839. Письмо из Бородина от безрукого к безногому инвалиду. Москва. 1839 15

Введение в философию. Сочинение профессора С.-Петербургской Духовной академии Карпова. С.-Петербург. В тип. М.Глазунова и К° 1840 22

Взгляд на русскую литературу 1846 года 63

Герой нашего времени. Сочинение М.Лермонтова. С.-Петербург. 1840. Две части 19, 44

Горе от ума. Комедия в четырех действиях в стихах. Соч. А.С.Грибоедова. Второе издание. Спб. 1839 18, 43

Литературные мечтания. (Элегия в прозе) 3, 39, 55

/Греч Н.И./ Литературные пояснения. Санкт-Петербург. 1833. В типографии Н.Греча 13

Менцель, критик Гете 16, 42

Ничто о ничем, или Отчет г. Издателю "Телескопа" за последнее полугодие (1835) русской литературы 10

О критике и литературных мнениях "Московского наблюдателя" 12

О русской повести и повестях г. Гоголя ("Арабески" и "Миргород") 5

О стихотворениях г. Баратынского 8, 40

О характере народных песен славян задунайских. Набросано Юрием Венелиным. I Осман Лесович. Женитьба Павла Плетикосы. Москва. 1835 13

Опыт системы нравственной философии. Сочинение магистра Алексея Дроздова (Спб. 1835) 8

Очерки Бородинского сражения. (Воспоминания о 1812 годе). Сочинения Ф.Глинки, автора "Писем русского офицера". Москва. 1839 41

---

* В настоящем Указателе названия произведений русских революционных демократов приводятся в том виде, в котором они даны в современных изданиях. Ссылки даются на страницы, где начинаются публикации.

Очерки русской литературы. Сочинение Николая Полевого. 1839. Санктпетербург 20
Письмо Н.А.Бакунину, 28 ноября 1842 г. 62
Письмо Н.В.Гоголю, 20 апреля 1842 г. 61
Письмо Д.П.Иванову, 7 августа 1837 г. 60
Полное собрание сочинений Д.И.Фонвизина. Издание второе. Москва. 1838. Юрий Милославский, или Русские в 1612 году. Сочинение М.Загоскина. Издание пятое. Три части. Москва. 1839. (Критика. Статья первая) 40
Портретная галлерея русских писателей. I Кантемир 59
Речь о критике, произнесенная в торжественном собрании императорского Санкт-Петербургского университета марта 25-го дня 1842 года экстраординарным профессором, доктором философии, А. Никитенко. Санкт-Петербург. 1842 58
Римские элегии. Сочинение Гете. Перевод Струговщикова. Санкт-Петербург. 1840 38
Русская литература в 1840 году 23
Русская литература в 1841 году 57
Сочинения Николая Греча. Санкт-Петербург. 1838. Пять частей 13
Сочинения Дермакина. Четыре части. Санкт-Петербург. 1843 56
Сочинения Александра Пушкина. Санкт-Петербург. Одиннадцать томов. 1838-1841 г. 47
Стихотворения М.Лермонтова. Санкт-Петербург. 1840 29

Герцен А.И.

Былое и думы.
Ч.I::Детская и университеты (1812-1834) 154
Ч.II: Владимир-на-Клязьме (1838-1839) 161
Ч.V: Париж - Италия - Париж (1847-1852) 177
Ч.VI:Англия (1852-1864) 168
Ч.VII:/Вольная русская типография и "Колокол"/ 186
Дилетантизм в науке 97
Дневник 1842-1845 63
Долг прежде всего 134
Еще вариации на старую тему 200
Еще раз Базаров 202

Император Александр I и Н.М.Карамзин. II. Письмо Н.М.Карамзина Александру I 193
Император Александр I и Н.М.Карамзин. VI. По ту сторону 194
Капризы и раздумье. II. По разным поводам 173
Капризы и раздумье. III. Новые вариации на старые темы 174
Концы и начала 194
Лишние люди и желчевики 201
Письма из Франции и Италии 135
Письма об изучении природы 102
17 апреля 1864 г. 191
С того берега 143

Добролюбов Н.А.

Луч света в темном царстве ("Гроза". Драма в пяти действиях А.Н.Островского. Спб., 1860) 204
Роберт Овен и его попытки общественных реформ 211
Стихотворения Михаила Розенгейма. Спб., 1858 213
Темное царство. (Сочинения А.Островского. Два тома. Спб., 1859) 203

Писарев Д.И.

Исторические взгляды Огюста Конта 231
Кукольная трагедия с букетом гражданской скорби 220
Наша университетская наука. Университет 218
Популизаторы отрицательных доктрин 232
Промахи незрелой мысли 220
Процесс жизни: Физиологические письма Карла Фохта 214
Пушкин и Белинский 223
Русский Дон-Кихот. (Сочинения И.В.Киреевского, I и II т. Москва. 1861 год) 216
Схоластика XIX века 215

Чернышевский Н.Г.

Антропологический принцип в философии. ("Очерки вопросов критической философии". Сочинение П.Л.Лаврова. I. Личность. Спб. 1860) 287

Архив историко-критических сведений, относящихся до России, издаваемый Николаем Калачовым. Книги второй половина первая. Москва. 1855 239

Биографический словарь профессоров и преподавателей императорского Московского университета за истекающее столетие, по день столетнего юбилея, января 12-го 1855 года, составленный трудами профессоров и преподавателей. Москва, 1855. Два тома.

История императорского Московского университета, написанная к столетнему его юбилею ординарным профессором С.Шевыревым. 1755-1855. Москва, 1855 238

Борьба партий во Франции при Людовике XVIII и Карле X 274

Граф Кавур 296

Губернские очерки. Из записок отставного надворного советника Щедрина. Собрал и издал М.Е.Салтыков-Щедрин. Два тома. Москва. 1857 265

Детство и отрочество. Сочинение графа Л.Н.Толстого. Спб. 1856. Военные рассказы. Графа Л.Н.Толстого. Спб. 1856 261

Дневник моих отношений с тою, которая теперь составляет мое счастье. 317

Заметки о журналах. Апрель 1856 года 259

Заметки о журналах (из № 5 "Современника"). Апрель 1857 264

Записки Льва Николаевича Энгельгардта. Москва. 1860 г. 293

Исследования о внутренних отношениях народной жизни и в особенности сельских учреждений России. Барона Августа Гакстгаузена. 266

История цивилизации в Европе от падения Римской империи до французской революции. Соч. Гизо. Редакция перевода К.К.Арсеньева. Издание Николая Тиблена. С.-Петербург. 1860 292

Июльская монархия 286

Кавеньяк 272

Капитал и труд ("Начала политической экономии", сочинение Ивана Горлова. Том первый, С.-Петербург, 1859 284

Лессинг, его время, его жизнь и деятельность 267

Народная бестолковость ("День", №№ I и 2) 300

О земле, как элементе богатства. А.Львова. Москва. 1853 236

О поэзии. Сочинение Аристотеля. Перевел, изложил и объяснил Б.Ордынский. Москва. 1854 233

О причинах падения Рима. (Подражание Монтескье).
(История цивилизации во Франции от падения Западной Римской империи. Сочинение Гизо, члена Французской академии. Часть первая. Переведено под редакцией М.Стасюлевича. С.-Петербург. 1861 г.) 287

Об искренности в критике 237

Ответ на замечания г-на Провинциала 274

Очерки гоголевского периода русской литературы 240

Очерки из политической экономии (по Миллю) 295

Письма из Испании. В.П.Боткина. Спб., 1857 263

Полемические красоты. Коллекция вторая: красоты, собранные из "Отечественных записок". 299

Политика. Январь 1859 года 283

Политика. Февраль 1859 года 278

Политика. Октябрь 1860 293

Политика. Январь 1862 302

Политика. Февраль 1862 302

Политика. Апрель 1862 304

Постепенное развитие древних философских учений в связи с развитием языческих верований. Соч. Ор. Новицкого. Часть I. Религия и философия древнего Востока. В университетской типографии 1860 г. 289

Прадедовские нравы. (Записки Гавриила Романовича Державина. 1743-1812. Издание "Русской беседы". Москва. 1860) 291

Предисловие к русскому переводу "Всеобщей истории" Г.Вебера, т. VII и Очерки научных понятий по некоторым вопросам всеобщей истории /§ I-3/ 318

Предисловие к русскому переводу "Всеобщей истории" Г.Вебера, т. X и Очерк научных понятий по некоторым вопросам всеобщей истории. 4. Общий характер элементов, производящих прогресс 319

Пролог: Роман из начала пестидесятых годов 311
Происхождение теории благотворности борьбы за жизнь 318
Русский реформатор. (Жизнь графа Сперанского. Соч. барона М.Корфа. 2 т/ома/. С.-Петербург. 1861 г.) 300
Сочинения Т.Н.Грановского. Том первый. Москва. 1856 260
Сочинения Цуникова с приложением материалов для его биографии, портрета, снимков с его почерка и его рисунков и проч. Издание П.В.Анненкова. Спб. 1855 238
Стихотворения Н.Огарева. Москва. 1856 261
Что делать? Из рассказов о новых людях: /Роман/ 304

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН*

Аксаков, Иван Сергеевич (1823-1886) 68, 73, 84, 89, 326, 327, 342
Аксаков, Константин Сергеевич (1817-1860) 327, 342
Аладьин, Егор Васильевич (1795-1860) 36
Александр I (1777-1825) 49, 96, 193, 194
Александр II (1818-1881) 359-361, 363, 396, 397, 402
Александр Македонский (356-323 до н.э.) 58
Алексей Михайлович (1629-1676), царь 36
Алексей Петрович (1690-1718), царевич 41
Андреев см. Чернышевский Н.Г.
Анненков, Павел Васильевич (1813-1887) 162, 230, 231, 237, 334, 337, 343, 414
Антонелли (Antonelli), Джакомо (1806-1876) 299, 357
Антоний Бездинский см. Сидоров А.П.
Аполлон (миф.) 225
Аристотель (Aristotéles) (384-322 до н.э.) 90, 99, 113, 116, 233, 234, 235, 366
Арсеньев, Константин Константинович (1837-1919) 284
Аруэ Ф.-М. см. Вольтер
Аневский С. (псевд.; наст. имя и фам. Михаил Николаевич Столыпин) 329, 330, 337, 422

---

* В настоящем Указателе ссылки даны на номера страниц издания. Номера тех страниц, на которых имена В.Г.Белинского, А.И.Герцена, Н.А.Добролюбова, Д.И.Писарева и Н.Г.Чернышевского входят в состав заглавий публикуемых фрагментов их произведений, в Указателе не приводятся.

Базар (Bazard), Сент-Аман (1791-1832) 393
Байрон (Byron), Джордж Ноэл Гордон (1788-1829) 26, 252
Бакалов Георги Иванов (1873-1939) 417
Бакунин, Михаил Александрович (псевд. Jules Elysard) 62, 67, 176, 185, 288, 335, 346-347, 421
Бакунин, Николай Александрович (1818-1900) 62
Балланш (Bellanche), Пьер Симон (1776-1847) 79
Барятынский, Евгений Абрамович (1800-1844) 8, 40, 326, 327
Барро (Barrot), Одилон (1791-1873) 344
Барсуков, Николай Платонович (1838-1906) 333
Батюшков, Константин Николаевич (1787-1855) 24, 26, 29
Бауэр (Bauer), Бруно (1809-1882) 372
Белинский, Виссарион Григорьевич (1811-1848) IУ, УI, УII, УIII, 6, 9, 13, 14, 28, 29, 36, 48, 53, 66, 71, 82, 86, 89, 100, 109, 136, 145, 147, 148, 162, 163, 169, 201, 220, 223-225, 228, 231, 232, 243, 244, 247, 249, 250, 252-258, 288, 323-339, 343, 355, 369, 370, 404-412, 414, 417-419, 421, 422
Белинский, Никанор Григорьевич ("Калибан") (1821-1844) 61, 409
Белль (Bell), Джон (1763-1820) 227, 419
Белозерский Н. (псевд. Порошина И.А.) 422
Бельский, Богдан Яковлевич (? - 1611) 51
Бельчиков, Николай Федорович (1890-1979) УI
Беме (Böhme), Якоб (1575-1624) 120, 129, 413
Бенкендорф, Александр Христофорович (1783-1844) 164, 356
Бентам (Benthem), Иеремия (1748-1832) 96
Бергман (Bergmann), Вениамин (1772-1856) 36
Бернштейн (Bernstein), Эдуард (1850-1932) 325, 350, 421, 423
Бестужев, Александр Александрович (псевд. А.Марлинский) (1797-1837) 7, 56, 254
Бестужев-Рюмин, Михаил Павлович (1803-1826) 358
Блан (Blanc), Луи (1811-1882) 69, 343, 344, 375, 378, 425, 426
Богданов (наст. фам. Малиновский), Александр Александрович (1873-1928) 242
Богданович, Ипполит Федорович (1743-1803) 56

Богучарский (наст. фам. Яковлев), Василий Яковлевич (1861-1915) 345-347, 349, 422, 423
Боде (Бот), Ван Как (Boudet) 74
Бокль (Buckle), Генри Томас (1821-1862) 214, 366, 373, 380, 425
Бомарше (Beaumarchais), Пьер Огюстен Карон де (1732-1799) 56
Бонаротти см. Буонарроти Ф.-М.
Борис Годунов (1552-1605), царь 50, 51, 77
Бот см. Боде Ж.-Ж.
Боткин, Василий Петрович (1811-1869) 162, 263, 264, 330, 381, 414, 426
Брайт (Bright), Джон (1811-1889) 278, 383
Бруно (Bruno), Джордано ("Джиордано") Филиппо (1548-1600) 120, 122, 232
Брай Дж. см. Брайт Дж.
Брюллов Карл Павлович (1799-1852) 331
Булгарин, Фаддей Венедиктович (1789-1859) 229, 230
Буало (Boileau), Никола (1636-1711) 235, 420
Буанаротти (Buonarroti), Филиппо Микеле (1761-1837) 74
Бурбоны (Bourbons), дом 375
Бурсов Борис Иванович (р. 1905) УП
Бутневич (урожд. Некрасова), Анна Алексеевна (1823-1882) 419
Бухгольц, Вильгельм Адольфович (1866-после 1930) 423
Бакон (Bacon), Франсис, бар. Веруламский (1561-1626) 85, 124, 125, 131

Ванини (Vanini), Джулио Чезаре (Лючилио) (1585-1619) 122
Варя см. Позднякова В.В.
Василий Великий (323-378) 197
Васильева О.С. см. Чернышевская О.С.
Вебер (Weber), Георг (1808-1888) 318, 319, 373, 425
Велланский, Даниил Михайлович (1774-1847) 14
Веневитинов, Дмитрий Владимирович (1805-1827) 201, 342
Венелин (наст. фам. Хупа), Юрий Иванович (1802-1839) 13
Вернадский, Иван Васильевич (1821-1884) 276
Ветринский Ч. (псевд.) см. Чешихин Вас. Е.
Виктория (Victoria) (1819-1901), кор. Великобритании 278, 279

Вильсон (Уилсон, Уильсон) (Wilson), Джон /псевд.: Кристофер Норт (North)/ (1785-1854) 235
Виньи (Vigni), Альфред Виктор де (1797-1863) 227, 419
Витберг, Александр Лаврентьевич (1787-1855) 160
Воейков, Александр Федорович (1778-1839) 323
Волгин, Вячеслав Петрович (1879-1962) 7
Волынский, Аким Львович (наст. фамилия Флексер) (1863-1926) 417
Вольтер (Voltaire), (наст. имя и фам. Франсуа Мари Аруэ) (1694-1778) 25, 134, 185, 197, 232
Вольф (Wolff), Христиан (1679-1754) 69
Вордсворт (Вордсворд, Уордсуорт) (Wordsworth), Уильям (1770-1850) 235
Вронский Ю. см. Вроньский-Хене Ю.-М.
Вроньский-Хене (Wronski-Hoene), Юзеф Мария (1778-1853) 62
Вулкан (мифол.) 190
Вырубов, Григорий Николаевич (1843-1913) 63, 102, 134, 143, 164, 161, 173, 186, 192
Вяземский, Петр Андреевич (1792-1878) 328, 329, 422
Волк Степан Степанович (р. 1921) 424

Гакстгаузен (Haxthausen), Август (1792-1866) 259, 266, 342, 410
Галахов, Иван Павлович (1809-1849) 165, 166
Гарибальди (Garibaldi), Джузеппе (1807-1882) 191, 193, 282
Гассенди (Gassendi), Пьер (1592-1655) 105, 412
Ге, Николай Николаевич (1831-1894) 338
Гегель (Hegel), Георг Вильгельм Фридрих (1770-1831) 14, 41, 50, 67, 73-75, 81, 84, 87-91, 98-101, 106, 109, 112, 113, 116, 120, 123, 131, 132, 146, 158, 162, 163, 235, 245-249, 252, 254, 286, 331, 357, 373, 407, 412, 421
Гельвеций (Helvétius), Клод Адриан (1715-1771) 210
Генле (Henle), Фридрих Густав Якоб (1809-1885) 130
Гердер (Herder), Иоганн Готфрид (1744-1803) 93, 108
Герцен, Александр Иванович (1812-1870) II-VII, 64, 65, 67, 74-77, 81, 82, 100, 106, 111, 116, 118, 119, 122, 124, 125, 127, 129, 134, 135, 142, 146, 147, 149, 150, 168, 169, 171, 172, 178, 179,

181, 182, 188, 248, 327, 330, 338, 340-364, 372, 400, 409, 410-415, 421-424, 426
Герцен (урожд. Захарьина), Наталья Александровна (1817-1852) 356, 364
Герцен, Николай Александрович (1843-1851) 75
Герцензон, Михаил Осипович (1869-1925) 29, 405, 407, 423, 424
Гете (Goethe), Иоганн Вольфганг (1749-1832) 16, 17, 27, 35, 38, 42, 93, 95, 108, 157, 165, 255, 405
Гизо (Guizot), Франсуа Пьер Гийом (1787-1874) 136, 141, 219, 286, 287, 292, 297, 344, 383, 426
Глазунов, Илья Иванович (1786-1849) 22
Глебов, Иван Тимофеевич (1806-1884) 91
Глинка, Михаил Иванович (1804-1857) 331
Глинка, Федор Николаевич (1786-1880) 41, 407
Гоббс (Hobbes), Томас (1588-1679) 131
Гоголь, Николай Васильевич (1809-1852) 5, 8, 27, 43, 61, 79, 231, 240, 241, 256, 333, 334, 338, 369, 405, 419, 422
Годвин (Godwin), Уильям (1756-1836) 383
Годунов, Борис Федорович см. Борис Годунов
Голиков, Иван Иванович (1735-1801) 36
Голицын, Николай Борисович (1794-1866) 230
Головачев, Григорий Филиппович (1818-1880) 359
Гольбах (Holbach), Поль Анри (1723-1789) 131, 132
Гольденах Л.Б. см. Рязанов Д.
Гончаров, Иван Александрович (1812-1891) 332
Горлов, Иван Яковлевич (1814-1890) 284, 372
Готье (Gautier), Теофиль (1811-1872) 229, 230, 419
Грановский, Тимофей Николаевич (1813-1855) 75, 82, 95, 165, 168, 167, 260, 335, 336, 343
Греч, Николай Иванович (1787-1867) 13, 324
Грибоедов, Александр Сергеевич (1795-1829) 4, 5, 18, 29, 43, 56, 241, 405
Григорий Назианзин, или Богослов (ок. 328-ок. 389) 197
Григорьев, Аполлон Александрович (1822-1864) 330, 331
Григорьев, Василий Васильевич (1816-1888)

Гримм (Grimm), Фредерик Мельхлор (1723-1807) 132
Гримм (Grimm), Якоб (1785-1863) 239
Грот, Яков Карлович (1812-1893) 326
Гурвич Ф.И. см. Дан Ф.И.
Гус (Hus), Ян (1371-1415) 232
Гуттен (Gutten), Ульрих фон (1488-1523) 185

Дан (наст. фам. Гурвич), Федор Ильич (1871-1947) 87, 411
Декарт (Descartes), Рене (159?-1650) 109, 122, 123, 232
Делиль (Delille), Жак (1738-1813) 235
Демулен (Desmoulins), Камилль (1760-1794) 94
Державин, Гавриил Романович (1743-1816) 20, 26, 29, 56, 58, 257, 291, 292, 325, 326
Джонс (Jones), Эрнест Чарль (1819-1869) 279
Дидро (Diderot), Дени (1713-1784) 129, 132
Дитген (Dietzgen), Иосиф (1828-1888) 129
Дмитриев, Михаил Александрович (1796-1866) 334
Добролюбов, Николай Александрович (1836-1861) 1У, У1, УП, 203, 205, 207, 208, 212, 329, 395, 416, 417
Долгоруков, Петр Владимирович (1816-1868) 361
Достоевский, Федор Михайлович (1821-1881) 325
Дроздов, Алексей Васильевич (?) 8
Дубельт, Леонтий Васильевич (1792-1862) 164
Дудышкин, Степан Семенович (1820-1866) 299, 300, 330, 422
Дюлеван (Dudevan), урожд. Дюпен (Dupin), Аврора см. Жорж Санд
Дюма (Dumas jun), Александр (Дюма-сын) (1824-1895) 196
Дюма (Dumas), Жан Батист Андре (1800-1884) 95

Екатерина П (1729-1796) имп. 11, 59
Елизавета Петровна (1709-1761), имп. 10

Жорж Санд (George Sand) (наст. имя и фам. Аврора Дюдеван, урожд. Дюпен) (1804-1876) 16, 137, 149, 228, 325, 408
Жуковский, Василий Андреевич (1783-1852) 15, 20, 21, 24, 26, 29, 326, 407

Загоскин, Михаил Николаевич (1789-1852) 27, 40, 240, 405
Занд, Жорж см. Жорж Санд
Засулич, Вера Ивановна (1849-1919) 418
Захарьина Н.А. см. Герцен Н.А.
Зевс (мифол.) 58

Иван Ш Васильевич (1440-1505), вел. кн. Московский 256
Иван 1У Васильевич Грозный (1530-1584), царь 34, 78, 171
Иванов, Александр Андреевич (1806-1858) 196
Иванов, Дмитрий Петрович (1812-1880) 60, 61
Иванов-Разумник (наст. фам. Иванов), Разумник Васильевич (1878-1946) 55, 57, 80, 180, 183, 185, 242, 360, 377, 411, 415
Ивчук, Михаил Трифонович (р. 1908) У
Иордан (Jordan), Вильгельм (1819-1904) 84
Ироканский см. Стасюлевич М.М.

Кавелин, Константин Дмитриевич (1818-1885) 264, 420
Кавеньяк (Cavaignac), Луи Эжен (1802-1857) 272, 378
Кавур (Cavour), Камилло Бензо (1810-1861) 282, 293, 298, 299
Калайдович, Николай Константинович (1820-1854) 326
Калачов, Николай Васильевич (1819-1885) 239
Калибан см. Белинский Н.Г.
Калита, Иван см. Иван I Данилович Калита
Кальдерон де ла Барка (Calderon de la Barca), Педро (1600-1681) 229
Кант (Kant), Иммануил (1724-1804) 107, 108, 113, 234, 247, 252
Кантемир, Антиох Дмитриевич (1709-1744) 59, 241, 257
Каразин, Василий Назарович (1773-1842) 193, 194
Карамзин, Николай Михайлович (1766-1826) 24, 26, 29, 256, 326
Карбасников, Николай Павлович (1852-1921) 418
Карель А. см. Карель А.

Карл X (Charles X) (1757-1836), кор. Франции 274, 378
Карл Альберт (Carlo Alberto) (1798-1849), кор. Сардинии 140
Каронин С. см. Петропавловский Н.Е.
Карпов, Василий Николаевич (1798-1867) 22
Карраль (Carrel), Арман (1800-1836) 74
Каховский, Петр Григорьевич (1797-1826) 358
Кетчер, Николай Христофорович (1809-1886) 362
Кинглэк (Kinglake), Александр Уильям (1809-1891) 419
Киреевский, Иван Васильевич (1806-1856) 29, 30, 66, 68, 73, 75, 89, 94, 170, 174, 216, 217, 326, 365, 405-407
Киреевский, Петр Васильевич (1808-1856) 94, 171
Кирпотин, Валерий Яковлевич (р. 1898) VI
Киселев, Павел Дмитриевич (1788-1872) 92, 160, 411
Княжнин, Яков Борисович (1742-1791) 56, 325
Козлов, Иван Иванович (1779-1840) 230
Козловский, Павел Дмитриевич (1802 - ?) 335
Кок (Kock), Поль Шарль де (1793-1871) 158
Коле, Луиза 409
Кольцов, Алексей Васильевич (1809-1842) 408
Комаровский, гр. 217
Кондильяк (Condillac), Этьенн Бонно (1715-1780) 129
Кони, Федор Алексеевич (1809-1879) 332
Консидерен (Considérant), Виктор (1803-1893) 83, 121, 393
Конт (Conte), Огюст (1798-1857) 231, 391, 397
Коперник (Kopernik), Николай (1473-1543) 232
Корнель (Corneille), Пьер (1606-1684) 52
Корнилов, Александр Александрович (1862-1925) 358, 359
Короленко, Владимир Галактионович (1853-1921) 402
Корф, Модест Андреевич (1800-1876) 300
Корш, Евгений Федорович (1810-1897) 362
Котошихин (Кошихин), Григорий Карпович (ок. 1630 - 1667) 36
Кох, Александра Дмитриевна 418
Кошелев, Александр Иванович (1806-1883) 327, 359
Кошихин Г.К. см. Котошихин Г.К.
Краевский, Андрей Александрович (1810-1899) 323

Крылов, Иван Андреевич (1769-1844) 29, 241, 257
Куклин, Георгий Александрович (1877-1907) 419
Курбатова Ирина Николаевна (р. 1929) У
Кучина Т.П. см. Пассек Т.П.

Лавров, Петр Лаврович (1823-1900) 67, 101, 216, 217, 287, 300, 411, 412, 418
Лавуазье (Lavoisier), Антуан Лоран (1743-1794) 95
Лажечников, Иван Иванович (1792-1869) 332
Лаланд (Lelande), Жозеф Жером (1732-1807) 157
Ламанский, Владимир Иванович (1833-1914) 300, 301
Лассаль (Lassalle), Фердинанд (1825-1864) 304
Лейбниц (Leibnitz), Готфрид Вильгельм (1646-1715) 85-87, 93
Ленин, Владимир Ильич (1870-1924) II, 399, 405, 424, 426
Лермонтов, Михаил Юрьевич (1814-1841) 19, 22, 29, 34, 35, 44, 46, 171, 328, 406
Лессинг (Lessing), Готхольд Эфраим (1729-1781) 93, 235, 267-271, 366, 419, 421
Лжедмитрий I (? - 1606) 51
Лизинь см. Лисинь
Линтон (Linton), Уильям (Вильям) (1812-1897) 162
Лисипп (Lysippos) (IV в. до н.э.) 235
Локк (Locke), Джон (1632-1704) 128-130
Ломоносов, Михаил Васильевич (1711-1765) 4, 24, 25, 26, 29, 388
Луи-Блан см. Блан, Луи
Луи-Наполеон Бонапарт (Louis Napoléon Bonaparte) (1808-1873) 273, 378, 419

Луи-Филипп (Louis-Philippe), (1773–1850), кор. Франции 71
Луначарский, Анатолий Васильевич (1875–1933) 152, 180, 368, 414
Львов, Александр Евтеич (Евтеевич) (?) 236
Любощинский, Марк Николаевич (? – 1889) 402
Людвиг-Филипп см. Луи Филипп
Людвиг XIV см. Людовик XIV
Людовик IX Святой (Louis IX Saint) (1214–1270), кор. Франции 280
Людовик XIV (Louis XIV) (1638–1715), кор. Франции 176, 218
Людовик XVI (Louis XVI) (1754–1793), кор. Франции 155
Людовик XVII (Louis XVIII) (1755–1824), кор. Франции 274, 378
Лядский, Евгений Александрович (1868–1942) 60, 61, 409, 420

Мадзини (Mazzini), Джузеппе (1805–1872) 75, 180, 182, 193, 293
Майков, Аполлон Николаевич (1821–1897) 326, 330
Майков, Валериан Николаевич (1823–1847) 44, 205, 408
Маколей (Macaulay), Томас Бабингтон (1800–1859) 218, 219
Малиновский А.А. см. Богданов А.А.
Мальтус (Malthus), Томас Роберт (1766–1834) 390
Малых, Мария Александровна (1879–1968) 417
Мамонтов, Анатолий Иванович (1840–1905) 3, 10, 20, 404, 405
Марвели Д.А. см. Черкезов В.Н.
Маркс (Marx), Карл (1818–1883) 11, 145, 147, 196, 212, 345, 346, 369, 370, 372, 373, 378, 379, 383, 386, 390, 393, 394, 413, 417, 425
Мартинский Александр (псевд.) см. Бестужев А.А.
Мартов (псевд., наст. фам. Цедербаум), Юлий Осипович (1873–1923) 159, 414
Маццини Дж. см. Мадзини Дж.
Менцель (Menzel), Вольфганг (1736–1873) 16, 42
Мережковский, Дмитрий Сергеевич (1862–1941) 30, 31
Мерзляков, Алексей Федорович (1778–1830) 158
Миллер, Федор Иванович (?) 159

Милль (Mill), Джон Стюарт (1806–1873) 188, 295, 383–385, 388, 419
Мильтон (Milton), Джон (1608–1674) 271
Милюков, Павел Николаевич (1859–1943) 181, 297, 415
Минье (Mignet), Франсуа Огюст Мари (1796–1884) 426
Миртов П. см. Мавров П.Д.
Михайлов, Михаил Ларионович (1829–1865) 349
Михайловский, Николай Константинович (1842–1904) 39, 41, 43, 44, 47, 53, 212, 372, 379, 405, 408, 417
Мишель см. Бакунин М.А.
Мишле (Michelet), Жюль (1798–1874) 194, 219, 416
Молох (мифол.) 75
Монталамбер (Montalembert), Марко Рене (1714–1800) 219
Монтескье (Montesquieu), Шарль Луи (1689–1755) 297, 416
Моцарт (Mozart), Вольфганг Амадей (1756–1791) 30
Муравьев-Апостол, Сергей Иванович (1796–1826) 358
Маколей см. Маколей Т.-Б.

Навроцкий, Сергей Никанорович (1808–1865) 324
Надеждин, Николай Иванович (1804–1856) 10, 243, 244
Надоумко (Недоумко), Никодим Аристархович (псевд.) см. Надеждин Н.И.
Наполеон I, Наполеон Бонапарт (Napoléon Bonaparte) (1769–1821) 157, 158, 272, 375
Наумов, Алексей Авакумович (1840–1895) 44, 47, 53
Нахимсон Б.М. см. Стеклов Ю.М.
Неклюдов В.А. 211
Некрасов, Николай Алексеевич (1821–1877) 292, 226, 338, 419
Некрасова А.А. см. Буткевич А.А.
Нептун (мифол.) 190
Никитенко, Александр Васильевич (1804–1877) 56, 402

Николай I (1796-1855) 166-168, 201, 337, 356, 361
Николев, Николай Петрович (1758-1815) 56
Никоненко, Виталий Сергеевич (р. 1942) 424
Новиков, Николай Иванович (1744-1818) 58, 134, 239, 293
Новицкий, Орест Маркович (1806-1884) 289
Норт (North), Кристофер (псевд.) см. Вильсон Дж.

Обручев, Владимир Александрович (1836-1912) 349
Огарев, Николай Платонович (1813-1877) 96, 163, 261, 355, 356, 359, 420
Огарев, Николай Платонович (1813-1877) 96, 163, 261, 355, 356, 359, 420
Огарева (урожд. Тучкова), Наталья Алексеевна (1829-1914) 364
Одоевский, Владимир Федорович (1803-1869) 331, 332
Олег, кн. (? - 912 или 922) 134
Ольбах см. Гольбах П.-А.
Ордынский, Борис Иванович (1823-1861) 233
Оствальд (Ostwald), Вильгельм Фридрих (1853-1932) 103
Островский, Александр Николаевич (1823-1886) 17, 203, 204, 209, 210, 237, 416, 417
Оуэн (Owen), Роберт (1771-1858) 189, 190, 211, 212, 309, 370, 371, 378, 383, 417, 425, 426

Павел, ап. 162
Павленков, Флорентий Федорович (1839-1900) 39, 44, 47, 53, 214, 216, 220, 223, 404, 405, 407
Павлов, Николай Филиппович (1805-1864) 204, 362
Панаев, Иван Иванович (1812-1862) 335
Пантелеев, Лонгин Федорович (1840-1919) 203
Пассек (урожд. Кучина), Татьяна Петровна (1810-1869) 355
Перевощиков, Дмитрий Матвеевич (1788-1860) 158
Пестель, Павел Иванович (1793-1826) 194, 201, 358, 363

Петр I (1672-1725) 4, 36, 37, 39, 41, 51, 60, 65, 78, 80, 134, 168, 260, 406, 423
Петров А. см. Сидоров А.П.
Петров, Василий Петрович (1736-1799) 56
Петропавловский, Николай Климентьевич (псевд. С.Каронин) (1853-1892) VII
Печерин, Владимир Сергеевич (1807-1885) 171
Пикар (Picard), Эрнест (1821-1877) 303
Писарев, Дмитрий Иванович (1840-1868) IV, VI, VII, VIII, 27, 37, 50, 51, 75, 170, 223, 229, 238, 406, 408, 417, 418
Писемский, Алексей Феофилактович (1821-1881) 209
Пифагор (Pythagoras), (ок. 570- ок. 500 до н.э.) 113
Платон (Platon) (428 или 427 - 348 или 347 до н.э.) 113-115, 234, 235
Плетнев, Петр Александрович (1792-1865) 328
Плеханова В.В. см. Позднякова В.В.
Плеханова Клавдия Валентиновна (1866-1946) 418
Плеханова Розалия Марковна (1856-1949) 418
Плутарх (Plutarchos) (ок. 46 - ок. 127) 156
Погодин, Михаил Петрович (1800-1875) 171, 174, 326, 326, 378, 381, 404, 421, 426
Позднеков, Николай Николаевич 418
Позднякова (урожд. Плеханова), Варвара Валентиновна (1864 - после 1936) 222, 418
Полевой, Ксенофонт Алексеевич (1801-1867) 324, 325
Полевой, Николай Алексеевич (1796-1846) 9, 20, 254, 329, 334, 406
Полежаев, Александр Иванович (1805-1838) 201
Поль де Кок см. Кок, П.-Ш. де
Порошин, Иван Александрович (псевд. Н.Балозерский) (1864-1931)
Потресов, Александр Николаевич (1869-1934) 69, 304
Поэрио (Poerio), Карло (1803-1867) 280
Прометей (мифол.) 26
Протопопов, Иван Евдокимович (?) 155, 356
Протопопов, Михаил Алексеевич (1848-1915) 42, 406
Прудон (Proudhon), Пьер Жозеф (1809-1865) 92, 95, 96, 139, 141, 147, 150, 163, 186, 187, 212, 343, 344, 405, 413, 416, 417, 421

Пугачев, Емельян Иванович (1740 или 1742 - 1775) 194, 363
Пушкин, Александр Сергеевич (1799-1837) 21, 26, 27, 29, 30, 33, 37, 46-49, 51, 58, 76, 156, 201, 220, 223, 225-231, 237, 239, 254, 257, 258, 328, 330, 331, 355, 406, 407, 408, 419
Пущин, Иван Иванович (1798-1859) 201
Пыпин, Александр Николаевич (1833-1904) 327

Радищев, Александр Николаевич (1749-1802) 293, 367
Разин, Степан Тимофеевич (ок. 1630 - 1671) 194, 315, 363
Расин (Racine), Жан (1639-1699) 52
Репнин, Николай Васильевич (1734-1801) 292
Рикардо (Ricardo), Давид (1772-1823) 236
Робеспьер (Robespierre), Максимилиан (1758-1794) 66, 86, 335, 336
Розенгейм, Михаил Павлович (1820-1887) 213, 417
Ропшин В. (псевд.) см. Савинков Б.В.
Ростовцев, Яков Иванович (1803-1860) 360
Руссо (Rousseau), Жан Жак (1712-1778) 25, 185
Ротшильды (Rothschild), бр. 145
Рылеев, Кондратий Федорович (1795-1826) 155, 355, 358
Рязанов Д. (наст. фам. и имя Давид Борисович Гольденбах) (1870-1938) 362, 426

Савинков, Борис Викторович (псевд. В.Ропшин) (1879-1925) 180, 292, 415, 421
Салтыков-Щедрин (наст. фам. Салтыков, псевд. Н.Щедрин), Михаил Евграфович (1826-1889) 265
Сальери (Salieri), Антонио (1750-1825) 30
Самарин, Юрий Федорович (1819-1876) 73, 83, 95, 265, 325, 327, 341, 369, 377, 378, 421, 486
Санд, Жорж см. Жорж Санд
Сенковский, Осип (Юлиан) Иванович (1800-1858) 14, 27, 406
Сен-Симон (Saint-Simon), Клод Анри де Рувруа де (1760-1825) 139, 393

Серно-Соловьевич, Александр Александрович (1838-1869) 362
Сидоров, Антон Петрович (Антоний Бездненский; А.Петров) (?) 194, 363
Симон (Simon), Елена (?) 374, 425
Скобелев, Иван Никитич (1778-1849) 323, 324
Скриб (Scribe), Огюстен Эжен (1791-1861) 137
Смирдин, Александр Филиппович (1791-1857) 5
Смит (Smith), Адам (1723-1790) 385
Сойкин, Петр Петрович (1862-1938) 218
Сократ (Sokrates) (470-399 до н.э.) 90, 114
Сорокин, Владимир Яковлевич (р. 19) 91
Софья Алексеевна (1657-1704), царевна 41
Сперанский, Михаил Михайлович (1772-1839) 300
Спинова (Spinoza), Барух (Бенедикт) (1632-1677) 72, 86, 109, 126
Срезневский, Измаил Иванович (1812-1880) 329
Сталь (Staël), Анна Луиза Жермена де (1766-1817) 374, 425
Станевич, Евстафий Иванович (1775-1835) 56
Станкевич, Николай Владимирович (1813-1840) 164, 324, 355
Стасов, Владимир Васильевич (1824-1906) 338
Стасюлевич ("Ирониапский"), Михаил Матвеевич (1826-1911) 55, 57, 61, 218, 219, 297, 323
Стеклов (наст. фам. Нахамкис), Юрий Михайлович (1873-1941) 371, 372, 378, 384, 388, 391, 392, 394, 424, 425, 426
Столяров М.П. см. Ашевский С.
Страхов, Николай Николаевич (1828-1896) 338
Строганов, Сергей Григорьевич (1794-1882) 75, 76, 172, 411
Струве, Георг 180
Струве, Петр Бернгардович (1870-1944) 87, 148, 413, 414
Струговников, Александр Николаевич (1808-1878) 38
Суворов, Александр Аркадьевич (1804-1882) 402
Сумароков, Александр Петрович (1718-1777) 56, 58, 59, 241, 325
Сушков, Михаил Васильевич (1775-1792) 56
Сэ Ж.-Б. см. Сэй Ж.-Б.
Сэй (Say), Жан Батист (1767-1832) 236

Теккерей (Thackeray), Уильям Мейкпис (1811-1863) 219
Тиблен, Николай Львович (1825- после 1869) 292
Товиянский А. см. Товяньский А.
Товяньский (Towiański), Андрей (1899-1878) 82
Толочанов, Константин Дмитриевич (? - 1821) 154, 364
Толстой, Лев Николаевич (1828-1910) 20, 21, 117, 213, 221, 261, 262, 338, 357, 406, 410, 417, 418
Томпсон (Tompson) Уильям (1785 - 1833) 383, 389, 426
Тургенев, Иван Сергеевич (1818-1883) 326, 327, 330, 337
Тучкова Н.А. см. Огарева Н.А.
"Тушинский вор" см. Лжедмитрий II
Тьер (Thiers), Адольф (1797-1877) 286
Тьерри (Thierry), Жак Никола Огюстен (1795-1856) 175, 415, 426
Тэн (Taine), Ипполит Адольф (1828-1893) 219
Тюрго (Turgot), Анн Робер Жак (1727-1781) 371

Уильсон, Дж. см. Вильсон, Дж.
Унковский, Алексей Михайлович (1828-1893) 359
Уордсворд У. см. Вордсворт У.
Успенский, Глеб Иванович (1840-1902) 159, 398, 414

Фавр (Favre), Габриэль Клод Жюль (1809-1880) 303
Фази (Fazy), Жан Жак (Джеймс) (1794-1878) 152
Федоров, Павел Степанович (1803-1879) 331
Фейербах (Feuerbach), Людвиг Андреас (1804-1872) 1У, 81, 84, 88, 91, 103, 104, 108, 109, 128, 130, 131, 132, 163, 247, 357, 370-372, 374, 391, 411
Фердинанд II (Ferdinando II) (1810- 1859), кор. Обеих Сицилий 279
Филимонов, жандарм 159
Фирко Ф.И. см. Педо-Ферроти
Фихте (Fichte), Иоганн Готлиб (1762-1814) 108, 252
Фишер (Fischer) Куно (1824-1900) 412

Фленье (Fléchier), Валентен-Эспри (1632-1710) 218, 219
Флобер (Flaubert), Гюстав (1821-1880) 45, 408
Фогт (Vogt), Карл (1817-1895) 186, 214
Фонвизин (Фон-Визин), Денис Иванович (1744-1792) 29, 40, 55, 56, 57, 241, 257, 405
Фонтенель (Fontenelle), Бернар Ле Бовье де (1657-1757) 232
Форстер (Forster), Георг (1754-1794) 76
Фохт К. см. Фогт К.
Фриз (Fries), Якоб Фридрих (1773-1843) 89
Фурье (Fourier), Шарль (1772-1837) 80, 139, 210, 393

Хемницер, Иван Иванович (1745-1784) 257
Херасков, Михаил Матвеевич (1733-1807) 56, 325
"Химик" см. Яковлев А.А.
Хованская (урожд. Яковлева), Мария Алексеевна (1755-1847) 356
Хомяков, Алексей Степанович (1804-1860) 66, 67, 89, 94, 149, 170, 217, 325, 326
Христос см. Иисус Христос
Хуца Ю. см. Венелин Ю.И.

Цезарь (Гай Юлий Цезарь, Caius Julius Caesar) (ок. 100 - 44 до н.э.) 58, 272

Чаадаев, Петр Яковлевич (1794-1856) 85, 168, 328, 352, 407, 422, 426,
Чагин, Борис Александрович (р. 1899) У
Черкасский, Владимир Александрович (1824-1878) 359
Черкезов (Марвели), Варлаам Николаевич (Джан Асланович) (1846-1925) 374, 377, 393, 425, 426
Чернов, Виктор Михайлович (1876-1952) 377
Чернышевская (урожд. Васильева), Ольга Сократовна (1833-1918) 317
Чернышевский, Михаил Николаевич (1858-1924) 233, 240, 263, 272, 278, 284, 295, 297, 302, 311, 317, 420

Чернышевский, Николай Гаврилович (1828–1889) 32, 37, 38, 45, 46, 147, 197, 199, 209, 250–252, 336, 363, 365–403, 408, 409, 416, 417–421, 424–426
Чешихин, Василий Митрофович (псевд.: Ч.Ветринский; В.Е.Чешихин-Ветринский) (1866–1923) 424
Чичерин, Борис Николаевич (1828–1904) 362, 421

Шекспир, Стефан Петрович (1806–1864) 171, 236, 242, 324, 325, 328, 329
Шелгунов, Николай Васильевич (1824–1895) 336
Шеллинг (Schelling), Фридрих Вильгельм (1775–1854) 14, 68, 108, 109, 130, 245, 252, 336, 412
Шиллер (Schiller), Иоганн Кристоф Фридрих (1759–1805) 3, 6, 7, 21, 35, 85, 93, 156, 158, 165, 234, 252, 369, 405
Шлегель (Schlegel), Август Вильгельм (1767–1845) 176
Штиллинг И.-Г. см. Юнг-Штиллинг И.-Г.

Щедрин Н. см. Салтыков-Щедрин М.Е.

Экхартсгаузен (Eccartshausen), Карл, фон (1752–1803) 121
Элпидин, Михаил Константинович (1835–1908) 419
Энгельгардт, Лев Николаевич ( ) 293
Энгельс (Engels), Фридрих (1820–1895) 111, 107, 123, 376, 425
Эпикур (Epikuros), (342 или 341 – 271 или 270 до н.э.) 118

Юневая, Ж' см. Санд Жорж
Юм (Hume), Давид (1711–1776) 124, 131, 132
Юнг-Штиллинг (Jung-Stilling), Иоганн Генрих (1740–1817) 121
Юнона (миф.) 58

Юркевич, Памфил Данилович (1827–1874) 306, 421
Юрьев, Сергей Андреевич (1821–1888) 327

Языков, Николай Михайлович (1803–1846) 325, 326
Яковлев, Алексей Алексеевич ("Химик") (1795–1868) 157
Яковлев В.Я. см. Богучарский В.Я.
Яковлев, Иван Алексеевич (1767–1846) 355
Яковлева М.А. см. Хованская М.А.
Якоттаузен см. Гакоттаузен А.

Elysard, Jules (псевд.) см. Бакунин М.А.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие .....

Фрагменты произведений В.Г.Белинского, А.И.Герцена, Н.А.Добролюбова, Д.И.Писарева, Н.Г.Чернышевского и относящиеся к ним пометы Г.В.Плеханова

1. Белинский В.Г. Сочинения. Ч.I. М., 1861 3
2. То же, ч. II. М., 1859 10
3. То же, ч. III. М., 1864 15
4. То же, ч. IV. М., 1883 20
5. Белинский В.Г. Сочинения в 4 т. Т.I. Спб., 1896 39
6. То же, т. II. Спб., 1896 44
7. То же, т. III. Спб., 1896 47
8. То же, т. IV. Спб., 1896 58
9. Белинский В.Г. Собрание сочинений в 3 т. Т.I. Спб., 1911 55
10. То же, т. II. Спб., 1914 57
11. Белинский В.Г. Письма в 3 т. Т. I. Спб., 1914 60
12. То же, т. II. Спб., 1914 61
13. Герцен А.И. Сочинения. Т. I. Женева, 1875 63
14. То же, т. II. Женева, 1876 102
15. То же, т. IV. Женева, 1878 134
16. То же, т. V. Женева, 1875 143
17. То же, т. VI. Женева, 1878 154
18. То же, т. VII. Женева, 1879 161
19. То же, т. VIII. Женева, 1879 173
20. То же, т. IX. Женева, 1879 186
21. То же, т. X. Женева, 1879 192
22. Добролюбов Н.А. Сочинения. Т. II. Спб., 1885 203
23. То же, т. IV. Спб., 1871 211
24. Писарев Д.И. Сочинения в 6 т. Т. I. Спб., 1894 214
25. То же, т. II. Спб., 1894 216
26. То же, т. III. Спб., 1894 218
27. То же, т. IV. Спб., 1894 220
28. То же, т. V. Спб., 1894 223

29. Чернышевский Н.Г. Полное собрание сочинений в 10 т. Т. I. Спб., 1906 233
30. То же, т. II. Спб., 1906 240
31. То же, т. III. Спб., 1906 263
32. То же, т. IV. Спб., 1906 272
33. То же, т. V. Спб., 1906 278
34. То же, т. VI. Спб., 1906 284
35. То же, т. VII. Спб., 1905 295
36. То же, т. VIII. Спб., 1906 297
37. То же, т. IX. Спб., 1906 302
38. То же, т. X., ч. I, Спб., 1906 311
39. То же, т. X, ч. 2, Спб., 1906 317

Фрагменты работ, посвященных русским революционным демократам, и относящиеся к ним пометы Г.В.Плеханова

40. Аленский С. Белинский в оценке его современников. Спб., 1911 323
41. Белозерский Н. А.И.Герцен, славянофилы и западники. Спб., 1906 340
42. Богучарский В.Я. Александр Иванович Герцен. Спб., 1912 341
43. Гершензон М.О. Социально-политические взгляды А.И.Герцена. М., 1906 351
44. Ветринский Ч. Герцен. Спб., 1908. Прил.: Фомин А.Г. Библиография произведений Герцена и литературы о нем 354
45. Стеклов Ю.М. Н.Г.Чернышевский, его жизнь и деятельность. Спб., 1909 365

Примечания 404

Алфавитный указатель произведений русских революционных демократов, к которым относятся пометы Г.В.Плеханова 427

Указатель имен 433

Бесплатно

П-551
Пометы...
Вып. 2.
3453